

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
ИСТОРИЯ И ПРАВО**

**Том 8
№ 4 (29)**

Курск 2018

2018. Том 8, № 4(29)

Научный рецензируемый журнал

ИЗВЕСТИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия История и право

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44621 от
15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета. Серия
История и право» включен в перечень
ведущих научных журналов ВАК
Минобрнауки России 01.12.2015 г.
по группам научных специальностей:
07.00.00 – исторические науки и археология,
12.00.00 – юридические науки,
23.00.00 – политология

Редакционная коллегия:

С. Г. Емельянов (главный редактор),
д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;
В. Н. Сусликов (заместитель главного
редактора), д-р юрид. наук, профессор,
ЮЗГУ;
А. В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент;
В. П. Беляев, д-р юрид. наук, профессор;
А. Б. Баумштейн, д-р юрид. наук, доцент;
В. В. Богдан, д-р юрид. наук, доцент;
О.В. Брежнев, д-р юрид. наук, доцент;
С. О. Гаврилов, д-р ист. наук; доцент;
А. В. Глухова, д-р полит. наук,
профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Теория и история государства и права	8
<i>Корнакова С. В., Щербакова И. А.</i> Статутная ответственность судей: вопросы совершенствования правового регулирования.....	8
<i>Петрищева Н. С., Зарубина К. А., Емельянов А. С.</i> Организационно-правовые основы реализации первых довоенных пятилеток на примере Курского региона: историко-правовой аспект.....	17
<i>Ларина Е. А., Ларина О. Г.</i> Становление и развитие современных институтов гражданского общества: теоретико-правовое исследование.....	27
<i>Ларина О. Г., Долженкова Е. В., Емельянов А. С., Артамонова В. О., Картамышева Н. В.</i> Анализ правовых основ использования лесного домена крестьянами по реформе 1861 года и в последующий период.....	33
Конституционное право	39
<i>Гуторова А. Н.</i> Некоторые аспекты практического и теоретического развития норм института международно-правовой ответственности государств.....	39
<i>Бразовская Я. Е.</i> Синергия приарктических государств в соблюдении правил судоходства в полярных водах.....	46
<i>Воронцова Е. В., Воронцов А. Л.</i> Конституционно-правовое оформление основ избирательной системы в странах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовое исследование.....	55
Гражданское право и процесс	63
<i>Швырев Г. С.</i> Соотношение абонентских правоотношений со страховыми правоотношениями.....	63
<i>Богдан В. В., Воронцова Е. В.</i> Общественный и личный интерес в праве на охрану здоровья: некоторые вопросы теории.....	70

А. В. Гриненко, д-р юрид. наук,
профессор;

З. Д. Ильина, д-р ист. наук, профессор;

В. В. Коровин, д-р ист. наук, профессор;

Н. Н. Коротеева, д-р ист. наук,
профессор;

Р. А. Курбанов, д-р юрид. наук,
профессор;

И. Б. Лагутин, д-р юрид. наук, доцент;

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, доцент;

Е. В. Марковичева, д-р юрид. наук,
доцент;

М. А. Молокова, д-р полит. наук,
доцент;

В. Е. Новичков, д-р юрид. наук, доцент;

В. Б. Слатинов, д-р полит. наук,
профессор;

Л. Г. Татьяна, д-р юрид. наук,
профессор;

Е. С. Устинович, д-р полит. наук,
доцент;

В. В. Чубаров, д-р юрид. наук;
профессор;

С. В. Шевелева, д-р юрид. наук, доцент

Адрес редакции: 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.
Телефоны: (4712) 22-25-26
Факс: (4712) 50-48-00. E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 22.11.18 Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 76. Цена свободная.
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Подписной индекс журнала «Известия
Юго-Западного государственного университета.
Серия История и право» 44296
в объединенном каталоге «Пресса России»

Административное право	77
<i>Позднякова Е. В., Боренштейн А. Л.</i>	
Гендерный аспект кадровых процессов на государственной службе в Российской Федерации.....	77
<i>Ракша Н. С.</i>	
Понятие и общая характеристика миграционных процессов...	83
Уголовное право и процесс	90
<i>Понятовская Т. Г., Парог А. И., Шахова Т. В.</i>	
Основания уголовно-правового запрета допинга в России.....	90
<i>Журбенко А. М., Скоморохов О. Н., Чернышев С. А.</i>	
Особенности деятельности следователя, дознавателя и сотрудников оперативных подразделений при сокрытии подозреваемого или обвиняемого от предварительного расследования.....	101
<i>Пашутина О. С.</i>	
Борьба с вандализмом: историко-правовой анализ (1922–1996 годы).....	109
<i>Пашутина О. С., Калуцких А. М.</i>	
Проблемные аспекты истребования заключения специалиста в российском уголовном судопроизводстве.....	116
<i>Жукова С. С.</i>	
Развитие уголовного законодательства Российской империи, регламентирующего ответственность за групповое совершение преступлений.....	123
<i>Лопашенко Н. А.</i>	
Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний.....	131
<i>Дворянсков И. В., Урда М. Н.</i>	
Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе РФ.....	137
<i>Новичков В. Е.</i>	
Понятие и содержание современной информационной инфраструктуры Российской Федерации: уголовно-правовой аспект.....	145
<i>Ряполова Я. П., Снегирева Д. Е.</i>	
Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе.....	151
<i>Шахбазов Р. Ф., Плохих Г. И.</i>	
Неотвратимость уголовной ответственности как принцип уголовного права.....	162
<i>Новичков В. Е., Пыхтин И. Г.</i>	
Конфликт научно-отраслевых интересов при определении понятия информационной безопасности Российской Федерации: уголовно-правовой подход.....	167
<i>Алихаджиева И. С.</i>	
Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет.....	179
<i>Минакова О. В.</i>	
Законодательная регламентация уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ: опыт стран СНГ.....	186
ПОЛИТОЛОГИЯ	195
<i>Устинович Е. С., Мамонтова С. В.</i>	
Политико-государственные риски в сфере социально-трудовых отношений при формировании и развитии цифровой экономики: зарубежный опыт.....	195

<i>Малик Е. Н., Орлова В. Н.</i>	
Направления оптимизации влияния новой медиасреды на политическую субъектность российской молодежи.....	201
<i>Агабабов А. Р.</i>	
Политико-исторический аспект экономической экспансии транснациональных корпораций на Ближнем и Среднем Востоке (на примере Суэцкого канала в Египте).....	210
<i>Богданова С. Ю.</i>	
Основные этапы политической трансформации в современной Мексике.....	215
<i>Феклистов М. В., Феклистова И. С.</i>	
Политологические аспекты укрепления внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС.....	223
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ.....	231
<i>Головин Е. А., Манжосов А. Н., Новиков В. Н.</i>	
О системе морального и материального поощрения железнодорожников-стахановцев в 1930–1940-е годы (по материалам Курской области).....	231
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	
Формирование российской акцизной модели организации питейного сбора в конце 1850-х – начале 1860-х годов.....	238
<i>Емельянов С. Н.</i>	
Правовые основы прохождения службы военного духовенства Русской армии во второй половине XIX – начале XX века....	244
<i>Ларина О. Г., Пенькова А. Н., Кузнецова Т. Л., Байбаков В. Ю.</i>	
Численность населения Центрально-Черноземного региона и их доходы в постперестроечный период.....	252
<i>Емельянов С. Н., Шатанкова Е. Н.</i>	
Особенности проведения антирелигиозных мероприятий большевиков в годы Гражданской войны в российской провинции.....	259
<i>Кульчитцкий А. В.</i>	
Пенсионное обеспечение земских учителей в Российской империи.....	267
<i>Масуфранова Е. А.</i>	
Специфика подготовки кадров для железнодорожного транспорта СССР в послевоенные годы.....	274
К сведению авторов.....	280

2018. Vol. 8, No 4(29)

Scientific reviewed journal

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY
Series: *History and Law*

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44621 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education of 01.12.2015. Scientific Specialities Groups:
07.00.00 – Historical Studies and Archaeology,
12.00.00 – Juridical Studies,
23.00.00 – Political Studies

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University;

V. N. Suslikov (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Law, Professor, Southwest State University;

A. V. Apanasyonok, Doctor of History, Associate Professor;

V. P. Belyaev, Doctor of Law, Professor;

A. B. Baumstein, Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Bogdan, Doctor of Law, Associate Professor;

CONTENS

LAW	8
Theory and History of State and Law	8
<i>Kornakova S. V., Shcherbakova I. A.,</i> Statutory Responsibility of Judges: the Issues of Improvement of Legal Regulation.....	8
<i>Petrishcheva N. S., Zarubina K. A., Emelyanov A. S.</i> Organizational and Legal Bases of the Implementation of the First Weltded Five-Years on the Example of the Kursk Region: Historical and Legal Aspect.....	17
<i>Larina E. A., Larina O. G.</i> Legal Policy in the Field of Interaction of Civil Society Institutions.....	27
<i>Larina O. G., Dolzhenkova E. V., Emelyanov A. S., Artamonova V. O., Kartamysheva N. V.</i> Analysis of the Legal Framework for the USE of the Forest Domain of the Peasants by the Reform of 1861 and Beyond.....	33
Constitutional Law	39
<i>Gutorova A. N.</i> Some Aspects of Practical and Theoretical Development of the Rules of Law of the Institute of International Legal Responsibility of States.....	39
<i>Brazovskaya Y. E.</i> Synergy of the Subarctic States in Observance of Rules of Shipping in Polar Waters.....	46
<i>Vorontsova E. V., Vorontsov A. L.</i> Constitutional and Legal Decoration of the basls of the Electoral System in the Countries of the Commonwealth of Independent States: Comparative and Legal Study.....	55
Civil Law and Process	63
<i>Shvyrev G. S.</i> The Ratio of Subscriber's Legal Relationship with the Insurance Legal Relationship.....	63
<i>Bogdan V. V., Vorontsova E. V.</i> Public and Personal Interest in the Right to Health: some Theoretical Questions.....	70
Administrative Law	77
<i>Pozdnyakova E. V., Borenstein A. L.</i> Gender Aspect of Staff Processes at State Service in the Russian Federation.....	77

O. V. Brezhnev, Doctor of Law, Associate Professor;

S. O. Gavrilov, Doctor of History, Professor;

A. V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor;

A. V. Grinenko, Doctor of Law, Professor;

Z. D. Iliina, Doctor of History, Professor;

N. N. Koroteeva, Doctor of History, Professor;

V. V. Korovin, Doctor of History, Professor;

R. A. Kurbanov, Doctor of Law, Professor,

I. B. Lagutin, Doctor of Law, Associate Professor;

O. G. Larina, Doctor of Law, Professor;

E. V. Markovicheva, Doctor of Law, Associate Professor;

M. A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor;

V. E. Novichkov, Doctor of Law, Associate Professor;

V. B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor;

L. G. Tatynina, Doctor of Law, Associate Professor;

E. S. Ustinovich Doctor of Political, Professor;

V. V. Chubarov, Doctor of Law, Professor;

S. V. Shevelyova, Doctor of Law, Associate Professor.

<i>Raksha N. S.</i>	The Concept and General Characteristics of Migration Processes.....	83
Criminal Law and Process		90
<i>Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Shakhova T. V.</i>	Grounds of the Criminal Legal Protection of Doping in Russia.....	90
<i>Jurbenko A. M., Skomorokhov O. N., Chernyshev S. A.</i>	Peculiarities of the Activities of the Investigator, the Investigator and the Staff of Operational Units when Concealing the Suspect or Accused from Preliminary Investigation.....	101
<i>Pashutina O. S.</i>	Combating Vandalism: Historical and Legal Analysis (1922–1996).....	109
<i>Pashutina O. S., Kalutskikh A. M.</i>	Problematic Aspects of the Reclamation of the Conclusions of the Specialist in Russian Criminal Proceedings.....	116
<i>Zhukova S. S.</i>	Criminal Law Development of the Russian Empire Defining the Liability for Organized Crime.....	123
<i>Lopashenko N. A.</i>	Sectoral Differentiation: the Model of Criteria Accounted for in the Criminalization of Acts.....	131
<i>Dvoryanckov I. V., Urda M. N.</i>	Expulsion of Foreign Citizens and Individuals without Citizenship for limits of the Russian Federation: to the Question about the Prospects of Legal Definitions in the Criminal Code of the Russian Federation.....	137
<i>Novichkov V. E.</i>	The Concept and Content of Modern Information Infrastructure of the Russian Federation: Criminal-Legal Aspect.....	145
<i>Ryapolova Ya. P., Snegireva D. E.</i>	Conscience as a Moral Criterion of Activity in Evaluating Evidence in the Criminal Process.....	151
<i>Shahbazov R. F., Plohih G. I.</i>	The Inevitability of Criminal Liability as a Principle of Criminal Law.....	162
<i>Novichkov V. E., Pykhtin I. G.</i>	Conflict of Scientific and Sectoral Interests in Determining the Concept of Information Security of the Russian Federation: a Criminal Legal Approach.....	167
<i>Alikhadzhiyeva I. S.</i>	The Organization of Occupation Elite Prostitution on the Internet.....	179
<i>Minakova O. V.</i>	Legislative Regulation of Criminal Liability for Violation of Safety rules when Conducting Construction or other Works: Experience of the Cis Countries.....	186
POLITICAL SCIENCE		195
<i>Ustinovich E. S., Mamontova S. V.</i>	Political and Governmental Risks in the Sphere of Social and Labor Relations in the Formation and development of the Digital Economy: Foreign Experience.....	195
<i>Malik E. N.</i>	Directions of Optimization of Influence of a New Mediasreda on Political Subjectivity of the Russian Youth.....	201

<i>Agababov A. R.</i>	
Political and Historical Aspect of Economic Expansion of Transnational Corporations in the Near and Middle East (on the Example of Suez Channel in Egypt).....	210
<i>Bogdanova S. Yu.</i>	
The Main Stages of Political Transformation in Modern Mexico.....	215
<i>Feklistov M. V., Feklistova I. S.</i>	
Political Science Aspects of Strengthening foreign Economic Relations of the Central Federal District with the Countries of the Eurasian Economic Union.....	223
HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY.....	231
<i>Golovin E. A., Manzhosov A. N., Novikov V. N.</i>	
About the System of Moral and Material Encouragement of Railroad Workers-Stakhanovites in the 1930s – 1940s Years (on Materials of Kursk Region).....	231
<i>Goryushkina N. Ye.</i>	
Excise Formation of the Russian Model of the Organization of Public Duty in the late 1850's – early 1860-ies.....	238
<i>Emelyanov S. N.</i>	
Legal Grounds of the Russian Military Clergy Army Service in the Second Half of XIX Century – beginning of XX Century...	244
<i>Larina O. G., Penkova A. N., Kuznetsova T. L., Baybakov V. Iu.</i>	
The Population of Central Chernozem Region and their Incomes in the Post-Perestroika Period.....	252
<i>Emelyanov S. N., Shatankova E. N.</i>	
Legal Features of Carrying out Anti-Religious Activities of Bolsheviks in the Years of the Civil War in the Russia Province.....	259
<i>Kulchitskiy A. V.</i>	
Pension Zemstvo Teachers in Russian Empire.....	267
<i>Masufanova E. A.</i>	
Specificity of Training for Railway Transport of the USSR in the Postwar Years.....	274
Information for authors.....	280

Теория и история государства и права

УДК 342.565.5

С. В. Корнакова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» (Иркутск, Россия) (e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru)

И. А. Щербакова, заместитель прокурора, Прокуратура Октябрьского района г. Иркутска (Иркутск, Россия) (e-mail: low-ira@mail.ru)

СТАТУТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу одного из наиболее важных вопросов демократического развития института судебной власти – вопросу о юридической (статутной) ответственности ее носителей. Рассмотрены точки зрения ученых на предусмотренные законодательством виды ответственности судей, в частности административную и дисциплинарную, назначение которых заключается в обеспечении соответствия между реальной реализацией конституционного принципа независимости судей и системой ограничительных мер, не допускающих трансформации этого принципа в судебский произвол. Критически оценены представления некоторых авторов относительно категории «судебная ошибка», которую, по мнению авторов, следует рассматривать исключительно в контексте процедуры пересмотра судебных решений. Особое внимание уделено дисциплинарной ответственности судей в свете предстоящих законодательных изменений ее правового регулирования. Отмечается необходимость наличия отвечающей потребностям практики системы дифференцированных видов дисциплинарных мер воздействия. Высказываются критические замечания относительно наличия в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» такой меры дисциплинарного воздействия, как досрочное прекращение судебных полномочий. Указанная мера, по мнению авторов, должна быть отнесена к мерам конституционно-правовой ответственности судей. Поскольку законодателем предусмотрен особый правовой режим приобретения судебных полномочий, этот порядок должен быть соблюден и при досрочном отрешении судьи от должности. В связи с этим аргументируется необходимость исключения такой меры, как досрочное прекращение судебных полномочий, из перечня мер дисциплинарных взысканий в отношении судей. Высказаны конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию российского законодательства, касающегося регулирования ответственности судей.

Ключевые слова: ответственность судей, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, судебная ошибка, меры дисциплинарных взысканий, конституционная ответственность судей.

Ссылка для цитирования: Корнакова С. В., Щербакова И. А. Статутная ответственность судей: вопросы совершенствования правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 8–16.

***

Одним из основных механизмов обеспечения должного исполнения судьями законодательных предписаний является их юридическая (статутная) ответственность. В системе статутной ответственности судей, включающей, помимо уголовной, также административную и дисциплинарную ответственность, только первый из названных видов ответственности в силу своей особой значимости нашел прямое отражение в Конституции РФ (ч. 2 ст. 122).

Действовавшая до 2001 года редакция закона «О статусе судей Российской

Федерации» (далее – Закон о статусе судей) не допускала привлечение судей ни к административной, ни к дисциплинарной ответственности. По мнению некоторых ученых, основанием для установления таких ограничений служила презумпция авторитета судебной власти, исходя из которой ее носители не должны совершать такого рода правонарушения, если же подобное случится, то можно пренебречь этим ради сохранения уникальной роли судебной деятельности в обществе и государстве [1, с. 61].

Некоторыми авторами применение в отношении судей мер административной ответственности расценивается как посягательство на судебскую неприкосновенность, выражающееся в фактическом отказе судьям в правовом иммунитете, высказываются сомнения в допустимости с моральных позиций возможности наложения на них административных взысканий, применяемых самими судьями в отношении других граждан. Отмечается, что следствием введения административной ответственности стало большое количество отрицательных моментов. В частности, к таким моментам, кроме отсутствия детальной разработки порядка привлечения к этому виду ответственности, относят небольшую вероятность возбуждения в отношении судей административного производства, поскольку предложенный законодателем сложный механизм привлечения к административной ответственности если и будет использоваться, то крайне редко [2, с. 25; 3, с. 25].

Думается, что для подобных категорических утверждений оснований явно недостаточно. Во-первых, и до введения данного ограничения не исключалась ответственность служителя Фемиды за совершение административного правонарушения, которое, будучи оценено как проступок, порочащий честь и достоинство судьи, в нарушение требований кодекса судебской этики, могло служить основанием для утраты судебских полномочий. Во-вторых, многими учеными все же положительно оценивается произошедшее, благодаря введению в отношении судей дополнительных видов ответственности, сужение пределов их правового иммунитета. Такое положение в большей степени, по их мнению, соответствует конституционному принципу равенства граждан перед законом, нежели существовавший ранее запрет на применение дисциплинарных и административных мер в отношении судей [4, с. 33]. И в-третьих, что важнее, сам факт введения законодательного ограничения су-

дейской неприкосновенности в сфере административно-правовых отношений следует рассматривать в качестве превентивной меры, призванной оказывать на поведение судей в первую очередь дисциплинирующее воздействие.

Кроме регулирования законодателем, пределы ответственности судей определяются позицией сообщества судей, что находит отражение в кодексе судебской этики. Несмотря на то, что данный кодекс законом не является, установленный им свод норм и правил поведения судей обязателен для исполнения каждым из них. Такая обязательность нашла отражение в ч. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей, устанавливающей следующие применяемые к судьям, за исключением судей Конституционного Суда РФ, меры дисциплинарного воздействия: 1) замечание; 2) предупреждение; 3) досрочное прекращение полномочий судьи.

Следует отметить, что на последней из перечисленных мер дисциплинарного воздействия неоднократно акцентировалось внимание Конституционным Судом РФ. По его мнению, «судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за судебную ошибку, если только неправосудность судебного акта не явилась результатом такого поведения судьи, которое по своему характеру несовместимо с высоким званием судьи и его общественным предназначением» [5].

В этой связи представляется важным обращение к некоторым ошибочным, на наш взгляд, представлениям некоторых ученых относительно категории «судебная ошибка». В частности, П. К. Лысов считает, что при определении конституционно-правовых основ регулирования деятельности носителей судебной власти не может игнорироваться институт судебной ошибки, во избежание чего указанным автором предлагается внесение изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», заключающихся в

дополнении названного закона ст. 17, содержащей предписание судьям «избегать в своей деятельности совершения судебных ошибок...» [6, с. 11–12].

На наш взгляд, с такой позицией решительно нельзя согласиться. Во-первых, вызывает серьезное возражение отнесение категории «судебная ошибка» к правовому институту. Как известно, под правовым институтом понимается обособленная группа взаимосвязанных между собой правовых норм, призванных регулировать относительно самостоятельную сферу общественных отношений или каких-либо ее компонентов, свойств. Иными словами, правовой институт – это набор правовых норм, установленных или применяемых в определенных законом случаях. Очевидно, что выделение подобного рода норм в отношении судебных ошибок в нормах действующего законодательства невозможно, поскольку в них отсутствует само понятие «судебная ошибка». Речь, безусловно, не идет о неоднократных обращениях Конституционного Суда РФ к вопросу о недопустимости привлечения судьи к ответственности за судебную ошибку, значимость и обязательность решений которого на всей территории Российской Федерации закреплены в ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Тем не менее указанное положение не наделяет постановления Конституционного Суда свойством нормативности.

«Судебная ошибка» – это понятие, с помощью которого высшие суды в своих решениях определяют назначение пересмотра судебных актов: оно заключается в устранении судебной ошибки и обеспечении достижения целей судопроизводства. Именно через категорию «судебная ошибка», употребляя терминологию М. Л. Позднякова, происходит озвучивание претензий вышестоящих инстанций к работе судей [7, с. 16]. Примеры официального использования категории «судебная ошибка» высшими судебными ин-

станциями (Конституционным Судом РФ в том числе) следует рассматривать исключительно в контексте процедуры пересмотра судебных решений с целью устранения возможных судебных ошибок. Исходя из этого, можно говорить о правовом институте пересмотра судебных решений, но не об институте судебной ошибки. Именно институт пересмотра судебных решений, в том числе явившихся результатом судебных ошибок, следует рассматривать в качестве реализации основных конституционных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Во-вторых, значение понятия «ошибка» в справочной литературе раскрывается через такие признаки, как «неумышленность», «невольность», «ненамеченность», «ненамеренность», ее нельзя заранее предсказать, рассчитать [8, с. 451]. Поэтому ошибка, приводя к неправильному результату, всегда бывает невольной. Судья при принятии решения, в том числе ошибочного, считает его законным и обоснованным, в противном случае речь может идти только об умышленном нарушении закона и вынесении заведомо неправосудного решения, что является преступлением против правосудия и подпадает под признаки ст. 305 УК РФ.

Ошибочно – значит «не так как есть, как должно, неверно, неправильно» [9, с. 451]. Но если в случае совершения ошибки субъектом принятия решения не прогнозируется неправильный результат, то в случае сознательного нарушения закона, напротив, субъект к нему стремится и неправильным такой результат будет только с позиции закона. В частности, в нормах процессуального законодательства, определяющих основания для отмены или изменения решения суда, используется понятие «неправильный»: «неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела» (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ); «неправильное применение норм материального права или норм процессуального права» (п. 4 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК РФ; п. 4

ч. 2 ст. 310 КАС РФ); «неправильное истолкование закона» (п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК РФ); «неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для административного дела» (п. 1 ч. 2 ст. 310 КАС РФ); «неправильное применение уголовного закона» (п. 3 ст. 89¹⁵ УПК РФ). При этом неправильный с точки зрения закона неправосудный результат судебного разбирательства может быть следствием как ошибки, так и умышленного действия судьи.

Кроме того, при констатации ошибки определяющее значение имеет временной аспект, поскольку ошибочное действие всегда событие прошлого. Поэтому после вступления судебного решения в законную силу, принятого в соответствии с установленным процессуальным законом соответствующей отрасли права порядком, отнюдь нельзя исключить установления в дальнейшем неправосудности данного решения вследствие совершенной судебной ошибки.

И наконец, закрепление в законе категории «судебная ошибка», тем более в законе конституционного уровня, может способствовать невольному программированию самой возможности ее совершения. Хорошо известно, что можно перестать ошибаться, только лишь перестав что-либо делать вообще, а значит, требовать от человека избегать ошибок бессмысленно, поэтому исключение из реальной жизни, в том числе из правовой системы, такого явления, как *ошибка, невозможно*. Как отмечал Л. Е. Владимиров, «суд человеческий способен совершать ошибки» [9, с. 56], поскольку идеальных ни законов, ни *судей* не существует. Безусловно, у судьи нет права на ошибку, но ошибки случались, случаются и, к сожалению, будут случаться, поскольку судья человек. В этом проявляется, по выражению Л. М. Карнозовой, неустранимый разрыв, существующий между требованиями к суду как институту и человеческими возможностями лица, облеченного в судебскую мантию [10, с. 20–21].

Кроме этого нельзя не учитывать такой отмечаемый учеными факт, что на практике нередко понятием «судебная ошибка» подменяется несоответствие мнения конкретного судьи позиции вышестоящей инстанции [11, с. 44]. Как отмечали авторы Концепции судебной реформы, «принцип ответственности судей за собственные решения играет скорее негативную роль... Начальственная критика за допущенную ошибку или простое взятие на учет добросовестных заблуждений судьи или случаев несовпадения его позиции с мнением вышестоящей инстанции отнюдь не способствует его раскрепощенности» [12, с. 25], поэтому закрепление в законе подобных положений может повлечь за собой безынициативность судей, избегание ими самостоятельности при принятии решений по сложным вопросам.

Важно отметить также, что реакция ученых и практиков на отмену по инициативе Верховного Суда РФ в 1992 году дисциплинарной ответственности судей и на последующее ее введение в 2001 году была и остается неоднозначной, о чем свидетельствует неослабевающий интерес к этому вопросу на страницах научных изданий. В частности, острополюемический характер носит вопрос о видах дисциплинарных взысканий, способных обеспечить соответствие между реальной реализацией провозглашенного Конституцией РФ принципа независимости судей и системой ограничительных мер, не допускающих трансформации этого принципа в бесконтрольность и судебский произвол.

Необходимость наличия отвечающей потребностям практики системы дифференцированных видов дисциплинарных мер воздействия в отношении судей не должна вызывать сомнения. В связи с этим многими учеными обращалось внимание законодателя на то, что в действующем законодательстве критерии привлечения к дисциплинарной ответственности характеризуются неопределенностью и расплывчатостью формулировок, а также на то, что в связи с динамичным

развитием общественных отношений необходимо установление дополнительных видов дисциплинарной ответственности судей с целью применения к ним более соответствующего совершенному проступку наказания. В частности, неучтенным осталось предложение о том, что система накладываемых на судей дисциплинарных взысканий должна содержать в числе прочих и такую меру, как «понижение в квалификационном классе», которая расценивалась экспертами как одна из самых действенных мер воздействия на профессиональное поведение судей [13, с. 20–21]. Конституционным Судом РФ в этом отношении также высказывались рекомендации Федеральному Собранию РФ о необходимости «установить более широкий перечень видов дисциплинарных санкций, уточнить составы дисциплинарных проступков, а также основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности» [14].

В связи с изложенным положительно следует оценить прошедший в настоящее время третье чтение внесенный Президентом РФ на рассмотрение Государственной Думой и поддержанный Правительством РФ законопроект № 425945-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и статьи 10 и 22 Федерального закона “Об органах судебной власти в Российской Федерации”» [15]. Цель законопроекта – совершенствование порядка дисциплинарной ответственности судей, для чего предусмотрено расширение перечня дисциплинарных взысканий. В законопроекте предлагается дополнить перечень налагаемых на судью дисциплинарных взысканий такой мерой, как понижение в квалификационном классе.

В то же время, несмотря на существенное детальное расширение и конкретизацию законопроектом содержания ч. 5 ст. 12¹ Закона о статусе судей, все же разделяем позицию ученых, считающих, что наложение такого взыскания на судью, как досрочное прекращение полномочий, является не только чрезмерным

дискреционным средством, не согласующимся с принципом независимости судей [16], а также с положением о годовом сроке действия дисциплинарного взыскания [17, с. 32–35], являющегося косвенной гарантией соблюдения принципа независимости судей, но и превышает полномочия квалификационной коллегии судей. Подобный подход к реализации дисциплинарных санкций скорее может свидетельствовать о наделии судебного управления устрашающим характером и, как следствие, вести к подотчетности и управляемости судей [7, с. 24], что не соответствует выполняемой ими конституционно значимой функции и их высокому статусу.

В этой связи обоснованным видится вывод М. И. Клеандрова, который, исходя из посылки о конституционной значимости наделии лица по установленной Конституцией РФ процедуре судебскими полномочиями, такой же значимостью наделяет и действие по прекращению его полномочий. Мы разделяем мнение ученого о необходимости отнесения такой меры, как лишение судебных полномочий при установлении конституционно значимого нарушения судьей статусно-судейских положений, к мерам дисциплинарной, а конституционной ответственности судьи [18, с. 8].

Провозглашенный ст. 10, 119–122, 124, 128 Конституции РФ конституционно-правовой статус каждого судьи как носителя судебной власти предопределяется возложенной на него государством функцией реализации публично-правовых задач по осуществлению правосудия, поэтому, на наш взгляд, если исходить из бесспорной посылки, что в качестве субъекта конституционной ответственности в числе прочих выступают должностные лица, в полномочия которых входит принятие решений, затрагивающих основные права и свободы граждан, то становится очевидной необходимость отнесения к таким субъектам любого, реализующего функцию отправления правосудия судью. При этом уровень суда не может иметь никакого значения. В этом

заключается основной аргумент для критики точки зрения ученых, наделяющих конституционной ответственностью исключительно судей Конституционного Суда [3, с. 84].

В конституционном праве наступление ответственности связывается с недобросовестным отношением субъекта к реализации своего статуса при наличии у него возможности должного исполнения возложенных на него конституционных обязанностей, что имеет прямое отношение к носителям судебной власти, поскольку при отсутствии должной реализации функции по осуществлению правосудия оказываются нарушенными нормы Конституции РФ, закрепляющие такие основополагающие конституционные положения, как положение о верховенстве права (ст. 4); гарантии судебной защиты прав и свобод каждого гражданина (ст. 46); положение о подчинении судей только Конституции РФ и федеральному закону (ст. 120).

Наличие ответственности служит дисциплинирующим фактором для участников правоотношений, поэтому основной целью дисциплинарного воздействия, по мнению Л. М. Позднякова, для судьи должна быть корректировка его поведения, но не крах профессиональной карьеры [7, с. 13]. Следовательно, прекращение полномочий судьи следовало бы исключить из перечня видов дисциплинарных взысканий и отнести к мерам конституционно-правовой ответственности судьи.

Поскольку законодателем предусмотрен особый правовой режим приобретения судейских полномочий, этот порядок должен быть соблюден и при досрочном отрешении судьи от должности. Так, в ст. 128 Конституции РФ и конкретизирующей ее положения ст. 6 Закона о статусе судей определяется порядок наделения судейскими полномочиями. Для судей Верховного Суда РФ таким органом является Совет Федерации Федерального Собрания РФ, для судей иных федеральных судов – Верховный Суд РФ. Думается, что эти же государственные

органы должны быть инстанцией, принимающей окончательное решение об отстранении судьи от должности, безусловно, основываясь при этом на заключении соответствующей квалификационной коллегии судей. Последнее должно служить необходимой гарантией для исключения посягательства на принцип независимости судей, исходя из которого никакие органы, не относящиеся к органам судейского сообщества, не обладают полномочиями по влиянию на судебскую карьеру или самостоятельному принятию решения об удалении судьи с должности, поэтому процедура рассмотрения вопроса о прекращении судейских полномочий должна инициироваться органами судейского сообщества в рамках дисциплинарного производства, осуществляемого квалификационной коллегией судей, которая должна быть уполномочена на вынесение заключения о наличии либо отсутствии оснований для прекращения полномочий судьи.

В связи с этим представляется необходимым внесение изменений в п. 3 ч. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей посредством замены такой меры дисциплинарной ответственности, как «досрочное прекращение полномочий судьи», на меру «заключение о досрочном прекращении полномочий судьи». В свою очередь, государственные органы, указанные в ст. 6 Закона о статусе судей, должны проверять и оценивать фактические обстоятельства, служащие основанием для заключения соответствующей квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи, и принимать по нему окончательное решение. Для реализации указанных рекомендаций, на наш взгляд, целесообразно ст. 11 «Срок полномочий судьи» Закона о статусе судей дополнить нормой 7 следующего содержания:

«Полномочия судьи, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, могут быть досрочно прекращены в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение

положений настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок при наличии заключения соответствующей квалификационной коллегии судей.

Решение о прекращении полномочий судьи принимается на основании заключения соответствующей квалификационной коллегии судей в отношении судей Верховного Суда Российской Федерации – Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в отношении судей иных федеральных судов – Верховным Судом Российской Федерации».

Часть 5 ст. 12¹ необходимо признать утратившей силу. Соответствующие изменения должны быть внесены и в п. 13 ч. 1 ст. 14 и абз. 3 п. 6 ст. 11 Закона о статусе судей, а также в абз. 2 п. 2 ст. 15 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

Таким образом, конституционная ответственность, являющаяся гарантией сохранения конституционного строя, предполагающая ответственность власти, в первую очередь за состояние законности в деятельности государственных органов и должностных лиц, должна быть неотъемлемой частью публично-правовых отношений, к которым, безусловно, относится деятельность судей по осуществлению правосудия. Думается, что изложенные рекомендации по совершенствованию норм российского законодательства, регулирующего деятельность судей Российской Федерации, могут

стать необходимым механизмом обеспечения соблюдения представителями судебной власти конституционных предписаний.

Список литературы

1. Палеев М. С., Пашин С. А., Савицкий В. М. Закон о статусе судей в Российской Федерации. Научно-практический комментарий. М.: Бек, 1994. 79 с.
2. Адушкин Ю., Жидков В. Дисциплинарная и административная ответственность: за и против // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 24–26.
3. Сапунова М.О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2007. 26 с.
4. Цараев А. А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. М., 2003. 35 с.
5. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г. Н. Белюсовой, Г. И. Зиминной, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филатовой: постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 10, ч. 2, ст. 976.
6. Лысов П. К. Конституционно-правовые основы судебной власти в Российской Федерации: тенденции и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2014. 22 с.
7. Поздняков М. Л. Оценка качества работы судей и дисциплинарная ответственность. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2014. 41 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. 736 с.
9. Судебное красноречие русских юристов прошлого / сост. Ю. А. Костанов. М.: Фемида, 1992. 286 с.

10. Карнозова Л. М. Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. 96 с.

11. Пашин С. А. Проблема судебной ошибки // Юридическая психология. 2007. № 2. С. 42–47.

12. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б. А. Золотухин. М.: Республика, 1992. 111 с.

13. Комментарии экспертов // Закон. 2013. № 4. С. 20–21.

14. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31, ст. 4809.

15. Законопроект № 425945-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в части совершенствования порядка дисциплинарной ответственности судей) [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/425945-7> (дата обращения: 09.07.2018).

16. Нешатаева Т. Н. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 336 с.

17. Ермошин Г. Т. Ответственность судьи // Российский судья. 2013. № 8. С. 32–35.

18. Клеандров М. И. Конституционная ответственность судьи – дело позавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2 (26). С. 1–8.

Поступила в редакцию 04.09.18

UDC 342.565.5

S. V. Kornakova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Baikal State University (Irkutsk, Russia) (e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru)

I. A. Shcherbakova, Deputy Prosecutor, Oktyabrsky district Prosecutor's Office of Irkutsk (Irkutsk, Russia) (e-mail: low-ira@mail.ru)

STATUTORY RESPONSIBILITY OF JUDGES: THE ISSUES OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION

This article is devoted to the analysis of one of the most important issues of democratic development of the institution of judicial power – the question of legal (statutory) responsibility of its holders. The authors consider the points of view of scientists on the types of responsibility of judges provided by the legislation, in particular, administrative and disciplinary, the purpose of which is to ensure compliance between the real implementation of the constitutional principle of independence of judges and the system of restrictive measures that prevent the transformation of this principle into judicial arbitrariness. The views of some authors on the category of "miscarriage of justice", which, in the authors' opinion, should be considered exclusively in the context of the judicial review procedure, are critically evaluated. Particular attention is paid to the disciplinary responsibility of judges in the light of the upcoming legislative changes in its legal regulation. It is noted the necessity of meeting the practical needs of the system of differentiated types of disciplinary measures. There are critical remarks about the presence in the law of the Russian Federation "on the status of judges in the Russian Federation" of such a disciplinary measure as early termination of judicial powers. This measure, according to the authors, should be referred to the measures of constitutional legal responsibility of judges. Since the legislator provides for a special legal regime for the acquisition of judicial powers, this procedure must be observed in case of early dismissal of a judge from office. In this regard, the author argues the need to exclude such a measure as early termination of judicial powers from the list of disciplinary measures against judges, and makes specific proposals and recommendations for improving Russian legislation on the regulation of judges' liability.

Key words: responsibility of judges, administrative responsibility, disciplinary responsibility, judicial error, disciplinary measures, constitutional responsibility of judges.

For citation: Kornakova S. V., Shcherbakova I. A. Statutory responsibility of judges: the issues of improvement of legal regulation. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 8–16 (in Russ.).

***

References

1. Paleev M. S., Pashin S. A., Savitskii V. M. *Zakon o statuse sudei v Rossiiskoi Federatsii. Nauchno-prakticheskii kommentarii*. Moscow, Bek Publ., 1994. 79 p.
2. Adushkin Yu., Zhidkov V. *Distsiplinarnaya i administrativnaya otvetstvennost': za i protiv. Rossiiskaya yustitsiya*, 2001, no. 11, pp. 24–26.
3. Sapunova M. O. *Yuridicheskaya otvetstvennost' sudei v Rossiiskoi Federatsii: teoretiko-pravovoi analiz. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Moscow, 2007. 26 p.*
4. Tsaraev A. A. *Neprikosnovennost' sud'i kak garantiya ego nezavisimosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Moscow, 2003. 35 p.*
5. *Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenii statei 6.1 i 12.1 Zakona Rossiiskoi Federatsii "O statuse sudei v Rossiiskoi Federatsii" i statei 21, 22 i 26 Federal'nogo zakona "Ob organakh sudeiskogo soobshchestva v Rossiiskoi Federatsii" v svyazi s zhalobami grazhdan G. N. Belyusovoi, G. I. Ziminovoi, Kh. B. Sarkitova, S. V. Semak i A. A. Filatovoi: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.02.2008 No 3-P. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii, 2008, no. 10, pt. 2, art. 976.*
6. Lysov P. K. *Konstitutsionno-pravovye osnovy sudebnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii: tendentsii i perspektivy razvitiya. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Moscow, 2014. 22 p.*
7. Pozdnyakov M. L. *Otsenka kachestva raboty sudei i distsiplinarnaya otvetstvennost'. St. Petersburg, IPP EU St. Petersburg Publ., 2014. 41 p.*
8. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 736 p.*
9. *Sudebnoe krasnorechie russkikh yuristov proshlogo; ed. by Yu. A. Kostanov. Moscow, Femida Publ., 1992. 286 p.*
10. Karnozova L. M. *Gumanitarnye nachala v deyatelnosti sud'i v ugolovnom protsesse. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2004. 96 p.*
11. Pashin S. A. *Problema sudebnoi oshibki. Yuridicheskaya psikhologiya*, 2007, no. 2, pp. 42–47.
12. *Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii; ed. by B. A. Zolotukhin. Moscow, Respublika Publ., 1992. 111 p.*
13. *Kommentarii ekspertov. Zakon*, 2013, no. 4, pp. 20–21.
14. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii punktov 1 i 2 stat'i 3, punkta 1 stat'i 8 i punkta 1 stat'i 12.1 Zakona Rossiiskoi Federatsii "O statuse sudei v Rossiiskoi Federatsii" i statei 19, 21 i 22 Federal'nogo zakona "Ob organakh sudeiskogo soobshchestva v Rossiiskoi Federatsii" v svyazi s zhaloboi grazhdanki A. V. Matyushenko: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.07.2011 No 19-P. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii, 2011, no. 31, art. 4809.*
15. *Zakonoproekt No 425945-7 "O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii "O statuse sudei v Rossiiskoi Federatsii" i Federal'nyi zakon "Ob organakh sudeiskogo soobshchestva v Rossiiskoi Federatsii"» (v chasti sovershenstvovaniya poryadka distsiplinarnoi otvetstvennosti sudei). URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/425945-7> (accessed 09.07.2018).*
16. Neshataeva T. N. *Modernizatsiya statusa sud'i: sovremennye mezhdunarodnye podkhody. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011. 336 p.*
17. Ermoshin G. T. *Otvetstvennost' sud'i. Rossiiskii sud'ya*, 2013, no. 8, pp. 32–35.
18. Kleandrov M. I. *Konstitutsionnaya otvetstvennost' sud'i – delo posledavtrashnego dnya? Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2012, no. 2 (26), pp. 1–8.

УДК 321(091)

Н. С. Петрищева, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: petrishceva_nc@mail.ru)

К. А. Зарубина, магистрант, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kris1996z@mail.ru)

А. С. Емельянов, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lalyc@mail.ru)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРВЫХ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК НА ПРИМЕРЕ КУРСКОГО РЕГИОНА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Стремительное превращение СССР в ведущую индустриальную державу трактуется большинством исследователей не иначе как «экономическое чудо». Несмотря на все дискуссии о целесообразности реализации первых пятилетних планов, очевидно, что сталинская доктрина «большого скачка» позволила Советскому государству нарастить многоотраслевой военно-промышленный потенциал, реконструировать всю систему народного хозяйства, выйти на второе место в мире (после США) по валовому объему выпускаемой промышленной продукции. По официальным данным советской статистики среднегодовые темпы роста промышленного производства в годы первых пятилеток составляли от 10 до 17% и были самыми высокими в мире, производство всех видов промышленной продукции позволяло обходиться без импорта. Исследование политико-правовых основ системы государственного управления и планирования, позволивших СССР совершить в довоенный период значительный рывок в экономическом развитии, особенно актуально в условиях современных вызовов, стоящих перед Российской Федерацией. Кроме того, в современных реалиях чрезвычайно напряженной международной обстановки и экономической блокады со стороны стран Евросоюза и США изучение основных способов и инструментов преодоления изоляции Советского государства в 1930-е годы приобретает особую актуальность. При этом необходимо исследовать все недостатки этой системы, причины сбоев в планировании и организации первых пятилеток. Особое значение имеет изучение нормативно-правовых актов органов исполнительной, законодательной власти, а также актов партийных органов, позволяющих осуществить анализ компетенций, полномочий органов управления государством в изучаемый период, их значение и роль в проведении индустриализации, а также исследовать систему взаимоотношений между органами власти и ее влияние на принимаемые решения и их реализацию. Представленная статья посвящена исследованию на основе архивных материалов правовых основ функционирования системы планирования и управления, а также изучению практического опыта реализации первых пятилетних планов в Курском регионе.

Ключевые слова: индустриализация, пятилетний план, директива, резолюция, съезд, партийная организация, изобретательское бюро, социалистическое соревнование, ефремовское движение, стахановское движение, рационализаторское движение.

Ссылка для цитирования: Петрищева Н. С., Зарубина К. А., Емельянов А. С. Организационно-правовые основы реализации первых довоенных пятилеток на примере Курского региона: историко-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 17–26.

***

В середине 1920-х гг. приоритетной задачей советского социалистического строительства объявлялась форсированная индустриализация. Ускоренное превращение страны из аграрной в аграрно-индустриальную было продиктовано острой необходимостью ликвидации технико-экономической отсталости и достижения финансовой независимости от капиталистического Запада.

Правовое регулирование процесса индустриализации осуществлялось правовыми актами Съездов Советов, правительственными актами, нормативно-пра-

вовыми актами иных органов исполнительной власти (Госплан, ВСНХ, местные органы), а также резолюциями и директивами партийных органов.

Резолюция XIV съезда ВКП (б) «По отчету Центрального Комитета» от 31 декабря 1925 г., провозгласившая курс Советского государства на индустриализацию, сформулировала целый ряд задач в области развития экономики и промышленности для достижения экономической самостоятельности государства. Директивы для ЦК партии по достижению этих задач, содержащиеся в резолю-

ции, были направлены на «победу социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности, развитие производства средств производства, развитие советской местной промышленности» [1, с. 195–197].

Источниками осуществления индустриализации в рамках формирования основного капитала в соответствии с резолюцией XV конференции ВКП (б) «О хозяйственном положении страны и задачах партии» должны были стать накопления обобществленной промышленности, перераспределение доходов государственного бюджета в пользу промышленного производства за счет других отраслей народного хозяйства, а также внутренние государственные займы [1, с. 293–299].

С окончанием новой экономической политики, направленной на восстановление народного хозяйства, выстраивался новый тип экономики, основанный на плановом хозяйственном руководстве.

Фактической разработкой планов по индустриализации страны занимался Госплан и ВСНХ СССР. Разработанные ими первые проекты планов были представлены на обсуждение XV Съезду ВКП (б) в декабре 1925 г. [2, с. 823–1005] Съездом был принят нормативный акт, содержащий основные направления развития народного хозяйства. При составлении пятилетнего плана развития народного хозяйства на основании данной резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» от 19 декабря 1927 г. должны были учитываться не только внутренние факторы развития, но и внешние, поскольку не исключалась «возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство» [1, с. 450]. Соотношение между отраслями тяжелой и легкой промышленности при составлении пятилетнего плана выстраивалось исходя из приоритета тяжелой промыш-

ленности. Легкая индустрия рассматривалась, прежде всего, как источник формирования капитала для строительства в тяжелой индустрии. Перераспределение доходов при формировании государственного бюджета в пользу тяжелой промышленности осуществлялось также за счет крестьянского хозяйства [1, с. 450].

Первоочередной задачей первого пятилетнего плана было развитие таких отраслей промышленности, как металлургия, химическое производство, машиностроение, судостроение, электрофикация, электропромышленность, золото-платиновая промышленность, добыча угля, нефти, торфа. Планировалось создание новых предприятий в области производства оборудования, а также автостроения, авиастроения и тракторостроения, производства искусственного волокна, добычи редких элементов, производства алюминия, ферромарганца, цинка, связанного азота, калия, кинопромышленного оборудования и радиостановок и т. д. [1, с. 453] Пятилетний план также ставил своей задачей развитие капитального строительства, что позволило бы увеличить уровень обеспечения населения жильем [1, с. 457].

В соответствии с Приказом ВСНХ СССР о порядке и сроках составления первого пятилетнего плана развития промышленности от 27 апреля 1928 г. плановые показатели первой перспективной пятилетки были определены к 1 июля 1928 г., в окончательном виде план был представлен Госпланом к 1 ноября 1928 г. [3]

23 января 1929 г. пятилетний план был рассмотрен в правительстве в двух вариантах, представленных Госпланом СССР [4, с. 582]. Был принят оптимальный вариант плана с завышенными показателями, не имеющими научного обоснования. Утвержденный правительством «Пятилетний народнохозяйственный план на 1928/29–1931/32 гг.» обсуждался на XVI партийной конференции, в него был внесен ряд дополнений, но, в целом,

оптимальный вариант плана был одобрен [1, с. 201–204, 248–253].

Законодательное закрепление первый план пятилетнего развития народного хозяйства СССР получил в результате утверждения V Всесоюзным съездом Советов, проходившим с 20 по 28 мая 1929 г. [5, с. 28] В этом же году некоторые показатели плана были еще раз пересмотрены в сторону увеличения.

Реализация пятилетнего плана требовала не только огромных финансовых вложений, но и специальных инструментов для вовлечения в трудовую деятельность широких народных масс. Одним из способов эффективной реализации этих идей на практике стало социалистическое соревнование.

Начало движению положила статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», опубликованная в газете «Правда» 20 января 1929 г. Лидер Коммунистической партии призывал к развертыванию в стране самого широкого массового соревнования, служившего, по его мнению, наилучшей платформой для проявления предприимчивости и раскрытия талантов миллионов советских граждан.

На XVI конференции ВКП (б), проходившей в апреле 1929 г. в рамках обсуждения и утверждения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, было принято обращение «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза», в котором социалистическое соревнование признавалось безусловной гарантией успеха пятилетки. Законодательное оформление этих идей нашло отражение в Постановлении Центрального Комитета ВКП (б) от 9 мая 1929 г. «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». Основными задачами соревнования признавались: выполнение и превышение промфинпланов, превышение установленных норм по снижению себестоимости, поднятие производительности труда, улучшение качества продукции, борьба с прогулами и браком, уменьшение накладных расхо-

дов, достижение образцовой производственной дисциплины, активное проведение технических усовершенствований и рационализация производства с широким привлечением рабочего изобретательства [6].

В начале первой пятилетки Курская область вместе с Воронежской, Орловской и Тамбовской входила в состав Центрально-Черноземной области (далее – ЦЧО). Первый пятилетний план развития народного хозяйства ЦЧО не получил одобрения в ВСНХ СССР, поскольку всецело не удовлетворял требованиям сталинской программы «большого скачка». После горячих дискуссий и внесения ряда корректировок (в сторону увеличения плановых показателей по основным отраслям) был разработан и утвержден «Комплексный план развития народного хозяйства ЦЧО» на 1929/1930–1937/1938 гг. Планировалось путем интенсификации сельского хозяйства на повышенной технической базе с максимальным развитием трудоёмких технических культур добиться коренной реконструкции систем крестьянского хозяйства и предоставить возможность избыточным рабочим рукам найти себя, как в изменённом сельском хозяйстве, так и в теснейшим образом связанными с ними подиндустрии и кустарных промыслах [7, д. 994, л. 403, л. 1].

Первый пятилетний план народного хозяйства Курской области акцентировал внимание на развитии следующих отраслей: маслосемянной промышленности (формирование более полного охвата сырья маслосемян, расширение производства подсолнечного масла с 327 тыс. пудов в начале пятилетки до 700 тыс. пудов, конопляного масла – с 49 тыс. пудов до 165 тыс., жмыха – с 727 тыс. пудов до 1500 тыс.), крахмальной промышленности (довести выработку крахмала на довоенный уровень, построить новый крахмальный завод в Щигровском уезде, довести уровень переработки картофеля до 600 тыс. пудов), винокурной (восстановить довоенный уровень производства,

довести уровень переработки картофеля до 3–5,5 млн пудов), мукомольной (восстановить разрушенные во время войны мельничные предприятия), кожевенной (восстановить полную нагрузку Курского кожевенного завода – 900 тыс. шт. кож, улучшить качество выпускаемой продукции), сахарной (построить сахарный завод в Щигровском районе, возможен проект второго завода, довести переработку свеклы с 6,5 до 9 млн т), кирпичной (довести производство кирпича до довоенного уровня, построить 2 кирпичных завода с производительностью 4 и 9 млн кирпичей в год), дрожжевой, мыловаренной, табакокуренной промышленности.

Более того, план предусматривал восстановление Мелтреста, постройку двух новых фосфоритных заводов, сетевязательной и обувной фабрик и других промышленных предприятий, реконструкцию машиностроительного завода им. Калинина, изготовление оборудования крахмального производства, создание крупных металлургических разработок в районах залежей железных руд. В результате совокупная стоимость продукции должна была увеличиться с 15 до 31 млн руб. [7, д. 957, л. 226–229; д. 994, л. 2–3; 8, д. 5, л. 59–60].

Для повышения энтузиазма народных масс в целях наращивания темпов первых пятилетних планов в Курской области активным образом стали распространяться различные рабочие движения, создавались новые бюро, аппаратные надстройки и иные учреждения.

Особое значение приобрёл режим экономии. Ещё в мае 1926 г. в Курской губернии была создана специальная комиссия по экономии в регионе, что позволило в 1926–1927 гг. заводам Курского ГСНХ сэкономить 47,74 тыс. руб., а Курского спиротреста – 97,41 тыс. руб. [9, с. 29–30]

В марте 1927 г. получило развитие движение за рационализацию в промышленном производстве. Его ключевой задачей являлась разработка и внедрение новых технических решений, направлен-

ных на совершенствование и повышение эффективности деятельности предприятий. 21 ноября 1928 г. в Курском окружном рабочем комитете новаций состоялось совещание по вопросу организации постоянно действующего аппарата по рационализации. Администрациям предприятий, где выделялись постоянные рационализаторы, предлагалось «озаботиться их скорейшим подбором», в двухнедельный срок составить списки оперативных сотрудников и к 15 декабря 1928 г. предоставить в рабоче-крестьянскую инспекцию планы рационализаторской работы. Рационализация объявлялась неотъемлемой функцией каждого предприятия.

Для систематического изучения и использования научных достижений и опыта в области рационализаторства, проработки и проведения через руководителей учреждений и предприятий рационализаторских работ, объединения рационализаторских предложений и начинаний оперативных работников, разработки мероприятий по повышению квалификации и инструктажа сотрудников учреждений на участках, где производятся рационализаторские работы, создавалось специальное бюро рационализаторского аппарата. Расходы на рационализаторскую деятельность предоставлялись в вышестоящие учреждения отдельной сметой. В среднем от представления проекта в области рационализаторства до его утверждения проходило от 15 до 25 дней [8, д. 50, л. 18].

Показатели рационализаторской деятельности за 1927–1928 гг. продемонстрировали, что уже на начальном этапе был проведён большой объём работ на таких крупных предприятиях, как ликероводочный завод, винокуренных предприятиях спиротреста, машзаводе г. Курска, заводах мелтреста и др. [7, д. 1545, л. 75] Только за 1926–1928 гг. на сахарных заводах Курского края было обработано 130 предложений. Большая часть внедрена в производство. В частности, предложение рабочих Сысаева и Найдёнова за

один сезон переработки сахара сэкономило заводу 500 руб. К 1930-м гг. в рационализаторскую деятельность были вовлечены около 20% курских предприятий [10, с. 273]. Несомненно, движение ускорило процесс индустриализации, продемонстрировав высокую эффективность в сфере развития как региональной, так и всесоюзной экономики.

В период первого пятилетнего плана развития народного хозяйства активно внедрялись ударничество и социалистические соревнования. 14 апреля 1929 г. обком ВКП (б), обком ВЛКСМ и профсовет Центрально-Чернозёмной области обратились с призывом к трудящимся организовать социалистические соревнования. Предложение было поддержано. Уже в конце 1929 г. в области функционировало 148 ударных бригад, а к 1930 г. – 749, а на одном Курском заводе им. Калинина к концу 1931 г. работало 246 ударников. В 1931 г. бригада набивщиков на Курском кожевенном заводе им. Серёгина при норме 15 000 опочечных единиц взялась за 18 000 опочечных единиц, в результате выпустив более 20 000.

XVII съезд ВКП (б) (26 января – 10 февраля 1934 г.) подвел итоги первой пятилетки в СССР и своей резолюцией утвердил план развития народного хозяйства СССР на вторую пятилетку. Съезд закрепил путь на построение социализма, объявил о формировании за годы первой пятилетки фундамента социалистической экономики и победе над кулачеством как последним капиталистическим классом. За годы первой пятилетки была создана материальная база социализма – тяжелая индустрия, что создавало новые условия для развития легкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства. Объем продукции всей промышленности в конце первой пятилетки составил 43 млрд руб., обеспечив среднегодовой прирост в 16,5%, при этом среднегодовой темп роста предметов широкого потребления составил 17%, а средств производства – 14,5%. Были отмечены также успехи в области социалистической дисциплины

труда, повышение квалификации рабочих, что обеспечило высокую производительность труда.

Официальная статистика, подготовленная Госпланом, провозглашала полное выполнение плана 1928–1933 гг. «в течение четырех с четвертью лет» по всем показателям [11, с. 3].

Однако если обратить внимание на конкретные цифры фактического выполнения, то они по многим показателям существенно отличались от запланированных. Так, значительное отклонение от плановых показателей наблюдалось в черной металлургии. Пятилетний план поставил задачу довести выплавку чугуна в 1932/33 г. до 10 млн т, т. е. утроить ее, довести выплавку стали до 10,3 млн т и выпуск проката – до 8 млн т [11, с. 103]. В итоге были достигнуты следующие показатели: выплавка чугуна – 6206 тыс. т, стали – 5885 тыс. т, прокат – 4234 тыс. т. Близко к плановым были достигнуты показатели по добыче каменного угля, железной руде, мощности электростанций. При этом некоторые показатели были выполнены и перевыполнены (по нефти, торфу, тракторам, товарным вагонам) по оптимальному плану, но не по уточненному варианту 1929 г. [11, с. 75, 79, 83, 95, 99]

Результаты первой пятилетки в Курской области были подведены на III областной партконференции ЦЧО, проходившей 23–27 января 1932 г. Отмечалось успешное выполнение первой пятилетки. Было освоено 350 видов новой промышленной продукции и 22 новые отрасли. Наметилась явная тенденция переориентации в сторону развития тяжелой индустрии, о чем свидетельствует сокращение удельного веса предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье: если в 1928 г. они занимали 81,5% промышленного сектора региона, то в 1933 г. всего 53,5%.

Задачи второй пятилетки по развитию народного хозяйства СССР были утверждены VII Съездом ВКП (б). Объем продукции по всей промышленности в

конце второй пятилетки должен был составить 92,7 млрд руб. (в ценах 1926–1927 гг.), обеспечив среднегодовой прирост в 16,5%. Рост производительности труда должен был достигнуть 63%, при этом себестоимость должна была снизиться на 26% [1, с. 129–130].

Помимо достижения экономических показателей вторая пятилетка должна была решить главную политическую задачу по ликвидации «капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовое различие и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» [1, с. 34–36].

Задания второй пятилетки в ЦЧО были утверждены в январе 1934 г. Но уже 13 июня 1934 г. постановлением Президиума ВЦИК РСФСР Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую области.

В Курской области к началу второй пятилетки сложилась прочная индустриальная база для дальнейшего промышленного развития региона. В это время функционировало 11689 предприятий, на которых трудилось 91 тыс. человек. Завод им. Медведева начал производить тракторные запчасти, завод текстильного машиностроения приступил к освоению тяжёлых агрегатов. Действовало 8 кирпичных, 5 мелоизвестковых и 1 черепичный завод, планировалось построить 2 завода по производству фосфорной муки. Значительную роль играли предприятия по обработке металлов: Нарышкинский обозостроительный, Ливенский чугунолитейный, Щигровский механизированный завод и др. Лидирующие позиции по-прежнему принадлежали пищевой промышленности: 18 сахарных, 33 спиртоводочных, 7 маслособойных, 121 масло-сыроваренных заводов.

Наибольшую известность в период второй (1933–1937 гг.) и третьей (1938–

1942 гг.) пятилетки индустриализации советской промышленности получило стахановское движение. Инициатором движения в Курском крае стал М. В. Пронин (затяжчик Курской обувной фабрики, выполнивший 237,9% нормы). Благодаря стахановскому движению в середине 1930-х гг. мощность Орловской обувной фабрики была увеличена на 18%, Курского кожевенного завода – на 40%, Глушковской обувной фабрики – на 30%. На Орловской обувной фабрике по состоянию на 1 января 1936 г. числилось 113 стахановцев, на Курской кондитерской фабрике – 40, на Курской обувной фабрике – 67. Всего по области – 921 человек, а к 1937 г. – уже 3297 [12, с. 132–133].

Однако, несмотря на достаточно высокие показатели, промышленность Курского областного и районного подчинения план не выполняла. Анализ архивных материалов показал, что в 1937 г. основные показатели были выполнены на 98,7%, в 1938 г. – на 97,6%.

Для устранения «ненормальностей» в работе промышленности регулярно разрабатывались развернутые планы корректирующих мероприятий, призывающие расширить мобилизацию, максимально использовать внутренние ресурсы, наладить подготовку и выдвижение кадров, развернуть массовое стахановское движение. В результате план производства валовой продукции Курской промышленности за 7 месяцев 1939 г. был выполнен на 106,1%, продукции выработано на 10 млн рублей больше, чем за тот же период 1939 г. Представленные статистические данные, вне сомнения, требуют к себе критического отношения, поскольку для местных управленческих структур завышение показателей в это время являлось обыденным явлением.

В сельском хозяйстве интенсивно внедрялось ефремовское движение. В конце 1930-х гг. в области выросли свои кадры стахановцев, пятисотниц, тонниц, трактористов, комбайнёров, животновод-

дов. За высокие показатели работы в первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, проходившей в Москве с 1 августа по 25 октября 1939 г., от Курской области приняли участие 2723 стахановца-передовика, 218 колхозов, совхозов, 192 колхозные фермы и 2 МТС [13].

Широкую известность получили подвиги таких рабочих, как М. Д. Дюканов (Медвенский район, с. Рождественка, на вырубке угля превысил норму почти в 16 раз), М. Д. Иванов (г. Курск, рабочий кожевенного завода им. Серёгина, при норме 260 обработал 522, установил всесоюзный рекорд по строжке), А. В. Грищенко и Т. Е. Калашникова (ткачихи Глушковской суконной фабрики превысили норму в 2 раза) и многих других [14, с. 224–225].

Для достижения наибольшей результативности в деле индустриализации промышленности 9 апреля 1931 г. ВЦИК и СНК приняли новое «Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях». Оно предоставляло изобретателю две формы альтернативной охраны его прав: авторское свидетельство и патент. Выдача авторских свидетельств означала переуступку исключительных прав на использование изобретения государству. Вознаграждение автору выплачивалось отраслевыми органами по изобретательству в зависимости от размера годовой экономии, даваемой изобретением, а не предприятиями использующими изобретение. Кроме того, автор получал ряд льгот при поступлении на учебу, жилищные и пенсионные льготы, дополнительный отпуск, право на занятие должностей научных сотрудников и пр. В случае выбора патента изобретатель приобретал исключительное право на использование изобретения. Однако в условиях ликвидации частной предпринимательской деятельности практиче-

ское внедрение патента государственным предприятием не представлялось возможным. Выдача патента льготами не сопровождалась. Тем самым было легитимировано исключительное право Советского государства на изобретения.

На заседании президиума Курского окружного исполнительного комитета 6 сентября 1928 г. было решено создать Бюро содействия рабочему изобретательству в составе технолога Гладкова А. А., строителя Кузнецова Д. С., электрика Георгиевского Н. В., химика Блюмберга Н. Л., теплотехника Шейца Л. Д., механиков Орлова и Азбукина В. А., под председательством Жаденова. Эта организация занималась разработкой различных предложений по усовершенствованию производства, поступающих от граждан. За 1928 г. в бюро поступили предложения от рабочего станции Полевая (Курский район) Володцева Г. Ф. о создании нового скорохода, двигающегося со скоростью более 60 вёрст в час, рабочего Андрианкина И. В. – проект автоматических весов для мелких сыпучих тел и «способ вентиляции солодовых», двигатель Курбаткина В. Д. (г. Рыльск), буквопечатающий телеграфный аппарат Суходолова Н. М. (г. Рыльск), торпеда Симонова А. М. (г. Старый Оскол) и многое другое [7, д. 14, 90, л. 17]. Рабочее изобретательство показало свою эффективность в силу его непосредственной практической ориентации, способствуя повышению показателей промышленного развития региона.

Резолюция XVIII съезда ВКП (б) (10–21 марта 1939 г.) утвердила итоги второй пятилетки и обозначила план развития на третью пятилетку. В соответствии с резолюцией Съезда главная задача пятилетки, направленной на завершение технической реконструкции, была выполнена. При этом вторая пятилетка была выполнена за 4 года и 3 месяца.

Среднегодовые темпы прироста превысили плановые показатели и составили 17,1% против запланированных 16,5%. Значительно выросла производительность труда, чему немало способствовало развитие социалистических соревнований, и в том числе стахановское движение. Так, производительность труда в промышленности вместо запланированных 63% составила 82% [1, с. 335–336].

Главная задача третьей пятилетки, закрепленная резолюцией VIII Съезда ВКП (б), состояла в том, чтобы догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. В связи с этим необходимо было продолжить развитие машиностроения и всей тяжелой промышленности, обеспечить разработку и внедрение в производство и сельское хозяйство новейших технологий, развивать социалистические соревнования и стахановское движение. Важнейшей задачей третьей пятилетки можно считать запланированный рост народного потребления в 1,5–2 раза, что должно было обеспечиваться не только ростом производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров, но и ростом реальных доходов населения. Кроме того, третья пятилетка должна была обеспечить подъем культурного уровня трудящихся. В целях обеспечения стабильности положения страны в условиях международного политического противостояния необходимо было создать крупные государственные резервы. Для решения вышеобозначенных задач резолюцией VIII Съезда ВКП (б) были нормативно закреплены следующие показатели третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, представленные Госпланом и утвержденные ЦК ВКП (б) и Советом Народных Комиссаров СССР: достижение объема промышленной продукции в 184 млрд руб., обеспечивающе-

го рост на 92%; достижение среднегодового роста промышленной продукции в размере 14%, причем среднегодовой прирост по производству средств производства устанавливался в размере 15,7%, а по производству предметов потребления – 11,5% [1, с. 340–342]. Однако начавшаяся война не позволила Советскому Союзу завершить планы по индустриализации страны.

Тем не менее реализация первых довоенных пятилеток в СССР, в том числе в Курском регионе, оказала огромное влияние на развитие промышленного производства. За 10–15 лет были построены десятки новых предприятий, сформировались мощные промышленные комплексы, выросли новые отрасли индустрии, заложены основы электроэнергетического развития, определены основные центры добычи полезных ископаемых, утверждены ключевые направления развития народного хозяйства области. Курский край – исторически аграрный регион – по настоящему превратился в промышленный центр. Вместе с тем ошеломительные результаты не всегда достигались демократичными средствами. В стране господствовала командно-административная система, активно использовался труд заключённых, внедрялись разнообразные инструменты активизации народных масс: движение за рационализаторство, деятельность изобретательских бюро, трудовые подвиги стахановцев и т. п. Однако эти меры не могли обеспечить достижение тех показателей, которые первоначально были заложены в план первой пятилетки. Просчеты в системе планирования были учтены уже при составлении годового плана на 1933 г., а также в директивах второй и третьей пятилеток, одобренных партийными съездами.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898–1953. Изд. седьмое. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953. 1204 с.

2. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенограф. отчёт. М.: Гос. изд-во, 1926. 1041 с.

3. Разработка первого пятилетнего плана народного хозяйства [Электронный ресурс] // История индустриализации СССР 1926–1928 гг.: документы и материалы. М.: Наука, 1969. URL: <http://istmat.info/node/6178> (дата обращения: 11.09.2018).

4. Индустриализация СССР, 1929–1932: документы и материалы / под ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1970. 635 с.

5. V съезд Советов: стеногр. отчет. М.: Изд. ЦИК Союза ССР, 1929. 662 с.

6. Протокол №79 заседания политбюро [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/59596> (дата обращения: 12.09.2018).

7. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). Ф. 174. Оп. 1.

8. ГАКО. Ф. 1056. Оп. 1.

9. Краткий отчёт о работе Курского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 1 октября 1928 – 1 октября 1928. Курск: Изд. Курского горсовета, 1930. 38 с.

10. История индустриализации Центрально-Чернозёмного района 1926–1932 гг. Т. 1 / Г. И. Арзипова, К. В. Аникина, А. Г. Беляева [и др.]. Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1970. 495 с.

11. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М.: Стандартизация и рационализация, 1933. 276 с.

12. История индустриализации Центрально-Чернозёмного района. 1926–1932 гг. Т. 2 / А. Г. Беляева, Г. В. Гнездилова, В. Е. Шарова [и др.]. Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1972. 556 с.

13. ГАКО. Ф. 3272. Оп. 1. Д. 193. Л. 84.

14. Королёв Б. Н. История и современность Курского края. Изд. 2-е. Курск: Курский ПКПП, 2014. 522 с.

Поступила в редакцию 16.10.18

UDC 321(091)

N. S. Petrisheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: petrishceva_nc@mail.ru)

K. A. Zarubina, Undergraduate, Kursk State University (Kursk, Russia) (e-mail: kris1996z@mail.ru)

A. S. Emelyanov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lalyc@mail.ru)

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF THE IMPLEMENTATION OF THE FIRST WELTED FIVE-YEARS ON THE EXAMPLE OF THE KURSK REGION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The rapid transformation of the USSR into a leading industrial power is interpreted by most researchers as “an economic miracle”. Despite all the discussions about the feasibility of implementing the first five-year plans, it is obvious that the Stalinist doctrine of the “big leap” allowed the Soviet state to increase the diversified military-industrial potential, reconstruct the entire system of national economy, go to the second place in the world manufactured industrial products. According to official statistics from Soviet statistics, the average annual growth rate of industrial production during the first five-year plans was from 10 to 17% and was the highest in the world, the production of all types of industrial products allowed to do without imports.

The study of the political and legal foundations of the system of state administration and planning, which made it possible for the USSR to make a significant breakthrough in economic development in the prewar period, is particularly relevant in the context of the current challenges facing the Russian Federation. In addition, in the modern realities of an extremely tense international situation and economic blockade by the EU and the USA, the study of the main methods and instruments for overcoming the isolation of the Soviet state in the 1930s. acquires special relevance.

It is necessary to investigate all the shortcomings of this system, the causes of failures in the planning and organization of the first five-year plans. Of particular importance is the study of normative legal acts of the executive and legislative authorities, as well as acts of the party organs, which allow the analysis of the competences and powers of the state governing bodies in the period under study, their significance and role in industrialization, as well as explore the system of relations between the authorities its impact on decisions and their implementation.

The presented article is devoted to the study on the basis of archival materials of the legal basis for the functioning of the planning and management system, as well as to the study of practical experience in the implementation of the first five-year plans in the Kursk region.

Key words: industrialization, five-year plan, directive, resolution, congress, party organization, inventive bureau, socialist competition, efremov movement, stakhanov movement, rationalization movement.

For citation: Petrisheva N. S., Zarubina K. A., Emelyanov A. S. Organizational and legal bases of the implementation of the first welted five-years on the example of the Kursk region: historical and legal aspect. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 17–26 (in Russ.).

***

Reference

1. KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK, 1898–1953. Izd. sed'moe. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1953. 1204 p.

2. XV s"ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b): stenograf. otchyot. Moscow, Gos. izd-vo, 1926. 1041 p.

3. Razrabotka pervogo pyatiletnego plana narodnogo hozyajstva. Istoriya industrializacii SSSR 1926–1928 gg.: dokumenty i materialy. Moscow, Nauka Publ., 1969. URL: <http://istmat.info/node/6178> (accessed 11.09.2018)

4. Industrializaciya SSSR, 1929–1932: dokumenty i materialy; ed. by M. P. Kim. Moscow, Nauka Publ., 1970. 635 p.

5. V s"ezd Sovetov: stenogr. otchet. Moscow, Izd. CIK Soyuza SSR, 1929. 662 p.

6. Protokol No 79 zasedaniya politbyuro. URL: <http://istmat.info/node/59596> (accessed 12.09.2018).

7. GAKO (Gos. arh. Kursk. obl.). F. 174. Op. 1.

8. GAKO. F. 1056. Op. 1.

9. Kratkij otchyot o rabote Kurskogo gorodskogo soveta rabochih, krest'yanskih i krasnoarmejskih deputatov s 1 oktyabrya 1928 – 1 oktyabrya 1928. Kursk, Izd. Kurskogo gorsoveta, 1930. 38 p.

10. Arzipova G. I., Anikina K. V., Belyaeva A. G., eds. Istoriya industrializacii Central'no-Chernozyomnogo rajona 1926–1932 gg. Vol. 1. Voronezh, Centr.-Chernozyom. kn. izd-vo, 1970. 495 p.

11. Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR. Moscow, Standartizaciya i racionalizaciya Publ., 1933. 276 p.

12. Belyaeva A. G., Gnezdilova G. V., Sharova V. E., eds. Istoriya industrializacii Central'no-Chernozyomnogo rajona. 1926–1932 gg. vol. 2. Voronezh, Centr.-Chernozyom. kn. izd-vo, 1972. 556 p.

13. GAKO. F. 3272. Op. 1. D. 193. L. 84.

14. Korolyov B. N. Istoriya i sovremennost' kurskogo kraja. Ed. 2th. Kursk, Kurskij PKiPP Publ., 2014. 522 p.

УДК 340.1

Е. А. Ларина, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: larinahelene83@gmail.com)

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lalyc@mail.ru)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Проблема исследования и развития институтов гражданского общества в правовой политике государства является крайне дискуссионной, вызывающей массу трактовок и подходов. Для выяснения сущности и значения взаимодействия институтов гражданского общества необходимо рассмотреть научно-методологические основы и исследовать многообразные подходы по данному вопросу.

Теоретико-правовая специфика взаимосвязи институтов гражданского общества имеет несколько принципиально важных признаков: первый связан с уровнем совпадения их стратегических, программных целей и интересов; второй касается реального структурного взаимодействия. В этом ключе выделяются различные типы взаимоотношений политической системы общества и институтов гражданского общества: слияния, замещения одного другим, раздельного и обособленного существования; гармоничного взаимодействия; противостояния.

Правовая политика в области взаимодействия институтов гражданского общества – это целенаправленная комплексная, научно обоснованная последовательная деятельность государственных органов и негосударственных структур по формированию гражданского общества путем создания эффективного механизма правового регулирования при цивилизованном использовании юридических средств.

Для становления институтов гражданского общества необходима развитая гражданская позиция, которая начинает формироваться уже в процессе социализации, когда гражданин приобретает определенные навыки социальности, умение отстаивать свои права и исполнять обязанности, способность к коммуникации и организованности. И в этом процессе решающая роль принадлежит свободе, благодаря которой индивид превращается в гражданина, ответственного за себя и свои политические решения.

Ключевые слова: институты гражданского общества, государство, правовая политика государства, политическая система общества.

Ссылка для цитирования: Ларина Е. А., Ларина О. Г. Становление и развитие современных институтов гражданского общества: теоретико-правовое исследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 27–32.

***

Одним из важнейших аспектов теоретико-правового исследования является рассмотрение основных институтов, структурных элементов гражданского общества. Структура – внутреннее устройство чего-либо [1], а структура гражданского общества – это совокупность элементов, которые и составляют взаимосвязи между ними. Проблема строения институтов гражданского общества актуальна в связи с необходимостью выявления механизма его функционирования. Значение и сложность этого вопроса заключается в том, что в данный момент отсутствует какое-либо единое мнение относительно того, что относится к структурам гражданского общества и каким образом они связаны между собой.

Структура гражданского социума в России представлена деятельностью множества общественных организаций, выступающих институтами общественной активности граждан. В связи с этим необходимо выявить социально-политическое значение и функции данных институтов в процессе осуществления государственной власти.

Рассмотрим некоторые элементы институтов гражданского общества в единстве с теми связями, которые, собственно, обеспечивают превращение субстрата в элемент и субъект гражданского общества как правового демократического общества. Гражданское общество, наряду с такими феноменами, как демократия, правовое государство, транспарентность

власти и т. п., постоянно находится в эпицентре внимания всех тех, кто интересуется проблемами развития социума [2, с. 11].

При этом следует отметить, что большинство ученых сходится во мнении, что в России институты гражданского общества ещё находятся в стадии своего становления. Часто выдвигается тезис о том, что современное российское гражданское общество имеет неразвитую или пока находящуюся в стадии формирования структуру. В этой связи возникает необходимость раскрыть содержание понятия «структура институтов гражданского общества» как некоего идеального типа и исследовать структуру современного российского гражданского общества для того, чтобы соотнести идеальную модель с российской реальностью.

Институты гражданского общества, где связующим фактором выступает: признание, обеспечение и защита прав и свобод человека; воспитание, образование, наука и культура и т. д. К их числу относят:

- а) государство;
- б) общественные организации и движения (экологические, антивоенные, правозащитные и т. п.);
- в) профессиональные союзы;
- г) семью;
- д) церковь (религиозные организации, конфессиональные объединения);
- е) союзы предпринимателей, ассоциации потребителей, независимые ассоциации;
- ж) средства массовой информации;
- з) научные и культурные организации;
- и) учреждения, институты собственности, иные самоуправляющиеся общности людей (кооперации, ассоциации, хозяйственные кооперации, творческие, этнические и иные объединения) [3; 4, с. 206].

В структурном варианте институты гражданского общества неоднозначны: как политически организованное общество, так или иначе, переходит в оппозицию к государству или превращается в него. Гражданское общество является не элементом политической системы общества, а его условием. Институты гражданского общества, втянутые в политическую систему общества, становятся государствовподобными, т. е. перекрываются государством [5, с. 20].

Рассматривая проблему в области развития институтов гражданского общества, можно высказать мнение о том, что первостепенной задачей в данной проблеме является создание условий национальной безопасности, формирования осознания национальной самодостаточности нашей страны. Касаясь данной проблемы на сегодняшний день, необходимо отметить ряд ключевых аспектов, в их числе: гуманистическая концепция развития многоэтничной государственности России, а также наличие прагматической стратегии в деле обеспечения защиты жизненных интересов граждан России [6; 7, с. 710].

Представляется возможным аргумент о том, что институты гражданского общества сегодня должны развивать и укреплять его, транслировать нравственность, формировать национальное самосознание, ответственность и гордость. В контексте обозначенной проблематики хотелось бы отметить ряд актуальных аспектов, которые отражают спектр многочисленных составляющих детерминант построения правовой политики в области взаимоотношения к институтам гражданского общества.

В качестве основополагающих обозначим следующее:

- 1) необходимость создания дееспособного правового пространства для граждан нашей страны;

2) выстраивание эволюционной модели государственности на базисных основах социокультурной, социально-политической традиции, адекватной ментальности российских граждан, правовой культуры граждан;

3) укрепление статуса гражданского общества.

Следует отметить особую роль правовой культуры в процессе воспитания и образования. В частности, в Конвенции о правах ребенка (ст. 29) подчеркивается, что приоритет в воспитании должен быть отдан национальным ценностям при должном уважении к ценностям других цивилизаций. Хотелось бы присоединиться к позиции, что, только впитав и освоив свои «родные ценности» и традиции, взрослеющий человек в состоянии уважительно воспринимать, осознавать и иную культуру.

Не случайно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации предусмотрена защита духовно-нравственного наследия и исторических, религиозных традиций народов России, а также намечено осуществление ряда мер, направленных на наиболее полную реализацию духовного, нравственного и миротворческого потенциала религиозных традиций. Именно духовный потенциал нации является гарантом ее безопасности.

Следует отметить, что в 2000 г. Русская православная церковь приняла «Основы социальной концепции РПЦ». Инициатива РПЦ была поддержана представителями и иных конфессий. Предполагается, что система российского образования сегодня нуждается в создании стратегической общенациональной концепции воспитания при участии профессионалов-специалистов, а также представителей иных институтов общества и общественных организаций. Касаясь проблематики выстраивания эволюцион-

ной модели правовой политики на базисных основах социокультурной, социально-политической традиции, адекватной ментальности российских граждан, возможно обоснование факторов и понятий следующего порядка.

Состояние власти в России традиционно позиционировалось в контексте общественных отношений, отторгало или консолидировало общество. В данной связи под термином «политическая культура» обозначается характерная для данного общества система ценностей и норм управления, а также их символического выражения в знаковых формах поведения, регулирующая действия представителей государственной власти, спектр их взаимоотношений между собой.

Как неоднократно отмечал в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Власть должна слышать людей, объяснять суть возникающих проблем и логику своих действий, видеть в гражданском обществе и в бизнесе равных партнеров» [8]. При этом «ответственность за страну формируется не лозунгами и призывами, а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама «вкалывает» во имя страны и каждого гражданина, учитывая общественное мнение». «Власть не должна быть изолированной кастой», – подчеркнул Президент нашей страны.

Кроме того, понятие «политическая культура» предполагает совокупность тех ожиданий, которые представляет народ по отношению к государственной власти [9]. Следует также отметить, что в основе российской политической культуры лежит комплекс ценностных установок, неизменных на протяжении длительного исторического периода. Традиции русской государственности привели к замене свободы подавлением человека, тотальному насилию, а в правовой системе стала доминировать карательная практика.

Оборотной стороной этих явлений стал революционаризм, бунтарство, стихийный анархизм, направленный в том числе и против позитивного права.

Последние десятилетия деформировали во многом традиционность общественного сознания наших граждан, но на ментальном уровне мы остаемся приверженцами нашего историзма. В контексте проблематики развития институтов гражданского общества наиболее важным представляется мнение относительно «народившейся» в постсоветское время так называемой «буржуазии». Ряд буржуазии (в первую очередь «либеральной») идентифицирует, ассоциирует себя с западным бизнес-идеалом, что, на наш взгляд, весьма сомнительно и не соответствует действительности.

В соответствии с анализом социально-экономической стратификации социума, «верхняя-верхняя страта», ее фундамент формируется в течение нескольких лет, становясь консервативной нишей (порой их обозначают как «нувориши»). Согласимся, что «верхний слой» российского бизнеса составили «назначенные» олигархи. Характерной чертой их поведения для огромных слоев населения стала демонстрация своего финансового превосходства перед «остальными». При этом олигархи пытались упорно проецировать свою идеологию всему сообществу. Либеральные реформаторы предприняли попытку настойчивого и упорного навязывания идеи «социального неравенства» в качестве объективной и незыблемой нормы в качестве главного стимула, мотивации для процветания и прогресса в обществе.

В этой связи сегодня особо подтверждается мнение о том, что «критика принципа социальной справедливости, трактуемая как уравнительность, стала одним из основных объектов нападок либеральных идеологов» [6, с. 278]. Однако,

по мнению ряда исследователей, подобная постановка вопроса является полным искажением реальной тенденции, характерной для современного периода развития большинства западных стран [7, с. 27].

В заключение можно отметить, что на сегодняшний момент крайне необходима выработка и внедрение стратегической концепции воспитания подрастающих поколений, что является прерогативой и важнейшей функцией государства, при участии общественных сил и организаций российского социума; государственная социально-правовая доктрина должна охватывать все уровни системы образования и воспитания, начиная с дошкольного, опираясь на общегосударственную, национальную идею. Наряду с имеющимися отдельными факторами социально-политического характера в современной России развиваются и позитивные составляющие. Среди них: позитивный духовный потенциал, традиции, а также следствие стремления ряда политиков и практиков, государственных деятелей, ученых, населения в целом к сохранению и процветанию нашего государства.

Формирование и развитие институтов гражданского общества, развитие правовой политики есть системообразующие факторы эволюционирования и будущего процветания правовой политики страны [10]. В заключение хочется отметить, именно развитие и становление институтов гражданского общества, развитие правового сознания могут позволить избежать негативных последствий социально-культурной трансформации властных отношений, а также позволит укрепить независимость и величие страны для молодых поколений. Безусловно, эта задача требует осознанных и ответственных решений, как со стороны государства, так и со стороны гражданского об-

щества, социума в целом. В частности, укрепление доктрины «мировой державы», сотрудничество власти и общественных сил, в качестве главной ценности – созидание и творчество в обществе, а также преодоление политического инфантилизма.

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России на 2017 год (№ 29.8958.2017/БЧ).

Список литературы

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.org/words/34838.shtml> (дата обращения 20.07.2018).

2. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Структурные связи системы гражданского общества и сформированность его институтов // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 7–14.

3. Грудцына Л. Ю. Государственно-правовой механизм формирования институтов гражданского общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 54 с.

4. Лаптева Е. В. Формирование гражданского общества в России // Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества: междунар.

науч.-практ. конф. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2006. С. 206.

5. Сигалов К. Е., Саранчук Ю. М., Селезнёва П. С. Векторы взаимодействия гражданского общества и современного государства: монография. М.: Проспект, 2018. 243 с.

6. История государства и права России / под ред. С. А. Чибиряева. М.: Былина, 2001. 528 с.

7. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993. 736 с.

8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2018. 1 марта. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 13.08.2018).

9. Поговорим о гражданском обществе: сб. фонда «Общественное мнение» / Институт фонда «Общественное мнение». М., 2001. 134 с.

10. Ларина Е. А. Гражданское общество и правовое государство: теоретический дискурс // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. №2(19). С. 30–34.

Поступила в редакцию 07.09.18

UDC 340.1

E. A. Larina, Senior Lecturer, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: larinahelene83@gmail.com)

O. G. Larina, Doctor of Juridical Law, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: lalyc@mail.ru)

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF INTERACTION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

The problem of interaction of civil society institutions in the legal policy of the state is very controversial, causing a lot of interpretations and approaches. In order to clarify the essence and significance of the interaction of civil society institutions and the political system, it is necessary to consider the scientific and methodological foundations and investigate the diverse approaches on this issue.

The theoretical and legal specifics of the interrelation of civil society institutions have several fundamentally important features: the first is related to the level of coincidence of their strategic, program objectives and interests; The second concerns real structural interaction. In this vein, different types of relationships between the political system of society and civil society institutions are distinguished: mergers, substitutions of one another, separate and separate existence; harmonious interaction; confrontation.

Legal cooperation in the field of civil society policy - a purposeful comprehensive, scientifically-based sequential activity of state bodies and non-governmental structures for the formation of civil society through the establishment of an effective regulatory mechanism for the civilized use of legal means.

To develop the institutions of civil society, a developed civic culture of the individual is needed, which begins to be formed already in the process of socialization, when a person acquires certain social skills, an active civil position, the ability to defend one's rights and fulfill duties, the ability to communicate and organize. And in this process the decisive role belongs to freedom, thanks to which the individual turns into a citizen, responsible for himself and his political decisions.

Key words: legal policy, institutions of civil society, political system of society, state.

For citation: Larina E. A., Larina O. G. Legal policy in the field of interaction of civil society institutions. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 27–31 (in Russ.).

***

References

1. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. URL: <http://www.ozhegov.org/words/34838.shtml> (accessed 20.07.2018).

2. Zyryanov S. G., Lukin A. N. Strukturnye svyazi sistemy grazhdanskogo obshchestva i sformirovannost' ego institutov. *Socium i vlast'*, 2016, no. 5 (61), pp. 7–14.

3. Grudcyna L. Yu. Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm formirovaniya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk. Moscow, 2009. 54 p.

4. Lapteva E. V. Formirovanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Obshchestvennaya palata i ee rol' v formirovanii grazhdanskogo obshchestva: mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Moscow, Mosk. univ. MVD Rossii Publ., 2006, pp. 206.

5. Sigalov K. E., Saranchuk Yu. M., Seleznyova P. S. Vektory vzaimodejstviya

grazhdanskogo obshchestva i sovremennogo gosudarstva. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 243 p.

6. Istoriya gosudarstva i prava Rossii; ed. by S. A. Chibiryayev. Moscow, Bylina Publ., 2001, 528 p.

7. Platonov S. F. Lekcii po russkoj istorii. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1993. 736 p.

8. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii. 2018. 1 March. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (accessed 13.08.2016).

9. Pogovorim o grazhdanskom obshchestve: sb. fonda "Obshchestvennoe mnenie". Institut fonda "Obshchestvennoe mnenie". Moscow, 2001. 134 p.

10. Larina E. A. Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo: teoreticheskij diskurs. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoriya i pravo*, 2016, no. 2(19), pp. 30–34.

УДК 340.1

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lalyc@mail.ru)

Е. В. Долженкова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: katushenka88@yandex.ru)

А. С. Емельянов, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lalyc@mail.ru)

В. О. Артамонова, соискатель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: artamonova-1@mail.ru)

Н. В. Картамышева, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kartamysheva_1@mail.ru)

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСНОГО ДОМЕНА КРЕСТЬЯНАМИ ПО РЕФОРМЕ 1861 ГОДА И В ПОСЛЕДУЮЩИЙ ПЕРИОД

Авторы на основе норм «Положения об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости» проводят анализ особенностей предоставления крестьянам земельных участков, принадлежащих к лесному фонду. Отмечают, что по общему правилу лесные угодья не включались в состав крестьянского надела. Однако существовало законодательно установленное исключение. Его смысл состоял, прежде всего, в сохранении лесных угодий, которыми пользовались отдельные крестьянские дворы для сбора топлива и обогрева жилищ за ними в счет причитающегося им надела. Остальные крестьяне получали топливо (дрова, валежник, хворост, сучья, камыш, тростник, торф) от помещика за особую плату или повинность на особых условиях.

Способ отпуска, количество и качество топлива, а также плата или повинность с крестьян за него определялись по обоюдному добровольному соглашению помещика с крестьянами. Если такого соглашения не было, то возникший спор разрешался мировым посредником, при этом место и порядок заготовки крестьянами топлива указывались помещиком.

Авторы отмечают, что лесной ресурс первоначально воспринимался лишь источником удовлетворения государственных нужд, при этом права крестьян в пользовании лесом, как правило, ущемлялись. Целенаправленная политика по охране лесного домена была начата лишь с периода правления Петра I. Это четко прослеживается по принимавшимся нормативным актам и проводимой управленческой политике по защите данного ресурса государством. Была провозглашена лесная регалия, усиливалось наказание за вырубку корабельного леса, предпринимались меры охраны промышленных лесов. Законодательство четко разделяло леса на частные и казенные.

При Николае I меры по лесосохранению были усилены. Законодательство данного периода было полностью направлено на защиту государственных интересов.

Ключевые слова: лесной домен, лесосохранение, лесной ресурс, Лесной устав.

Ссылка для цитирования: Анализ правовых основ использования лесного домена крестьянами по реформе 1861 года и в последующий период / О. Г. Ларина, Е. В. Долженкова, А. С. Емельянов, В. О. Артамонова, Н. В. Картамышева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 33–38.

***

После отмены крепостного права законодательное регулирование использования лесного домена крестьянами отличалось некоторыми особенностями. По «Положению об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости» (далее – Положение) в состав надела, причитающегося крестьянам, включались «только удобные земли» [1].

В счет крестьянского надела не должны были входить земли, «не способные ни к пашне, ни к сенокосу, ни вообще к возделыванию: пески, болота, каменистые и глинистые овраги и тому подобные пространства; а равно улицы, проезжие проулки, дороги и прогоны для скота» [1].

По общему правилу, установленному в ст. 29 Положения, «...кустарник, находящийся на крестьянских полях, на покосах и пастбищах, и состоявший в постоянном пользовании крестьян, оставляется в их пользовании, и земля под оным полагается в счет крестьянского надела». Лесные угодья по положениям этой же статьи не включались в состав крестьянского надела. Однако существовали некоторые исключения из общего правила.

Во-первых, лесные участки, «состоящие в постоянном пользовании не всего мира, а отдельных крестьянских дворов или семейств», оставались в их пользовании в счет причитающегося им надела (ст. 30 Положения) [1].

Во-вторых, существовало законодательно установленное право пользования лесами для крестьян отдельных, прежде всего нечерноземных, местностей. Статья 31 Положения позволяла таким крестьянам «использовать находящиеся в их постоянном пользовании участки дровяного леса» до того момента, когда им будет определен собственный надел земли.

В-третьих, Положение предусматривало включение лесных массивов, используемых крестьянами и расположенных на самом близком расстоянии от крупных городов, сплавных рек и железных дорог, в состав помещичьих угодий (ст. 32 Положения). Крестьяне таких имений в течение последующих девяти лет снабжались топливом на определенных условиях, которые подробно регламентированы ст. 49 Положения [1]. Проведем ее анализ.

В имениях, где крестьяне получали топливо (дрова, валежник, хворост, сучья, камыш, тростник, торф) от помещика за особую плату или повинность, его отпуск осуществлялся на следующих условиях. Способ отпуска, количество и качество топлива, а также плата или повинность с крестьян за него определялись

по обоюдному добровольному соглашению помещика с крестьянами. Если такого соглашения не было, то возникший спор разрешался мировым посредником, который был обязан при разборе дел о снабжении крестьян топливом принимать во внимание:

- а) количество отпущенного топлива;
- б) количество остающегося у помещика в имении леса в соотношении с тем количеством, которое по правилам лесного хозяйства может быть отпущено без истощения лесной дачи;
- в) изобилие торфа, тростника или камыша;
- г) таксу, по которой отпускается топливо крестьянам соседних местностей;
- д) действительную торговую ценность топлива в той местности;
- е) местные обычаи и добровольные соглашения по предмету отпуска топлива помещиков и крестьян соседних имений, если такие соглашения существуют [1].

Помещик имел право, по добровольному соглашению с крестьянами, заменить ежегодный отпуск топлива отводом им лесного участка на один или несколько годов, или даже на все девять лет.

Помещики не обязаны были отпускать крестьянам лес для построек и для топлива безвозмездно, причем место и порядок заготовления крестьянами топлива указывалось помещиком. Крестьяне, в свою очередь, имели право отказаться от получения топлива от помещика.

По истечении девятилетнего срока после утверждения Положения либо ранее, в случае приобретения крестьянами угодий в собственность и прекращения обязательственных отношений с помещиком, отпуск крестьянам топлива прекращался, и вместе с тем с крестьян слагалась особая плата или повинность за топливо.

Таким образом, анализ статей Положения показал, что, с одной стороны, лесной ресурс еще не воспринимался государством как стратегический запас. В некоторых районах России его было настолько много, что запреты о вырубках не воспринимались населением и властями всерьез (территория Сибири). В правительственных кругах преобладала точка зрения, согласно которой леса представляли собой не природный комплекс, а ресурс для удовлетворения государственных нужд [2].

С другой стороны, особенно в Центральной части России, Поволжье, лес являлся одним из инструментов «ущемления прав крестьян... были переселения на неплодородные земли, лишение выпасов, лесов, водоёмов, загонов и других необходимых каждому крестьянину угодий» в пореформенный период [3].

Вместе с тем, начиная с периода правления Петра I, государство продолжало целенаправленную политику по охране лесного домена. Это четко прослеживается по принимавшимся нормативным актам и проводимой управленческой политике по защите данного ресурса государством. Была провозглашена лесная регалия, усиливалось наказание за рубку корабельного леса, предпринимались меры охраны промышленных лесов. Законодательство четко разделяло леса на частные и казенные.

При Николае I усилены были меры по лесосохранению, но и лесное образование было поднято на новый уровень [4, с. 106]. При этом большим недостатком реформ Канкрин в лесном деле являлось ведомственное распределение лесного казенного фонда. В итоге получилось, как в пословице «У семи нянек дитё без присмотра»: казенный фонд закреплялся за различными министерствами, контроль был ослаблен, полномочия дубли-

ровались, ответственных было не найти [5, с. 54].

Отсутствие сплошной инвентаризации лесных ресурсов не позволяло охарактеризовать леса государства. Тем не менее государство выступало отдельным субъектом, чья линия в оценке и охране лесных богатств отличалась от деятельности крестьян (иного населения) и помещиков.

Говоря о рассматриваемом периоде, можно с уверенностью отметить, что созданная нормативная основа в области регулирования лесного домена была полностью направлена на защиту государственных интересов. 11 ноября 1802 г. Александром I был утвержден Лесной устав. 30 декабря 1801 г. вышло предписание Сената для губернских правлений и губернаторов принимать меры к охране лесов. Принимались и локальные указы: «Об ограничении в Восточной Сибири свободного пользования казенным лесом для огнедействующих заводов» (1857 г.); «О сбережении лесов в уездах Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском» [6, с. 442]. В 1888 г. вышло Положение «О сбережении лесов», а в 1893 г. – Инструкция «О порядке отпуска древесных саженцев и семян из казенных лесничеств» [7, с. 750].

Из правительственных актов XIX – начала XX в. следует также отметить распоряжение об упорядочении назначения торгов на продажу леса; разъяснение о порядке применения Закона 1896 г. в отношении такс и выдачи билетов; распоряжение о продаже леса крестьянам без торгов; распоряжение о введении хозяйственных заготовок лесничествами [8].

При этом не стоит забывать и о некоторых отклонениях от избранного правительством курса по охране казенных лесов, защищались и частные угодья. В 1825 г. за самовольную порубку частных

лесов вводилась та же ответственность, что и за порубку лесов казенных [9, с. 226]. Указ 1782 г. фактически предоставлял леса, растущие в помещичьих дачах, включая заповедные, в неограниченное пользование их владельцам. В результате уже к концу XVIII в. истощение дачных лесов заметно усилилось. Чтобы предотвратить истребление частных лесов в пореформенный период, российское правительство приняло в 1867 г. Закон «О мерах к охранению частных лесов» [7, с. 750].

Что касается пореформенного периода, то проблемы с выделением наделов и хитрости помещиков в отношении освобожденных крестьян вызвали массовую вырубку не только частных, но и государственных лесных наделов. Правительство осознало необходимость четкой классификации и учета лесов [10]. Так, в 1881 г. была составлена поземельная перепись собственности на леса.

Политика использования лесного домена в рассматриваемый период показывает усиление лесосохранительного направления и усиления государственного контроля за использованием леса [11].

При Петре I особое внимание уделялось охране и восстановлению строевых и водоохраных лесов, создавались общественные парки и сады и т. д. Однако во второй половине XVIII в. стали вырубаться леса в европейской части России, а после крестьянской реформы 1861 г. началось массовое сведение спелых лесов в южных губерниях, усилилась эрозия на возделываемых землях [3, с. 241]. Крестьянская реформа не предусматривала проблемы использования леса, его охраны. Оставалось много проблемных аспектов: смешение полномочий и контрольных функций государственных органов, недостаточное финансирование лесосберегающих проектов, отсутствие системных нормативных актов.

В дальнейшем все указанные проблемы были всерьез восприняты правительством Советской России. Сразу после Октябрьской революции 1917 г. было издано более 200 декретов и документов природоохранного содержания: «Декрет о лесах» (1918 г.), «О сроках охоты...» (1919 г.), «Об охране рыбных и звериных угодий...» (1921 г.) и др.

Статья подготовлена в рамках государственного задания № 29.8958.2017/БЧ по теме: «Правовое регулирование института исключительных прав в странах Западной Европы и Восточной Азии в XVII-XIX вв.: сравнительно-правовое исследование».

Список литературы

1. Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости, высочайше утвержденное 19.02.1861 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36, ч. 1, № 36658.
2. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Госполитиздат, 1954. 290 с.
3. Вечканов Г. С. Экономическая безопасность. СПб.: Питер, 2007. 895 с.
4. Ларина О. Г. Система финансовых прерогатив государства в России второй половины XVII – начала XX веков (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: М., 2012. 364 с.
5. Ларина О. Г. Государственно-правовое регулирование финансовой системы России в первой половине XIX века: монография / Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2008. 172 с.
6. Временные правила о сбережении лесов в уездах Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском, высочайше утвержденные 23.08.1876 // Полн. собр. законов Рос. Империи. Собр. 2. СПб., 1878. Т. 51, ч. 2, № 56323.

7. О мерах к охранению частных лесов: высочайше утверждено мнение Государственного Совета 15.05.1867 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. СПб., 1871. Т. 42, ч. 1, № 44587.

8. Российское законодательство об использовании лесного имущества в XVII веке / В. О. Артамонова, О. Г. Ларина, А. С. Емельянов [и др.] // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 260–264.

9. Артамонова В. О. Государственно-правовое регулирование использования лесного домена крестьянами (реформа 1861 г. и последующий период) // эволюция государства и права: история и современность: сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университе-

та / отв. ред. С. Г. Емельянов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. С. 23–29.

10. Канищев В. В., Баранова Е. В., Жиров Н. А. Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни) // История и современность. 2014. №2(20). С. 92–111.

11. Ларина О. Г., Долженкова Е. В., Артамонова В. О. Система органов управления лесным доменом в России в XVIII–XIX вв. // Земельная реформа в Российской Федерации: новшества в законодательстве и практика их применения: сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2017. С. 114–119.

Поступила в редакцию 18.10.18

UDC 340.1

O. G. Larina, Doctor of Juridical Law, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lalyc@mail.ru)

E. V. Dolzhenkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: katushenka88@yandex.ru)

A. S. Emelyanov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lalyc@mail.ru)

V. O. Artamonova, Candidate Appicante, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: artamonova-1@mail.ru)

N. V. Kartamysheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kartamysheva_1@mail.ru)

ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE USE OF THE FOREST DOMAIN OF THE PEASANTS BY THE REFORM OF 1861 AND BEYOND

Authors on the basis of regulations "Regulations on the device of the yard people who left serfdom" carry out the analysis of features of providing to peasants of the parcels of land belonging to forest Fund. Note that as a General rule, forests were not included in the peasant allotment. However, there was a statutory exception. Its sense consisted, first of all, in preservation of forest lands which were used by separate country yards for collecting fuel and heating of the dwelling behind them at the expense of the allotment due to them. Other peasants received fuel (firewood, fallen trees, brushwood, twigs, cane, peat) from the landowner for a special payment or duty on special conditions.

The way of issue, quantity and quality of fuel, and also the payment or duty from peasants for it, were defined by the mutual voluntary agreement of the landowner with peasants. If such agreement wasn't, the arisen dispute was resolved by the World Intermediary, thus the place and the order of preparation by peasants of fuel was specified by the landowner.

The authors note that the forest resource was initially perceived only as a source of satisfaction of state needs, while the rights of peasants in the use of forest, as a rule, were infringed. A deliberate policy on the protection of the forest domain was started only with the reign of Peter I. It can clearly be seen in the adopted normative acts and carried out the management policy for the protection of this resource by the state. Was proclaimed the forest regalia had increased the penalty for felling timber ship, measures were taken for the protection of industrial forests. The legislation clearly divided forests into private and state forests.

Key words: forest domain, lessohrannye, forest resource, Forest charter.

For citation: Larina O. G., Dolzhenkova E. V., Emelyanov A. S., Artamonova V. O., Kartamysheva N. V. Analysis of the legal framework for the use of the forest domain of the peasants by the reform of 1861 and beyond. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 33–38 (in Russ.).

***

References

1. Polozhenie ob ustrojstve dvorovyh lyudej, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti, vysochajshe utverzhdennoe 19.02.1861. Poln. sobr. zakonov Ros. imperii. Sobr. 2. St. Petersburg, 1863. Vol. 36, pt. 1, no. 36658.

2. Zajonchkovskij P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 290 p.

3. Vechkanov G. S. Ehkonomicheskaya bezopasnost'. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 895 p.

4. Larina O. G. Sistema finansovyh prerogativ gosudarstva v Rossii vtoroj poloviny XVII – nachala XX vekov (istoriko-pravovoe issledovanie). Dis. dokt. jurid. nauk. Moscow, 2012. 364 p.

5. Larina O. G. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie finansovoj sistemy Rossii v pervoj polovine XIX veka. Kursk, Kursk. gos. techn. un-t Publ., 2008, 172 p.

6. Vremennye pravila o sberezhonii lesov v uezdah Simferopol'skom, Yal'tinskom i Feodosijskom, vysochajshe utverzhdennye 23.08.1876. Poln. sobr. zakonov Ros. imperii. Sobr. 2. St. Petersburg, 1878. Vol. 51, pt. 2, no. 56323.

7. O merah k ohraneniyu chastnyh lesov: vysochajshe utverzhdenno mnenie Gosudarstvennogo Soveta 15.05.1867. Poln.

sobr. zakonov Ros. imperii. Sobr. 2. St. Petersburg, 1871. Vol. 42, pt. 1, no. 44587.

8. Artamonova V. O., Larina O. G., Emel'yanov A. S., eds. Rossijskoe zakonodatel'stvo ob ispol'zovanii lesnogo imushchestva v XVII veke. Sovremennaya nauchnaya mysl', 2017, no. 5, pp. 260–264.

9. Artamonova V. O. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya lesnogo domena krest'yanami (reforma 1861 g. i posleduyushchij period). Ehvoluciya Gosudarstva i prava: istoriya i sovremennost': sb. nauch. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 25-letiyu juridicheskogo fakul'teta Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta; et. by S. G. Emel'yanov. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2017, pp. 23–29.

10. Kanishchev V. V., Baranova E. V., Zhirov N. A. Lesnye resursy v istorii agrarnogo obshchestva Rossii (lokal'nyj i mikroistoricheskij urovni). Istoriya i sovremennost', 2014, no. 2(20), pp. 92–111.

11. Larina O. G., Dolzhenkova E. V., Artamonova V. O. Sistema organov upravleniya lesnym domenom v Rossii v XVIII–XIX vv. Zemel'naya reforma v Rossijskoj Federacii: novshestva v zakonodatel'stve i praktika ih primeneniya: sb. nauch. tr. po itogam Vseros. nauch. konf. Elec, Eleckij gos. un-t im. I.A. Bunina Publ., 2017, pp. 114–119.

Конституционное право

УДК 329: 342.53

А. Н. Гуторова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: allagutorova@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОРМ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

Исследование проблемы международной ответственности государств в международно-правовой доктрине необходимо проводить с учетом и анализом всех теоретических и юридических разработок, имеющихся в современном международном праве. Анализируя процесс кодификации института международной ответственности, нельзя не обратить внимание на такие понятия, как вид и форма международной ответственности. Представляется интересным проанализировать соотношение или тождественность этих понятий. И как вытекающий из этих понятий вопрос о возможности квалификации понятий материальной и нематериальной ответственности или моральной.

Учитывая данный аспект формы ответственности (в отличие от вида), это, как правило, те конкретные действия, которые должно совершить государство-правонарушитель и вытекающие из объема ответственности. При этом если формы материальной ответственности определяются достаточно точно, то формы нематериальной ответственности являются спорными как в науке, так и в практике международных отношений. Так как последствия совершения международного деликта могут одновременно причинять материальный и нематериальный ущерб, то и формы ответственности (материальной и политической) тесно переплетаются. Осложняется данный вопрос еще и политической составляющей.

Государство принимает участие в международных отношениях с помощью своих органов или должностных лиц, которые и представляют интересы государства, соответственно и правонарушение совершается ими, а не государством, поэтому субъект правонарушения и субъект ответственности не совпадают, что характерно только для международного права. В этой связи достаточно спорным представляется вопрос о вине государства при совершении международного правонарушения.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность, ответственность государств, противоправные деяния, виды международной ответственности, формы реализации.

Ссылка для цитирования: Гуторова А. Н. Некоторые аспекты практического и теоретического развития норм института международно-правовой ответственности государств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 39–45.

***

Институт международной ответственности государств является одним из наиболее проблемных институтов международного права. Исторически возникший одним из первых, он до сегодняшнего дня не кодифицирован. Развитие норм международной ответственности неразрывно связано с борьбой против международных правонарушений [1]. В работах авторов, разрабатывающих проблемы борьбы с агрессией, колониализмом, расизмом, освещались некоторые аспекты международно-правовой ответственности [2; 3; 4].

Но институт ответственности в классическом международном праве отличается от института, сформировавшегося в современном мире [5]. Современный институт международной ответственно-

сти сформирован как обычными, так и договорными нормами, в отношении которых предпринимаются попытки кодификации [6].

Ключевой проблемой является вопрос о том, возможно ли вообще называть государство – первичный субъект международного права – «преступником», и если ответ утвердительный, то как можно призвать государство к ответственности за неправомерное применение силы.

Исходя из того, что ущерб можно классифицировать как материальный и нематериальный, в международно-правовой доктрине стоит различать два основных вида международной ответственности: материальную и нематериальную ответственность. При этом суще-

ствуют значительные расхождения во мнениях по вопросу о нематериальной международно-правовой ответственности, начиная от названия термина – ряд авторов предпочитают называть ее политической или моральной ответственностью [7].

Г. И. Тункин довольно убедительно высказался против использования термина «моральная ответственность». Он подчеркивает: «Прежде всего, выражение “моральная ответственность” может пониматься как ответственность не правовая, а вытекающая из нарушения правил международной морали. Затем, и по существу правильнее говорить в этом случае о политической ответственности, поскольку так называемое моральное удовлетворение, которое имеется в виду, является политической акцией» [8].

Выражение «политическая ответственность» также вряд ли удачно, поскольку, с одной стороны, имеет оттенок неправовой ответственности [9], а с другой – может способствовать трактовке материальной ответственности как не имеющей политического характера. Последнее, бесспорно, было бы неверно, т. к. государство – это политический организм, любые действия которого, в том числе и ответственность за эти действия, носят политический характер.

Следовательно, если речь идет о действиях нематериального характера, то использование для этих целей термина «нематериальная международно-правовая ответственность» будет более точно отражать последствия нарушения международно-правовых обязательств без причинения материального ущерба.

В отличие от видов ответственности ее формы представляют собой структурный элемент объема ответственности в рамках того или иного ее вида и в то же время конкретные способы, с помощью которых государство-правонарушитель выполняет обязанности, вытекающие из

его ответственности и, тем самым, претерпевает соответствующие лишения [10].

Если общепризнанно основными формами материальной ответственности являются реституция, субституция и репарация, то формы нематериальной ответственности никогда полностью не перечисляются из-за их разнообразия [11, с. 7; 12]: сатисфакция (принесение официальных извинений, публичное наказание виновных лиц, предоставление потерпевшему государству особенных почестей и привилегий), ресторация, репрессалии.

Реституция – форма международно-правовой ответственности, при которой государство-правонарушитель возвращает потерпевшему от международного противоправного деяния государству принадлежащие последнему материальные объекты. Например, возвращение территорий, разного рода имущества, транспортных средств, оборудования, предметов искусств и т. п.

Реституция уместна при условии, что имущество пострадавшего государства не уничтожено и не повреждено. В ином случае имеет место субституция – форма ответственности, которая означает замену уничтоженного или поврежденного имущества сходными и равноценными предметами. В тех случаях, когда восстановление прежнего положения в порядке реституции или субституции невозможно, используют такую форму ответственности, как репарация.

В мирных договорах Версальской системы, урегулировавших последствия Первой мировой войны, репарация являлась главной формой материальной ответственности государств австро-германского блока и означала, что на Германию и ее союзников возлагаются обязательства по возмещению всех материальных потерь и убытков, причиненных объединившимся против них державам и их гражданам в ходе войны [13]. Другими словами, репарация представляет собой

возмещение материального ущерба деньгами, товарами, услугами и т. д.

Наряду с этой трактовкой понятия «репарация» существует и весьма широкое – как денежное возмещение и удовлетворение, представляемое государству, пострадавшему от международного противоправного деяния, в форме торжественного заявления, уголовных или дисциплинарных мер, предпринятых по отношению к должностному лицу, деяния которого привели к нарушению международных обязательств [14; 15]. В этом случае под этим термином подразумевается возмещение как материального, так и нематериального ущерба. На наш взгляд, это смешение – явная крайность, поскольку это приводит к неопределенности и путанице.

Следовательно, целесообразнее употреблять термин «репарация» в значении формы именно материальной международно-правовой ответственности, возникающей при совершении любого международного противоправного деяния и охватывающей возмещение материального ущерба в денежном эквиваленте и (или) в натуре.

В связи с различиями в режимах ответственности за международные правонарушения и международные преступления целесообразным представляется в рамках репараций различать ординарные репарации и репарации чрезвычайного характера.

Ординарная репарация как форма материальной международно-правовой ответственности должна применяться за международные правонарушения, при этом государство-правонарушитель свободно в выборе порядка платежей. Репарация же чрезвычайного характера должна иметь место за международные преступления (например, акт агрессии), при этом происходит сознательное вмешательство в экономическую жизнь государства-правонарушителя со стороны потерпевшего государства. В этом, по мне-

нию Ю. В. Манийчука, заключается своеобразный элемент ограничения суверенитета государства-правонарушителя и элемент превенции в отношении возможного правонарушения со стороны государства-правонарушителя в будущем [16].

Теперь остановимся на формах нематериальной международно-правовой ответственности.

Ресторация – форма международно-правовой ответственности, под которой понимается восстановление государством-правонарушителем юридического статуса или прежнего состояния, который существовал до момента совершения международного противоправного деяния, и несение им всех связанных с этим неблагоприятных последствий (например, освобождение государством-правонарушителем незаконно занятой территории).

В международно-правовой литературе отмечается, что наиболее предпочтительной формой нематериальной международно-правовой ответственности государства-правонарушителя за международное противоправное деяние, нанесшее вред чести и достоинству потерпевшего государства, является сатисфакция.

Сатисфакция – удовлетворение государством-правонарушителем нематериальных требований, выдвигаемых потерпевшим государством и выходящих за рамки простого восстановления. По мнению Я. Броунли, сатисфакция преследует три цели: принесение извинений или иное признание неправомерности совершенного; наказание виновных; принятие мер к предотвращению повторения нарушения [17].

Сатисфакция имеет множество различных форм. Однако при всем их многообразии наиболее часто встречается та, которая осуществляется посредством принесения государством, причинившим вред, извинений потерпевшему государству.

На практике виды ответственности бывают настолько тесно взаимосвязаны и переплетены, что порой между ними трудно провести четкую грань [18]. Это обусловлено тем, что часто ущерб, причиняемый международным противоправным деянием, носит как материальный, так и нематериальный характер. Как отмечает Ю. В. Петровский: «Не всегда существует прямое совпадение: за вред материальный – материальная ответственность, за вред нематериальный – нематериальная ответственность» [19]. Нематериальная и материальная ответственность может возникать одновременно как результат одного и того же правонарушения: нематериальная ответственность за сам факт нарушения права, а материальная – за имущественный ущерб, возникший при совершении правонарушения.

Проблемой является очевидная политическая составляющая темы международно-правовой ответственности, что существенно тормозит ее прогрессивное правовое развитие [20]. Когда процесс кодификации отрасли только начался, профессор Р. Аго в статусе Специального докладчика Комиссии международного права ООН предложил разделить противоправные действия государств на две категории – особо тяжкие и менее тяжкие – и это предложение было встречено с пониманием. Р. Аго отмечал: «Хотим мы того или нет, идея, что в общей категории противоправных деяний необходимо выделять два различных вида таких деяний, постепенно укрепились в общем сознании» [21].

В процессе работы над текстом проекта статей об ответственности государств Комиссия международного права ООН к 1976 г. сформулировала epochальную по своей значимости ст. 19 «Международные преступления и деликты», в которой содержалось определение «международного преступления государства» как «международно-противоправного де-

яния, возникающего в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом».

С концепцией «преступления государства» тесно связана весьма неоднозначная концепция «уголовной ответственности» государства. Ее родоначальником принято считать румынского исследователя В. Пеллу, разработавшего доктрину уголовной ответственности государств («Коллективная ответственность государств и уголовное право будущего» 1928 г.). Нужно отметить исторический контекст, когда В. Пелла писал свою работу – незадолго до этого завершилась колоссальная по масштабам жертв и разрушений Первая мировая война, и вполне естественно, что в научной среде возник интерес к проблеме предотвращения очередного кровопролитного столкновения. Если трактовать концепцию В. Пеллы буквально, то за неправомерные деяния государственного аппарата должно отвечать все государство, т. е. все население, проживающее на определенной территории и находящееся под контролем данной власти. Безусловно, это представляется совершенно неосуществимым и весьма радикальным, однако начало обсуждению этой неоднозначной темы было положено, и впоследствии П. Дрост сделал вывод, что «преступное государство – нелепость, а преступное правительство – реальность».

Вопрос о государстве как субъекте международно-правовой ответственности является весьма сложным, т. к. любое, как правомерное, так и неправомерное, деяние совершается органами государственной власти. При этом отделить государство от его органов власти и должностных лиц не представляется возможным, из-за этого в международном праве

складывается нетипичная ситуация, когда субъект правонарушения и субъект ответственности разные. С одной стороны, это можно рассматривать как специфику института международно-правовой ответственности, с другой – поднимается вопрос о вине правонарушителя как составляющей любого правонарушения. Комиссия международного права не включила в проект статей об ответственности государств 2001 г. элемент вины государства как необходимого признака правонарушения.

В 1956 г. в докладе Специального докладчика Комиссии международного права ООН Ф. Гарсиа-Амадора прозвучала идея о необходимости введения уголовной ответственности государств, но не в том радикальном формате, который предлагал В. Пелла, а в виде жестких санкций, которые международное сообщество могло бы применить в отношении государства-нарушителя. Весьма показательно, что уже тогда развитие института ответственности за применение силы воспринималось как необходимое условие для ограничения случаев применения силы государствами. Результатом длительной работы стала принятая 12 декабря 2001 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», приложение которой составляет проект статей, разработанный Комиссией международного права ООН.

Таким образом, несмотря на то, что в современном международном праве принят ряд статей и норм, определяющих основания возникновения международно-правовой ответственности государств, виды и формы реализации ответственности, ряд вопросов остается не проработанными. Необходим вклад не только ученых и международных организаций, но и политическая воля государств для завершения работы в рамках института международно-правовой ответственности государств.

Список литературы

1. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Междунар. отношения, 1966. 152 с.
2. Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. гос. ун-та, 1973. 410 с.
3. Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев: Вища школа, 1976. 276 с.
4. Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Междунар. отношения, 1983. 223 с.
5. Бартош М. Разнородные правовые источники в современном международном праве // Международная политика. 1974. № 575. С. 32–36.
6. Белалова Б. Ш. К вопросу о кодификации норм международной ответственности государств // Вестник Московского университета. Серия II: Право. 2000. № 4. С. 90.
7. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1975. 256 с.
8. Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2009. 416 с.
9. Фарукшин М. Х. Международно-правовая ответственность (сущность и основание) // Международная правосубъектность. М.: Юрид. лит., 1971. 265 с.
10. Рощина Е. Л. Виды и формы международно-правовой ответственности // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XI ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2014. С. 174–180.
11. Мазов В. А. Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1979. 150 с.
12. Моджорян Л. А. Ответственность в современном международном праве //

Советский ежегодник международного права. 1970. М.: Наука, 1972. С. 143–153.

13. Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М.: Междунар. отношения, 1983. 184 с.

14. Шуршалов В. М. Международные правонарушения. М.: Междунар. отношения, 1971. 240 с.

15. Шевелева С. В., Дробышева О. С. Уголовная ответственность как уголовно-правовое отношение // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5(44), ч. 1. С. 124–127.

16. Манийчук Ю. В. Последствия международного правонарушения / под общ. ред. В. А. Василенко. Киев: Вища шк., 1987. 254 с.

17. Броунли Я. Международное право: в 2-х кн. Кн. II / пер. с англ. канд. юрид. наук С. Н. Андрианова; под ред. и со вступит. ст. чл.-кор. АН СССР Г. И. Тункина. М.: Высш. шк., 1977. 397 с.

18. Золотарев А. П. Об общетеоретическом понимании юридической ответственности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. №2 (19). С. 40–48.

19. Петровский Ю. В. Международно-правовая ответственность государств: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1968. 254 с.

20. Письменов В. Н., Баркатунов В. Ф., Снегирева Д. Е. Кризис международного права или торжество доктрины геополитического плюрализма одного государства: об истории и современных проблемах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 4 (17). С. 18–25.

21. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Спарк, 2004. 214 с.

Поступила в редакцию 25.09.18

UDC 329: 342.53

A. N. Gutorova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: allagutorova@mail.ru)

SOME ASPECTS OF PRACTICAL AND THEORETICAL DEVELOPMENT OF THE RULES OF LAW OF THE INSTITUTE OF INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF STATES

The study of the problem of international responsibility of states in international law doctrine needs to be undertaken according to all theoretical and juridical stratagems which we have in contemporary international law. Analyzing the process of codification of the institution of international responsibility it is impossible not to pay attention to such concepts as the type and form of international responsibility. It is interesting to analyze the balance or similarity of these concepts. And the question which derived from these concepts about the opportunity of qualification of such notions as material and non-material or moral responsibility.

Considering this aspect of the form of liability (opposed to the type), these are, as a rule, those specific actions that must be committed by the offending state and which are arising from level of responsibility. At the same time, if the forms of liability are determined quite accurately, then the forms of non-material liability are controversial both in science and in the practice of international relations. The consequences of committing an international delict can simultaneously cause material and non-material damage, the forms of liability (material and political) are closely intertwined. Political component is also made this issue difficult.

The State is involved into international relations with the help of authorities and officials and the offence is committed by them accordingly. The subject of the offence and the subject of responsibility are different which telling-ly just for international law. In that regard, the question of the fault of the state in the commission of a crime remained controversial.

Key words: international legal responsibility, responsibility of states, wrongful acts, types of international responsibility, forms of realization.

For citation: Gutorova A. N. Some aspects of practical and theoretical development of the rules of law of the institute of international legal responsibility of states. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 39–45 (in Russ.).

References

1. Levin D. B. *Otvetstvennost' gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1966. 152 p.
2. Kuris P. *Mezhdunarodnye pravonarusheniya i otvetstvennost' gosudarstva*. Vil'nyus, Vil'nyus. gos. un-t Publ., 1973. 410 p.
3. Vasilenko V. A. *Otvetstvennost' gosudarstva za mezhdunarodnye pravonarusheniya*. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1976. 276 p.
4. Reshetov Yu. A. *Bor'ba s mezhdunarodnymi prestupleniyami protiv mira i bezopasnosti*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1983. 223 p.
5. Bartosh M. *Raznorodnye pravovye istochniki v sovremennom mezhdunarodnom prave*. *Mezhdunarodnaya politika*, 1974, no. 575, pp. 32–36.
6. Belalova B. Sh. *K voprosu o kodifikatsii norm mezhdunarodnoj otvetstvennosti gosudarstv*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II: Pravo*, 2000, no. 4, pp. 90.
7. Kolosov Yu. M. *Otvetstvennost' v mezhdunarodnom prave*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 256 p.
8. Tunkin G. I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava*; ed. by L. N. Shestakova. Moscow, Zercalo Publ., 2009. 416 p.
9. Farukshin M. H. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' (sushchnost' i osnovanie)*. *Mezhdunarodnaya pravosub"ektnost'*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1971. 265 p.
10. Roshchina E. L. *Vidy i formy mezhdunarodno-pravovoj otvetstvennosti. Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XI ezhegodnoj Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj pamyati professora I. P. Blishchenko*; ed. by A. H. Abashidze. Moscow, RUDN Publ., 2014, pp. 174–180.
11. Mazov V. A. *Otvetstvennost' v mezhdunarodnom prave*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1979, 150 p.
12. Modzhoryan L. A. *Otvetstvennost' v sovremennom mezhdunarodnom prave*. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 1970. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 143–153.
13. Ushakov N. A. *Osnovaniya mezhdunarodnoj otvetstvennosti gosudarstv*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1983. 184 p.
14. Shurshalov V. M. *Mezhdunarodnye pravonarusheniya*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1971. 240 p.
15. Sheveleva S. V., Drobysheva O. S. *Ugolovnaya otvetstvennost' kak ugolovno-pravovoe otnoshenie*. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 5(44), pt. 1, pp. 124–127.
16. Manijchuk Yu. V. *Posledstviya mezhdunarodnogo pravonarusheniya*; ed. by V. A. Vasilenko. Kiev, Vishcha shk. Publ., 1987. 254 p.
17. Brounli Ya. *Mezhdunarodnoe pravo*. Vol. II; ed. by G. I. Tunkin. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1977. 397 p.
18. Zolotarev A. P. *Ob obshcheteoreticheskom ponimani i yuridicheskoy otvetstvennosti*. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2016, no. 2 (19), pp. 40–48.
19. Petrovskij Yu. V. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' gosudarstv*. Dis. kand. yurid. nauk. Leningrad, 1968. 254 p.
20. Pis'menov V. N., Barkatunov V. F., Snegireva D. E. *Krizis mezhdunarodnogo prava ili torzhestvo doktriny geopoliticheskogo plyuralizma odnogo gosudarstva: ob istorii i sovremennyh problemah*. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2015, no. 4 (17), pp. 18–25.
21. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti*. Moscow, Spark Publ., 2004. 214 p.

УДК 341

Я. Е. Бразовская, доцент, ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова» (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: sergeje@mail.ru)

СИНЕРГИЯ ПРИАРКТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В СОБЛЮДЕНИИ ПРАВИЛ СУДОХОДСТВА В ПОЛЯРНЫХ ВОДАХ

Климатические изменения, освобождение полярных вод от ледяного покрова не только порождает вопросы сохранения уязвимой окружающей природной среды Арктики, рационального использования ее природных ресурсов, континентального шельфа и Мирового океана, но и раскрывает новые возможности и перспективы использования морского транспорта в целях коммерческого судоходства и не только для циркумполярных государств. Прогнозируемое коммерческое судоходство в арктических водах поставит вопрос о системе контроля выполнения конвенционных требований и механизмов снижения вероятности аварий в арктических водах. В этой связи в статье на основе общенаучных методов познания проведен анализ международно-правовых норм, регулирующих морское судоходство в полярных водах, применительно к морским судам, совершающим коммерческие международные рейсы.

Рассмотрены перспективные маршруты судоходства в полярных водах, общие положения существующих региональных соглашений применительно к судам, эксплуатируемых в полярных водах, а также проанализированы меморандумы о взаимопонимании по контролю судов со стороны государства порта как один из механизмов, направленный на соблюдение конвенционных требований и снижение вероятности аварий, в том числе в полярных водах.

С учетом особенностей арктического региона, специальных требований к судам, эксплуатируемым в полярных водах, в целях безопасности морского судоходства в Арктике автор формулирует правовые меры, направленные на обеспечение безопасности коммерческого судоходства в арктических водах и приходит к выводу о необходимости создания обособленной системы контроля за соблюдением правил ИМО в Арктике, что возможно реализовать посредством синергии приполярных государств.

Ключевые слова: коммерческое судоходство, полярные воды, контроль государства порта, циркумполярные государства, Полярный кодекс.

Ссылка для цитирования: Бразовская Я. Е. Синергия приарктических государств в соблюдении правил судоходства в полярных водах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 46–54.

***

Введение

Начать хотелось бы с того, что Арктика имеет свою неповторимую природу, здесь несколько полюсов, отсутствует день и ночь в привычном понимании, северное сияние может продолжаться несколько суток [1]. Однако привычная для нас Арктика из года в год изменяется, и причиной этого являются климатические изменения, которые делают Арктику и ее природные ресурсы более доступными не только для научных исследований, но и для коммерческого использования, и превращают ее в важный геополитический регион.

Освобождение полярных вод от ледяного покрова раскрывает новые перспективы в использовании морского транспорта, добычи полезных ископаемых, что предоставляет в том числе но-

вые возможности и перспективы для приарктических государств.

Отметим, что через Арктику проходят кратчайшие морские пути между рынками Северо-Западной Европы и Тихоокеанского региона, а арктические перевозки могут быть внутриапктическими и трансарктическими. Морское судоходство через Арктику может быть осуществлено с помощью различных маршрутов или комбинаций маршрутов (рис. 1).

Северо-Восточный проход (The Northeast Passage) – путь или маршрут, соединяющий Атлантический и Тихий океаны через Арктику и следующий вдоль территорий России и берегов Норвегии.

Маршрут с запада на восток предполагает проход по Баренцеву, Карскому морям, морю Лаптевых, Восточно-

Сибирскому и Чукотскому морям и включает проход по Северному морскому пути¹, который является его частью.

Северо-Западный проход (The Northwest Passage) – морской путь, соединяющий северный Атлантический и Тихий океаны через Северный Ледовитый океан вдоль северного побережья Северной Америки по водным путям через Канадский Арктический архипелаг.

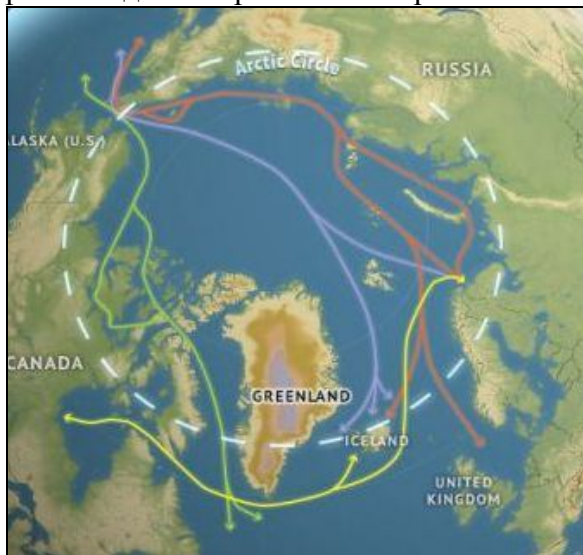

Рис. 1. Комбинации маршрутов морского судоходства через Арктику

Следует также упомянуть о еще одном сезонном морском пути, связывающем Россию и Канаду – *Арктический мост*, он проходит между Кольским и Гудзоновым заливами, тем самым объ-

¹ Северный морской путь в соответствии с российским законодательством рассматривается как акватория национальной транспортной коммуникации Российской Федерации, проходящей по морям Северного Ледовитого океана (Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) и частично Тихого океана. С востока ограничено линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада ограничено меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар (ст. 14 Федерального закона от 31.07.1998 № 155-ФЗ и п. 1. ст. 5.1 Кодекса торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ). Северный морской путь не включает Баренцево море, поэтому не доходит до Атлантического океана.

единяя российский порт Мурманск и канадский порт Черчилл. При использовании Северного морского пути Арктический мост позволит России создать торговый маршрут между Европой и Америкой.

Трансполярный морской проход (The Transpolar Sea Rout), или трансарктический маршрут, рассматривается как возможный будущий арктический судоходный маршрут от Атлантического океана до Тихого, пересекает Северный полюс как центр Северного Ледовитого океана.

В отличие от Северо-Восточного прохода (в том числе Северного морского пути) и Северо-Западного прохода Трансполярный морской проход в значительной степени избегает территориальные воды арктических государств и находится в международном открытом море. Из-за тяжелого и постоянного льда ни одно коммерческое грузовое судно не воспользовалось маршрутом по данному пути, который доступен только для тяжелых ледоколов.

В настоящее время ни один из представленных маршрутов не позволяет осуществлять коммерческое судоходство на регулярной основе из-за присутствия льда, не позволяющего определить постоянные коридоры следования судов. На практике изменяющийся и движущийся морской лед создает необходимость постоянного мониторинга оптимальных и безопасных маршрутов по тому или иному проходу, маршруту.

Неоднократно на разных уровнях, в том числе и на уровне государственной власти, констатировалось, что говорить об экономической привлекательности судоходства, регулярного судоходства по морским путям в арктическом регионе (полярном бассейне) возможно при условии дальнейшего сокращения ледового покрова Северного-Ледовитого океана² и развития современной портовой и логистической инфраструктуры.

² По прогнозам ученых наиболее оптимальное сокращение льда ожидается к 2050 г.

Основная часть

Важной задачей для всех без исключения стран при коммерческой эксплуатации морского транспорта в полярных водах является необходимость соблюдения существующих требований безопасности его эксплуатации и уменьшения негативного воздействия на хрупкую экосистему Арктики. В Арктике обитают уникальные виды, приспособленные к определенным условиям окружающей среды, выверенному природой балансу воды и льда. Повышение или понижение температуры на долю градуса может полностью разрушить их среду обитания [2]. Особенно эта экосистема чувствительна к загрязнениям, так нефть практически не растворяется в ледяной воде, что может привести к общемировой катастрофе.

С учетом особенности и уязвимости рассматриваемого региона суда, совершающие международные рейсы в полярных водах в целях повышения безопасности их эксплуатации и уменьшения воздействия на людей и окружающую среду, должны руководствоваться особыми международными нормами. С этой целью судоходство в арктических морских пространствах должно сопровождаться соблюдением дополнительных международных норм, и в частности резолюции МЕРС.264(68) Комитета по защите морской среды [3], который принял Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах – Полярный кодекс¹, вступивший в юридическую силу с 1 января 2017 г.

Полярный кодекс как результат синергии государств и международных организаций, начавшейся в 1993 г., представляет собой итог многолетней работы²

¹ Резолюция принята 15 мая 2015 г.

² Считается исторической вехой в работе ИМО по защите судов и людей на борту, как моряков, так и пассажиров, в суровых условиях вод, окружающих два полюса. Полярный кодекс и поправки СОЛАС были приняты на 94-й сессии Комитета по безопасности на море (MSC) ИМО в ноябре 2014 г., экологические положения и поправки MARPOL были приняты на 68-й сессии Комитета по защите морской среды (MEPC) в мае 2015 г.

и призван дополнить требования, предписанные Международной конвенцией по охране человеческой жизни на море [4], Международной конвенцией по предотвращению загрязнения с судов [5] и другими обязательными к применению документами ИМО, которые продолжают применяться к судоходству в полярных водах.

Основная цель Кодекса – обеспечение безопасной эксплуатации судов и защиты полярной окружающей среды через рассмотрение рисков, характерных для полярных вод, снижение которых не рассматривается в достаточной мере в других документах Организации (ст. 1).

Обеспечение безопасности происходит за счет увеличения уровня безопасности судоходства, уменьшения влияния на людей и окружающую среду в отдаленных, уязвимых, а также весьма суровых полярных водах [6]. Увеличение уровня безопасности проявляется в обязанности для судов, планирующих осуществлять плавание в полярных водах, проходить освидетельствование (первоначальное или возобновленное) и получить свидетельство судна полярного плавания (с. 1.3).

В общем, следует отметить, что Полярный кодекс устанавливает стандарты, охватывающие весь спектр вопросов проектирования, строительства, оборудования, эксплуатации, обучения и охраны окружающей среды для судов, совершающих полярные рейсы. Кодекс состоит из двух основных разделов: 1) безопасность судна и персонала, и 2) защита окружающей среды.

Обязанности по соблюдению строгих экологических норм Конвенции МАРПОЛ сохраняются и дополняются строгим запретом выгрузки масла или масляных смесей в море и требованием ко всем нефтяным танкерам иметь двойную конструкцию корпуса и двойное дно для предотвращения разливов нефти в случае аварии.

Кодекс предусматривает необходимость для членов экипажа пройти специальное образование и испытания, они

должны быть сертифицированы и получить разрешение на плавание в полярных водах. По мнению капитана, работающего 25 лет в полярных водах, в связи с принятием Полярного кодекса больше моряков должны будут получить навыки плавания в полярных водах, поскольку судоходство в полярных регионах будет расти в объеме и разнообразии в ближайшие годы. Отступающий морской лед открывает эти негостеприимные регионы, как для коммерческого судоходства, так и для туризма [7].

Реализовать основные цели большинства нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение безопасности морской среды и судоходства исключительно силами судового экипажа, не представляется возможным, должны быть скоординированные действия с локальными береговыми службами, особенно при условии интенсивности судоходства в полярном бассейне. Основополагающая роль в этом процессе отведена государственному портовому контролю.

Методология

На основе общенаучных методов познания следует провести анализ международно-правовых норм, в том числе регионального назначения, регулирующих морское судоходство в полярных водах применительно к судам, совершающим коммерческие международные рейсы. Правовая основа системы контроля выполнения конвенционных требований на судах заложена в многочисленных международных документах¹, обязанность по

¹ Таких как Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. с поправками (СОЛАС-74, пр. 19 гл. I и пр. 43 гл. XI); Протокол-78 к СОЛАС-74; Протокол-88 к СОЛАС-74; Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря с судов 1973 г. с Протоколом 1978 г. и с поправками (МАРПОЛ-73/78, ст. 5 и 6 и пр. 8А Приложения I, пр. 15 Приложения II, пр. 8 Приложения III, пр. 8 Приложения V); Международная конвенция о грузовой марке 1966 г. (КТМ-66, ст. 21); Международная конвенция по обмеру судов 1969 г. (ТОННАЖ-69, ст. 12); Международная конвенция

реализации и внедрению требований Конвенций в жизнь возлагалась на государства-участники. Однако следует констатировать, что практическая реализация конвенционных требований осуществлялась значительно медленнее, чем их разработка и международное признание. Значительным толчком к действию стала возрастающая аварийность на море. При расследовании аварийных случаев было выявлено, что многие морские суда не удовлетворяли конвенционным требованиям и стандартам. Соответственно, требовалось найти механизм для снижения вероятности аварий на море, и таким механизмом стал контроль государством порта иностранных судов на предмет установления соответствия судов конвенционным требованиям.

Первым региональным соглашением, оказавшем непосредственное влияние на процедуру осуществления портового контроля морских судов, стал подписанный в 1982 г. в Париже Меморандум о взаимопонимании по контролю судов со стороны государства порта [8]. В меморандуме участвуют 27 морских администраций, которые выразили согласие реализовать согласованную систему контроля государства порта. Меморандумом охвачены воды европейских прибрежных государств и Североатлантического бассейна от Северной Америки до Европы. Основная миссия меморандума в исключении работы субординированных судов через согласованную систему контроля государства порта.

Парижский меморандум стал прототипом для принятия аналогичных региональных соглашений, поставившим целью содействие эффективному осуществлению и единообразному применению соответствующих инструкций ИМО / МОТ на судах. В настоящее время действуют

о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г. с поправками (ПДМНВ-78/95, ст. X); Конвенция о международных правилах предупреждения столкновений судов 1972 г. (МППСС-72); Конвенции МОТ о труде моряков.

девять региональных меморандумов: Африканский, или Абуджийский¹; Индоокеанский²; Карибский³; Средиземноморский⁴; Токийский⁵; Черноморский⁶; Эр-Риядский и Латиноамериканское соглашение по контролю судов государством порта.

Отметим, что Россия в силу своего географического положения является участницей трех региональных соглашений (Парижский, Токийский и Черноморский меморандумы)⁷.

Ориентация меморандумов направлена на предотвращение нарушения требований безопасности на море. Каждый день выбираются суда для проведения государственного портового контроля со стороны портовых инспекций в соответствующем регионе. Суда в информационной системе⁸ относятся к профилю судового риска, который определяет приоритет судов для проверок, промежуток между проверками и

объем проверок. На основании результатов проверки судно относится к определенной степени риска High Risk Ships, Standard Risk Ships или Low Risk Ships, в соответствии с которым судно включается в «белый, серый или черный (WGB) список», представляющий полный спектр – от качественных флагов до флагов с низкой производительностью. Основывается он на общем количестве проверок и задержаний за трехлетний период. Ежегодно публикуются новый белый, серый и черный список (рис. 2). В зависимости от включения судна в тот или иной список определяется периодичность его проверок High Risk Ships – интервал проверок 6 месяцев, Standard Risk Ships – интервал проверок 10–12 месяцев, Low Risk Ships – интервал проверок 24–36 месяцев со дня последней проверки.

¹ Соглашение о взаимопонимании по контролю судов государством порта стран Западной и Центральной Африки 1999 г.

² Соглашение о взаимопонимании по контролю судов государством порта в странах Индийского океана 1998 г.

³ Соглашение о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Карибском бассейне 1996 г.

⁴ Соглашение о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Средиземноморском бассейне 1997 г.

⁵ Соглашение о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе 1994 г.

⁶ Соглашение о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Черноморском бассейне 2000 г.

⁷ Россия является членом Парижского меморандума с 1 января 1996 г.; Токийского меморандума с 1 января 1995 г. (основными целями этого меморандума является развитие обмена информацией, взаимодействия между морскими властями; обеспечение безопасности судоходства, координация работы аварийно-спасательных служб морских стран Азиатско-Тихоокеанского региона); членом Черноморского меморандума с 7 апреля 2000 г.

⁸ Центральная компьютерная база данных «THETIS», организована Европейским агентством по безопасности на море.

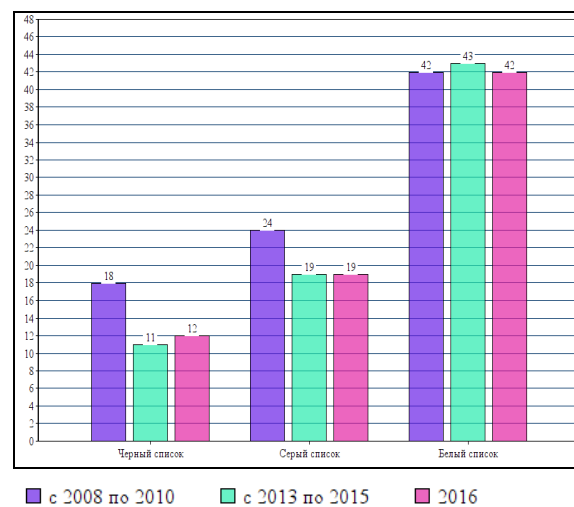

Рис. 2. Статистика инспекций судов в соответствии с Парижским меморандумом

Целями региональных меморандумов о взаимопонимании по контролю судов со стороны государства порта является безопасность на море и в портах, защита морской среды, контроль за соблюдением конвенционных требований к эксплуатации морских судов, создание единообразных инструментов контроля иностранных судов в морских портах, а также обмен информацией, в

частности, по результатам проведенных инспекций.

Следует отметить, что меморандумы имеют схожее содержание, в частности, регламентации положений о принципах контроля, порядке проведения инспекций, об информационном обмене, органах меморандумов и т. д. [9]

Контроль осуществляется специально уполномоченными инспекторами государственного портового контроля (Port State Control Officers) в соответствии с Резолюцией А.1052(27) – Процедуры контроля судов государством порта 2011 года [10].

Как следует из пункта 1.3.3 Резолюции, процедуры контроля следует рассматривать как дополняющие национальные меры, предназначенные для обеспечения помощи администрациям государства флага в обеспечении выполнения положений Конвенций по безопасности экипажа, пассажиров и судов и в обеспечении предотвращения загрязнения. Закреплено, что должны предприниматься все возможные меры во избежание необоснованных задержек или задержаний судна, а также то, что если судовые свидетельства действительны, а общее впечатление и визуальный осмотр на борту судна подтверждают хороший уровень технического обслуживания, проверка на этом должна быть завершена (пп. 2.1.4 и 2.2.4 Резолюции А.1052(27), в том числе с учетом проекта поправок, рекомендованных FAL 40/19 Прил. 2, стр. 1). Предусмотрено, что исключительно при наличии у инспектора государственного портового контроля «явных оснований»¹ полагать, что состояние судна либо

его оборудования не соответствует содержанию свидетельств, возможно проведение более детальной инспекции.

Из вышесказанного следует, что инспектор при осуществлении проверки судна руководствуется положениями конкретного регионального меморандума, а при определении процедуры контроля Резолюцией А.1052(27), что свидетельствует о неразрывной взаимосвязи указанных документов.

Значение региональных меморандумов о взаимопонимании заключается в создании единых правил и требований к проведению контроля по выявлению нарушителей международных норм, прежде всего по защите окружающей среды, а также исключению дискриминации при контроле судов различных флагов, публикации списков инспекций судов, информировании о выявленных недостатках или о задержании судна, если оно имело место быть.

К арктическому региону, с учетом государств-участников региональных меморандумов, можно отнести Токийский и Парижский меморандумы. Все арктические страны, за исключением США, являются участниками Парижского меморандума. Из арктических стран сторонами Токийского меморандума являются Россия и Канада. США не участвует, однако имеет статус наблюдателя.

Заключение

Активное использование полярного бассейна для целей регулярного судоходства, в том числе в целях вывоза углеводородного сырья, ставит перед всем мировым сообществом наиважнейшие вопросы по необходимости защиты окружающей среды, а также коренных жителей Крайнего Севера. Уже сейчас вследствие глобальных климатических изменений, а также негативного антропогенного воздействия сокращается численность морских млекопитающих.

¹ Согласно п. 1.7.2 «явные основания» – это доказательство того, что судно, его оборудование или его экипаж не соответствуют по существу требованиям соответствующих конвенций или что капитан или члены экипажа не знакомы с основными судовыми процедурами, относящимися к безопасности судов или предотвращению загрязнения.

Также следует отметить, что последние исследования ученых из университетов Колумбии и Макгилла, изучающих движение морского льда из страны в страну в Северном Ледовитом океане, продемонстрировали, что морской лед движется не только быстрее, но и увеличивает число международных ледовых обменов (лед из России плывет в Норвегию и воды Гренландии, лед из вод Аляски, большая часть которого – это лед из Канады, перемещается в российские воды). Соответственно, загрязнение от разлива нефти или органические загрязнения совместно со льдом могут быть переданы от одного арктического соседа другому [11].

С учетом особенностей Арктического региона и в целях его экологической безопасности и минимизации аварийности в этих труднодоступных регионах, где ликвидация последствий навигационных и техногенных аварий может превратиться в национальное бедствие, важно не только использовать специально спроектированную современную технику, суда с высоким ледовым классом и привлекать высокопрофессиональные кадры с опытом работы, постоянно работающих в регионе, но и контролировать соблюдение международных требований [12; 13].

В целях контроля за соблюдением международных требований и обеспечения безопасности арктического региона государствам, и прежде всего непосредственно граничащих с Арктикой, следует разработать особый механизм контроля за соблюдением правил ИМО в Арктике, что может быть сделано посредством заключения отдельного – Арктического меморандума о взаимопонимании по контролю судов со стороны государства порта.

Настоящая статья подготовлена при поддержке К. G. Jebsen Centre for the Law of the Sea, University of Tromsø, Norway.

Список литературы

1. Чудеса Арктики // Российский Север: модернизация и развитие. 2017. 17 мая. URL: <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/wonders-of-the-arctic/> (дата обращения: 27.07.2017).
2. Byers M. Who Owns the Arctic? // Understanding Sovereignty Disputes in the North. Published by Douglas & McIntyre, 2009. 46 p.
3. Резолюция МЕРС.264(68). Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс) [Электронный ресурс]: [принята 15.05.2015]. URL: http://www.rise.odessa.ua/texts/MEPC264_68.php3 (дата обращения: 26.07.2018).
4. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. с поправками (СОЛАС-74/88) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/71353064/> (дата обращения: 26.07.2018).
5. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, с поправками (МАРПОЛ 73/78) [Электронный ресурс]: [с изм. на 17.02.1978]. URL: http://www.idgca.org/doc/app6_020215.pdf (дата обращения: 26.07.2018).
6. Медников В. А. Полярный кодекс. Попытка критического осмысления [Электронный ресурс] // Международное сотрудничество в Арктике: новые вызовы и векторы развития. URL: http://russian-council.ru/common/upload/6_Mednikov.pdf (дата обращения: 26.07.2018).
7. Protecting ships, people and the polar environment [Electronic resource] // International Maritime Organization. 2017. 16 May. URL: <http://www.imo.org/en/MediaCentre/PressBriefings/Pages/15-Polar-film> (дата обращения: 26.07.2018).
8. Парижский меморандум о взаимопонимании по контролю судов со стороны государства порта ("Paris MOU on PSC") [Электронный ресурс]. URL: <http://>

docs.cntd.ru/document/420376767 (дата обращения: 26.07.2018).

9. Бразовская Я. Е. Международно-правовое регулирование государственного портового контроля // Транспортное право. 2012. № 2. С. 20–25.

10. Резолюция А.1052(27). Процедуры контроля судов государством порта 2011 г.: [принята 30.11.2011]. СПб.: ЗАО «ЦНИИМФ». 2012. 272 с.

11. Расширение транснациональной морской миграции ледовых образований в изменяющемся Северном Ледовитом океане [Электронный ресурс] / Р. Нью-тон, С. Пфирман, Б. Трэмблей [и др.] // Будущая Земля. 2017. 27 июня. URL:

<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/2016EF000500/full> (дата обращения: 26.07.2018).

12. Андреева А. Е. Международно-правовые аспекты в сфере портового контроля безопасности мореплавания // Юридический журнал: межвуз. сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. И. И. Андриановская. Вып. 7. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С. 22–23.

13. Клюев В. В. Контроль безопасности мореплавания на российских судах // Морские вести России. 2005. № 9–10. С. 6–7.

Поступила в редакцию 09.10.18

UDC 341

Y. E. Brazovskaya, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia) (e-mail: sergeje@mail.ru)

SYNERGY OF THE SUBARCTIC STATES IN OBSERVANCE OF RULES OF SHIPPING IN POLAR WATERS

Climate change, the release of polar waters from the ice cover not only raises questions of preserving the vulnerable environment of the Arctic, rational use of its natural resources, the continental shelf and the oceans, but also reveals new opportunities and prospects for using maritime transport for commercial shipping and not only circumpolar states. Projected commercial shipping in Arctic waters will raise the issue of a system for monitoring compliance with convention requirements and mechanisms for reducing the likelihood of accidents in Arctic waters. In this regard, in article on the basis of general scientific methods of knowledge the analysis of the international legal regulations in polar waters in relation to the vessels engage in international voyages.

Prospective routes of shipping in polar waters, general provisions of existing regional agreements for vessels operating in polar waters are considered, and memorandums of understanding on port control by the port state as one of the mechanisms aimed at observing convention requirements and reducing the likelihood of accidents are analyzed including in the polar waters.

Taking into account the peculiarities of the Arctic region, special requirements for vessels operated in polar waters for the safety of shipping navigation in the Arctic, the author formulates legal measures aimed at ensuring the safety of shipping navigation in polar waters and concludes that it is necessary to create a separate system for controlling compliance IMO rules in Arctic, which is possible to realize through the means of synergy of the polar states.

Key words: commercial shipping, polar waters, state port control, circumpolar states, Polar Code.

For citation: Brazovskaya Y. E. Synergy of the subarctic states in observance of rules of shipping in Polar waters. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 46–54 (in Russ.).

References

1. Chudesa Arktiki. Rossijskij Sever: modernizaciya i razvitie. 2017. 17 May. URL: <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/wonders-of-the-arctic/> (accessed 27.07.2018).
2. Byers M. Who Owns the Arctic? Understanding Sovereignty Disputes in the North. Published by Douglas & McIntyre, 2009. 46 p.
3. Rezolyuciya MEPC.264(68). Mezhdunarodnyj kodeks dlya sudov, ehkspluatiruyushchihsy v polyarnyh vodah (Polyarnyj kodeks: [prinyata 15.05.2015]. URL: http://www.rise.odessa.ua/texts/MEPC264_68.php3 (accessed 26.07.2018).
4. Mezhdunarodnaya konvenciya po ohrane chelovecheskoj zhizni na more 1974 g. s popravkami (SOLAS-74/88). URL: <http://base.garant.ru/71353064/> (accessed 26.07.2018).
5. Mezhdunarodnaya konvenciya po predotvrashcheniyu zagryazneniya s sudov 1973 goda, s popravkami (MARPOL 73/78): [s izm. na 17.02.1978]. URL: http://www.idgca.org/doc/app6_020215.pdf (accessed 26.07.2018).
6. Mednikov V.A. Polyarnyj kodeks. Popytka kriticheskogo osmysleniya. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: novye vyzovy i vektory razvitiya. URL: http://russian-council.ru/common/upload/6_Mednikov.pdf (data obrashcheniya: 26.07.2018).
7. Protecting ships, people and the polar environment. International Maritime Organization. 2017. 16 May. URL: <http://www.imo.org/en/MediaCentre/PressBriefings/Pages/15-Polar-film> (accessed 26.07.2018).
8. Parizhskij memorandum o vzaimoponimanii po kontrolyu sudov so storony gosudarstva porta ("Paris MOU on PSC"). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420376767> (data obrashcheniya: 26.07.2018).
9. Brazovskaya Ya. E. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo portovogo kontrolya. *Transportnoe pravo*, 2012, no. 2, pp. 20–25.
10. Rezolyuciya A.1052(27). Procedury kontrolya sudov gosudarstvom porta 2011 g.: [prinyata 30.11.2011]. St. Petersburg, ZAO "CNIIMF" Publ., 2012. 272 p.
11. N'yuton R., Pfirman S., Tremblej B., eds. Rasshirenie transnacional'noj morskoy migracii ledovyh obrazovanij v izmenyayushchemsya Severnom Ledovitom okeane. *Budushchaya Zemlya*. 2017. 27 June. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/2016EF000500/full> (accessed 26.07.2018).
12. Andreeva A. E. Mezhdunarodno-pravovye aspekty v sfere portovogo kontrolya bezopasnosti moreplavaniya. *Yuridicheskij zhurnal: mezhvuz. sb. nauch. st.; ed. by I. I. Andrianovskaya. Is. 7. Juzhno-Sahalinsk: SahGU Publ., 2010, pp. 22–23.*
13. Klyuev V. V. Kontrol' bezopasnosti moreplavaniya na rossijskih sudah. *Morskie vesti Rossii*, 2005, no. 9–10, pp. 6–7.

УДК 342

Е. В. Воронцова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: proskyrinae@mail.ru)

А. Л. Воронцов, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: vorontsov.a.l@mail.ru)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья посвящена исследованию особенностей конституционно-правового закрепления основ избирательной системы и избирательного права в некоторых странах – участниках Содружества Независимых Государств. Авторы подчеркивают значимость данной проблематики для осмысления процессов демократического развития этих стран, в контексте чего функционирование институтов народного волеизъявления является безусловным и важным показателем.

Отмечается, что общий курс стран СНГ на демократию, вопреки ожиданиям, не привел к единству подходов в правовом оформлении основополагающих демократических институтов, в частности института выборов, что обуславливается историческими, культурными и иными особенностями этих стран.

Сравнивая особенности закрепления норм избирательного права в конституциях ряда государств Содружества, авторы отмечают несовершенство российской конституции, в которой отсутствует специальная глава, посвященная избирательной системе. Обращается внимание на разбросанность норм избирательного права по тексту Конституции РФ, что, в свою очередь, не приводит к системному регулированию избирательной сферы на конституционном уровне. В то же время отмечается первостепенное значение Конституции РФ и конституций иных государств СНГ в системе источников избирательного права своих стран.

Актуализируя проблему отсутствия в российской конституции главы об избирательной системе, авторы акцентируют внимание на возможных правовых рисках данной ситуации, связанных с невозможностью предоставления четких гарантий защиты избирательных прав граждан в случае изменения Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

В ходе сравнительно-правового исследования конституционно-правового оформления основ избирательной системы в странах СНГ авторы приходят к выводу, что наиболее совершенными с этой точки зрения конституциями стран Содружества являются Конституции республик Беларусь и Узбекистан, опыт которых следует использовать в России.

Ключевые слова: избирательная система, нормы избирательного права, избирательные права граждан, избирательное право, выборы.

Ссылка для цитирования: Воронцова Е. В., Воронцов А. Л. Конституционно-правовое оформление основ избирательной системы в странах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовое исследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 55–62.

***

В последние годы изучение особенностей формирования и функционирования избирательных систем стран бывшего СССР стало одним из наиболее динамично развивающихся направлений юридической науки на всем постсоветском пространстве [1, с. 140–151; 2, с. 144–146; 3, с. 44–50]. Устойчивый интерес научного сообщества к данным вопросам не является случайным. Все объясняется их огромным значением в рамках осмысле-

ния более широкой проблемы, а именно реальной оценки степени развития демократических процессов в этих странах, в контексте чего особенности функционирования институтов народного волеизъявления является своеобразной лакмусовой бумажкой.

Будучи наследниками единой политико-правовой системы, большинство из государств бывшего Союза объединились в новое политико-правовое образование –

Содружество Независимых Государств, что явилось отражением закономерной тенденции, направленной на объединение усилий в ходе совместного демократического развития. Тем не менее общий курс стран Содружества на демократию вовсе не означал единства в подходах к реформированию старой системы государственного управления. Каждая из стран осуществляла политико-правовые преобразования, исходя из собственных национальных интересов, с учетом исторических, культурных и иных особенностей своего развития. В области конституционно-правового строительства в целом и в области избирательного права в частности это проявилось достаточно четко.

Следует отметить, что, будучи застрельщиком большинства демократических преобразований, развернувшихся в республиках бывшего СССР, Российская Федерация в плане построения собственной демократической и правовой государственности, предполагающей среди прочего конституционное закрепление основ избирательной системы (как основополагающего института демократии), допустило весьма опрометчивый шаг, не зафиксировав основные принципы избирательного права на высшем юридическом уровне. Именно так – как крайне опрометчивый шаг – следует, по нашему мнению, расценивать отсутствие в тексте российской конституции главы или раздела, обозначающих хотя бы общий контур избирательной системы как самостоятельного и **основного** (выделено нами. – *Авт.*) правового института в механизме формирования государственной власти. Более того, члены Конституционного совещания, рассматривавшие проект нашего основного закона, поступили вопреки сложившейся правовой традиции, поскольку во всех ранее действовавших конституциях РСФСР избирательные права граждан были регламентированы достаточно детально: активному и пассивному избирательному праву был по-

священ целый раздел в Конституции РСФСР 1918 года; в отдельной главе закреплялась процедура выборов в Советы депутатов, а также избирательные права граждан в Конституции РСФСР 1925 года; воспроизводившая положения конституции «победившего социализма» Конституция РСФСР 1937 года имела в своем тексте главу об избирательной системе. Такую же главу имела и последняя Конституция РСФСР 1978 года.

В ныне действующей Конституции Российской Федерации нормы избирательного права разбросаны по ее тексту и затрагивают только отдельные отношения, связанные с выборами. К таким можно отнести нормы, содержащиеся в: ст. 32 Конституции РФ – право граждан избирать и быть избранными, а также участвовать в референдуме; ст. 81, 84, определяющих основные критерии выборов Президента РФ, а также содержащих указание на то, что непосредственный порядок его выборов определяется федеральным законом, кроме того, нормы данных статей определяют полномочия Президента по назначению выборов Государственной Думы; ст. 96, 97, определяющих временные сроки, на которые избирается Государственная Дума, а также возрастные критерии для депутатов данного законодательного органа; ст. 102, нормы которой устанавливают полномочия Совета Федерации по назначению выборов Президента РФ; ст. 109, закрепляющей право Президента РФ назначить дату новых (досрочных) выборов Государственной Думы в случае ее роспуска; ст. 135, определяющей порядок принятия Конституции РФ путем всенародного голосования [4].

Как можно заметить, изложение норм избирательного права в Конституции Российской Федерации не отличается системностью. Вместе с тем «это не уменьшает ее значения в качестве первичного и базового источника в сфере избирательного права» [5, с. 44]. То же

самое можно сказать и о других конституциях стран СНГ. В системе источников избирательного права они имеют перво-степенное значение. При этом технико-юридические способы закрепления избирательных прав граждан, а также основ избирательной системы существенно различаются.

К примеру, в Конституции Республики Беларусь нормы избирательного права, как и в Конституции России, представлены в главах и разделах, посвященных разным сферам общественных отношений. Их можно встретить в разделе II «Личность, общество, государство», где в ст. 38 провозглашается право граждан Республики Беларусь свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании. Кроме того, отдельные нормы, регламентирующие порядок выборов главы государства, депутатов высшего представительного органа Республики Беларусь, а также органов местного самоуправления, содержатся в разделах IV «Президент, Парламент, Правительство, Суд Республики Беларусь» и V «Местное управление и самоуправление» [6]. При этом вопросам организации и проведения выборов, а также референдума в Конституции посвящен отдельный раздел III «Избирательная система. Референдум», который, в свою очередь, состоит из двух глав: «Избирательная система» и «Референдум (народное голосование)» [6]. Таким образом, в белорусской конституции при закреплении основ избирательного права и избирательной системы имеет место комбинированный подход, предусматривающий возможность правовой регламентации данных отношений как в общем контексте предоставления политических прав гражданам, так и путем специализированного регулирования. Последнее обстоятельство выгодно отличает Конституцию Республики Беларусь от Консти-

туции Российской Федерации, где главы об избирательной системе нет вовсе.

Что касается России, то, по нашему глубокому убеждению, вышеуказанная особенность отечественной конституции может в ряде случаев создать весьма неопределенную перспективу юридического обеспечения основополагающих прав граждан в области формирования выборных органов государства, поскольку «отсутствие в конституциях разделов или глав об избирательной системе влечет за собой невозможность четкого гарантирования защиты демократических принципов и норм избирательного права в соответствии с международными стандартами в этой сфере» [7, с. 92–95].

Не следует забывать, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8], призванный ликвидировать отмеченный нами конституционный пробел, является «всего лишь» Федеральным законом, т. е. нормативным актом, процедура принятия которого либо внесения в него изменений несопоставимо проще, чем процедура пересмотра положений Конституции РФ. В этих условиях нельзя исключить ситуации, что в силу тех или иных причин (политическое противоборство, нестабильность верховной власти, субъективное усмотрение политических лидеров и др.) действующий Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» будет изменен, и не в пользу реального обеспечения права граждан участвовать в управлении делами государства. Таким образом, путем изменения всего лишь одного Федерального закона можно легко превратить в правовую фикцию основополагающее конституционное положение о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ). Думается, нет необходимости дока-

зывать пагубность такой перспективы для российской государственности.

По нашему мнению, вышеизложенное еще раз доказывает принципиальное значение конституционного закрепления основ избирательной системы, а также необходимость совершенствования Конституции РФ путем закрепления в ней положений, детально регламентирующих избирательные права граждан. В ином случае, т. е. в случае регламентации данных прав исключительно на уровне законов, гарантии демократизма выборов всегда будут находиться под вопросом.

В плане предельно обобщенного регулирования избирательных правоотношений Конституция РФ среди конституций других участников СНГ не является исключением. В таком же ракурсе «закрепляет» принципы построения избирательной системы Конституция Республики Казахстан. Раздел II Конституции данной Республики «Человек и гражданин» содержит ст. 33, декларирующую среди прочего право граждан Республики избирать и быть избранными в государственные органы и органы местного самоуправления, а также участвовать в республиканском референдуме. Кроме того, данная статья содержит запрет на участие в выборах недееспособных граждан и граждан, находящихся в местах лишения свободы [9]. Этим, собственно, вся правовая регламентация основ избирательной системы в Конституции Казахстана и заканчивается.

Справедливости ради отметим, что в Казахстане нормы избирательного права в целом, все-таки входят в механизм именно конституционно-правового регулирования, поскольку действующий в Республике закон о выборах имеет статус конституционного. Тем не менее отмеченные нами ранее социально-правовые риски от этого только снижаются, но не исчезают.

Не являются панацеей в этом смысле и избирательные кодексы, принятые в

ряде стран СНГ (к примеру, в Азербайджане [10] и Молдове [11]), поскольку содержащаяся в них детальная регламентация избирательного процесса не может полноценно заменить конституционного закрепления его (избирательного процесса) основополагающих принципов, которые в таком случае становятся **обязательной и неизменной** (выделено нами. – Авт.) основой для любой правотворческой деятельности в области избирательного права.

Кстати, в Республике Беларусь, при наличии достаточно развернутого конституционного закрепления основ избирательного права, так же как и в Молдове и Азербайджане, имеется избирательный кодекс [12]. Однако в Республике Беларусь он не подменяет собой национальную конституцию, а играет роль систематизирующего правового акта, призванного максимально детально регламентировать весь избирательный процесс. Основополагающее значение Конституции Республики Беларусь как источника избирательного права остается неизменным.

В плане системности изложения норм, закрепляющих основы избирательного права, помимо конституции нашего партнера в рамках Союзного государства следует отметить и Конституцию Узбекистана. С точки зрения структуры, ясности изложения нормативного материала, иных технико-юридических особенностей Конституция данной Республики отличается высокой степенью совершенства. Во многом это можно объяснить тем обстоятельством, что при разработке проекта действующей Конституции (1992 г.) юридическое сообщество и политическая элита страны не стали отвергать имеющийся правовой опыт советского периода, взяв за основу многие структурные элементы Конституции УзССР, в т. ч. главу, посвященную избирательной системе.

Некоторые нормы избирательного права в Конституции Республики Узбекистан располагаются в разделах и главах, посвященных основным правам и свободам человека и гражданина, а также организации государственной власти. Право граждан участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей, осуществлять самоуправление, проводить референдум закреплено в главе VIII «Политические права», относящейся к разделу II «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина». В разделе V «Организация государственной власти» довольно детально указаны основополагающие начала выборов депутатов высшего представительного органа Олий Мажлиса, так же как и принципы избрания Президента Республики Узбекистан, возрастные цензы и цензы оседлости для участия в выборах на данную должность – в главах XVIII и XIX соответственно [13].

Непосредственно избирательной системе посвящена глава XXIII Конституции Узбекистана, которая, как и главы о президенте и высшем представительном органе Республики, содержится в разделе «Организация государственной власти» [13]. Данная глава закрепляет для граждан Узбекистана право избирать и быть избранными. Провозглашаются гарантии соблюдения равенства и свободы волеизъявления. Определяются сроки проведения выборов Президента, выборов в Законодательную палату высшего представительного органа Узбекистана и представительный орган Республики Каракалпакстан (входящей в Узбекистан), в представительные органы областей, районов, городов, причем время проведения выборов является единым для всех – в первое воскресенье третьей декады декабря (разумеется, по истечении конституционного срока полномочий соответствующего органа). Подчеркивается, что выборы проводятся на основе всеобщего,

равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Таким образом, основополагающие и международно-признанные принципы избирательного права получают свое конституционное закрепление, что только приближает избирательную систему Республики Узбекистан к международным избирательным стандартам. Здесь же определяется и возрастной ценз для реализации активного избирательного права.

В плане ограничения избирательных прав Конституция Узбекистана содержит традиционные требования: не могут быть избранными и не участвуют в выборах граждане, признанные судом недееспособными, а также лица, содержащиеся в местах лишения свободы. При этом предельно четкое изложение данного конституционного положения все же дополняется пояснением о недопустимости прямого или косвенного ограничения избирательных прав в любых других случаях. По нашему мнению, это смысловое «пояснение» (как и другие подобные ему) служит единственной цели – исключить возможность произвольной трактовки текста конституции, что, безусловно, только повышает эффективность механизма конституционно-правового регулирования.

Особое внимание в главе «Избирательная система» уделяется порядку формирования и основам деятельности Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан, что только подтверждает важность данного органа в механизме функционирования всей избирательной системы.

Конституционное закрепление получили принципы деятельности данной комиссии: независимость, законность, коллегиальность, гласность и справедливость. Установлено, что свою деятельность ЦИК Республики Узбекистан осуществляет на постоянной основе и руководствуется в своей деятельности законодательными актами, первым из кото-

рых названа Конституция. Определены органы представительной власти Республики Узбекистан, которые избирают членов Центральной избирательной комиссии. Кроме этого закреплено, что Председателя Центральной избирательной комиссии избирают из числа ее членов по представлению Президента Республики Узбекистан. Завершается глава «Избирательная система» отсылкой на регулирование порядка проведения выборов законом.

Как можно заметить из вышеизложенного, основы избирательной системы Республики Узбекистан регламентированы в национальной конституции достаточно детально. В этом смысле, по мнению авторов статьи, вместе с Конституцией Республики Беларусь, Конституция Республики Узбекистан может являться примером для других стран СНГ, в том числе и для России. В целом же, следует отметить, что положительный опыт конституционно-правового оформления основ избирательной системы, накопленный в странах СНГ, позволяет надеяться на то, что выборы в этих странах будут и впредь оставаться свободными, справедливыми и открытыми, являясь залогом успешного развития демократии на всем постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Кудряшов Е. О. Статус избирательных органов в странах СНГ и его реализация // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 140–151.
2. Потапова Е. А. Вопросы закрепления избирательных прав в конституциях стран СНГ // Экономика, социология и право. 2014. № 2. С. 144–146.
3. Алёхина И.С. Особенности правового регулирования принципов избирательного права в конституциях государств – участников СНГ // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 1. С. 44–50.
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.08.2018).
5. Казановская Ю. А., Ганицкий А. Г. Национальные конституции в системе источников избирательного права стран СНГ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 8–5. С. 42–46.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : [с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004] // Pravo.by. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 23.08.2018).
7. Казановская Ю. А. Международные стандарты в области прав человека в конституционном законодательстве России // Правовая политика и модернизация государственности: сб. материалов Международн. науч.-практ. конф. Пятигорск, 2012. Т. 1. С. 92–95.
8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ: [ред. от 03.07.2018 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 23.08.2018).
9. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : [принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года: с изм. и доп. по состоянию на 10.03.2017]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 23.08.2018).

10. Избирательный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: [утв. законом Азербайджанской Республики от 27.05.2003 № 461-ПQ: с изм. и доп. по состоянию на 06.03.2018]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420183 (дата обращения: 23.08.2018).

11. Кодекс о выборах Республики Молдова от 21 ноября 1997 года № 1381-XIII [Электронный ресурс]: [с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2018]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398395 (дата обращения: 23.08.2018).

12. Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 года № 370-З [Электронный ресурс]: [с изм. и доп. по состоянию на 04.06.2015]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414797 (дата обращения: 23.08.2018).

13. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 года [Электронный ресурс]: [с изм. и доп. по состоянию на 29.08.2017]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30433237 (дата обращения: 30.08.2018).

Поступила в редакцию 11.10.18

UDC 342

E. V. Vorontsova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: proskyrinae@mail.ru)

A. L. Vorontsov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: vorontsov.a.l@mail.ru)

CONSTITUTIONAL AND LEGAL DECORATION OF THE BASIS OF THE ELECTORAL SYSTEM IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: COMPARATIVE AND LEGAL STUDY

The article is devoted to the study of the peculiarities of the constitutional-legal consolidation of the foundations of the electoral system and the electoral law in some countries - participants of the Commonwealth of Independent States. The authors emphasize the importance of this issue for understanding the processes of the democratic development of these countries, in the context of which the functioning of the institutions of people's will is an absolute and important indicator.

It is noted that, contrary to expectations, the general course of the CIS countries on democracy did not lead to a unity of approaches in the legal formulation of the basic democratic institutions, in particular the institution of elections, which is due to the historical, cultural and other features of these countries.

Comparing the peculiarities of enshrining the norms of electoral law in the constitutions of a number of states of the Commonwealth, the authors note the imperfection of the Russian constitution, in which there is no special chapter devoted to the electoral system. Attention is drawn to the dispersion of the norms of electoral law under the text of the Constitution of the Russian Federation, which in turn does not lead to systemic regulation of the electoral sphere at the constitutional level. At the same time, the paramount importance of the Constitution of the Russian Federation and the constitutions of other CIS states in the system of sources of electoral law of their countries is noted.

Actualizing the problem of the lack of a chapter on the electoral system in the Russian constitution, the authors focus on possible legal risks of this situation related to the impossibility of providing clear guarantees for the protection of electoral rights of citizens in the event of a change in the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation".

In the course of a comparative legal study of the constitutional legal framework of the electoral system in the CIS countries, the authors conclude that the most perfect from this point of view constitutions of the Commonwealth countries are the Constitutions of the Republics of Belarus and Uzbekistan, whose experience should be used in Russia.

Key words: *electoral system, norms of electoral law, electoral rights of citizens, electoral law, elections.*

For citation: Vorontsova E. V., Vorontsov A. L. Constitutional and legal decoration of the basis of the electoral system in the countries of the commonwealth of independent states: comparative and legal study. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 55–62 (in Russ.).

***

References

1. Kudryashov E. O. Status izbiratel'nyh organov v stranah SNG i ego realizaciya. Zhurnal rossijskogo prava, 2009, no. 12, pp. 140–151.
2. Potapova E. A. Voprosy zakrepleniya izbiratel'nyh prav v konstituciyah stran SNG. Ehkonomika, sociologiya i pravo, 2014, no. 2, pp. 144–146.
3. Alyohina I. S. Osobennosti pravovogo regulirovaniya principov izbiratel'nogo prava v konstituciyah gosudarstv – uchastnikov SNG. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 44–50.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993: s uchetom popravok, vnesennyh Zakonomi RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 No 6-FKZ, ot 30.12.2008 No 7-FKZ, ot 05.02.2014 No 2-FKZ, ot 21.07.2014 No 11-FKZ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 23.08.2018).
5. Kazanovskaya Yu. A., Ganickij A. G. Nacional'nye konstitucii v sisteme istochnikov izbiratel'nogo prava stran SNG. Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij, 2016, no. 8–5, pp. 42–46.
6. Konstituciya Respubliki Belarus' 1994 goda: [s izm. i dop., prinyatymi na respublikanskih referendumah 24.11.1996. i 17.10.2004]. Pravo.by. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (accessed 23.08.2018).
7. Kazanovskaya Yu. A. Mezhdunarodnye standarty v oblasti prav cheloveka v konstitucionnom zakonodatel'stve Rossii. Pravovaya politika i modernizaciya gosudarstvennosti: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Pyatigorsk, 2012, vol. 1, pp. 92–95.
8. Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 12.06.2002 No 67-FZ: [red. ot 03.07.2018 : s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (accessed 23.08.2018).
9. Konstituciya Respubliki Kazahstan: [prinyata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda: s izm. i dop. po sostoyaniyu na 10.03.2017]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (accessed 23.08.2018).
10. Izbiratel'nyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki: [utv. zakonom Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 27.05.2003 No 461-IIQ: s izm. i dop. po sostoyaniyu na 06.03.2018]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420183 (accessed 23.08.2018).
11. Kodeks o vyborah Respubliki Moldova ot 21 noyabrya 1997 goda No 1381-XIII: [s izm. i dop. po sostoyaniyu na 27.07.2018]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398395 (accessed 23.08.2018).
12. Izbiratel'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 11 fevralya 2000 goda No 370-Z: [s izm. i dop. po sostoyaniyu na 04.06.2015]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414797 (accessed 23.08.2018).
13. Konstituciya Respubliki Uzbekistan ot 8 dekabrya 1992 goda: [s izm. i dop. po sostoyaniyu na 29.08.2017]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30433237 (accessed 30.08.2018).

Гражданское право и процесс

УДК 347.441

Г. С. Швырев, преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: german14@mail.ru)

СООТНОШЕНИЕ АБОНЕНТСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ СО СТРАХОВЫМИ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ

С абонентскими договорами гражданин в процессе своей жизни сталкивается очень часто. В большинстве случаев на практике встречаются договоры на оказание различных услуг: договор сотовой связи, интернета, предоставление юридических услуг, медицинских услуг, спутникового телевидения и так далее – все эти правоотношения построены с использованием конструкции договора с исполнением по требованию (абонентского договора). Закрепив данную договорную конструкцию в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, законодатель подчеркнул универсальность ее применения относительно договоров, которые содержатся в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. С каждым годом развиваются экономические отношения и увеличивается удельный вес договоров, к которым применяются условия об абонентской оплате. Страховые правоотношения также весьма распространены: медицинское, пенсионное, страхование на случай временной нетрудоспособности, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств и т. д.

В статье рассматривается соотношение абонентских и страховых правоотношений. На основе анализа современного законодательства выявляются их сходства, при этом сопоставление данных правоотношений позволяет сделать автору вывод о том, что, несмотря на выявленные сходства абонентских и страховых договоров, данные правоотношения нельзя назвать идентичными. Каждый из этих договоров регулирует различные правоотношения. Кроме того, абонентские договоры, так же как и страховые договоры, имеют свои специфические черты и регулируются различными нормами законодательства. Таким образом, проведенный анализ страховых и абонентских правоотношений позволяет сделать вывод о том, что между ними есть как сходства, так и отличия.

Ключевые слова: гражданское право, договор, правоотношения, договор с исполнением по требованию, абонентский договор, договор страхования, страховые правоотношения.

Ссылка для цитирования: Швырев Г. С. Соотношение абонентских правоотношений со страховыми правоотношениями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 63–69.

***

В повседневной жизни мы часто вступаем в правоотношения, связанные со страхованием: медицинское, пенсионное, страхование на случай временной нетрудоспособности и т. д. Право на получение отдельных видов страхования предоставляется гражданину при наличии у него полиса или других документов. Полис обязательного медицинского страхования предоставляет право гражданам обращаться за медицинской помощью при необходимости. Страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования гарантирует перечисления части заработной платы в пользу своей будущей пенсии. Помимо этого, каждый автовладелец, если он хочет использовать принадлежащий ему автомобиль по сво-

ему прямому назначению, обязан застраховать свою ответственность по договору обязательного страхования автогражданской ответственности. Таким образом, страхование как правовой институт занимает достаточно большое место, как в правовой, так и в общественной жизни граждан.

Нормы, регулирующие страховые правоотношения, закреплены в гл. 48 Гражданского кодекса РФ, а также в Законе РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [1]. Кроме того, отдельным видам страхования посвящены специальные федеральные законы, которые содержат углубленное регулирование конкретных правоотношений. К чис-

лу таких Федеральных законов можно отнести: Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [2]; Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [3]; Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [4]; Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [5] и др.

Определение термина «страхование» закреплено в Законе РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Под страхованием понимаются отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков.

Что касается абонентских правоотношений, то конструкция абонентского договора законодателем в 2015 г. была закреплена в первой части ГК РФ в ст. 429.4, при этом она на практике применялась и до ее законодательного закрепления.

Договором с исполнением по требованию (абонентским договором) признается договор, предусматривающий внесение одной из сторон (абонентом) определенных, в том числе периодических, платежей или иного предоставления за право требовать от другой стороны (исполнителя) предоставления предусмотренного договором исполнения в затребованном количестве или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом. Абонент обязан вносить платежи или предоставлять иное исполнение по

абонентскому договору независимо от того, было ли затребовано им соответствующее исполнение от исполнителя, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 429.4 ГК РФ).

По существу, абонентский договор – это договорная конструкция, некая форма, в которую можно облечь, по сути, почти любой возмездный поименованный договор [6, с. 924], усложнив его абонентскими условиями.

На наш взгляд, в договорах страхования можно усмотреть отдельные элементы абонентских правоотношений, которые позволяют говорить об их сходствах. Сходства страховых и абонентских правоотношений проявляются в следующем. Во-первых, и абонентские, и страховые правоотношения характеризуются как возмездные. В договорах страхования плата (страховая премия) вносится за право обратиться к страховщику при наступлении страхового случая, для минимизации негативных последствий в виде, например, выплаты единовременно или периодически обусловленной договором суммы (страховой суммы). В абонентских правоотношениях абонент обязан вносить абонентскую плату за право требовать от другой стороны (исполнителя) предоставления предусмотренного договором исполнения в затребованном количестве или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом.

Во-вторых, в абонентских правоотношениях, так же как и в страховых, присутствует рисковый (алеаторный) характер взаимоотношения сторон.

Алеаторные – рисковые договоры, исполнение которых зависит от обстоятельств, не известных сторонам при заключении договора [7]. Рисковой характер сделки объясняется не столько внешними факторами (состоянием экономических, социальных, политических условий развития страны и др.), сколько характером взаимоотношений сторон сделки, которые заранее осознают риск того, что одна из них при наличии определенных

обстоятельств чего-либо лишится, а другая, напротив, приобретет то, на что вправе была рассчитывать. При этом алекторная сделка не может носить рисковый характер только для одной из ее сторон. В подобной сделке получение выгоды одной из сторон ставится в зависимость от неполучения такой выгоды другой стороной [8].

В договоре страхования, как и в абонентском договоре, присутствует некий рисковый характер. Уплаченная страховая премия не подлежит возврату, даже если оговоренный в договоре страховой случай не наступил в период действия договора. Страхователь, заключая договора страхования, уплачивая страховую премию, рассчитывает, что при наступлении страхового случая он получит страховую сумму и тем самым минимизирует свои потери, компенсируя ущерб, который был вызван наступлением страхового случая. Интерес же страховщика заключается в том, что в период действия договора страхования у страхователя не наступит страховой случай и, соответственно, у страховщика не возникнет обязанность по выплате страховой суммы и останется страховая премия, уплаченная страхователем. Страховые компании, как правило, имеют разветвленную сеть и заключают много договоров страхования. Таким образом, даже если у каких-либо клиентов (страхователей) наступят страховые случаи, полученные им страховые премии, которые составляют страховой фонд организации, покроют данные расходы.

В абонентских договорах также не предусмотрен возврат абонентской платы. По общему правилу абонент обязан вносить платежи или предоставлять иное исполнение независимо от того, было ли затребовано им соответствующее исполнение от исполнителя (п. 2 ст. 429.4 ГК РФ). Судебная практика подтверждает положение, что возврат платы в случае незатребования исполнения невозможен [9]. Именно эта характеристика позволяет

прийти к выводу о том, что договор с исполнением по требованию является алекторной (рисковой) сделкой.

Данные риски в определенной мере схожи со страховыми рисками, поскольку распределяются между сторонами на основании договора. При этом они различаются тем, что вводятся в действие не на основе страховых обеспечительных мероприятий (во исполнение риска собственника), а на базе специфики абонентского права. В договорах, в которых объем услуг заранее не определен, абонент прибегает к услугам исполнителя по мере необходимости [10, с. 10].

Риски возникают как у абонента, так и у исполнителя. Обязанность абонента по внесению абонентских платежей не зависит от реализации им его права требования оговоренного договором исполнения, т. е. даже если абонент не воспользовался исполнением, которое предоставляет исполнитель в определенный договором период, он не освобождается от обязанности внесения абонентской платы. При этом необходимо учитывать, что абонент в одностороннем порядке стремится получить больший объем предоставления от исполнителя. Аналогичное стремление можно отнести и к исполнителю, который рассчитывает на получение абонентской платы с предоставлением наименьшего исполнения.

Экономические риски возникают и у исполнителя. Именно он принимает на себя обязанность предоставить исполнение в любое время и в том объеме, который затребует абонент. Как правило, объем предоставления и время предоставления исполнения ложится определенным бременем на исполнителя, т. к. он должен заранее обеспечить бронирование определенных ресурсов и мощностей, необходимых для обеспечения запросов абонента [11, с. 171]. Также абонент в определенный договором период может затребовать максимальный объем исполнения, что, естественно, невыгодно контрагенту, потому что он будет рабо-

тать в полном объеме, определенном в договоре с использованием соответствующих мощностей. Абонентская плата выступает в качестве гарантии лишь того, что расходы, которые исполнитель несет для поддержания мощностей по абонентскому договору (штат сотрудников, необходимый набор имущества и т. д.) будут компенсированы вне зависимости от запроса абонента на предоставление исполнения.

Данная ситуация характеризуется взаимным стремлением сторон в получении максимальной выгоды от совершенной сделки: абонент, заплатив абонентскую плату, будет стремиться получить максимум от этого договора, а исполнитель, получив абонентскую плату, будет надеяться, что абонент затребуется исполнение в как можно меньшем количестве и объеме или вовсе не затребуется. Отсутствие требования исполнения от абонента, несомненно, может снижать издержки исполнителя, но не освобождает последнего от обязанности быть готовым в любой момент в период действия договора, предоставить обусловленное им исполнение абоненту. При этом в случае досрочного расторжения, как договора страхования, так и абонентского договора, уплаченные денежные средства при заключении договора – страховая премия и абонентская плата – могут быть частично возвращены, пропорционально времени действия договора.

В-третьих, свои схожие особенности имеет и характер платежа. Страховая премия уплачивается страхователем страховщику (и аккумулируется в страховых фондах) для поддержания так называемых мощностей в период действия договора, а также за возможность обратиться за выплатой соответствующей страховой суммы при наступлении страхового случая.

Такая же схема прослеживается и в абонентских договорах. Абонент уплачивает абонентскую плату за право требовать от другой стороны (исполнителя)

предоставления предусмотренного договором исполнения в затребованных количествах или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом. Таким образом, абонентская плата включает в себя расходы исполнителя как за само фактическое предоставление, так и за право требовать предоставления исполнителя в период действия договора.

В-четвертых, асимметрия прав участников страховых и абонентских правоотношений. Одна из сторон вправе требовать исполнения в нужном ей объеме, а другая сторона не может гарантировать поступления к ней таких запросов и принуждать к чему-либо контрагента, не желающего запрашивать или пользоваться услугами, товарами или работами этой стороны [12]. В страховых правоотношениях право требования зависит от страхового случая. В абонентских правоотношениях это исключительная прерогатива абонента, который имеет право воспользоваться предоставлением исполнения в необходимом ему объеме или количестве в период действия договора. Таким образом, страховщик, так же как и исполнитель, в абонентских договорах не может повлиять на реализацию права требования предоставления исполнения страхователя и абонента соответственно.

В-пятых, готовность исполнителя к предоставлению соответствующего исполнения по абонентскому или страховому договору. Страховщик, так же как и исполнитель, в абонентском договоре находится в постоянной готовности предоставить исполнения – при наступлении страхового случая предоставить комиссаров, выплатить возмещение и т. д. А исполнитель в абонентских правоотношениях предоставить оговоренное абонентским договором исполнение абоненту, когда последнему это будет необходимо, и в объеме, который определяет сам абонент в пределах, установленных договором или безлимитно.

Несмотря на указанные сходства данные правоотношения имеют ряд от-

личительных черт. Во-первых, не совпадают основания возникновения права требования предоставления исполнения.

Как уже было указано, исполнение по договору страхования не зависит от воли сторон. В договоре страхования страхователь и страховщик не знают и не могут знать, наступит ли страховой случай или нет. Обращение страхователя к страховщику ставится в зависимость от наступления страхового случая.

В абонентском договоре право требовать предоставления исполнения всегда принадлежит абоненту, и именно абонент решает, когда он воспользуется оговоренным договором исполнением. Тем не менее в некоторых абонентских договорах (например, договора сервисного обслуживания компьютеров), обращение абонента также может ставиться в зависимость, например, от поломки техники.

Во-вторых, разный объем обязанностей управомоченной стороны. Управомоченной стороной по договору страхования и абонентскому договору считаются страхователь и абонент соответственно.

Страхователь обязан выплатить страховую премию, выполнить ряд других обязанностей и соблюдать предусмотренные договором ограничения. В абонентских договорах на абонента возлагается одна основная обязанность, которая законодателем закреплена в п. 2 ст. 429.4 ГК РФ. Речь идет об обязанности абонента вносить платежи или предоставлять иное исполнение по такому договору. При этом законодательно закреплено, что данное правило действует постольку, поскольку иное не предусмотрено законом. Также предусмотрено, что отступления от данного общего правила могут устанавливаться договором, т. е. рассматриваемая норма является диспозитивной [13].

В-третьих, в указанных правоотношениях различаются основания и объем предоставления исполнения. В страховых

правоотношениях объем исполнения оговаривается при заключении договора и устанавливается в зависимости от страхового случая (объема, степени тяжести наступивших последствий). В абонентских правоотношениях может устанавливаться максимальный, предельный объем предоставления исполнения (лимит) или безлимитно. Кроме того, время, количество и объем предоставления исполнения определяется абонентом.

В-четвертых, отношения в сфере страхования более подробно и детально урегулированы правовыми нормами. Абонентские же правоотношения предоставляют более широкую свободу сторонам в детализации их прав и обязанностей.

Таким образом, проведенный анализ страховых и абонентских правоотношений позволяет сделать вывод о том, что между ними есть как сходства, так и отличия. В договоре страхования прослеживаются черты абонентского договора, при этом особенности, присущие договору страхования, не позволяют говорить об их тождестве.

Список литературы

1. Об организации страхового дела в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1: [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 20.08.2018).

2. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ: [ред. от 29.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения: 20.08.2018).

3. О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ: [ред. от 01.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 20.08.2018).

4. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ: [ред. от 27.06.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/ (дата обращения: 20.08.2018).

5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ: [ред. от 29.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (дата обращения: 20.08.2018).

6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

7. Актуальные проблемы гражданского права / И. В. Долганова, Д. В. Ерофеева, О. В. Ефимова [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. Р. В. Шагиевой. М.: РААН, 2017. 194 с.

8. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Гражданское право: отдельные виды договоров. М.: Юстицинформ, 2018. 380 с.

9. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 30 мая 2018 г. по делу № А83-15452/2017 [Электронный ресурс]

// Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/GqN2KN1rQPIL/> (дата обращения: 20.08.2018).

10. Кванина В. В. Договоры с абонементной формой отношений сторон: автореф дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 1990. 24 с.

11. Швырев Г. С. Абонентский договор – правовое закрепление // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала: ООО «Апробация», 2015. С. 169–172.

12. Карапетов А. Г. Опционы, абонентские и рамочные договоры в новой редакции ГК РФ, вступающей в силу с 1 июня 2015 года [Электронный ресурс] // *Zakon.Ru*. 2015. 25 March. URL: https://zakon.ru/blog/2015/3/25/opciony_abonent-skie_i_ramochnye_dogovory_v_novoj_redakcii_gk_rf_vstupayushhej_v_silu_s_1_iyuny_a_2015 (дата обращения: 20.08.2018).

13. Борисов А. Н., Ушаков А. А., Чуев В. Н. Комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» части первой Гражданского кодекса РФ. М.: Деловой двор, 2015.

Поступила в редакцию 06.10.18

UDC 347.441

G. S. Shvyrev, Lecturer, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: german14@mail.ru)

THE RATIO OF SUBSCRIBER'S LEGAL RELATIONSHIP WITH THE INSURANCE LEGAL RELATIONSHIP

With the subscription agreements, the citizen in the process of his life facing very often. In most cases, in practice, there are contracts for the provision of various services: the contract of cellular communication, the Internet, the provision of legal services, medical services, satellite television, and so on – all these legal relations are built using the design of the contract with the execution on demand (subscription agreement). Having fixed this contractual structure in part one of the Civil code of the Russian Federation, the legislator stressed the universality of its application with respect to the agreements contained in part two of the Civil code. Every year we are developing economic relations and increasing the proportion of contracts that are subject to the terms and conditions of the subscription payment. Insurance legal relations are also very common: medical, pension, temporary disability insurance, compulsory insurance of civil liability of vehicle owners, etc.

The article deals with the relationship of subscriber relations and insurance relations. On the basis of the analysis of the modern legislation their similarities are revealed. At the same time, the comparison of these legal relations allows the author to conclude that, despite the similarities of subscriber and insurance contracts, these legal relations can not be called identical. Each of these contracts governs a different legal relationship. In addition, subscriber agreements, as well as insurance contracts, have their own specific features and are regulated by various legal

norms. Thus, the analysis of insurance and subscriber relations allows us to conclude that there are both similarities and differences between them.

Key words: civil law, contract, legal relations, contract with execution on demand, subscription contract, insurance contract, insurance relations.

For citation: Shvyrev G. S. The ratio of subscriber's legal relationship with the insurance legal relationship. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 63–69 (in Russ.).

***

References

1. Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii: zakon RF ot 27.11.1992 No 4015-I: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (accessed 20.08.2018).

2. Ob obyazatel'nom medicinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 29.11.2010 No 326-FZ: [red. ot 29.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (accessed 20.08.2018).

3. O strahovanii vkladov fizicheskikh lic v bankah Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 23.12.2003 No 177-FZ: [red. ot 01.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (accessed 20.08.2018).

4. Ob obyazatel'nom pensionnom strahovanii v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 15.12.2001 No 167-FZ: [red. ot 27.06.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/ (accessed 20.08.2018).

5. Ob obyazatel'nom strahovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnyh sredstv: feder. zakon ot 25.04.2002 No 40-FZ: [red. ot 29.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (accessed 20.08.2018).

6. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, Statut Publ., 2017. 1120 p.

7. Dolganova I. V., Erofeeva D. V., Efimova O. V., eds. Aktual'nye problemy

grazhdanskogo prava; ed. by prof. R. V. Shagieva. Moscow, RAAN Publ., 2017. 194 p.

8. Solomin S. K., Solomina N. G. Grazhdanskoe pravo: ot del'nye vidy dogovorov. Moscow, Yusticinform Publ., 2018. 380 p.

9. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Krym ot 30 maya 2018 g. po delu No A83-15452/2017. Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/GqN2KN1rQPIL/> (accessed 20.08.2018).

10. Kvanina V. V. Dogovory s abonentnoj formoj otnoshenij storon. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Moscow, 1990. 24 p.

11. Shvyrev G. S. Abonentskij dogovor – pravovoe zakreplenie. Aktual'nye problemy sovremennoj nauki v 21 veke: sb. materialov IX Mezhdunar. nauch.-prak. konf. Mahachkala, OOO “Aprobaciya”, 2015, pp. 169–172.

12. Karapetov A. G. Opciony, abonentskie i ramochnye dogovory v novoj redakcii GK RF, vstupayushchej v silu s 1 iyunya 2015 goda. Zakon.Ru. 2015. 25 March. URL: https://zakon.ru/blog/2015/3/25/opciony_abonent-skie_i_ramochnye_dogovory_v_novoj_redakcii_gk_rf_v_stupa-yushhej_v_silu_s_1_iyunya_2015 (accessed 20.08.2018).

13. Borisov A. N., Ushakov A. A., Chuev V. N. Kommentarij k razdelu III “Obshchaya chast' obyazatel'stvennogo prava” chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa RF. Moscow, Delovoj dvor Publ., 2015.

УДК 342

В. В. Богдан, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kurskpravo@yandex.ru)

Е. В. Воронцова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: proskyrinae@mail.ru)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС В ПРАВЕ НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Статья посвящена социально-правовому анализу одной из актуальнейших и сложнейших проблем юридической науки, связанной с установлением пределов коллективной и личной свободы в сфере охраны здоровья. Понимая глубину и неоднозначный характер обозначенной проблемы, авторы, тем не менее, настаивают на необходимости ее разрешения с учетом практической значимости здоровья отдельного индивида для интересов всего общества. Используя приемы логического рассуждения, авторы на достаточно простых примерах доказывают тезис о том, что собственное здоровье отдельного человека далеко не всегда может выступать в качестве исключительно личного блага, а соответственно и исключительно личного права. Исходя из этого, личное здоровье может представлять предмет общественно-го интереса, который, в свою очередь, требует публично-правовых механизмов его обеспечения, предполагающих обязательное в качестве основного способа правового регулирования.

В целом, авторы высказываются за необходимость ограничения свободы личностного усмотрения по поводу распоряжения своим здоровьем и жизнью, поскольку это нарушает общественные интересы в области охраны здоровья. Аргументируя свои выводы, авторы анализируют значительное количество вредоносных факторов, угрожающих здоровью как отдельного человека, так и обществу в целом, явившихся следствием личного усмотрения граждан в отношении своего здоровья.

Отмечая тесную взаимосвязь личных и общественных интересов в области охраны здоровья, авторы, тем не менее, указывают и на противоречия, возникающие между ними. Анализу подвергается действующее законодательство Российской Федерации в области охраны здоровья, по итогам которого делается вывод об отсутствии необходимой правовой базы, призванной регулировать возникающие в области охраны здоровья конфликты между интересами отдельной личности и общества в целом.

Ключевые слова: общественный интерес, личный интерес, здоровье, право на охрану здоровья, личное право, личное благо, здоровье отдельного человека, правовое обязательство.

Ссылка для цитирования: Богдан В. В., Воронцова Е. В. Общественный и личный интерес в праве на охрану здоровья: некоторые вопросы теории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 70–76.

***

На протяжении всего периода времени, последовавшего за Второй мировой войной, реализация личностных интересов выступала основной регулятивной доминантой при выстраивании правовых систем большинства демократических государств. Постулирование отдельного человека как основного субъекта всех имеющихся прав нашло свое выражение в важнейших международных актах, а также национальном законодательстве многих стран. Всеобщая декларация прав и свобод человека говорит об идеале свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды (Преамбула) [1]. По Уставу ООН государства обязаны поощрять всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека (п. «с» ст. 76

Устава ООН) [2]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах говорит о недопущении никакого ограничения или умаления каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в какой-либо стране в силу закона, конвенций, правил или обычаев (ст. 4) [3]. Не осталась в стороне от этой тенденции и Россия, провозгласившая в статье 2 своей Конституции, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [4].

Можно констатировать, что, являясь продуктом длительного развития социально-правовой мысли, идея приоритета прав личности в настоящее время господствует практически во всех сферах обще-

ственной жизни, в том числе и в сфере здравоохранения.

Однако именно в сфере охраны здоровья ориентация на первоочередное обеспечение прав личности несет в себе, по нашему мнению, ряд существенных угроз, обусловленных объективными характеристиками самого здоровья как объекта правовой охраны. С юридической точки зрения проблема сводится к необходимости сужения имеющегося «коридора возможностей» личности в вопросах собственного здоровья, который в настоящее время, благодаря медицинским технологиям и эгоцентризму современного права, стал настолько широким, что использование без разумных ограничений стало приводить к негативным последствиям как для самой личности, так и для общества в целом. Главную сложность при этом представляет тесное переплетение общественных и личных интересов, которые в области здоровья взаимообусловлены как ни в какой другой области общественных отношений. Исходя из этого, следует признать, что реализация общеправового принципа регулирования «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого» в сфере охраны здоровья наталкивается на существенное препятствие, заключающееся в диалектической взаимосвязи общественного и личного интересов, что, в свою очередь, создает объективные сложности в установлении юридических критериев их разграничения [5]. При этом для авторов статьи является очевидной необходимость ограничения свободы усмотрения человека в отношении собственного здоровья, что само по себе не может не породить массы проблемных и крайне острых вопросов с учетом того обстоятельства, что здоровье является наиболее значимым личным благом, составляющим предмет персонифицированного интереса каждого из нас.

Настаивая на необходимости правового ограничения свободы личности в вопросах собственного здоровья, мы прекрасно осознаем, что вторгаемся в сферу,

связанную с выбором образа жизни, т. е. в сферу фундаментальной свободы человека, обеспечивающей саму возможность его полноценного существования в социуме. При этом мы полагаем, что необходимость такого «вторжения» в настоящее время диктуется потребностями общественного развития, т. е. интересами всего общества, которые с интересами конкретной личности могут совпадать далеко не во всем.

Сразу следует отметить принципиальный момент, который заключается в том, что ограничения в данной сфере, по нашему мнению, ни в коем случае не должны являться только результатом произвольного решения законодателя. Они должны быть правовыми не только по форме, но и по сути, т. е. основываться на идее и принципах самого права, отражать реальные потребности большинства общества и одобряться им.

Нет сомнений, что добиться этого одобрения можно только при наличии ясной и понятной гражданам здравоохранительной политики государства, которая, в свою очередь, должна базироваться на безупречной с правовой точки зрения концептуально-обоснованной позиции юридического сообщества по данному вопросу. Именно на представителей юридической науки ложится бремя доказывания необходимости ограничительных мер в этой, казалось бы, сугубо личной сфере, однако затрагивающей интерес всего общества.

Затронутый нами вопрос является архисложным. Существующая в России юридическая конструкция основополагающего права человека в области здоровья не позволяет очертить четкие границы общественного интереса в данной области. При этом в его наличии не приходится сомневаться, поскольку иное противоречило бы сути самого права как регулятора общественных отношений. Весь вопрос в специфике закрепления в этом праве публично-правового (общественного) интереса, который очень часто выражен весьма имплицитно. В то же время

его границы, по нашему мнению, значительно шире, чем принято считать, что, в свою очередь, обуславливает: во-первых, возможность государственного вмешательства в сферу личного усмотрения граждан в отношении собственного здоровья; во-вторых, использование в данной сфере публично-правовых механизмов обеспечения общественного интереса. При этом повторим, главной проблемой остается отсутствие четких границ между отраженными в законодательстве о здоровье интересами отдельной личности и общества в целом. В этой связи обратимся к содержанию некоторых нормативно-правовых актов.

В Российской Федерации основополагающее право человека в области здоровья законодательно закреплено как «право на охрану здоровья» (ст. 41 Конституции РФ) [4]. С учетом значимости здоровья для каждого из нас, признание, соблюдение и защита права на охрану здоровья рассматривается в России как показатель гуманистической направленности самого права, его «человечности», т. е. ориентированности на интересы отдельной личности. Личностный характер права на охрану здоровья проявляется в самой формулировке нашей Конституции: «каждый имеет право на охрану здоровья». Отметим – «каждый». Кроме того, в российской правовой теории давно доказан субъективный характер любого из прав [6].

С другой стороны, помимо закрепления интересов отдельной личности в праве на охрану здоровья, объективно должен быть выражен и публично-правовой интерес всего общества, т. е. коллективный интерес всего социума, отражающий его объективные потребности в воспроизводстве и развитии, причем речь в данном случае идет не только об общественном здоровье, на показателях которого сосредоточено внимание ВОЗ и других международных организаций. Речь идет и о личном здоровье, которое в контексте обеспечения обще-

ственного интереса представляется не менее важным, чем общественное.

Отмеченная выше субъектная «двойственность» права на охрану здоровья объясняется не только тем обстоятельством, что общественное здоровье представляет собой статистическое отражение совокупных характеристик личного здоровья. В конце концов, это всего лишь конструктивные связи теоретических понятий. Куда важнее практическая значимость здоровья отдельного индивида для интересов всего общества, которая объясняется наличием реальной причинно-следственной связи, возникающей между здоровьем отдельного человека и здоровьем всего общества. За примерами, подтверждающими данную взаимообусловленность, далеко ходить не надо: наличие заразной инфекции у одного человека может повлечь болезнь у всех контактирующих с ним лиц и наоборот.

В контексте исследуемой нами проблемы возникает интересная ситуация, при которой собственное здоровье конкретного человека перестает быть исключительно личным благом, а соответственно и исключительно личным правом, поскольку его здоровье напрямую затрагивает здоровье, а соответственно и интересы других. Таким образом, личное здоровье отдельного человека (здоровье отдельной личности) может представлять предмет общественного интереса, который, в свою очередь, требует публично-правовых механизмов его обеспечения, предполагающих обяывание в качестве основного способа правового регулирования.

Примерами практической реализации данного способа правового регулирования в области охраны здоровья могут являться положения ст. 10 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [7], ч. 11 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8], гл. 15 Уголовного кодек-

са Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [9], Постановления Правительства РФ от 15 июля 1999 г. № 825 «Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок» [10], Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 24 февраля 2014 г. № 8 «Об усилении мероприятий по санитарной охране территории Российской Федерации» [11] и др., предусматривающие обязательную вакцинацию, принудительную психиатрическую помощь и другие виды принудительного лечения.

Во всех вышеприведенных положениях федерального законодательства очевидно первоочередное стремление государства обеспечить общественный интерес в сфере охраны здоровья. При этом путем принудительных мер медицинского характера обеспечивается субъективное право на охрану здоровья для подвергнутых данным мерам граждан, которые в силу своего болезненного состояния не могут реализовать его самостоятельно.

Значение правового обязывания как способа обеспечения общественного интереса в области охраны здоровья существенно возрастает в связи с изменением качественных характеристик среды обитания человека. При этом данные изменения не ограничиваются только лишь ухудшением экологического фона. Кардинальным образом поменялись социально-бытовые, материальные и иные условия жизни человека, что спровоцировало возникновение новых угроз для его здоровья. К примеру, интенсификация современного производства вызвала к жизни такой постоянно действующий фактор, как стресс, лежащий в основе целой цепочки тяжелых заболеваний. Помимо этого, трудовая миграция огромных масс людей из разных уголков Земного шара самым негативным образом сказалась на эпидемиологической ситуации. И если названные выше факторы в опреде-

ленной мере можно считать объективным следствием развития человеческой цивилизации, то такие пагубные явления, как алкоголизм, наркомания, табакокурение и др., порожденные и культивируемые самим человеком, к закономерностям цивилизационного развития отнести нельзя. При этом в настоящее время данные явления приобрели характер одних из наиболее значимых факторов, угрожающих человеческой популяции.

Социально-вредные последствия названных нами факторов многообразны и не исчерпываются прямым вредом для жизни и здоровья лиц, страдающих «вредными привычками», и их близких. Спектр этих последствий затрагивает очень широкий круг общественных интересов: общественная безопасность (ряд заболеваний может повлечь за собой девиантное поведение); необходимость оплачивать путем налогов и обязательных платежей в фонды медицинского и социального страхования дорогостоящее лечение болезней, ставших результатом безответственного поведения самих граждан и их инвалидность; экономические потери на производстве (производительный брак, снижение производительности труда и т. д.); распространение антисоциального поведения (один наркоман за год приобщает к наркотикам до десяти человек); возможность распространения пандемий неизлечимых болезней (СПИД, Гепатит С) и др. Особую угрозу для человечества представляет бесконтрольный прием антибиотиков, позволяющий вирусам вырабатывать к ним резистентность и делающий бесполезными дальнейшие усилия врачей. Как видим, последствия личного усмотрения граждан в отношении своего здоровья и выбора образа жизни могут затрагивать не только их собственные интересы, но и интересы большого количества других лиц и общества в целом, более того, создавать для них реальную угрозу.

К слову сказать, угрозу общественным интересам в сфере охраны здоровья могут создавать и некоторые новомодные

увлечения, которые в общественном сознании не являются чем-то предсудительным, а, наоборот, представляют собой оригинальное проявление собственной индивидуальности. К таким увлечениям, к примеру, относятся распространённые среди молодежи татуировки и пирсинг. Отметим, что с учетом технологичности данных операций, а также того обстоятельства, что салоны, в которых они производятся, не являются медицинскими учреждениями и не подвергаются должному контролю, возможность приобретения их клиентами смертоносных вирусов вполне реальна, что уже подтверждается практикой. Серьезно затрагивает общественные интересы в сфере охраны здоровья и получившая распространение в России практика модификации собственного тела, в том числе пластические операции по желанию клиента, а не по медицинским показаниям, которые определяет соответствующая медицинская комиссия. Общественный интерес в данном случае заключается в том, что неблагоприятные последствия таких операций ложатся на плечи государства, которое вынуждено оплачивать из собственных средств дорогостоящую реабилитацию лиц «следовавших моде», поскольку в России медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно (ст. 41 Конституции РФ) [4]. При этом право распоряжаться своим здоровьем и жизнью является неотъемлемым правом каждого человека. В вышеприведенном примере речь идет о так называемых соматических правах, предполагающих свободу распоряжения своим телом.

В данном случае очевидно противоречие, возникающее между интересами отдельной личности (в плане ее свободного усмотрения по поводу распоряжения своим здоровьем и жизнью) и интересами общества в целом. При этом необходимость преодоления данного противоречия диктуется потребностями

обеспечения условий, обеспечивающих саму возможность достижения того «максимально возможного уровня здоровья», который провозглашен в качестве цели всего правового регулирования в данной области в важнейших международно-правовых актах. Вместе с тем современное российское законодательство в области охраны здоровья не располагает действенными правовыми способами преодоления подобных противоречий, что не может не сказаться на обеспечении общественных интересов в данной сфере.

Выход из этой ситуации нам видится в создании нового механизма правообеспечения в сфере охраны здоровья, основанного на приоритете публичных интересов, понимаемых не в качестве антитезы интересам личным, а в качестве согласованных правовыми средствами интересов человека и общества.

НИИР в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 16.07.2018).
2. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 16.07.2018).
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: [принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).
4. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосовани-

ем 12.12.1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

5. Богдан В. В., Воронцова Е. В., Воронцов А. Л. *Общественный и личный интерес в сфере охраны здоровья: диалектика взаимодействия и дисбаланс правового обеспечения* // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. № 3. С. 65–71.

6. Матузов Н. И. *Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.

7. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ : [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32131/ (дата обращения: 16.07.2018).

8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ [ред. от 03.08.2018].

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 16.07.2018).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [ред. от 29.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 16.07.2018).

10. Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 15.07.1999 № 825 : [ред. от 24.12.2014]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23775/ (дата обращения: 16.07.2018).

11. Об усилении мероприятий по санитарной охране территории Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 24.02.2014 № 8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162977/ (дата обращения: 16.07.2018).

Поступила в редакцию 03.10.18

UDC 342

V. V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kurskpravo@yandex.ru)

E. V. Vorontsova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: proskyrinae@mail.ru)

PUBLIC AND PERSONAL INTEREST IN THE RIGHT TO HEALTH: SOME THEORETICAL QUESTIONS

The article is devoted to the social and legal analysis of one of the most urgent and complex problems of legal science related to the establishment of the limits of collective and personal freedom in the field of health protection. Understanding the depth and controversial nature of the identified problems, the authors, nevertheless, insist on the necessity of its resolution in view of the practical importance of the health of the individual to the interests of the whole society. Using the techniques of logical reasoning, the authors prove the thesis that the individual's own health cannot always act as a purely personal benefit on fairly simple examples, and therefore only personal rights. Based on this thesis, personal health can be a subject of public interest, which in turn requires public-legal mechanisms to ensure it, involving the obligation as the main method of legal regulation.

In general, the authors argue for the need to limit the freedom of personal discretion regarding the disposition of their health and life, as it violates the public interest in the field of health. Arguing their conclusions, the authors ana-

lyze a significant number of harmful factors that threaten the health of both the individual and society as a whole, which were the result of the personal discretion of citizens in relation to their health.

Noting the close relationship between personal and public interests in the field of health care, the authors, nevertheless, point out the contradictions arising between them. The current legislation of the Russian Federation in the field of health protection is analyzed and the results of this analyze is the conclusion that there is no necessary legal framework designed to regulate the conflicts in the field of health protection between the interests of the individual and society as a whole.

Key words: public interest, personal interest, health, the right to health protection, personal right, personal good, individual health, legal obligation.

For citation: Bogdan V. V., Vorontsova E. V. Public and personal interest in the right to health: some theoretical questions. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 70–76 (in Russ.).

***

References

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: [prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (accessed 16.07.2018).
2. Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij (San-Francisko, 26 iyunya 1945 g.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (accessed 16.07.2018).
3. Mezhdunarodnyj pakt ob ehkonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah: [prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON]. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR, 1976, no. 17(1831).
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993: s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 No 6-FKZ, ot 30.12.2008 No 7-FKZ, ot 05.02.2014 No 2-FKZ, ot 21.07.2014 No 11-FKZ]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2014, no. 31. art. 4398.
5. Bogdan V. V., Voroncova E. V., Voroncov A. L. Obshchestvennyj i lichnyj interes v sfere ohrany zdorov'ya: dialektika vzaimodejstviya i disbalans pravovogo obespecheniya. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoriya i pravo, 2018, no. 3, pp. 65–71.
6. Matuzov N. I. Lichnost'. Pravo. Demokratiya. Teoreticheskie problemy sub"ektivnogo prava. Saratov, Sarat. un-t Publ., 1972. 292 p.
7. O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 18.06.2001 No 77-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32131/ (accessed 16.07.2018).
8. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 21.11.2011 No 323-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed 16.07.2018).
9. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 13.06.1996 No 63-FZ: [red. ot 29.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 16.07.2018).
10. Ob utverzhdenii perechnya rabot, vypolnenie kotoryh svyazano s vysokim riskom zabolevaniya infekcionnymi boleznyami i trebuetsya obyazatel'nogo provedeniya profilakticheskikh privivok: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.07.1999 No 825: [red. ot 24.12.2014]. URL: http://www.consult-ant.ru/document/cons_doc_LAW_23775/ (accessed 16.07.2018).
11. Ob usilenii meropriyatij po sanitarnoj ohrane territorii Rossijskoj Federacii: postanovleniya Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 24.02.2014 No 8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162977/ (accessed 16.07.2018).

Административное право

УДК 342.922:35.082.4

Е. В. Позднякова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru)

А. Л. Боренштейн, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: Annalbor@yandex.ru)

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАДРОВЫХ ПРОЦЕССОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению гендерного аспекта кадровых процессов на государственной службе в Российской Федерации. Указано, что кадровые отношения на государственной службе представляют собой определённую совокупность последовательных действий, процедур, технологий и мероприятий, нацеленных на достижение конкретных результатов в реализации кадровой политики, посредством сбалансированного использования штатного потенциала.

Особый акцент сделан на анализе тенденций гендерной направленности государственной службы: совокупная феминизация кадров; гендерное градирование в сфере определения места женщин в публичной власти; интенсивная потребность в развитии общественных процессов в формате профессионального роста и самореализации женщин публичных служащих. Указано, что, несмотря на доминирование в количественном плане женщин-госслужащих, сама служба нацелена на превалирование на публичных должностях именно мужчин, что провоцирует возникновение перекосов между численным «перевесом» женщин и «качественной» востребованностью в государственной службе лиц мужского пола. Исходя из этого, в наполнительном плане государственная служба остаётся «мужской».

Делается вывод, что, учитывая гендерную составляющую кадровой политики государства, законодателю требуется разработать и организовать такую стратегию формирования и профессионального развития, которая гарантировала бы рациональное использование гендерного кадрового потенциала государственной службы в РФ. В реализации данного положения следует создать и реализовать механизм сближения гендерного подхода и публичной службы в целях нормализации гендерного состояния кадрового потенциала РФ, укоренения положения женщин в области служебной деятельности (в том числе их выдвижения в руководящие чины).

Ключевые слова: государственная служба, гендерное равенство, кадровые отношения, феминизация, субъекты.

Ссылка для цитирования: Позднякова Е. В., Боренштейн А. Л. Гендерный аспект кадровых процессов на государственной службе в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 77–82.

***

Нынешний уровень развития гендерных исследований позволяет говорить о гендерном подходе как об особом теоретическом и практическом направлении, нацеленном на формирование и утверждение политики равных, не зависящих от пола возможностей самореализации человека в различных областях социальной практики. В то же время до сих пор в российском обществе недооценивается тот факт, что на фоне усиливающегося процесса эффеминации института государственной власти женщины традиционно слабо представлены на ключевых уровнях принятия решений, сохраняя вторые и все последующие позиции во

властных структурах. В российском обществе, особенно в последнее время, эта проблема широко дискутируется и теоретиками, и практиками. Исследователи отмечают причины, сдерживающие карьерный рост женщин: репродуктивная функция, заставляющая их уходить из профессиональной среды; низкие карьерные притязания; стереотипы патриархального сознания, препятствующие продвижению женщин по карьерной лестнице [1, с. 154].

Все это влияет на содержание и характер гендерных отношений в государственной службе, которые определяются, с одной стороны, как отношения между

мужчинами и женщинами – представителями двух больших социальных общностей на различных уровнях власти и управления в связи с занимаемыми ими статусными позициями и выполняемыми ролевыми функциями (должностными обязанностями), а с другой – как непрерывный процесс межличностного взаимодействия между мужчинами и женщинами в рамках административной среды, в результате которого происходит конструирование гендера в системе власти и управления [2].

По нашему мнению, закономерно, что сложившиеся на государственной службе кадровые отношения не находятся в отрыве от реалий российского общества и, будучи частью глобальных социальных явлений, характеризуются качественно-количественными изменениями состава на государственной службе при условии их объективности, чередуемой повторяемости и регулируемости на законодательном уровне, т. е., по сути, представляют собой определённую совокупность последовательных действий, процедур, технологий и мероприятий, нацеленных на достижение конкретных результатов в реализации кадровой политики, посредством сбалансированного использования штатного потенциала. Субъекты-участники таких процессов – это сами госслужащие, причём с точки зрения гендерного подхода эти лица имеют признак социального пола, будучи представителями социально-демографических групп [3, с. 12].

Стоит заметить, что, в целом, гендерный подход склоняется к осмыслению всего через призму интересов, потребностей и специфики обоих полов. Его назначение – достижение гендерного равновесия, в том числе и в правомочиях реализовывать личностные и профессиональные стремления, а равно высказывать свои взгляды, интересы и суждения, в доступности различных ресурсов, в том числе и властных. С такой позиции госу-

дарственная служба – это жёстко сконструированная иерархическая система с присущей ей социопрофессиональной средой, в которой осуществляется становление, формирование и модификация профессиональной деятельности лиц обоих полов – госслужащих – в аспекте их статусно-ролевых, ценностно-ориентационных и личностных характеристик.

Ведущим признаком гендерных отношений на государственной службе является властность, т. к. они складываются посредством коммуникативного взаимодействия обоих полов на всех уровнях публичного управления, подчиняются должностному признаку. Нам следует разобраться, какие же тенденции гендерной направленности присущи кадровым процессам государственной службы в настоящее время.

Во-первых, ведущим кадровым процессом здесь можно назвать совокупную феминизацию кадров. Даже учёные отмечают, что привлекательность исследуемой нами службы для женщин видится в её стабильности и социальной защищённости, по этой причине в штате преобладают женщины, а не мужчины [4]. Характерно, что такая политика солидарна со статистическими данными: на всех должностях государственной службы служат более 70% женского пола. Тем не менее обратная ситуация складывается в вертикальном срезе, где феминизация стремится к нулю (к примеру, на месте руководителей мужчин доминирующее количество – приблизительно 64%, как и помощников (советников) – 72%) [3, с. 13].

Во-вторых, гендерное градирование наблюдается, по нашему мнению, и при изучении положения женщин в сфере публичной власти в целом. Это особенно чётко видно на примере:

1) смежной (представительной) власти: в составе Госдумы VI созыва из 450 депутатов оказалось 65 женщин, должности руководителей комиссий ГД здесь

занимают только 5, в Совете Федерации их всего 29, включая председательницу – В. И. Матвиенко;

2) Правительства РФ, где на руководящих должностях работают 2 женщины;

3) оборонной сферы, где всего 1 женщина на должности заместителя министра Минобороны;

4) правоохранительных органов, в которых 1 женщина на должности начальника одного из департаментов МВД РФ.

Приведённая иллюстрация места рядовой женщины в публичной сфере говорит о несоразмерном штатном диссонансе, о диспропорции в ходе распределения публичных должностей. Так с поднятием планки властной структуры уменьшается представительство в ней женщин. Данная тенденция ставит перед нашей властью перспективную цель сбалансированного распределения кадров во властных структурах всех уровней.

В-третьих, из приведённых характеристик закономерно следуют другие общественные процессы – профессиональный рост и самореализация женщин-госслужащих, на которые влияют факторы [3, с. 15]:

1) объективные (берут начало из природы самого государства, подверженной ключевому воздействию со стороны культуры и нравственно-этических правил поведения полов в обществе, наравне с межнациональной спецификой);

2) субъективные (при их помощи возникают и передаются гендерные стереотипы, комплекующие персонифицированную гендерную картину мира).

Как известно, неопределимо значение распространённых в обществе гендерных норм поведения в целях развития социальных институтов, равно публичных, к которым относится государственная служба, поэтому особенно ясно видна всепроникающая сила этих факторов, когда чисто «мужские» нормы, сопряжённые с активностью, упорством, инициа-

тивностью, лидерством и т. п., точно соотносятся со статусно-ролевой системой гендерных взаимоотношений на государственной службе, частично копируя поведенческий климат взаимоотношений женщин и мужчин – госслужащих.

Таким образом, несмотря на доминирование в количественном плане женщин-госслужащих сама служба нацелена на превалирование на публичных должностях именно мужчин, что провоцирует возникновение перекосов между численным «перевесом» женщин и «качественной» востребованностью в государственной службе лиц мужского пола. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что в наполнительном плане государственная служба остаётся «мужской» [6, с. 64].

Хотя, стоит отметить, описанная выше тенденция латентна по своей сути, ибо зачастую обнаружить факты дискриминационного характера на государственной службе совершенно невозможно, притом на нормативно-правовом поприще в Федеральном законе о системе государственной службы РФ (ст. 3) определено, что россияне равны в своём положении в доступе к государственной службе без учёта пола и прочих характеристик, поэтому нашему законодателю настоятельно рекомендуется осуществлять меры по раскрытию гендерного потенциала служащих [7].

На основе этого, в виде помощи наиболее уязвимой части населения, а именно женщинам, требуются благоприятные условия в инициировании их профессионального и служебного роста [3, с. 16] для выявления самых деятельных из них. На основе этого определим основной принцип, на котором должна, по нашему мнению, строиться кадровая политика в сфере государственной службы – это гендерное равенство во всех сферах общественной жизни.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый на сегодняшний день в по-

литике гендерного равенства в России, в том числе на государственной гражданской службе, проблема гендерного компонента государственной кадровой политики остается до сих пор актуальной [8]. На современном этапе развития государственной гражданской службы карьерный рост во многом зависит не только от профессиональных качеств служащего, но и от того, какого пола является служащий, что является серьезной проблемой. Профессионально-должностное развитие кадров органов государственной службы в первую очередь должно происходить на основе учета компетентности, профессионализма, личностных качеств служащего, но никак не на его половой принадлежности. Все же в большинстве случаев именно гендерные стереотипы препятствуют женщине построить карьеру.

Внешняя и внутренняя среда не способствуют формированию гендерной компетенции и пониманию значимости гендерного подхода при формировании кадровой политики на государственной гражданской службе. Женщинам-служащим в процессе работы приходится постоянно доказывать свою «состоятельность» в решении профессиональных вопросов [9, с. 15]. Женщины по-прежнему лишены возможности участвовать в принятии важных государственных решений для отстаивания своих интересов, в полной мере реализовать свои карьерные устремления, что является серьезной проблемой для современного общества, т. к. гендерное равенство на государственной службе позволит гармонично развиваться обществу.

Необходимо создавать все условия для развития потенциала служащих, как мужчин, так и женщин. К сожалению, на современном этапе построения государственной службы отсутствует системный учет гендерного подхода. Для того чтобы в России было достигнуто гендерное ра-

венство, необходимо соблюдение следующих условий [10, с. 212]:

- проводить кадровую политику, ориентированную на гендерный подход;
- создавать женщинам наравне с мужчинами одинаковые стартовые возможности в продвижении по службе, уделяя особое внимание высшим иерархиям должностей;
- реализовывать через СМИ гендерное просвещение в целях формирования гендерной компетентности кадров, а также преодоления гендерных стереотипов;
- вводит в систему подготовки и переподготовки государственных служащих специальные просветительские и обучающие программы по гендерной тематике.

Учитывая гендерную составляющую кадровой политики государства, законодателю требуется разработать и организовать такую стратегию формирования и профессионального развития, которая гарантировала бы рациональное использование гендерного кадрового потенциала государственной службы в РФ. В реализации данного положения следует создать и реализовать механизм сближения гендерного подхода и публичной службы в целях нормализации гендерного состояния кадрового потенциала РФ, укоренения положения женщин в области служебной деятельности (в том числе их продвижения в руководящие чины).

Список литературы

1. Овчаренко Р. К. Гендерные отношения на государственной службе: проблемы регуляции: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ротов н/Д, 2003. 25 с.
2. Чернова И. И., Мирошниченко О. Н. Гендерные проблемы карьерного роста в органах государственной службы // Ученые записки ВВАГС. 2005. Т. 5. С. 199–208.
3. Коростылёва Н. Н. Гендерное измерение кадровых процессов на государ-

ственной гражданской службе // Женщины в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 12–16.

4. Коростылёва Н. Н. В рамках российско-американской программы «Обмен социальным опытом и знаниями» в РАНХиГС прошло заседание «круглого стола» [Электронный ресурс] // ИСЭПН РАН. URL: www.isesp-ras.ru/news/2014/11 (дата обращения: 15.08.2018).

5. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ : [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 15.08.2018).

5. Костина (Кривенченко) А. В. Особенности правового регулирования государственной службы как института, обеспечивающего эффективное функционирование механизма российского государства // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 4 (21). С. 64–74.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.

закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 15.08.2018).

7. О системе государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ: [ред. от 23.05.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 15.08.2018).

8. Кирилловых А. А. Публичная служба и конфликт интересов в сфере высшего образования: проблемные вопросы // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 29–43.

9. Позднякова Е. В., Герасимова Е. В. К вопросу о принципах государственной службы в Российской Федерации // Инновационная наука. 2015. № 12–3. С. 150–152.

10. Коломейцев Ю. А. Основные научные подходы к профессиональной карьере и карьерным ориентациям личности // Проблемы управления. 2008. № 1(29). С. 207–215.

Поступила в редакцию 16.10.18

UDC 342.922:35.082.4

E. V. Pozdnyakova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru)

A. L. Borenstein, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: Annalbor@yandex.ru)

GENDER ASPECT OF STAFF PROCESSES AT STATE SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the consideration of the gender aspect of personnel processes in the civil service in the Russian Federation.

It is indicated that personnel relations in the civil service represent a certain set of successive actions, procedures, technologies and activities aimed at achieving concrete results in the implementation of personnel policy, through a balanced use of the staffing capacity.

Particular emphasis is placed on the analysis of trends in the gender orientation of the civil service: the cumulative feminization of cadres; gender grading in the sphere of determining the place of women in public power; intensive need for the development of social processes in the format of professional growth and self-realization of women-public employees.

It is indicated that despite the predominance of women civil servants in the quantitative plan, the service itself is aimed at the prevalence of men in public positions, which provokes the appearance of distortions between the numerical "preponderance" of women and the "qualitative" demand in the State Service of Male Persons. Proceeding from this, in the filling plan the Civil Service remains "male".

The conclusion is drawn that taking into account the gender component of the personnel policy of the state, the legislator is required to develop and organize such a strategy of formation and professional development that would guarantee the rational use of the gender staff potential of the State Service in the Russian Federation. In implementing this provision, it is necessary to create and implement a mechanism for convergence of the gender approach and public service in order to normalize the gender status of the Russian Federation's human resources potential, and to anchor the position of women in the field of official activities (including their nomination to senior positions).

Key words: public service, gender equality, personnel relations, feminization, subjects.

For citation: Pozdnyakova E. V., Borenstein A. L. Gender aspect of staff processes at state service in the Russian Federation. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 77–82 (in Russ.).

***

References

1. Ovcharenko R. K. Gendernye otnosheniya na gosudarstvennoj sluzhbe: problemy regulyacii. Avtoref. dis. kand. sociol. nauk. Rostov-on-Don, 2003. 25 p.

2. Chernova I. I., Miroshnichenko O. N. Gendernye problemy kar'ernogo rosta v organah gosudarstvennoj sluzhby. Uchenye zapiski VVAGS, 2005, vol. 5, pp. 199–208.

3. Korostylyova N. N. Gendernoe izmerenie kadrovyyh processov na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe. Zhenshchina v rossijskom obshchestve, 2014, no. 1 (70), pp. 12–16.

4. Korostylyova N. N. V ramkah rossijsko-amerikanskoj programmy "Obmen social'nym opytom i znaniyami" v RANHiGS proshlo zasedanie "kruglogo stola". ISEHPN RAN. URL: www.isesp-ras.ru/news/2014/11 (accessed 15.08.2018).

5. O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 27.07.2004 No 79-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed 15.08.2018).

5. Kostina (Krivenchenko) A. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj sluzhby kak instituta, obespechivayushchego ehffektivnoe funkcionirovanie mekhanizma rossijskogo gosudarstva. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ehkonomiki i prava, 2015, no. 4 (21), pp. 64–74.

6. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 06.10.2003 No 131-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed 15.08.2018).

7. O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 27.05.2003 No 58-FZ: [red. ot 23.05.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (accessed 15.08.2018).

8. Kirillovyh A. A. Publichnaya sluzhba i konflikt interesov v sfere vysshego obrazovaniya: problemnye voprosy. Zakonodatel'stvo i ehkonomika, 2015, no. 2, pp. 29–43.

9. Pozdnyakova E. V., Gerasimova E. V. K voprosu o principah gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii. Innovacionnaya nauka, 2015, no. 12–3, pp. 150–152.

10. Kolomejcev Yu. A. Osnovnye nauchnye podhody k professional'noj kar'ere i kar'ernym orientaciyam lichnosti. Problemy upravleniya, 2008, no. 1(29), pp. 207–215.

УДК 342.9

Н. С. Ракша, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: nsraksha@yandex.ru)

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена рассмотрению понятия и общей характеристики миграционных процессов в современном обществе. Представлен анализ основных разновидностей миграции; изложены особенности постоянной, временной, трудовой миграции; рассмотрены вопросы эмиграции высококвалифицированной рабочей силы; вопросы незаконной миграции. Выделены и проанализированы особенности правового регулирования миграционных процессов. Акцентируется на том, что актуальность миграционных проблем в управленческом праве связана с тем, что они охватывают широкий диапазон социального пространства. Для возможных путей их решения необходимо использовать достижения всех отраслей современного права.

Указано, что миграция как социальный феномен и общественное явление нуждается в социальной регуляции со стороны государственных органов исполнительной власти и управления, иначе она может трансформироваться в саморегулируемую, а со стороны государства – нерегулируемую социальную систему. Наличие директивного управления предопределяется нормативно-правовым механизмом, с помощью которого регулируется количественный и качественный состав миграции, ее направления и объемы.

Согласно теории миграционного процесса миграция населения рассмотрена как трехстадийный процесс: во-первых, процесс формирования территории подвижности населения; во-вторых, собственно перемещение (миграция); в-третьих, адаптация мигрантов к новому месту жительства.

Делается вывод, что организационные основы миграционных процессов призваны обеспечивать эффективность их регулирования. К ним отнесены положения, касающиеся четкого разграничения полномочий между органами государственной исполнительной власти; определения места и роли международных организаций в сфере миграции; целесообразности обеспечения взаимодействия государственных органов и общественных организаций в реализации права человека и гражданина на миграцию; разработка механизма реализации; мероприятия по повышению эффективности миграционной политики РФ.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, обеспечение, реализация, общественная безопасность.

Ссылка для цитирования: Ракша Н. С. Понятие и общая характеристика миграционных процессов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 83–89.

***

Рассмотрение феномена миграционных процессов в современном мире следует начать с этимологии этого понятия и указать, что миграция является особым процессом территориального перемещения населения, который обычно завершается сменой постоянного места жительства [1, с. 322]. Ключевым словосочетанием, отражающим сущность термина «миграция», является именно процесс перемещения. Таким образом, миграционный процесс – это ход или протекание любого миграционного явления, последовательное видоизменение его этапов, периодов и состояний, а также развитие зависимых от них побочных последствий.

Подчеркивая универсальность явления миграции, следует указать его разновидности [2, с. 93]:

– особый процесс территориального перемещения населения, завершающегося сменой постоянного места жительства (миграция в узком смысле). Из этого следует, что правовая природа миграции заключается в естественном праве человека на свободу передвижения и свободный выбор места проживания;

– временные и пространственные перемещения и передвижения как массового, так и личного характера (миграция естественная);

– перемещения или перевозки именно тех предметов, вещей и товаров социально-бытового и культурного назначения, которые составляют государственную, коллективную или частную собственность (миграция материальных ресурсов);

– перемещение валютных и финансовых ресурсов, в результате чего они меняют свое местопребывание, стимулируя развитие производства или других сфер отраслевой жизни на длительный и кратковременный период (миграция инвестиций и капиталов);

– пространственный и временной оборот национальной или иностранной валюты как в наличной, так и в безналичной форме, осуществляется для оплаты труда, услуг, продукции или товаров, а также с целью кредитования, инвестирования, ссуды, уплаты долга, покрытия затрат, выгодного размещения капиталовложений (миграция денег).

Следует заметить, что вся история человеческого развития является цепью свободных и принудительных перемещений с одного места на другое; еще древние люди совершали переходы на большие расстояния, таким способом они находили другие племена, рождались с ними, осваивали новые земли. Создание национальных государств и государственных образований стало важнейшим событием, повлиявшим на мобильность и распределение населения на Земле, его относительную стабильность на определенных территориях. Эти изменения в общественной жизни обусловили то, что на современном этапе развития общества происходит формирование принципиально нового направления научных знаний – миграциологии [3, с. 170].

Актуальность миграционных проблем в управленческом праве связана с тем, что они охватывают широкий диапазон социального пространства. Для возможных шагов их решения необходимо использовать достижения теории и философии государственного управления. Миграция как социальный феномен и общественное явление нуждается в социальной регуляции со стороны государственных органов исполнительной власти и управления, иначе она может трансформироваться в саморегулируемую, а со стороны государства – нерегулируемую социальную систему. Наличие директив-

ного управления предопределяется нормативно-правовым механизмом, с помощью которого регулируется количественный и качественный состав миграции, ее направления и объемы.

Согласно теории миграционного процесса миграцию населения можно рассмотреть как трехстадийный процесс: во-первых, процесс формирования территории подвижности населения; во-вторых, собственно перемещение (миграция); в-третьих, адаптация мигрантов к новому месту пребывания [4, с. 45].

Степень реализации миграционной подвижности выявляется на стадии перемещения. Совокупность переселений, происходящих в определенное время, в одном направлении, составляют миграционные потоки, имеющие весьма интересные свойства процесса разветвления, вплоть до дисперсного растекания по территории тех или иных государств, областей или регионов, который свидетельствует о том, что волны переселенцев проникают в определенные географические зоны с неодинаковой интенсивностью, масштабностью и скученностью.

Исследователи относят этот факт к разряду негативных последствий: значительное увеличение количества граждан другой страны внутри РФ и вместе с тем уменьшение удельного веса местного населения в общей численности населения является реальной угрозой национальной безопасности РФ [5, с. 158].

Важное значение в перемещении людей играет сформированность мотивации к переселению. По этим основаниям можно рассматривать добровольную и вынужденную миграцию. Добровольная миграция – перемещение человека с целью добровольной смены места проживания, что сопровождается пересечением государственной границы или границ субъектов Федерации.

Вынужденная миграция – перемещение лица, сопровождаемое пересечением Государственной границы РФ в связи с совершением в отношении него или членов его семьи насилия или преследо-

вания в любой форме или реальной возможностью подвергнуться насилию или преследованию, а также вынужденное перемещение граждан РФ, иностранцев или лиц без гражданства, которые проживают (находятся) в РФ, сопровождаемое пересечением границ административно-территориальных единиц РФ в связи с экологическими, техногенными и другими обстоятельствами чрезвычайного характера.

Следует обратить внимание, что в этих видах миграции важное значение играет психологический комфорт, который очень тесно связан с готовностью личности к изменениям, которые ее ожидают. Научные исследования свидетельствуют, что психологически лучше переживают изменения те люди, которые сознательно, добровольно стремятся быть включенными, интегрированными в чужую группу. Люди, которые готовы к переменам, оказавшись в мультикультурном обществе, как правило, чаще контактируют с местным населением, что побуждает к лучшему протеканию процесса адаптации.

По временному критерию пребывания мигрантов в странах приема можно рассматривать миграцию как постоянную, так и временную.

Постоянная миграция – это разновидности социальных перемещений и социальной мобильности человеческих ресурсов, которые характеризуются продолжительностью во времени и пространстве, стабильностью в определенных производственных отраслях. Понятно, что в данной категории переселенцев процесс межкультурной адаптации происходит труднее. Это связано с необходимостью полностью интегрироваться в другую культуру, стать полноценным гражданином определенной страны и даже трансформировать свою идентичность.

Временная миграция рассматривается как перемещение лица, сопровождаемое пересечением Государственной границы или границ субъектов Федерации с

последующим возвращением к месту жительства (пребывания) и имеет определенное ограничение во времени. В этом случае исследователи обращают внимание на проблему реадaptации лиц, т. е. речь идет о дискомфорте, разочаровании, депрессии.

Особого внимания требует также трудовая миграция. Трудовая миграция представляет собой перемещение лица, сопровождаемое пересечением Государственной границы или границ субъектов Федерации с целью выполнения работ, оказания услуг на платной основе или занятия любым видом предпринимательской деятельности, не запрещенным законом. Как разновидности трудовой миграции можно определить: сезонную, маятниковую и, в некоторой степени, эпизодическую миграции.

Сезонная миграция – это перемещение преимущественно трудоспособного населения к местам временной работы и жительства на срок обычно в несколько месяцев с сохранением возможности возвращения к месту постоянного проживания.

Маятниковая миграция – это массовые по своим размерам ежедневные, еженедельные или месячные перемещения населения от мест постоянного проживания к месту работы и в то же время и систематически – в обратную сторону. В маятниковых миграциях участвует значительная часть населения, в её процессе осуществляется территориальное перемещение одного из главных ресурсов производства – рабочей силы, которое не сопровождается сменой постоянного места жительства.

Эпизодическая миграция – это деловые, культурно-бытовые, рекреационные и другие поездки, которые осуществляются не только нерегулярно как во времени, так и в пространстве, но и необязательно в тех же направлениях. К эпизодической миграции относятся внутригосударственные и трансграничные перемещения с целью торговли, посещения родственников или знакомых, лечения и

т. д. Главным признаком осуществления подобных перемещений является их зависимость от политических, культурных, коммерческих, образовательных, семейных, религиозных и других социальных факторов [6].

Следует указать на тот факт, что социально-экономическое содержание трудовых маятниковых миграций и межпоселенческих культурно-бытовых и рекреационных поездок населения принципиально отличается: первые находятся в сфере общественного производства и обмена и обслуживания, вторые же – в сфере личного потребления. И если маятниковые мигранты участвуют в создании материальных благ или в предоставлении разного рода услуг, то население, которое осуществляет межпоселенческие культурно-бытовые, социально-культурные и рекреационные поездки, не производит ни материальных ценностей, ни услуг – оно их потребляет. К маятниковой миграции можно отнести и отъезды на учебу, в служебные командировки и т. п. [7, с. 134]

Актуален также и вопрос относительно эмиграции высококвалифицированной рабочей силы, в том числе научных работников высшей квалификации. Существуют различные точки зрения относительно эмиграции научных работников: во-первых, считают ее негативным последствием трудовой миграции; во-вторых, рассматривают как разновидность трудовой миграции. По статистическим данным наибольший пик эмиграции научных кадров за рубеж пришёлся на 1996–2002 гг. Понятно, что указанный период был довольно сложным для РФ, поэтому главными причинами, которые побудили ученых оставлять научные учреждения, исследователи считают: низкую заработную плату; резкое падение престижа научной работы в обществе; ухудшение условий для нормальной научной деятельности или невозможность реализовать себя как ученого. Эти причины свидетельствуют о низком уровне удовлетворения экономических

потребностей ученых. Экономические потребности человека являются базовыми для удовлетворения потребностей высшего уровня, в том числе и профессиональной карьеры, поэтому главным направлением решения проблемы эмиграции научных работников является реализация государственных программ по вопросам повышения уровня финансирования науки.

По признаку пересечения границ (государственных или административно-территориальных) тех или иных территорий – государства, области, населенного пункта выделяют: местные, локальные, межконтинентальные и внутриконтинентальные миграции. Если переселение происходит в рамках административно-территориальных единиц, то миграция делится на внутренне областную и межобластную, внутреннерайонную и межрайонную, межсельскую и межгородскую. По направлению миграции относительно страны постоянного проживания выделяют внешнюю и внутреннюю миграции. Внешняя миграция (эмиграция, международная миграция; от *лат. emigratio* – выселение, переселение) – массовое переселение с родины в другую страну; длительное пребывание за пределами родины вследствие переселения. Внутренняя миграция (иммиграция; от *лат. immigratio* – вселение) – въезд в страну иностранца или лица без гражданства на длительное или постоянное проживание [8, с. 104–107].

По наличию правовых оснований пребывания лиц в странах приема различают законную и незаконную миграцию. Законная миграция – пересечение международных границ на законных основаниях, т. е. при наличии въездной визы на определенный срок, срок действия которой не истек.

Незаконная миграция определяется как въезд в РФ любым способом вне пунктов пропуска через Государственную границу РФ, но с избежанием пограничного контроля, а также необращение в течение трех рабочих дней с заявлени-

ем о предоставлении статуса беженца или получения убежища или временной гуманитарной защиты, а также умышленное уклонение от выезда из РФ после утраты оснований для дальнейшего пребывания и срока пребывания в РФ.

Так, С. Б. Чехович, рассматривая мигрантов как участников миграционного процесса, сделал попытку разделить международные нормы в отношении мигрантов на две категории [4, с. 86]. Прежде всего, ученый выделяет группу общих норм (универсальных), которые применяются ко всем лицам и основываются на принципах международного права и способствуют защите и охране прав и свобод человека, а также положены в основу национального законодательства по вопросам миграции. Право на семейную жизнь признается за каждым, но такое право занимает важное место в жизни мигранта в вопросе, в частности, воссоединения семьи. То же касается и норм, направленных против расовой дискриминации, или норм, запрещающих жестокое обращение.

Эти универсальные нормы зафиксированы в различных международно-правовых актах, среди которых главными являются: Устав Организации Объединенных Наций; Всеобщая Декларация прав человека (от 10 декабря 1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (от 16 декабря 1966 г.); Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (от 7 марта 1966 г.); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (от 4 ноября 1950 г.) с Протоколом № 1, № 4, № 7; Конвенция о статусе беженцев (от 28 июля 1951 г.); Конвенция о статусе апатридов (от 23 сентября 1954 г.); Конвенция о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г.); Конвенции против пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, что унижают достоинство, видов обращения и наказания (от 10 декабря 1984 г.) [9] и т. д.

Указанные международно-правовые акты являются правовой основой международного правопорядка, и отклонение от них рассматривается как попытка нарушения международных нормативных актов в сфере миграции, иначе говоря, прав и свобод человека в сфере миграции.

Большинство прав, предусмотренных в этих международных актах, предоставляются всем людям, находящимся на территории или под юрисдикцией государств-участников международных договоров, а именно иностранцы, лица без гражданства и даже те, кто незаконно находится на территории государства. Некоторые международные положения применяются для защиты исключительно иностранцев. Например, защита от внезапного выдворения иностранца, который на законных основаниях находится на территории государства (ст. 13 Международного пакта о гражданстве и политических правах, ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод) – норма, которая запрещает коллективную высылку (Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод) [9].

Вторую категорию составляют нормы, специально разработанные для мигрантов. Международные положения, как правило, предусматривают большую защиту интересов мигрантов, чем национальные нормы. Это объясняется в значительной степени тем фактом, что некоторые государства, которые принимают участие в процессе обработки международных договоров, имеют национальный интерес в этом вопросе.

Выделим особенности правового регулирования миграционных процессов [10, с. 132]:

– данный вид регулирования является приемлемым только для волевых общественных отношений в сфере миграции, участники которых способны сознательно выбирать и реализовывать опре-

деленные варианты собственного поведения;

– специфика правового регулирования не позволяет применять его в тех сторонах миграционного бытия, который не поддается внешнему контролю, т. е. право не способно специально определять мысли человека, его внутреннюю позицию по миграционным вопросам;

– поскольку регулирование базируется в основном на нормативной основе, оно является наиболее эффективным для достаточно устойчивых, повторяющихся, типичных общественных отношений в сфере миграции, признаки которых в общем виде могут быть зафиксированы в правовых предписаниях;

– регулирование должно применяться лишь в тех социальных отношениях в сфере миграции, которые имеют определенную общественную значимость и не могут без этого нормально развиваться и функционировать;

– данный вид регулирования не пригоден для определения характера личных отношений людей в сфере миграции.

Рассмотренные факторы имеют объективную природу. Однако существуют и некоторые субъективные факторы, влияющие на объем отношений в сфере миграции, которые регулирует право. Значительными являются состояние общей и правовой миграционной культуры населения, уровень развития миграциологии, эффективность юридической практики.

Таким образом, организационные основы миграционных процессов призваны обеспечивать эффективность их регулирования. К ним отнесены положения, касающиеся четкого разграничения полномочий между органами государственной исполнительной власти; определения места и роли международных организаций в сфере миграции; целесообразности обеспечения взаимодействия государственных органов и общественных орга-

низаций в реализации права человека и гражданина на миграцию; разработка механизма реализации; мероприятия по повышению эффективности миграционной политики РФ.

Список литературы

1. Юридическая энциклопедия: в 6 т. Т. 3 / редкол.: Ю. С. Шемшученко. Киев: Укр. энцикл. 2001. 792 с.
2. Чалый А. А. Элементы механизма международно-правового регулирования // Международные отношения и международное право. 2008. Вып. 15. С. 93–98.
3. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 2009. 513 с.
4. Чехович С. Б. Юридические аспекты миграционных процессов. М., 2011. 267 с.
5. Лихачёв С. В., Гончаров С. П. Сущность и содержание понятия «общественная безопасность» // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 5 (68). С. 158–165.
6. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.
7. Тоба М. Психологические особенности межкультурной адаптации личности к новой этнической среде // Социальная психология. 2013. № 1. С. 134–139.
8. Демографическая ситуация. О социально-экономическом положении России за январь-декабрь 2013 г. М., 2013. С. 104–107.
9. Права человека: сборник международных договоров. Т. I, ч. 1 (В): Универсальные договоры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refworld.org.ru/cgi-in/texis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&do cid=5537ab6a4> (дата обращения: 23.07.2018).
10. Бородин И. Л. Административно-правовые способы защиты прав и свобод

человека и гражданина: монография.
Харьков, 2003. 220 с.

Поступила в редакцию 20.09.18

UDC 342.9

N. S. Raksha, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: nsraksha@yandex.ru)

THE CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTICS OF MIGRATION PROCESSES

The article is devoted to the concept and General characteristics of migration processes in modern society. The analysis of the main types of migration is presented; the features of permanent, temporary, labor migration are stated; the issues of emigration of highly skilled labor force are considered; the issues of illegal migration.

It is emphasized that the relevance of migration problems in management law is due to the fact that they cover a wide range of social space. For possible steps to solve them, it is necessary to use the achievements of the theory and philosophy of public administration.

It is pointed out that migration, as a social phenomenon and a social phenomenon, needs social regulation on the part of state bodies of Executive power and management. Otherwise, it can be transformed into a self – regulating, and on the part of the state-unregulated social system. The existence of decision-making is predetermined by the regulatory mechanism by which the quantitative and qualitative composition of migration, its direction and volume are regulated.

According to the theory of migration process, migration is considered as a three-stage process: first, the process of formation of the territory of population mobility; second, the actual movement (migration); third, the adaptation of migrants to a new place of residence.

It is concluded that the organizational basis of migration processes are designed to ensure the effectiveness of their regulation. These include provisions relating to a clear separation of powers between the bodies of state Executive power; determining the place and role of international organizations in the field of migration; the expediency of ensuring the interaction of state bodies and public organizations in the implementation of human and civil rights to migration; the development of a mechanism for implementation; measures to improve the efficiency of migration policy of the Russian Federation.

Key words: migration, migration processes, provision, implementation, public security.

For citation: Raksha N. S. The concept and general characteristics of migration processes. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 83–89 (in Russ.).

***

References

1. Yuridicheskaya ehnciklopediya; ed. by Yu. S. Shemshuchenko. Kiev: Ukr. ehncikl. Publ., 2001. Vol. 3, 792 p.
2. Chalyj A. A. Ehlementy mekhanizma mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya. Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo, 2008, is. 15, pp. 93–98.
3. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva; ed. by V. V. Lazarev. Moscow, Yurist Publ., 2009. 513 p.
4. Chekhovich S. B. Yuridicheskie aspekty migracionnyh processov. Moscow, 2011. 267 p.
5. Lihachyov S. V., Goncharov S. P. Sushchnost' i sodержanie ponyatiya "obshchestvennaya bezopasnost". Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, no. 5 (68), pp. 158–165.
6. Yudina T. N. Sociologiya migracii. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2006, 272 p.
7. Toba M. Psihologicheskie osobennosti mezhkul'turnoj adaptacii lichnosti k novoj ehtnicheskoj sredy. Social'naya psihologiya, 2013, no. 1, pp. 134–139.
8. Demograficheskaya situaciya. O social'no-ehkonomicheskom polozhenii Rossii za yanvar' – dekabr' 2013 g. Moscow, 2013, pp. 104–107.
9. Prava cheloveka: sbornik mezhdunarodnyh dogovorov. Vol. I, pt. 1 (B): Universal'nye dogovory. URL: http://www.refworld.org.ru/cgi-in/texis/vtx/rwmain/open_docpdf.pdf?reldoc=y&docid=5537ab_6a4 (accessed 23.07.2018).
10. Borodin I.L. Administrativno-pravovye sposoby zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina. Har'kov, 2003, 220 p.

Уголовное право и процесс

УДК 343.2/.7

Т. Г. Понятовская, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия) (e-mail: tagri8@yandex.ru)

А. И. Рарог, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия) (e-mail: alek.rarog@yandex.ru)

Т. В. Шахова, врач – клинический фармаколог, ГБУЗ ГKB № 40 ДЗМ (Москва, Россия) (e-mail: drshahova@mail.ru)

ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ДОПИНГА В РОССИИ

Опираясь на анализ норм международного и отечественного права о противодействии допингу в спорте, авторы доказывают, что предмет преступлений, связанных с использованием в спорте запрещенных субстанций и методов, не имеет видового родства с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами. Субстанции, запрещенные для использования в спорте, по своему естественному назначению являются лекарственными средствами, поэтому не представляют опасности для здоровья населения, в отличие от наркотических средств и психотропных веществ, поэтому криминализация допинга в спорте имеет не социальное (общественная опасность), а нормативное основание, обусловленное уголовно-политическими соображениями. Предусмотренные в Уголовном кодексе Российской Федерации преступления с нормативной природой имеют три разновидности. Одни причиняют вред (или создают угрозу причинения вреда) поставленным под уголовно-правовую охрану правам и законным интересам субъектов уголовного права. Другие деяния признаются общественно опасными в силу того, что они препятствуют реализации прав и законных интересов субъектов уголовного права, обеспечиваемой нормативным порядком. Третьи опасны для субъектов уголовного права постольку, поскольку создают условия для умножения, распространения последствий опасной деятельности. Имеет существенное значение то, что нарушенные этими преступлениями права и законные интересы субъектов уголовного права имеют конституционное основание, в силу которого они поставлены под уголовно-правовую охрану и выделены в системе объектов уголовно-правовой охраны.

Объективно обусловленный уголовно-правовой запрет допинга в спорте служит еще одним аргументом в пользу целесообразности становления новой подотрасли уголовного права – медицинского уголовного права и медицинского спортивного права как его института.

Ключевые слова: *склонение, использование, назначение, запрещенные в спорте субстанции и методы, нормативная природа уголовно-правового запрета, медицинское уголовное право.*

Ссылка для цитирования: Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Шахова Т. В. Основания уголовно-правового запрета допинга в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 90–100.

***

Бессистемность действующего Уголовного кодекса РФ является предметом острой и небеспочвенной критики [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Несмотря на ее основательность, приходится признать, что касается она хотя и масштабных, но не правовых, а технико-юридических проблем согласования, во-первых, уголовно-правовых норм, а во-вторых, межотраслевого согласования. В этом контексте нормы, предусмотренные в ст. 230¹ и 230² УК, – легкая добыча для критика. Например, А. В. Федоров отмечает, что склонение

спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, не указано в качестве нарушения антидопинговых правил в ст. 6.18 КоАП [8].

В этой статье КоАП нарушение антидопинговых требований определяется законодателем как *использование в отношении спортсмена запрещенной субстанции* и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена *либо как содействие в использовании спортсменом или в отношении спортсмена за-*

прещенной субстанции и (или) запрещенного метода. Аналогичное определение допинга дается в п. 3 ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В законодательных определениях содействие допингу предусматривается как альтернативная форма нарушения антидопинговых правил, поэтому вряд ли упрек А. В. Федорова в адрес ст. 6.18 КоАП (и законодательства о спорте) имеет под собой достаточные основания. Содействие допингу как форма антидопингового нарушения определяется также приказом Минспорта России от 9 августа 2016 г. № 947 (ред. от 17.10.2016) «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил». Правда, это определение имеет более яркую смысловую окраску. В ст. 2.9 Приказа указано, что к нарушениям антидопинговых правил относится *соучастие*: «Помощь, поощрение, содействие, подстрекательство, вступление в сговор, сокрытие или любой другой вид намеренного соучастия, включая нарушение или попытку нарушения антидопинговых правил». Подобным образом определяются признаки склонения к допингу и в примечании к ст. 230¹ УК – как формы подстрекательства и пособничества.

Таким образом, как использование запрещенных в спорте субстанций и методов, так и склонение к этому – допинг как административное нарушение. Согласно ст. 6.18 КоАП, нарушение тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта установленных законодательством о физической культуре и спорте антидопинговых правил влечет дисквалификацию на срок от одного года до двух лет (в отношении несовершеннолетних спортсменов – дисквалификацию на срок три года).

В то же время склонение к использованию допинга – преступление, согласно ч. 1 ст. 230¹ УК, а использование запрещенных в спорте субстанций и методов – преступление, согласно ч. 1 ст. 230² УК. При этом уголовно-правовые запреты, предусмотренные этими статьями УК, не сформулировали ни одного «уголовного» признака, отличного от признаков аналогичного административного правонарушения. По существу, законодатель расценил систему признаков допинга как административного нарушения и придал им уголовно-правовое значение. Одни признаки, относящиеся к соучастию в допинге, положил в основание криминализации отдельно взятой формы административного правонарушения (допингового поведения). Другие признаки, относящиеся к другим формам допингового поведения, он положил в объективное основание состава преступления, предусмотренного ст. 230² УК.

Административная ответственность за нарушение антидопинговых правил была установлена в 2011 г., уголовная – в 2016 г., и действуют, по существу, тождественные нормы КоАП и УК параллельно на протяжении всех последних лет. Или не действуют, если эта возмутительная коллизия до сих пор не обратила на себя внимания правоприменителя?

По какому же уголовно-политическому и правовому основанию *соучастие в административном правонарушении приобрело значение признака криминализации? На каком уголовно-политическом основании административное нарушение, оставаясь таким по форме и по сути, превратилось еще и в преступление?*

А. В. Федоров считает, что это оправдано значительной общественной опасностью склонения спортсменов к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте [8, с. 39–40]. О значительной об-

щественной опасности допинга пишут многие авторы [9, с. 23–24; 10, с. 26; 11; 12]. Этот вывод, как правило, имеет эмоциональную аргументацию, основанную на умозрительных представлениях о родстве запрещенных в спорте субстанций с наркотическими средствами и психотропными веществами¹. Думается, для подобной характеристики общественной опасности допинга требуются более серьезные основания, чем предположение о родстве запрещенных в спорте субстанций с наркотиками.

Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей ст. 230¹ и 230² УК РФ утвержден Постановлением Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339 (ред. от 28.07.2018). Его структура аналогична структуре перечня наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, поскольку указанные в этих перечнях субстанции дифференцируются в зависимости от дозволенности (или строгости запрета) их оборота (а также использования или употребления). Содержание этого документа распределяется по разделам: *запрещенные в спорте субстанции* (списки S0, S1, S2, S3, S4, S5) и *методы* (списки M1, M2, M3); *субстанции и методы, запрещенные в соревновательный период* (списки S6, S7, S8, S9); *субстанции, запрещенные в отдельных видах спорта* (списки P1, P2).

Выделение рубрики «запрещенные методы» (M1, M2 и M3) имеет под собой сугубо фармакологические основания. В литературе отмечается, что действие препаратов (например, стероидных) зависит от их формы и метода приема. Если применять стероидные препараты в масляных растворах, то они будут обладать свойствами гораздо более длительного воздействия на организм. Энтеральное (через желудочно-кишечный тракт) и парентеральное (минуя желудочно-кишечный тракт) введение отличаются тем, что

в первом случае препарат «пройдет» через печень и будет подвержен действию ее трансформирующих ферментов. Это замедлит действие препарата и ослабит его. Во втором случае эффект от приема стероидного препарата достигается быстрее [13]. Эффективное применение стероидов (зависит от выбора метода приема) позволяет более продолжительно и интенсивно тренироваться, а также увеличивает силу спортсменов даже без существенного увеличения массы тела и уменьшает распад мышечных волокон, вызванный интенсивными тренировками [14].

Таким образом, не только химические свойства субстанции, но и методы введения ее в организм спортсмена поставлены на контроль ВАДА и приобретают характер нарушения антидопинговых правил в силу нормативной обусловленности.

Несмотря на сходство нормативной природы общественной опасности незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также их аналогов и уголовно-правовых нарушений антидопинговых правил, ставить знак тождества между ними пока преждевременно. На данном этапе исследования *их объединяет только нормативная природа*.

Предусмотренные в УК РФ преступления с нормативной природой имеют три разновидности. Одни причиняют вред (или создают угрозу причинения вреда) поставленным под уголовно-правовую охрану правам и законным интересам субъектов уголовного права. Другие деяния признаются общественно опасными в силу того, что они препятствуют реализации прав и законных интересов субъектов уголовного права, обеспечиваемой нормативным порядком. Третьи опасны для субъектов уголовного права постольку, поскольку создают условия для умножения, распространения последствий опасной деятельности. Име-

ет существенное значение то, что нарушенные этими преступлениями права и законные интересы субъектов уголовного права имеют конституционное основание, в силу которого они поставлены под уголовно-правовую охрану и выделены в системе объектов уголовно-правовой охраны. *Общественная опасность является сущностным свойством этих преступлений по причине опасного характера самой деятельности либо по причине опасных свойств ее предметов (либо в силу того и другого).*

Нарушение нормативного порядка объединяет природу преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности с нормативной обусловленностью допинговых нарушений (в том числе преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК). Допинговые нарушения могут вписаться в систему преступлений главы 25 УК, если будет установлено тождество (или родство) запрещенных в спорте субстанций и методов с опасными для здоровья населения предметами, оборот которых находится под контролем государства. Однако возникает проблема относимости запрещенных в спорте субстанций к объектам преступлений, предусмотренных в главе 25 УК.

Опасность наркотических средств и других психоактивных веществ, равно как и опасность их незаконного оборота, общепризнанна, что вытекает из содержания международно-правовых актов. Стороны, подписавшие «Единую конвенцию о наркотических средствах» 1961 года (вместе с «Перечнями наркотических средств, занесенных в Списки I, II, III, IV») (заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961), признали, «что наркомания является серьезным злом для отдельных лиц и чревата социальной и экономической опасностью для человечества». В Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного обо-

рота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) сторонами также отмечается их озабоченность распространением наркотиков, «которые представляют собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества». В преамбуле к этой Конвенции дана полная характеристика пагубным последствиям распространения оборота опасных субстанций, какими являются наркотические средства и психотропные вещества: «взаимосвязь между незаконным оборотом и другими связанными с ним формами организованной преступности, которые подрывают законную экономику и создают угрозу для стабильности, безопасности и суверенитета государств; незаконный оборот представляет собой международную преступную деятельность, пресечение которой требует неотложного и самого первоочередного внимания» и пр.

Допинговые нарушения характеризуются в международно-правовых документах иначе. В «Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» 2005 г. мотивация противодействия допингу выражена в нескольких базовых тезисах: 1) спорт должен играть важную роль в охране здоровья, в нравственном, культурном и физическом воспитании, а также в содействии укреплению международного взаимопонимания и мира; 2) использование спортсменами допинга в спорте противоречит принципу справедливой игры, чревато мошенничеством и угрожает будущему спорта; 3) допинг ставит под угрозу этические принципы и воспитательные ценности, закрепленные в Международной хартии физического воспитания и спорта ЮНЕСКО и Олимпийской хартии; 4) допинг чреват пагубными последствиями для здоровья спортсменов.

Очевидно, что мотивация противодействия допингу существенно отличается от той, которая положена в основание противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Из этого следуют два предварительных вывода: 1) допинг не обладает общественной опасностью, свойственной распространению наркотиков и других психоактивных веществ; 2) допинг не опасен для здоровья населения, но может иметь негативные последствия для здоровья только тех лиц, которые его используют, употребляя запрещенные в спорте субстанции (вернее – *злоупотребляют их применением*).

Как отмечается в преамбуле к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., «применение наркотических средств в медицине продолжает быть необходимым для облегчения боли и страданий». Однако эта необходимость не умаляет опасности использования наркотических средств, которые при оказании паллиативной помощи так же вредны для больного, как и для человека, вовлеченного в употребление наркотиков (как и для всего населения). Целью паллиативной практики является поддержка безнадежного больного, а не его лечение. Наркотические средства и психотропные вещества объективно опасны для здоровья людей, независимо от особенностей организма потребителя.

Запрещенные в спорте субстанции в большинстве своем не обладают свойством опасности для здоровья. Напротив, они широко используются в медицине, поскольку обладают лечебными свойствами.

Анаболические агенты (S1). Анаболические стероиды, как отмечается в литературе по спортивной медицине, «стимулируют синтез новых клеток, форсируют выработку энергии в организме. Практически все анаболические стероиды приводят к нормализации жизнедеятель-

ности клеток и восстановлению силы и скорости, оказывают антиоксидантное действие в организме человека. Анаболические стероиды снижают образование тромбов в микрососудах, а также уменьшают свёртываемость крови, что является существенным для улучшения микроциркуляции при интенсивной физической работе» [14]. Некоторые исследователи считают, что анаболические стероиды уменьшают распад мышечных волокон, вызванный интенсивными тренировками. Одним из важнейших факторов, влияющих на эффективность действия анаболических стероидов, являются индивидуальные особенности организма конкретного пользователя [13].

Пептидные гормоны и их аналоги (S2). Пептидные гормоны – это органические соединения, вырабатываемые железами внутренней секреции клетками и предназначенные для управления функциями организма, их регуляции и координации. Гормоны регулируют активность всех клеток организма. Они влияют на остроту мышления и физическую подвижность, телосложение и рост, определяют рост волос, тональность голоса, половое влечение и поведение. Благодаря эндокринной системе человек может приспосабливаться к сильным температурным колебаниям, излишку или недостатку пищи, к физическим и эмоциональным стрессам [14].

Спортсмены используют эти субстанции в зависимости от того, чего они хотят добиться: стимуляции выработки собственных гормонов, увеличения мышечной массы и силы, стимуляции выработки эритроцитов, что увеличивает объем переносимого кровью кислорода [13]. Авторы отмечают также: «Сложно оценить, сколько вреда может принести использование в качестве допинга пептидных гормонов, миметиков и аналогов, поскольку это зависит от многих факторов, таких как индивидуальные особенности

организма, тип субстанции, ее количество» [13].

Бета-2-агонисты (S3). Применение бета-2-агонистов помогает быстро снять приступы удушья при астме и расслабить мышцы вокруг дыхательных путей. Также они используются для лечения двухсторонней непроходимости дыхательных путей, включая астму и другие хронические легочные заболевания. Они также используются для продления срока беременности, чтобы избежать преждевременных родов [13].

Все бета-2-агонисты запрещены к применению в спорте, исключение составляют ингаляторы, используемые для предотвращения и снятия приступов астмы, в том числе вызванной физическими нагрузками. Врач спортсмена, страдающего от астмы, обязан до соревнований предоставить в соответствующую ответственную инстанцию письменное уведомление о наличии этого заболевания. Во время Олимпийских игр все такие спортсмены обязаны предоставить выписку из истории болезни, после чего проводятся необходимые анализы для подтверждения предоставленных данных [13]. *Весьма существенное положение:* больным необходимо для лечения, а в спорте запрещено. Но при соблюдении установленных в спорте правил допускается использование этой субстанции даже в соревновательный период! Так в чем же состоит опасность этой субстанции для здоровья спортсмена, тем более – для здоровья населения?!

Гормоны и модуляторы метаболизма (S4). К этой группе запрещенных в спорте субстанций относится значительное количество различных по химической природе, биологическим свойствам и влиянию на организм спортсмена и физическую работоспособность веществ, применение которых, по мнению Л. Гуниной, в перспективе может вызвать серьезные заболевания, вплоть до необра-

тимых последствий [15, с. 51]. В то же время к субстанциям этой группы относят инсулины и агонисты (позитивные модуляторы действия), а также препараты так называемого «генного допинга», посредством применения которых спортсмены стремятся повысить свою работоспособность, выносливость и даже получить эффект тренировки без физической нагрузки [13].

Диуретики и маскирующие агенты (S5). В медицинской практике диуретики используются для выведения из организма избыточных количеств воды и устранения отеков различного происхождения. Их применяют также для снижения артериального давления (лечение гипертонии), при лечении сердечной недостаточности и различных заболеваниях почек. Кроме того, отдельные препараты используют для лечения отравлений химическими веществами для ускорения их элиминации из организма. Диуретики могут содержаться в препаратах для лечения повышенного давления, сердечных расстройств, нарушений работы печени и почек [14].

Диуретики могут использоваться спортсменами для достижения целей: для быстрой кратковременной сгонки веса в тех видах спорта, где предусмотрены весовые категории, или для разжижения мочи, чтобы избежать обнаружения в ней запрещенных субстанций [13].

Субстанции, запрещенные в соревновательный период. Стимуляторы (S6). Для этой группы допинговых средств характерна индивидуальность реакций. Стимуляторы возбуждают центральную нервную систему, улучшают самочувствие и настроение, способствуют приливу энергии, вызывают бодрость, субъективное ощущение прилива сил, снимают чувство усталости, повышают физическую и умственную работоспособность, общую активность, активизируют психическую деятельность. Эти препараты

стимулируют также интеллектуальную деятельность. В медицине стимуляторы применяют в неврологической и психиатрической практике при различных депрессиях и других заболеваниях, сопровождающихся сонливостью, вялостью, назначают также при родах. Эти препараты устраняют физиологическую потребность в естественном отдыхе и нормальном восстановлении сил, что при длительном употреблении может привести к истощению нервных клеток [14]. Наиболее часто используется для стимуляции физической и умственной работоспособности *кофеин* (как в виде естественных продуктов, содержащихся в чае и кофе, так и в виде чистого препарата) [14].

Стимуляторы находят множество различных применений в традиционной медицине. Амфетамины используются для лечения нарколепсии, ожирения и как дополнительное средство при лечении хронических болей. *Кофеин* обладает антиоксидантным действием, т. е. понижает окислительную способность кислорода, что уменьшает количество и качество повреждений мышечной ткани. Эфедрин, псевдоэфедрин и фенилпропаноламин обычно используются как противоотечные средства в составе многих лекарств, применяемых при простуде, гриппе и других заболеваниях [14].

Наркотики (S7). Для группы допинговых фармакологических средств, которые относятся к болеутоляющим наркотического действия (наркотическим анальгетикам) – морфина, героина, кодеина, меперидина (и других) характерна сильная обезболивающая активность, обеспечивающая возможность их использования в качестве высокоэффективных болеутоляющих средств в разных областях медицины, особенно при травмах (операционных вмешательствах, ранениях и др.) и при заболеваниях, сопровождающихся выраженным болевым синдромом (злокачественные новообразова-

ния, инфаркт миокарда). Наркотические анальгетики угнетают кашлевой рефлекс и некоторые из них применяются в качестве противокашлевых средств [14]. Наркотические анальгетики могут использоваться для уменьшения или снятия боли, вызванной травмой или болезнью для возможности тренироваться дольше и интенсивнее. Наркотические анальгетики притупляют чувство тревоги, что искусственно повышает кондиции спортсмена [14].

Каннабиноиды (марихуана) (S 8). Применение марихуаны в спорте запрещено по следующим причинам: 1) ее применение вредит имиджу спорта; 2) элитные спортсмены часто являются образцами для подражания среди подростков, поэтому применение ими марихуаны служит негативным примером для молодого поколения; 3) соображения безопасности – воздействие каннабиноидов может отрицательно сказаться на способности выполнять сложные упражнения, что может подвергать риску здоровье и безопасность самого спортсмена, его соперников, а также зрителей [13].

Глюкокортикостероиды (S9). В традиционной медицине глюкокортикостероиды используются как противовоспалительные средства и для снятия боли. Обычно они применяются для лечения астмы, сенной лихорадки, воспаления тканей и ревматоидного артрита. Глюкокортикостероиды могут содержаться как в лекарствах, продаваемых по рецепту, так и в общедоступных медикаментах. Кроме того, они могут входить в состав различных кремов, мазей, ингаляторов, спреев, капель, таблеток и инъекций. Лекарства, содержащие глюкокортикостероиды, применяют для лечения астмы, сенной лихорадки. Кремы и мази с этими субстанциями используются для лечения различных кожных инфекций. В виде инъекций их применяют для лечения различных внутренних воспалений [13].

Субстанции, запрещенные в отдельных видах спорта. Бета-блокаторы (P1) применяются для понижения частоты сердцебиения, кровяного давления и помогают предотвратить расширение сосудов сердца, снижая нагрузку на сердечную мышцу. В медицине бета-блокаторы применяются при лечении различных расстройств сердечно-сосудистой системы (повышенное давление, стенокардия и порок сердца). Кроме того, они могут использоваться при лечении мигреней, для уменьшения чувства тревоги и для сдерживания тремора [13].

Спортсмены могут использовать бета-блокаторы для уменьшения частоты сердцебиения и дрожания рук в тех видах спорта, где решающими факторами являются точность и твердость рук (например, стрельба, в том числе из лука). Применение бета-блокаторов запрещено в авиации, стрельбе из лука, прыжках в воду, синхронном плавании, лыжном спорте, керлинге, бобслее, шахматах, стрельбе, современном пятиборье, гимнастике, борьбе, авто- и мотоспорте и др. [13]

Справедливость вынуждает отметить, что все перечисленные в списке запрещенные в спорте препараты могут иметь побочные эффекты, вредные для здоровья человека в случаях их бесконтрольного, чрезмерного или длительного применения. Справедливость же требует признать и то, что в аннотациях большинства общедоступных лекарственных средств (отпускаемых без рецепта) содержится два обязательных для потребителя пункта предупреждения: 1) последствия передозировки и 2) побочное действие. Опять же ради справедливости нужно отметить и то, что и сам спорт как род профессиональной деятельности имеет побочный эффект для здоровья спортсмена, каким являются профессиональные заболевания. Мы же пытаемся выяснить, есть ли видовая общность до-

пинговых преступлений (ст. 230¹, 230² УК) с преступлениями, предусмотренными главой 25 УК, а именно обладают ли запрещенные в спорте субстанции свойством опасности для здоровья населения (общественной опасностью).

Медицинские и фармакологические характеристики запрещенных в спорте субстанций (далекие от юридической материи) обнаруживают две особенности общего списка запрещенных в спорте субстанций, существенные для понимания уголовно-правовой стороны вопроса.

1. Все запрещенные в спорте субстанции (за исключением списков S7 – наркотики и S8 – марихуана) обладают лечебными свойствами и широко используются в медицинской практике.

2. Действие всех запрещенных в спорте субстанций (за исключением списков S7 – наркотики и S8 – марихуана) зависит от индивидуальных особенностей организма человека.

На этих основаниях можно утверждать, что запрещенные в спорте субстанции не имеют видовой общности с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами.

В группах S7 и S8 рассматриваемых списков все-таки предусмотрены субстанции, опасные для здоровья населения. В данном случае рубрикация списков запрещенных в спорте субстанций не имеет того правового и социально-политического основания, к которому мы привыкли, рассуждая о наркотических средствах. Следуя уголовному (а не «спортивному») правопорядку, субстанции, предусмотренные в перечнях S7, S8 (наркотики и марихуана), следует считать в ряду категорически запрещенных психоактивных субстанций (опасных для здоровья населения). Согласно «спортивному списку», они относятся к числу тех субстанций, которые запрещены только в соревновательный период. Почему? Думается, потому, что мотивация запрета

отдельных препаратов в спорте обусловлена не их опасностью для здоровья населения, а другими соображениями: все препараты, включенные в список запрещенных в спорте, нарушая физический статус спортсмена, противоречат главному условию спорта – равенству стартовых возможностей (честному соревнованию).

Этот вывод имеет еще одно подтверждение. Глюкокортикоиды (S9) находятся в списке запрещенных в спорте в соревновательный период субстанций в соседстве с наркотиками и марихуаной. Между тем они не только не опасны для здоровья населения, но и безобидны. Как уже отмечалось, глюкокортикостероиды могут содержаться как в лекарствах, продаваемых по рецепту, так и в общедоступных медикаментах. Они могут входить в состав различных кремов, мазей, ингаляторов, спреев, капель, таблеток и инъекций, поскольку обладают противовоспалительным действием. Соседство этих препаратов с наркотиками (только в соревновательном периоде) можно объяснить лишь соображениями «спортивно-го правопорядка».

Представляется, что допинговые преступления объединяет с преступлениями, предусмотренными главой 25 УК, только *нормативная природа запрета* (важно подчеркнуть: не общественной опасности, поскольку допинговые нарушения ею не обладают, а именно запрета). По существу, речь идет о закреплении в действующем УК *преступлений нового рода* – деяний, имеющих нормативную природу, но не правовой, а политической обусловленности. В нормах, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК, нет связи с объектами уголовно-правовой охраны. В основании уголовно-правовых запретов допинговых нарушений лежит конъюнктурный критерий – общественно-политическая напряженность.

Но разве этой напряженности мало для уголовно-политического обоснования наказуемости допинговых нарушений? Коррекция объектов уголовно-правовой охраны в силу изменений в общественной жизни возможна. Однако изменение не только содержания, но и духа (идеологии) уголовного закона в рамках правового поля требует усилий в направлении организации новой подотрасли уголовного права – медицинского уголовного права и медицинского спортивного права как его института. Это, в свою очередь, требует новых подходов к структурированию Особенной части УК, включения в УК нового его раздела.

Список литературы

1. Решняк М. Г. О некоторых вопросах современного уголовно-правового законодательства // Российский следователь. 2014. № 3. С. 25–28.
2. Майорова Е. И. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Российский следователь. 2014. № 1. С. 27–31.
3. Жук М. С. Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // Lex russica. 2015. № 4. С. 46–59.
4. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
5. Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90–107.
6. Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 92–101.
7. Иванцова Н. В. От законодательных новелл 2016 г. к новой редакции

Уголовного кодекса РФ // Законность. 2017. № 5. С. 44–47.

8. Федоров А. В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. 2017. № 11. С. 38–43.

9. Песков А. Н., Брусникина О. А. Проблемы борьбы с допингом в спорте: монография / ред. и вступ. С. В. Алексеев. М.: Проспект, 2016. 128 с.

10. Мохов А. А. Антидопинговая политика Российской Федерации и ее правовое обеспечение // Спорт: экономика, право, управление. 2017. № 1. С. 26–28.

11. Кошаева Т. О., Ямашева Е. В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97–105.

12. Габдрахманов Р. Л., Кужиков В. Н., Денисенко М. В. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и запрещенных в спорте субстанций и методов, совершенных в отношении несовершеннолетних //

Российский следователь. 2017. № 12. С. 25–29.

13. Внимание: допинг! Что нужно знать спортсменам и тренерам о запрещенных субстанциях (по материалам Всемирного антидопингового агентства) [Электронный ресурс] // Спорт: экономика, право, управление. 2007. № 3. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/23106-vnimanie-doping-chto-nuzhno-znat-sportsmenam-treneram> (дата обращения: 05.09.2018).

14. Использование запрещенных лекарственных средств и методов допинг в современном спорте [Электронный ресурс]. URL: <http://mirznanii.com/a/155409-9/is-polzovanie-zapreshchyennykh-lekarstvennykh-sredstv-i-metodov-doping-v-sovremennom-sporte-9> (дата обращения: 05.09.2018).

15. Гунина Л. Запрещенные гормоны и модуляторы метаболизма: механизм действия и отдаленные негативные эффекты у спортсменов // Наука в олимпийском спорте. 2014. № 4. С. 51–59.

Поступила в редакцию 29.09.18

UDC 343.2/.7

T. G. Ponyatovskaya, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow, Russia) (e-mail: tagri8@yandex.ru)

A. I. Rarog, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow, Russia) (e-mail: alek.rarog@yandex.ru)

T. V. Shakhova, Doctor – Clinical Pharmacologist, GBUZ GKB № 40 DZM (Moscow, Russia) (e-mail: drshahova@mail.ru)

GROUNDINGS OF THE CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF DOPING IN RUSSIA

Based on the analysis of the norms of international and domestic law on countering doping in sports, the authors argue that the subject of the crimes related to the use of prohibited substances and methods in sports does not have a species relationship with narcotic drugs, psycho-tropic substances and their analogues.

Substances prohibited for use in sports, by their natural purpose, are drugs, therefore they do not pose a danger to the health of the population, unlike narcotic drugs and psychotropic substances. Therefore, the criminalization of doping in sport is not a social (public danger), but a regulatory basis, due to criminal-political considerations.

Objectively stipulated criminal law prohibition of doping in sport is another argument in favor of the expediency of the formation of a new sub-sector of criminal law, medical criminal law and medical sports law as its institution.

Key words: *inducement, use, purpose, prohibited in sports substances and methods, normative nature of the criminal law prohibition, medical criminal law.*

For citation: Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Shakhova T. V. Grounds of the criminal legal protection of doping in Russia. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 90–100 (in Russ.).

***

References

1. Reshnyak M. G. O nekotorykh voprosakh sovremennogo ugolovno-pravovogo zakonotvorchestva. Rossijskij sledovatel', 2014, no. 3, pp. 25–28.
2. Majorova E. I. Nekotorye problemy sovershenstvovaniya ugolovnogogo zakonodatel'stva Rossii na sovremennom ehtape. Rossijskij sledovatel', 2014, no. 1, pp. 27–31.
3. Zhuk M. S. Puti sovershenstvovaniya sistemy institutov rossijskogo ugolovnogogo prava. Lex russica, 2015, no. 4, pp. 46–59.
4. Korobeev A. I. Ugolovno-pravovaya politika sovremennoj Rossii: problemy penalizacii i depenalizacii. Zakon, 2015, no. 8, pp. 46–59.
5. Krylova N. E. Gumanizaciya ugolovnogogo zakonodatel'stva prodolzhaetsya? Analiz proektov federal'nykh zakonov, odobrennykh Plenumom Verhovnogo Suda RF 31 iyulya 2015 g. Zakon, 2015, no. 8, pp. 90–107.
6. Kaufman M. A. Pravotvorcheskie oshibki v ugolovnom prave. Zhurnal rossijskogo prava, 2016, no. 9, pp. 92–101.
7. Ivancova N. V. Ot zakonodatel'nykh novell 2016 g. k novoj redakcii Ugolovnogogo kodeksa RF. Zakonnost', 2017, no. 5, pp. 44–47.
8. Fedorov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie k ispol'zovaniyu dopinga. Rossijskij sledovatel', 2017, no. 11, pp. 38–43.
9. Peskov A. N., Brusnikina O. A. Problemy bor'by s dopingom v sporte; ed. by S. V. Alekseev. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 128 p.
10. Mohov A. A. Antidopingovaya politika Rossijskoj Federacii i ee pravovoe obespechenie. Sport: ehkonomika, pravo, upravlenie, 2017, no. 1, pp. 26–28.
11. Koshaeva T. O., Yamasheva E. V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoj otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o dopinge. Zhurnal rossijskogo prava, 2017, no. 6, pp. 97–105.
12. Gabdrahmanov R. L., Kuzhikov V. N., Denisenko M. V. Kvalifikaciya prestuplenij, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv, ih analogov i zapreshchennykh v sporte substancij i metodov, sovershennykh v otnoshenii nesovershennoletnih. Rossijskij sledovatel', 2017, no. 12, pp. 25–29.
13. Vnimanie: doping! Chto nuzhno znat' sportsmenam i treneram o zapreshchennykh substanciyah (po materialam Vsemirnogo antidopingovogo agentstva). Sport: ehkonomika, pravo, upravlenie, 2007, no. 3. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/23106-vni-manie-doping-chto-nuzhno-znat-sportsme-nam-treneram>. (accessed 5.09.2018).
14. Ispol'zovanie zapreshchyonnykh lekarstvennykh sredstv i metodov doping v sovremennom sporte. URL: <http://mirznanii.com/a/155409-9/is-polzovanie-zapreshchennykh-lekar-stven-nykh-sredstv-i-metodov-doping-v-sovre-mennom-sporte-9> (accessed 05.09.2018).
15. Gunina L. Zapreshchennyye gormony i modulyatory metabolizma: mekhanizm dejstviya i otdalennyye negativnyye ehffekty u sportsmenov. Nauka v olimpijskom sporte, 2014, no. 4, pp. 51–59.

УДК 343.1

А. М. Журбенко, канд. экон. наук, преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия) (e-mail: Zhurbenkoal@yandex.ru)

О. Н. Скоморохов, канд. юрид. наук, ст. преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия) (e-mail: 79056781779@yandex.ru)

С. А. Чернышёв, канд. социол. кол. наук, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия) (e-mail: sercher777@rambler.ru)

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ И СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ СОКРЫТИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО ОТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается деятельность следователя, дознавателя и сотрудников оперативных подразделений при сокрытии подозреваемого или обвиняемого от предварительного расследования. Вся деятельность условно разделена нами на четыре этапа. Первый этап – это профилактическая работа следователя (дознавателя), сотрудников оперативных подразделений по предупреждению уклонения подозреваемых и обвиняемых от предварительного расследования, начинающаяся с момента возбуждения уголовного дела и заканчивающаяся получением информации об отсутствии подозреваемого или обвиняемого в месте проведения предварительного расследования.

Второй этап включает в себя проверку причин отсутствия подозреваемого или обвиняемого в месте проведения предварительного расследования и объявление его розыска. Розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного расследования, так и одновременно с его приостановлением. В статье 210 Уголовно-процессуального кодекса РФ указано, что если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывается в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносится отдельное постановление. Мы считаем, что о розыске подозреваемого или обвиняемого должно выноситься отдельное постановление. Составление постановления о поручении розыска органам дознания одновременно с приостановлением производства по делу является составной частью процессуального порядка приостановления. По смыслу уголовно-процессуального закона следователь, дознаватель или суд должны объявить розыск подозреваемого и обвиняемого немедленно, после того, как будет установлено его отсутствие. Оперативный поиск преступника мешает ему тщательно замаскироваться и принять меры, затрудняющие розыск.

Третий этап характеризуется деятельностью по розыску подозреваемого или обвиняемого, который начинается с момента объявления розыска и заканчивается обнаружением подозреваемого (обвиняемого) или приостановлением уголовного дела. Для оперативного сотрудника данный этап начинается с момента заведения розыскного дела. Четвертый этап включает в себя деятельность следователя, дознавателя или суда по розыску скрывшегося лица, начинающийся с приостановления уголовного дела и заканчивающийся возобновлением уголовного дела или его прекращением в связи с истечением сроков давности. Для сотрудника оперативного подразделения этот этап начинается с приостановления уголовного дела, но заканчивается прекращением розыскного дела.

Ключевые слова: *подозреваемый, обвиняемый, следователь, возбуждение уголовного дела, приостановление уголовного дела, розыск, сокрытие, расследование, уклонение, разыскиваемый.*

Ссылка для цитирования: Журбенко А. М., Скоморохов О. Н., Чернышёв С. А. Особенности деятельности следователя, дознавателя и сотрудников оперативных подразделений при сокрытии подозреваемого или обвиняемого от предварительного расследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 101–108.

***

Уголовно-процессуальный закон определяет проведение наиболее важных для расследования видов следственных работ, предписывает немедленно произвести те действия, которые не допускают отлагательства, устанавливая необходимую последовательность отдельных трудовых процессов в тех следственных действиях, где это имеет наиболее суще-

ственное значение [1, с. 40]. Информация о признаках скрывающегося преступника имеет важное значение для своевременного раскрытия преступления, а потому основной задачей, стоящей перед следователем, выступает активный сбор и использование различных данных [2, с.12].

Деятельность следователя, дознавателя и сотрудников оперативных подраз-

делений при сокрытии подозреваемого или обвиняемого от предварительного расследования условно разделена нами на четыре этапа. Первый этап – это профилактическая работа следователя (дознателя), сотрудников оперативных подразделений по предупреждению уклонения подозреваемых и обвиняемых от предварительного расследования, начинающаяся с момента возбуждения уголовного дела и заканчивающаяся получением информации об отсутствии подозреваемого или обвиняемого в месте проведения предварительного расследования. Л. А. Прохоров и А. Т. Митрофанов делят предупредительные мероприятия на две группы: 1) общепреventивные, направленные на устранение условий, способствующих уклонению от расследования и суда, и 2) частнопредventивные, направленные на недопущение уклонения конкретного преступника [3, с. 5]. С их мнением трудно не согласиться, но в рамках нашего исследования мы остановимся только на второй группе предупредительных мероприятий.

С целью предупреждения уклонения подозреваемых и обвиняемых необходимо выполнять требования ведомственных нормативных актов, обязывающих следователя (дознателя) информировать начальника отдела полиции об избрании лицу меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, проводить дактилоскопирование, фотографирование.

Как показывает практика, сотрудники оперативных подразделений после реализации материалов или проведения неотложных следственных действий обычно не интересуются поведением подозреваемых или обвиняемых [4]. Однако оперативнополномоченный уголовного розыска должен знать, кто из проживающих на обслуживаемой им территории привлечен к уголовной ответственности или кому избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу. Располагая этой информацией, он может организовать наблюдение за подозреваемым

(обвиняемым) в целях предотвращения уклонения от ответственности.

Сотрудники оперативных подразделений должны ориентировать доверенных лиц на выявление у подозреваемых (обвиняемых) намерений скрыться.

В комплекс мероприятий следователя и дознателя по предупреждению уклонения подозреваемого или обвиняемого от органов предварительного расследования и суда необходимо включить:

1) направление сторожевого листа в миграционную службу по месту регистрации;

2) извещение администрации предприятия (отдела кадров) по месту работы или учебы;

3) рапорт на имя начальника отдела полиции об избрании подозреваемому или обвиняемому меры пресечения, не связанной с лишением свободы;

4) уведомление райвоенкомата по месту жительства подозреваемого или обвиняемого о привлечении его к уголовной ответственности;

5) направление поручения органу дознания об организации наблюдения за поведением подозреваемого или обвиняемого по месту жительства;

6) изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе расследования с целью выявления его намерения скрыться;

7) проведение беседы с подозреваемым, обвиняемым и его близкими родственниками о недопущении сокрытия от органов расследования и суда, его последствиях;

8) избрание в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения, препятствующей его уклонению от следствия, дознания или суда;

9) выемку паспорта гражданина РФ и заграничного паспорта при мере пресечения, не связанной с лишением свободы. Данное мероприятие является незаконным, но применяемым на практике;

10) подписку об обязательной явке в отдел полиции для регистрации (график определяет следователь или дознаватель).

В случае уклонения подозреваемого или обвиняемого от следствия, дознания и суда, на наш взгляд, для него должны наступать негативные последствия.

1. Факт уклонения обвиняемого от следствия, дознания или суда следовало бы включить в число обстоятельств, отягчающих ответственность подсудимого.

2. Розыск скрывшихся от следствия, дознания и суда обвиняемых, их этапирование с места задержания связано с затратой большого количества средств. Авторы присоединяются к точке зрения В. Е. Гущева [5, с. 12], предлагающего узаконить взыскание в таких случаях понесённых расходов с обвиняемого, которое должно производиться судом.

3. Кроме того, мы разделяем точку зрения А. А. Закатова [6, с. 192–193] о необходимости предусмотреть в УК РФ уголовную ответственность за уклонение от правосудия в виде самостоятельной статьи (аналогично ответственности за уклонение от дачи показаний). Закрепить в законе положение о том, что об ответственности за уклонение необходимо официально предупреждать лицо, привлекающееся к уголовной ответственности.

4. В целях предупреждения повторного уклонения подозреваемого или обвиняемого от расследования предлагается дополнить соответствующие нормы УПК РФ указанием об избрании в отношении данной категории лиц меры пресечения в виде заключения под стражу в обязательном порядке. То, что подозреваемый или обвиняемый умышленно скрывается от расследования, при этом нарушив меру пресечения, свидетельствует о его повышенной опасности, т. к. он не только уклоняется от следствия, дознания или суда, но, находясь на свободе, может принять меры к сокрытию следов преступления и продолжить свою преступную деятельность. Мера пресечения, не связанная с лишением свободы, не исключает повторной попытки подозреваемого или обвиняемого скрыться.

Второй этап включает в себя проверку причин отсутствия подозреваемого или обвиняемого в месте проведения предварительного расследования и объявление его розыска. Этот этап начинается с момента получения информации об отсутствии подозреваемого (обвиняемого) и заканчивается объявлением его розыска. Для оперативного сотрудника данный этап заканчивается заведением розыскного дела. По мнению Л. И. Нека, на этом этапе необходимо установить причины отсутствия: сокрытие подозреваемого (обвиняемого) от расследования или неустановление места его нахождения по иным причинам [7, с. 112–113].

Следователь или дознаватель при обнаружении факта неизвестности местонахождения подозреваемого, обвиняемого:

1) проводит мероприятия, направленные на установление действительного факта уклонения или неизвестности местонахождения подозреваемого или обвиняемого: а) допросы родственников, не менее 2-х соседей, знакомых; б) приобщает к делу корешки повесток, постановления о приводах, свидетельствующие об уклонении от явки в ОВД; в) в свете повсеместного развития интернет-технологий, размещает уведомления о вызове конкретных лиц в УМВД, отдел полиции на официальных сайтах этих ведомств; г) следует признать заслуживающей внедрения в практику рассылки уведомлений о месте и времени вызова в УМВД, отдел полиции для проведения следственных действий на сотовые телефоны в виде SMS-сообщений; д) наводит справки о его местонахождении по месту жительства и работы; е) запрашивает адресное бюро и устанавливает, не переменил ли он место жительства; ж) проверяет, не находится ли он под стражей или под административным арестом; з) проводит проверку его нахождения в местных лечебных заведениях или санаториях; и) проверяет возможность его выезда на работу в другую область или страну; к) устанавливает, не призван ли он на во-

енную службу или для прохождения военных сборов; л) проверяет его по базам данных ИЦ УМВД;

2) дает поручения органам дознания в порядке ст. 38 УПК РФ о проведении первоначальных действий по розыску лиц, осуществляемых соответствующими службами в срок до 10 дней с момента поступления информации о необходимости розыска лица (приобщает справки-рапорты сотрудников органа дознания о результатах проделанной работы) [8, с. 53];

3) при наличии судимости у подозреваемого или обвиняемого истребует дактилокарты по месту отбытия наказания, фотографии и характеризующие материалы, приобщает справку о судимости;

4) производит выемку и приобщает к материалам уголовного дела ксерокопию формы № 1 или другого документа, удостоверяющего личность скрывшегося лица, копию удостоверения пенсионного страхования.

Розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного расследования, так и одновременно с его приостановлением [9, с. 98]. В ст. 210 УПК РФ указано, что если местонахождение подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывается в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносятся отдельные постановления [10, с. 293–294].

Мы считаем, что о розыске подозреваемого или обвиняемого должно выноситься отдельное постановление. Составление постановления о поручении розыска органам дознания одновременно с приостановлением производства по делу является составной частью процессуального порядка приостановления. По смыслу уголовно-процессуального закона следователь, дознаватель или суд должны объявить розыск подозреваемого и обвиняемого немедленно, после того, как будет установлено его отсутствие [11].

Оперативный поиск преступника мешает ему тщательно замаскироваться и принять меры, затрудняющие розыск.

Относительно суда в ч. 3 ст. 253 УПК РФ сказано, что «суд выносит определение или постановление о розыске скрывшегося подсудимого». Однако постановление судья выносит единолично, о чем сказано в п. 25 ч. 1 ст. 5 УПК. Мы предлагаем для облегчения правоприменительной практики в ч. 3 ст. 253 после слов «суд выносит определение» заменить слово «или» словами «а судья постановление».

Сотрудник оперативно-розыскного подразделения при обнаружении факта неизвестности местонахождения подозреваемого, обвиняемого:

1) проводит мероприятия, направленные на установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого: а) осуществляет опросы лиц, связанных с подозреваемым или обвиняемым, устанавливает наличие у него документов, материальных средств, адреса возможного нахождения; б) собирает сведения, свидетельствующие об уклонении от явки в ОВД; в) устанавливает, не переменил ли он место жительства;

2) по поручению следователя или дознавателя проводит первоначальные действия по розыску лиц в срок до 10 дней с момента поступления информации о необходимости розыска лица;

3) проверяет нахождение подозреваемого или обвиняемого по месту жительства, работы, отдыха и в других местах, устанавливает лиц, с которыми последний поддерживал доверительные отношения; выявляет и изучает связи среди криминогенного контингента.

Третий этап характеризуется деятельностью по розыску подозреваемого или обвиняемого, который начинается с момента объявления розыска и заканчивается обнаружением подозреваемого (обвиняемого) или приостановлением уголовного дела. Для оперативного сотрудника данный этап начинается с момента заведения розыскного дела.

Перед приостановлением уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ следователь (дознаватель) должен выполнить не-

обходимые следственные действия и организационно-поисковые мероприятия (рис. 1, 2).

Рис. 1. Следственные действия, проведение которых необходимо перед приостановлением предварительного расследования по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ

Рис. 2. Мероприятия, проведение которых необходимо перед приостановлением предварительного расследования в связи с неустановлением местонахождения обвиняемого (подозреваемого)

Проведенное нами исследование показало, что имеются многочисленные случаи принятия следователями и дознавателями необоснованных решений о приостановлении предварительного рас-

следования. Выявленные нарушения можно классифицировать по следующим группам:

- не выполнены все следственные действия, производство которых возмож-

но в отсутствие обвиняемого (подозреваемого) – 57,5 %;

– не изучена личность обвиняемого (подозреваемого) – 17,5 %;

– предварительное расследование приостанавливается не в отношении обвиняемого либо подозреваемого – 6,25%;

– не приняты меры к розыску лица в ходе расследования – 18,75 % [12, с. 50].

С учетом обстоятельств дела и имеющейся информации сотрудник оперативного подразделения проводит следующие мероприятия: 1) проверяет розыскиваемого по учетам органов внутренних дел, адресно-справочных бюро, ИЦ и ГИАЦ; 2) подготавливает и направляет розыскные задания и ориентировки в ОВД, на территории обслуживания которых разыскиваемый имеет связи и где наиболее вероятно его появление; 3) изучает сводки, ориентировки с целью получения данных, которые могут способствовать розыску; 4) устанавливает доверительные отношения с родственниками и близкими разыскиваемого для получения значимой информации; 5) в случае, если разыскиваемый ранее отбывал наказание в местах лишения свободы, направляет туда запросы с целью сбора характеризующей информации; 6) ориентирует личный состав ОВД о приметах разыскиваемого; 7) проводит другие мероприятия, способствующие розыску.

После изучения личности разыскиваемого составляется схема его связей, которая впоследствии дополняется. Выясняются лица, заинтересованные в силу личных неприязненных отношений, корыстных побуждений и других причин, в задержании разыскиваемого.

Четвертый этап включает в себя деятельность следователя, дознавателя или суда по розыску скрывшегося лица, начинающийся с приостановления уголовного дела и заканчивающийся возобновлением уголовного дела или его пре-

кращением в связи с истечением сроков давности. Для сотрудника оперативного подразделения этот этап начинается с приостановления уголовного дела, но заканчивается прекращением розыскного дела.

Исходя из изложенного, полагаем, что предложенный процессуальный порядок приостановления уголовных дел будет способствовать соблюдению прав субъектов при приостановлении уголовного дела, а также поможет активизировать действия должностных лиц по розыску скрывшихся подозреваемых и обвиняемых.

Список литературы

1. Основы безопасности труда следователя / И. М. Черевко, С. Л. Никонович, Р. И. Могутич [и др.]. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2017. 80 с.

2. Чинёнов Е. В., Чурсин А. В. Обстановка места происшествия – источник получения данных о неизвестном преступнике // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. №1. С. 12–16.

3. Прохоров Л. А., Митрофанов А. Т. Организация работы по розыскному делу. Омск: ОБШМ МВД СССР, 1981. 83 с.

4. Солодовник В. В. Приостановление предварительного следствия по уголовным делам коррупционной направленности // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. СПб., 2016. С. 325–329.

5. Гуцев В. Е. Процессуальные вопросы приостановления производства по уголовному делу на предварительном следствии и в суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 21 с.

6. Закатов А. А. Криминалистическое учение о розыске: дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1987. 365 с.

7. Нека Л.И. Особенности приостановления производства по уголовным делам // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 106–115.

8. Уголовный процесс. Краткий курс / под ред. В. А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2016. 368 с.

9. Ларин Е. Г., Павлов А. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования. Омск: Омская акад. МВД России, 2014. 144 с.

10. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 576 с.

11. Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью и совершенствование управления практикой правоохранительных органов по применению мер уголовно-правового воздействия на преступность и критерии их эффективности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21. № 5(74). С. 204–211.

12. Скоморохов О. Н. Особенности деятельности следователя, дознавателя и оперативных подразделений по приостановленным уголовным делам: монография. Белгород: Бел. юрид. ин-т МВД России, 2015. 96 с.

Поступила в редакцию 25.09.18

UDC 343.1

A. M. Jurbenko, Candidate of Economic Sciences, Lecturer, Belgorod Law Institute of MIA of Russia named after D. I. Putilin (Belgorod, Russia) (e-mail: Zhurbenkoal@yandex.ru)

O. N. Skomorokhov, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Belgorod law Institute of MIA of Russia named after D. I. Putilin (Belgorod, Russia) (e-mail: 79056781779@yandex.ru)

S. A. Chernyshev, Candidate of Sociological Sciences, Belgorod law Institute of MIA of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod, Russia) (e-mail: sercher777@rambler.ru)

PECULIARITIES OF THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR, THE INVESTIGATOR AND THE STAFF OF OPERATIONAL UNITS WHEN CONCEALING THE SUSPECT OR ACCUSED FROM PRELIMINARY INVESTIGATION

The article deals with the activities of the investigator, investigator and staff of operational units in the concealment of the suspect or accused from the preliminary investigation. All activities are divided into four stages. The first stage is the preventive work of the investigator (investigator), the staff of the operational units to prevent the evasion of suspects and accused from the preliminary investigation, starting from the moment of initiation of the criminal case and ending with the receipt of information about the absence of the suspect or accused in the place of the preliminary investigation.

The second stage includes the verification of the reasons for the absence of the suspect or accused at the place of the preliminary investigation and the announcement of his search. Search of the suspect, accused can be declared both during production of preliminary investigation, and at the same time with its suspension. In article 210 of the criminal procedure code of the Russian Federation stated that if the location of the suspect, the accused is not known, the investigator directs his search to the bodies of inquiry, as indicated in the resolution on suspension of the preliminary investigation or separate order shall be issued. We believe that the search for a suspect or accused person should be ordered separately. Drawing up of the resolution on the order of search to bodies of inquiry together with suspension of production on business is an integral part of the procedural order of suspension. Within the meaning of the criminal procedure law, the investigator, investigator or court must declare the search of the suspect and the accused immediately, after it is established his absence. Operational search of the criminal prevents him carefully to disguise himself and to take measures to hinder the investigation.

The third stage is characterized by activities to search for the suspect or accused, which begins with the announcement of the search and ends with the discovery of the suspect (accused) or the suspension of the criminal case. For the operative employee, this stage begins with the establishment of the investigative case. The fourth stage

includes the activities of an investigator, investigator or court to search for the fugitive, starting with the suspension of the criminal case and ending with the resumption of the criminal case or its termination due to the expiration of the Statute of limitations. For an officer of the operational unit, this stage begins with the suspension of the criminal case, but ends with the termination of the investigative case.

Key words: *suspect, accused, investigator, initiation of criminal proceedings, suspension of criminal case, search, concealment, investigation, evasion, wanted.*

For citation: Jurbenko A. M., Skomorokhov O. N., Chernyshev S. A. Peculiarities of the activities of the investigator, the investigator and the staff of operational units when concealing the suspect or accused from preliminary investigation. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 101–108 (in Russ.).

***

References

1. Cherevko I. M., Nikonovich S. L., Mogutin R. I., eds. *Osnovy bezopasnosti truda sledovatelya*. Tambov, Izd-vo Pershina R.V. Publ., 2017, 80 p.
2. Chinyonov E. V., Chursin A. V. *Obstanovka mesta proisshestiya – istochnik polucheniya dannyh o neizvestnom prestupnike. Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti*, 2012, no. 1, pp. 12–16.
3. Prohorov L. A., Mitrofanov A. T. *Organizaciya raboty po rozysknomu delu*. Omsk, OVSHM MVD SSSR, 1981. 83 p.
4. Solodovnik V. V. *Priostanovlenie predvaritel'nogo sledstviya po ugovolnym delam korrupcionnoj napravlenosti. Protivodejstvie prestupleniyam korrupcionnoj napravlenosti: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; ed. by A. I. Bastrykin*. St. Petersburg, 2016, pp. 325–329.
5. Gushchev V. E. *Processual'nye voprosy priostanovleniya proizvodstva po ugovolnomu delu na predvaritel'nom sledstvii i v sude*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Moscow, 1971. 21 p.
6. Zakatov A. A. *Kriminalisticheskoe uchenie o rozyske*. Dis. dokt. jurid. nauk. Kiev, 1987. 365 p.
7. Neka L. I. *Osobennosti priostanovleniya proizvodstva po ugovolnym delam*. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2016, no. 3, pp. 106–115.
8. *Ugovolnyj process. Kratkij kurs*; ed. by V. A. Lazareva. Moscow, Yusticiya Publ., 2016. 368 p.
9. Larin E. G., Pavlov A. V. *Priostanovlenie i vozobnovlenie predvaritel'nogo rassledovaniya*. Omsk, Omskaya akad. MVD Rossii Publ., 2014. 144 p.
10. Bezlepkin B. T. *Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)*. 13th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2015, 576 p.
11. Novichkov V. E. *Prognozirovanie v sfere bor'by s prestupnost'yu i sovershenstvovanie upravleniya praktikoj pravoohranitel'nyh organov po primeneniyu mer ugovolno-pravovogo vozdejstviya na prestupnost' i kriterii ih ehffektivnosti*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 21, no. 5(74), pp. 204–211.
12. Skomorohov O. N. *Osobennosti deyatel'nosti sledovatelya, doznavatelya i operativnyh podrazdelenij po priostanovlennym ugovolnym delam*. Belgorod, Bel. jurid. in-t MVD Rossii Publ., 2015. 96 p.

УДК 343.3

О. С. Пашутина, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru)

БОРЬБА С ВАНДАЛИЗМОМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (1922–1996 ГОДЫ)

В настоящей статье проведен исторический анализ российских уголовно-правовых норм об ответственности за преступные посягательства, выражающиеся в осквернении или повреждении чужого имущества, начиная с 1922 года до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года.

Вандализм в его уголовно-правовом понятии, широко распространившийся в современной России, требует повышенного внимания со стороны общества и государства. В связи с этим вполне обоснованным представляется включение в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за осквернение зданий и сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Вместе с тем практический аспект изучения статьи 214 «Вандализм» УК РФ в немалой степени осложнен различным рода недоработками и противоречиями в законодательстве и теории, детерминированными во многом отсутствием исторического опыта применения данного состава преступления. Несмотря на то, что в советском законодательстве мы не найдем определения вандализма в современном понимании (то есть закрепленного в статье 214 УК РФ), ответственность за осквернение или повреждение имущества существовала всегда. Отсутствие в уголовном законе ответственности за совершение актов вандализма в виде самостоятельной нормы вовсе не означало, что лица, совершившие, по существу, вандальные действия (как мы трактуем их в настоящее время), оставались безнаказанными: ответственность за совершение действий, выражающихся в повреждении и (или) осквернении общественного имущества, существовала всегда. Все это позволяет говорить о том, что государство в должной мере уделяло повышенное внимание борьбе с данным рода проявлениями. Проведенный анализ нормативного материала и доктринальных источников позволили выявить основные тенденции развития законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: вандализм, преступления против общественного порядка, осквернение зданий и сооружений, повреждение имущества.

Ссылка для цитирования: Пашутина О. С. Борьба с вандализмом: историко-правовой анализ (1922–1996 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 109–115.

***

Российскому дореволюционному уголовному законодательству понятие вандализма (в его современном понимании) не было известно, а содержание понятия было растворено в смежных составах, что объясняется особенностями развития права и государства на конкретных исторических этапах.

Такая же ситуация складывалась и после Октябрьской революции.

Изучение отечественного уголовного законодательства в период 1922–1996 гг. показывает, что понятие «вандализм» также не было известно ни одному из кодифицированных нормативно-правовых актов нашего государства. Однако отсутствие определения вандализма как самостоятельного состава преступления опять

же вовсе не означало, что лица, совершившие повреждение общественного имущества, не привлекались к ответственности. Вандальные действия, связанные с посягательством на указанное в ст. 214 УК РФ имущество, квалифицировались по различным статьям Уголовных кодексов разных лет. Содержание современного уголовно-правового понятия «вандализм» было растворено в смежных составах, являлось составной частью иных уголовно-наказуемых деяний.

В соответствии с Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., в принятой 2-й сессией ВЦИКа X созыва редакции, деяния, составляющие содержание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ (в частности,

порча общественного имущества), при исключении общеопасного способа, надлежало в большинстве случаев квалифицировать в соответствии со ст. 196 «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего учреждению, предприятию или частному лицу». Как отмечалось в объяснительной записке к проекту Особенной части Уголовного кодекса, составленной Общеконсультационным п/Отделом НКЮ, не могло быть оставлено без наказания «злостное повреждение (порча. – *Авт.*) без корыстной цели не принадлежащего правонарушителю имущества в самых разнообразных его видах» [1, с. 676]. Повреждение имущества характеризовалось приведением его во временное состояние негодности (до ремонта) или уменьшения его ценности или уменьшение его полезности. К такому повреждению имущества в некоторых случаях приравнивалось и даже его простое загрязнение [2]. Сюда мог быть подведен обширный ряд случаев повреждения не только вещей движимых, но и недвижимостей: памятников, предметов, предназначенных для общественного пользования, украшения публичных мест и т. д. [1] Данные деяния карались лишением свободы на срок до одного года или принудительными работами на тот же срок, или штрафом в пятьсот рублей золотом.

В то же время, если повреждение имущества, принадлежащего учреждению или предприятию, совершалось из озорства и проявляло явное неуважение виновного лица к обществу, содеянное, согласно ст. 29 УК РСФСР, представляло собой случай, «когда одно действие составляет одновременное нарушение двух статей Уголовного кодекса» [2, с. 196]. В соответствии с положениями уголовного закона 1922 года содеянное в таких случаях надлежало квалифицировать по совокупности ст. 196 и 176 УК РСФСР,

предусматривающей ответственность за хулиганство, причем наказание должно быть назначено по ст. 196 УК РСФСР, предусматривающей более тяжкое наказание.

Вопросы ответственности за повреждение (порчу) имущества регламентировали и соответствующие постановления, направленные на усиление мер охраны имущества, находящегося в общественных местах. Так, в частности, в соответствии с п. 3 ч. 1 Постановления Президиума МС от 29 июня 1923 г. «О мерах охраны бульваров, скверов, садов, парков, рощ и кладбищ в г. Москве и Московской губернии», воспрепятствовало «ломать и портить надписями садовые скамейки, решетки, трельяжи, заборы и прочие сооружения» [3].

В Уголовном кодексе редакции 1926 г. данные деяния были предусмотрены уже ст. 79 «Умышленное истребление или повреждение (порча. – *Авт.*) имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т. п.) организациям, в том числе электропроводов, средств связи и т. п.» [4, с. 106]. Смысл нормы при этом остался практически неизменен. Как уголовно наказуемые рассматривались деяния, заключающиеся, в частности, в порче или повреждении государственного или общественного имущества. При этом при применении ст. 79 УК РСФСР судам было рекомендовано точно выявлять обстановку и цель совершения преступления: если в основе повреждения государственного или общественного имущества лежали основы классовой борьбы и классовой мести, применению подлежали статьи из главы о контрреволюционных преступлениях [5, с. 125] (в громадном большинстве случаев – ст. 58⁸ и 58⁹ – УК. *Авт.*).

В то же время судебная практика действия, сопряженные с повреждением имущества, также включала и в понятие «хулиганство». Таковым признавались и вымазывание из озорства дегтем ворот и ставен домов, порча снежных щитов [6, с. 6], битье группой лиц стекол в ряде окон, выходящих на улицу [7, с. 181], загрязнение мест отдыха граждан [8, с. 228]. В соответствии с Циркуляром НКВД по Центральному административному управлению № 356 от 22 октября 1923 г. губернским и областным отделам управления, как хулиганство расценивалось и битье стекол вагонов проходящих поездов, изоляторов, находящихся в полосе отчуждения, порча подпор и подпорок [9] телеграфных столбов на трактовых дорогах и т. п.

22 ноября 1932 г. президиум Верховного суда РСФСР в протоколе № 49 признал, что «умышленная порча и уничтожение городских зеленых насаждений должны рассматриваться как социально опасные действия и квалифицироваться в зависимости от обстоятельств дела по ч. 1 или 2 ст. 74 УК РСФСР («Хулиганство». – *Авт.*)» [5, с. 122].

Одним из критериев разграничения ст. 79 «Умышленное истребление или повреждение государственного или общественного имущества» и ст. 74 «Хулиганство» служили наступившие вследствие этих деяний последствия. Так, набрасывание на провода телефонных и телеграфных линий разных предметов квалифицировалось как хулиганство [6], а набрасывание проволоки на электропровод, вызвавшее аварию на электростанции, вследствие чего была приостановлена работа предприятий, работавших от этой электростанции, было квалифицировано по ч. 2 ст. 79 УК РСФСР [8].

Равнозначное положение сохранялось на протяжении многих лет: в той или иной мере уголовное законодатель-

ство РСФСР и союзных республик регламентировало ответственность за порчу имущества, иногда меняя лишь название норм и описание запретов, содержащихся в их диспозициях.

Так, в Проекте Уголовного кодекса СССР (издание 1955 г.) деяния, заключающиеся в повреждении (порче. – *Авт.*) общественного имущества, были наказуемы в соответствии со ст. 62 «Умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества», с аналогичным содержанием диспозиции нормы. Сохранялась и норма, предусматривающая ответственность за хулиганство – ст. 192 [10, с. 29, 67].

В Уголовном кодексе РСФСР 1961 г. современное уголовно-правовое понятие вандализма «растворялось» в двух нормах – ст. 98 и 206. В ст. 98 предусматривалось два вида умышленного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества: простой и квалифицированный. Простой вид умышленного уничтожения или повреждения указанного имущества (ч. 1 ст. 98 УК РСФСР) предполагало его умышленное уничтожение или повреждение, совершенное способом, не являющимся общеопасным, и при этом не повлекшим человеческих жертв, крупного ущерба или иных тяжких последствий.

Объектом уничтожения или повреждения имущества являлись государственная или общественная собственность [1, с. 64]. Предметом преступления могло быть любое государственное или общественное имущество (кроме предметов, разрушение или повреждение которых было предусмотрено специальными нормами, например: ст. 86, 168, 205, 230 УК РСФСР), а также лесные массивы, если в результате небрежного обращения с огнем или источником повышенной опасности был вызван лесной пожар. Как и применительно к ранее существовав-

шим нормам, так и к современному вандализму, под повреждением имущества Уголовным кодексом 1961 г. понималось такое обращение с ним, в результате которого оно полностью или частично перестает отвечать своему назначению, но впоследствии может быть восстановлено.

В соответствии с уголовным законом того времени основным объектом хулиганства являлся общественный порядок, т. е. совокупность общественных отношений, установленных в государстве, основанных на правилах социалистического общежития и определяющих поведение людей в процессе общественной жизни. В зависимости от степени общественной опасности хулиганских действий советское законодательство различало четыре вида хулиганства: мелкое хулиганство (административно-правовое нарушение); уголовно-наказуемое «простое» хулиганство (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР); злостное хулиганство, т. е. совершенное при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР); особо злостное хулиганство, т. е. совершенное при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 206 УК РСФСР).

Общепринятой была позиция, что под злостным хулиганством, предусмотренным ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, понималось, в частности, хулиганство, отличающееся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью. При этом особо дерзкое хулиганство могло быть совершено путем повреждения государственного или общественного имущества. Таким образом, в соответствии с Уголовным кодексом 1961 г. хулиганские действия могли быть связаны с повреждением имущества и, по общему правилу, уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 98 УК РСФСР) личного имущества граждан, совершенное в про-

цессе хулиганских действий, охватывалось составом хулиганства [12, с. 342]. Однако хулиганство, соединенное с уничтожением имущества государственного или общественного имущества в крупных размерах или при других обстоятельствах, предусмотренных в ч. 2 ст. 98 УК РСФСР, надлежало квалифицировать по совокупности данных норм, т. к. последняя предусматривала более тяжкое, чем хулиганство, преступление.

Сходным образом определяли современный вандализм и уголовные кодексы республик Советского Союза: ст. 89 УК Украинской ССР, ст. 90 УК Киргизской ССР, ст. 101 УК Туркменской ССР, ст. 96 УК Армянской ССР, ст. 99 УК Литовской ССР, ст. 95 УК Латвийской ССР и др. Разумеется, уголовные кодексы союзных республик занимали важное место в борьбе с надругательством над общественным имуществом или его повреждением.

Но следует отметить, что не всякое повреждение государственного или общественного имущества влекло за собой ответственность по указанным нормам. Некоторые деяния, являющиеся по своей сути таковыми, выделялись в отдельные составы преступлений, предусмотренные статьями других глав Особенной части: в частности, повреждение транспортных средств было предусмотрено в качестве самостоятельной нормы как государственное преступление.

В отличие от позиции предшественников правоведы второй половины XX в. отмечали, что если повреждение (порча имущества. – *Авт.*) сопровождалось нарушением общественного порядка и выражало явное неуважение к обществу, то его следовало рассматривать как хулиганство [13, с. 441]. Под действиями, заключающимися в проявлении явного неуважения к обществу, следовало понимать уничтожение, повреждение (порчу)

украшений улиц и домов [14, с. 480–481]. К группе хулиганских действий следовало относить и те, которые выражались в осквернении или надругательстве над общественными местами, памятниками или предметами, служащими символами власти, если эти деяния не были предусмотрены специальным законом [15, с. 78]. Хулиганские действия, связанные с повреждением государственного или общественного имущества, равно как и современный вандализм, находили выражение в поломке телефонов-автоматов, битье стекол в витринах и т. п. [16, с. 28]

Однако действия, подпадающие под объективные признаки современного вандализма, в советский период развития уголовного законодательства могли рассцениваться не только как повреждение государственного или общественного имущества или как хулиганство. В случае нанесения лицом на здания или сооружения надписей политического характера, его деяния рассматривались как антисоветская агитация, наказуемая в соответствии со специальной нормой Уголовного кодекса.

Развитие законодательства шло вперед и вносило свои положительные коррективы в формулирование положений, касающихся уголовной ответственности за осквернение, порчу имущества.

Так, в частности, в начале 80-х годов прошлого века в Уголовном кодексе Казахской ССР диспозиция ст. 82 уже более четко закрепляла то, что наряду с повреждением общественного имущества уголовно наказуема и умышленная порча (а не просто повреждение. – *Авт.*) жилых и нежилых помещений и коммунального оборудования в государственных и кооперативных домах. Таким образом, законодатель не только акцентировал внимание наряду с повреждением имущества и на его порче (о чем раньше лишь под-

разумевалось. – *Авт.*), но более четко определял предмет посягательства.

Впервые же о вандализме как самостоятельной уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за осквернение зданий и иных сооружений, а также порчу имущества на общественном транспорте и в иных общественных местах, заговорили в 90-х годах на стадии разработки нового Уголовного кодекса. В Проекте УК РФ появилась ст. 217 «Вандализм», которая впоследствии и вошла в содержание окончательного варианта Уголовного кодекса 1996 г. [17]

Статья 214 УК РФ 1996 г. впервые дает развернутое законодательное определение вандализма, под которым понимаются осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Состав вандализма включен в УК РФ 1996 г. в главу, объединяющую преступления против общественной безопасности и общественного порядка. На наш взгляд, помещение состава вандализма среди указанных преступлений является наиболее правильным и основывается на том, что главный объект вандализма – общественный порядок.

Таким образом, пройдя долгий этап становления, рассматриваемая нами норма заняла должное место в структуре уголовного закона.

Список литературы

1. Уголовный кодекс. Текст с постановочно-систематизированным материалом законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения пленума Верховного Суда, кассационная практика и проч.) / предисл. Д. И. Курский. М.: Изд. Моск. Губернского Суда, 1924. 909 с.

2. Уголовный кодекс: научно-популярный практический комментарий /

под ред.: М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина. М.: Право и Жизнь, 1925. 460 с.

3. Рабочая Москва. 1923. № 148.

4. Уголовное право. Особенная часть: Государственные преступления / А. А. Герцензон, В. Д. Меньшагин, Б. С. Ошерович [и др.]. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 160 с.

5. Карницкий Д., Рогинский Г. Уголовный кодекс РСФСР. 8-е изд. М.: ОГИЗ, 1936. 264 с.

6. Кожевников М. Как советская власть борется с хулиганством. М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926. 16 с.

7. Уголовный кодекс: научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 года / М. М. Гродзинский, А. А. Жижиленко, Б. Н. Змиев [и др.]; ред. и сост.: М. Н. Гернет, А. Н. Трайнин. М.: Право и Жизнь, 1927. 390 с.

8. Уголовное право / сост. З. А. Вышинская [и др.]; под ред. И. Т. Голякова. Изд. 2-е, доп. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 358 с.

9. Бюллетень НКВД. 1923. № 25.

10. Уголовный кодекс СССР. Проект. М., 1955. 91 с.

11. Курс советского уголовного права Часть особенная. Т. 3 / отв. ред.: Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 836 с..

12. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М.: Наука, 1970. 516 с.

13. Уголовный кодекс Украинской ССР: научно-практический комментарий / Н. Ф. Антонов, М. И. Бажанов, Я. М. Брайнин [и др.]; под общ. ред. В. И. Зайчук. Киев: Политиздат Украины, 1969. 543 с..

14. Уголовное право / Н. И. Загородников, Н. Ф. Кириченко [и др.]; под ред. Н. И. Загородникова. М.: Юрид. лит., 1969. 528 с.

15. Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.

16. Жогин И. В. Борьба с хулиганством – дело всех и каждого. М.: Юрид. лит., 1967. 64 с.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации (Особенная часть): [проект]. М.: Изд-во МЮ РФ, 1994. 58 с.

Поступила в редакцию 21.08.18

UDC 343.3

O. S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru)

COMBATING VANDALISM: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS (1922–1996)

This article provides a historical analysis of the Russian criminal law on liability for criminal attacks, expressed in the desecration or damage to someone else's property, since 1922 until the adoption of the Criminal code of 1996.

Vandalism in its criminal-legal concept, which is widespread in modern Russia, requires increased attention from society and the state. In this regard, it is quite reasonable to include in the Criminal code of the Russian Federation of 1996 an independent rule providing for liability for desecration of buildings and structures, damage to property on public transport or other public places. At the same time, the practical aspect of the study of article 214 "Vandalism" of the Criminal code is to a large extent complicated by various shortcomings and contradictions in the legislation and theory, determined largely by the lack of historical experience in the application of this crime. Despite the fact that in the Soviet legislation we will not find a definition of vandalism in the modern sense (i.e. enshrined in article 214 of the Criminal code), the responsibility for the desecration or damage to property has always existed. The absence in the criminal law of responsibility for acts of vandalism in the form of an independent norm did not mean that the

persons who committed essentially vandal acts (as we interpret them at present) remained unpunished: responsibility for actions expressed in damage and (or) desecration of public property has always existed. All this makes it possible to say that the state has paid enough due attention to the fight against this kind of manifestations. The analysis of normative material and doctrinal sources revealed the main trends in the development of legislation in this area.

Key words: vandalism, crimes against public order, desecration of buildings and structures, damage to property.

For citation: Pashutina O. S. Combating vandalism: historical and legal analysis (1922–1996). Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 109–115 (in Russ.).

***

References

1. Ugolovnyj kodeks. Tekst s postatejno-sistematizirovannym materialom zakonodatelnogo i vedomstvennogo haraktera (dekrety, instrukcii, cirkulyary, raz'yasneniya plenuma Verhovnogo Suda, kassacionnaya praktika i proch.); ed. by D. I. Kurskij. Moscow, Izd. Mosk. Gubernskogo Suda, 1924. 909 p.
2. Ugolovnyj kodeks: nauchno-populyarnyj prakticheskij kommentarij; ed. by M. N. Gernet, A. N. Trajnin. Moscow, Pravo i Zhizn' Publ., 1925. 460 p.
3. Rabochaya Moskva, 1923, no. 148.
4. Gercenzon A. A., Men'shagin V. D., Osherovich B. S., eds. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. Gosudarstvennye prestupleniya. Moscow, Yurid. izd-vo NKYSU SSSR, 1938. 160 p.
5. Karnickij D., Roginskij G. Ugolovnyj kodeks RSFSR. 8th ed. Moscow, OGIZ Publ., 1936. 264 p.
6. Kozhevnikov M. Kak sovetskaya vlast' boretsya s huliganstvom. Moscow, Yurid. izd-vo Narkomyusta RSFSR, 1926. 16 p.
7. Grodzinskij M. M., Zhizhilenko A. A., Zmiev B. N., eds. Ugolovnyj kodeks: Nauchno-populyarnyj prakticheskij kommentarij s dopolneniyami i izmeneniyami po 15 avgusta 1927 goda; ed. by M. N. Gernet, A. N. Trajnin. Moscow, Pravo i Zhizn' Publ., 1927. 390 p.
8. Vyshinskaya Z. A., eds. Ugolovnoe pravo; ed. By I. T. Golyakov. 2th ed. Moscow, Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1947. 358 p.
9. Byulleten' NKVD, 1923, no. 25.
10. Ugolovnyj kodeks SSSR. Proekt. Moscow, 1955. 91 p.
11. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava Chast' osobennaya. Vol. 3; ed. by N. A. Belyaev, M. D. Shargorodskij. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-t Publ., 1973. 836 p.
12. Piontkovskij A. A. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Moscow, Nauka Publ., 1970. 516 p.
13. Antonov N. F., Bazhanov M. I., Brajnin Ya. M., eds. Ugolovnyj kodeks Ukrainskoj SSR: Nauchno-prakticheskij krmmentarij; ed. by V. I. Zajchuk. Kiev, Politizdat Ukrainy Publ., 1969. 543 p.
14. Zagorodnikov N. I., Kirichenko N. F., eds. Ugolovnoe pravo; ed. by N. I. Zagorodnikov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1969. 528 p.
15. Matyshevskij P.S. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv obshchestvennoj bezopasnosti, obshchestvennogo poryadka i zdorov'ya naseleniya. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1964. 158 p.
16. Zhogin I. V. Bor'ba s huliganstvom – delo vsekh i kazhdogo. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967. 64 p.
17. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (Osobennaya chast'): [proekt]. Moscow, MYU RF Publ., 1994. 58 p.

УДК 343.14

О. С. Пашутина, канд. юрид. наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru)

А. М. Калущих, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: a.m.kalutskikh@inbox.ru)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТРЕБОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В уголовно-процессуальном законе России, ввиду внесенных изменений и дополнений в его содержание, институт сведущих лиц, а также нормы, касающиеся порядка использования специальных знаний правоприменителем, получили несколько новую интерпретацию, что, в свою очередь, создало необходимые предпосылки для более активного участия указанных субъектов в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем в настоящее время правовая регламентация процессуального статуса сведущего лица, порядка его участия в производстве по уголовному делу и применения специальных знаний и навыков в уголовном судопроизводстве не безупречна, вследствие чего процесс нормативного регулирования использования института специальных знаний нельзя признать завершенным. Существующие в ней недостатки и пробелы привели к неоднозначному толкованию и применению органами предварительного расследования и судом соответствующих правовых норм, к ошибкам при производстве следственных (судебных) действий и принятии процессуальных решений.

В представленной статье рассмотрен вопрос, касающийся несовершенства законодательного регулирования процедуры получения заключения специалиста и его оценки, обращено внимание на связанные с этим трудности правоприменения, проведен сравнительный анализ отечественного уголовно-процессуального законодательства и Республики Казахстан в части, относящейся к теме исследования.

Обобщение нормативного материала, доктринальных толкований и анализ судебно-следственной практики (как опубликованной, так и лично изученной автором) позволили выявить существующие в настоящее время проблемы законодательного регулирования привлечения специалиста к участию в судопроизводстве, сформулировать предложения по дальнейшему развитию отечественного уголовно-процессуального закона в части регламентации процедуры использования специальных знаний, которые могут способствовать выработке единообразного его применения, эффективному использованию правоприменителем возможностей рассматриваемого института и надлежащему обеспечению гарантий соблюдения прав граждан, попавших в сферу уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специальные знания, специалист, заключение специалиста, оценка доказательств.

Ссылка для цитирования: Пашутина О. С., Калущих А. М. Проблемные аспекты истребования заключения специалиста в российском уголовном судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 116–122.

***

В настоящее время использование знаний специалиста значительно расширяет возможности компетентных должностных лиц и государственных органов при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел. Отечественный законодатель в данной части предоставил правоприменителю достаточный инструментарий для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Но несмотря на положительные шаги законодателя, в то же время процесс норматив-

ного регулирования использования института специальных знаний, как в целом, так и его составляющих, нельзя признать завершенным.

В уголовно-процессуальной доктрине общепризнанной является позиция, согласно которой к процессуальным формам использования специальных знаний относятся консультации и заключения специалиста [1, с. 15]. Процессуальное закрепление разъяснений специалиста, которые он дает сторонам и суду по

вопросам, входящим в его компетенцию, может иметь место как в форме устных ответов на задаваемые вопросы, которые должны фиксироваться в протоколе его допроса, так и в форме его письменного заключения, которое в соответствии с п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ имеет самостоятельное доказательственное значение. В научных исследованиях всегда подчеркивалось, что заключение специалиста позволяет выявлять обстоятельства, которые бы без соответствующих разъяснений сведущего лица могли остаться вне поля зрения правоприменителя [2].

Вместе с тем использование заключения специалиста не получило надлежащего распространения в судебно-следственной практике (на это неоднократно указывали исследователи [3, с. 116], данный факт подтверждается и анализом лично изученных выборочных материалов 110 уголовных дел, возбужденных и рассмотренных судами, находящихся в производстве правоохранительных органов г. Курска за период 2017 – первые шесть месяцев 2018 г.). Это связано с тем, что если в настоящее время ст. 195 УПК РФ регулирует порядок назначения экспертизы, который заключается в том, что следователь выносит специальное постановление о назначении судебной экспертизы, то процедура истребования заключения специалиста не получила должной правовой регламентации. Не стоит обвинять правоприменителя в «пассивности», т. к., к сожалению, сам законодатель не дает в большей степени такой возможности из-за неурегулированности процессуального порядка получения данного вида доказательств.

Одним из требований процессуальной формы является правило о том, чтобы практически все принятые в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел решения были письменно закреплены в соответствующих процессуальных до-

кументах. Содержание и форма решения, закрепленные в законе, предоставляют возможность судить о том, соблюдены ли правила процессуальной формы при производстве конкретного действия, соответствует ли решение правоприменителя фактическому и юридическому основанию его принятия. Однако отсутствие надлежащей процессуальной регламентации истребования и получения заключения специалиста, в том числе и прямого указания в законе на необходимость облечения решения об истребовании заключения специалиста в форму постановления, влекут за собой исключение возможности последующей проверки законности, обоснованности и мотивированности данного решения. Рассматриваемый законодательный пробел является недопустимым и с точки зрения обеспечения гарантий прав и законных интересов граждан, попавших в сферу уголовного судопроизводства, ущемляет права и законные интересы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, свидетеля. Одной из причин нежелания российского правоприменителя использовать в процессе доказывания по уголовным делам заключения специалиста является так же и то, что в УПК РФ не определено и само содержание заключения специалиста, что надлежит признать существенным пробелом процессуального закона, создающим вполне определенные трудности в оценке его допустимости как доказательства. Отметим, что с большой неохотой в этой связи дают свое согласие и специалисты на дачу таких заключений.

Все вышеизложенное приводит к тому, что не только сам правоприменитель старается как можно реже прибегать к истребованию заключения специалиста, но и сами специалисты относятся с опасением к даче заключений по вопросам, которые ставят перед ними должностные

лица и государственные органы, осуществляющие расследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел.

Обратимся к зарубежному опыту. Так, законодатель Республики Казахстан в ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РК) не только закрепляет определение заключения специалиста, порядок его истребования, но и определяет его реквизиты [4].

В соответствии с ч. 1 данной статьи, после производства необходимых исследований специалист от своего имени составляет письменное заключение и удостоверяет его своей подписью. Письменное заключение специалиста, составленное сотрудником уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан, заверяется печатью указанного подразделения. Заключение специалиста может быть оформлено в виде электронного документа. Порядок назначения исследования, подготовки сообщения о невозможности дачи заключения, права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и его представителя, свидетеля, защитника при назначении и производстве исследования, гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводится исследование, право участников процесса на присутствие при производстве исследования, правовые требования к объектам исследования, порядок и правовые последствия предъявления подозреваемому, потерпевшему заключения специалиста, основания и порядок получения образцов для исследования устанавливаются гл. 34, 35 УПК РК, регламентирующими получение образцов и порядок назначения и производства судебной экспертизы, с учетом особенностей производства исследования специалистом.

В соответствии с ч. 3 ст. 117 УПК РФ, в заключении специалиста должны быть указаны:

- дата его оформления, сроки и место производства исследования;
- реквизиты протокола следственного действия, к которому прилагается заключение специалиста, сведения о специалисте, который проводил исследование;
- отметка, удостоверенная подписью специалиста о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед специалистом;
- объекты исследования, их состояние, упаковка, скрепление печатью;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; оценка результатов проведенных исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным перед специалистом вопросам. При этом все материалы, иллюстрирующие заключение специалиста (к которым могут относиться фототаблицы, схемы, графики, таблицы и другие материалы), удостоверенные в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 117 УПК РК, в обязательном порядке прилагаются к заключению и являются его составной частью. Кроме того, к заключению также должны быть приложены оставшиеся после исследования объекты, в том числе образцы (ч. 4). Нельзя не отметить, что такая четкая регламентация реквизитов заключения специалиста обеспечивает возможность надлежащей оценки такого заключения и использования его правоприменителем в процессе доказывания.

На наш взгляд, в целях выработки единообразного подхода к истребованию и оценке заключения специалиста, обеспечения надлежащего соблюдения прав и законных интересов участников судопро-

производства, повышению эффективности использования знаний специалиста при расследовании, рассмотрении и разрешении конкретного уголовного дела, российскому законодателю следует обратить пристальное внимание на опыт и позицию законодателя Казахстана. В данном случае интеграция положительного опыта правового регулирования в изучаемой нами области во внутреннее законодательство России представляется весьма обоснованной и соответствующей реалиям и потребностям российского общества.

Учитывая негативные последствия отсутствия правовой регламентации процедуры получения заключения специалиста в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, законодателю, на наш взгляд, надлежит незамедлительно устранить созданную им же проблему. Восполнить существующий пробел можно путем закрепления в законе соответствующего алгоритма действий правоприменителя по получению указанного доказательства, который, в свою очередь, может быть во многом аналогичен элементам процедуры назначения и производства судебной экспертизы, закрепленным в ст. 195, 198, 199, 204, 205, 206 УПК РФ с соответствующими изъятиями. В частности, как нами уже отмечалось ранее, в случаях, когда в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела, требуется получение заключения специалиста, решение о его привлечении в уголовный процесс надлежит облекать в форму соответствующего постановления или определения [5, с. 156]. Наличие данного уголовно-процессуального акта обеспечит возможность участникам процесса ходатайствовать о постановке вопросов перед специалистом, реализовать право на заявление отвода и т. д. Кроме того, существует и практическая потребность закрепления в

УПК РФ четкого перечня реквизитов заключения специалиста. Необходимость фиксации российским законодателем перечня сведений, которые должны содержаться в данном документе (с учетом роли, выполняемой специалистом в отечественном уголовном судопроизводстве), обусловлена не столько (и не только) тем, что это будет способствовать выработке единообразного, эффективного применения закона, но и тем, что это позволит заключению специалиста в полной мере выполнять свою «роль» самостоятельно, полноценного доказательства.

В свою очередь, мы полагаем, что к реквизитам данного документа законодатель должен отнести:

- дату, время и место составления заключения специалиста;
- основания истребования заключения специалиста;
- указание на должностное лицо, истребующее заключение;
- сведения о специалисте (фамилия, имя и отчество специалиста, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность) и учреждении, где он работает;
- сведения о предупреждении специалиста об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- объекты и материалы, представленные специалисту;
- вопросы, поставленные перед специалистом;
- высказанные специалистом суждения по поставленным перед ним вопросам и их обоснование.

Должна ли присутствовать в заключении специалиста исследовательская часть? Мы попытаемся дать ответ через призму дискуссии о том, имеет ли право специалист производить исследование, на основе которого он сформулирует ответы на поставленные перед ним вопросы.

Опираясь на работы исследователей, посвященные изучению участия специалиста в уголовном судопроизводстве, мы можем выделить два основных подхода к определению его полномочий при даче заключения. Одни из них склоняются к мысли о том, что отличительным признаком заключения специалиста выступает невозможность проведения им каких-то ни было исследований по поставленным сторонами вопросам, т. к. в противном случае стирается грань между экспертным исследованием и деятельностью специалиста [6, с. 173; 7, с. 159; 8, с. 188; 9, с. 21–27; 10, с. 39]. Специалист, как, в частности, утверждал Ю. Орлов, дает заключение по вопросам, хотя и требующим специальных знаний, но ответить на которые можно без проведения исследований (вопросы справочного характера) [6, с. 173].

Приверженцы второй позиции утверждают, что специалист вправе производить исследования, ход которых должен быть отражен в его заключении [11; 12]. При этом некоторые допускают, что проведение исследования не является обязательным для специалиста, который может ограничиться лишь суждением на основе профессиональных знаний о закономерностях соответствующей науки [13, с. 70], а другие акцентируют внимание на том, что в полномочия специалиста должны входить только относительно простые диагностические и диагностико-классификационные исследования (все идентификационные и сложные диагностические исследования, а равно исследования, требующие длительного времени и лабораторных условий, должны быть отданы на откуп эксперту) [14; 15]. На наш взгляд, аргументы сторонников данного подхода более состоятельны. Таким образом, исследование – неотъемлемая часть деятельности специалиста,

содержание которой должно быть отражено в его заключении.

Восполнение указанных нами законодательных пробелов представляется весьма актуальным как для практических целей, так и для всего дальнейшего совершенствования законодательного регулирования в целях повышения эффективности использования специальных знаний при производстве по уголовным делам, а равно предотвращения возможности со стороны правоприменителя постановления неправосудных приговоров и вынесения незаконных решений. Смеем надеяться, что исследования в области применения специальных знаний в форме участия специалиста при производстве по уголовным делам будут должным образом восприняты законодателем и, тем самым, проблемы, возникающие в настоящее время в деятельности судебно-следственных органов, будут разрешены.

Список литературы

1. Теория судебной экспертизы / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма, 2009. 384 с.
2. Маркова Т. Ю. Некоторые проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 23–26.
3. Дьяконова О. Г. Заключение и показания эксперта и специалиста // Бизнес в законе. 2008. №1. С. 114–116.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V [Электронный ресурс]: [с изм. и доп. по состоянию на 12.07.2018 г.]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 18.06.2018).
5. Пашутина О. С. Пробелы нормативного регулирования института специальных знаний в уголовном процессе

России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1, ч. 2. С. 154–158.

6. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175.

7. Соловьёв А. Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М.: Юрлитинформ, 2008. 288 с.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. 2-е изд. М.: Спарк, 2004. 1150 с.

9. Быков В. М. Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. С. 21–27.

10. Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. 2005. № 6. С. 39–40.

11. Баранов А. М., Супрун С. В. Заключение специалиста – новый способ

собирания доказательств // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С. 24–28.

12. Захохов З. Ю. Понятие и содержание заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №2. С. 319–321.

13. Кронов Е. В. Заключение специалиста в деятельности защитника // Адвокат. 2009. № 11. С. 64–73.

14. Еремин С. Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 24 с.

15. Петрухина А. Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.

Поступила в редакцию 02.09.18

UDC 343.14

O. S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru)

A. M. Kalutskikh, Senior Lecturer, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: a.m.kalutskikh@inbox.ru)

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE RECLAMATION OF THE CONCLUSIONS OF THE SPECIALIST IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

In the criminal procedure law of Russia, in view of the changes and additions to its content, the Institute of competent persons, as well as rules relating to the use of special knowledge by the law enforcement officer, received a somewhat new interpretation, which in turn created the necessary prerequisites for more active participation of these subjects in criminal proceedings.

At the same time, at the present time the legal regulation of the procedural status of a competent person, the order of his participation in criminal proceedings and the use of special knowledge and skills in criminal proceedings is flawed, so that the process of normative regulation of the use of the Institute of special knowledge can not be considered complete. Its shortcomings and gaps have led to a mixed interpretation and application by the preliminary investigation bodies and the court of the relevant legal norms, to errors in the conduct of investigative (judicial) actions and the adoption of procedural decisions.

The article deals with the issue of imperfection of the legislative regulation of the procedure for obtaining a specialist's opinion and its assessment, draws attention to the related difficulties of law enforcement, a comparative analysis of the domestic criminal procedure legislation and the Republic of Kazakhstan, in the part related to the research topic.

Generalization of normative material, doctrinal interpretations and analysis of judicial and investigative practice (both published and personally studied by the author) allowed to identify the current problems of legislative regulation

of the involvement of a specialist to participate in the proceedings, to formulate proposals for the further development of the domestic criminal procedure law, in terms of the regulation of the procedure for the use of special knowledge, which can contribute to the development of its uniform application, the effective use by the law enforcement officer of the capabilities of the institution in question and the proper provision of guarantees of the rights of citizens in the sphere of criminal proceedings.

Key words: *criminal proceedings, special knowledge, specialist, expert opinion, evaluation of evidence.*

For citation: Pashutina O. S., Kalutskikh A. M. Problematic aspects of the reclamation of the conclusions of the specialist in russian criminal proceedings. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 116–122 (in Russ.).

***

References

1. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M., eds. *Teoriya sudebnoj ehkspertizy*; ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow, Norma Publ., 2009. 384 p.
2. Markova T. Yu. *Nekotorye problemy ispol'zovaniya v ugovolnom processe zaklyucheniya specialist. Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2010, no. 1, pp. 23–26.
3. D'yakonova O. G. *Zaklyucheniya i pokazaniya ehksperta i specialist. Biznes v zakone*, 2008, no. 1, pp. 114–116.
4. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 goda No 231-V: [s izm. i dop. po sostoyaniyu na 12.07.2018 g.]*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (accessed 18.06.2018).
5. Pashutina O. S. *Probely normativnogo regulirovaniya instituta special'nyh znaniy v ugovolnom processe Rossii. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2012, no. 1, pt. 2, pp. 154–158.
6. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom processe*. Moscow, Yurist" Publ., 2009. 175 p.
7. Solov'ev A. B. *Problemnnye voprosy dokazyvaniya, vznikayushchie v processe rassledovaniya prestuplenij pri primenenii UPK RF*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2008. 288 p.
8. *Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii*; ed. by V. M. Lebedev; V. P. Bozh'ev. 2th ed. Moscow, Spark Publ., 2004. 1150 p.
9. Bykov V. M. *Zaklyuchenie specialista. Zakonnost'*, 2004, no. 9, pp. 21–27.
10. Temiraev O. *Kompetenciya specialista. Zakonnost'*, 2005, no. 6, pp. 39–40.
11. Baranov A. M., Suprun S. V. *Zaklyuchenie specialista – novyj sposob sobiraniya dokazatel'stv. Vestnik OGU*, 2005, no. 3, pp. 24–28.
12. Zahohov Z. Yu. *Ponyatie i sodержanie zaklyucheniya specialista v ugovolnom sudoproizvodstve. Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2011, no. 2, pp. 319–321.
13. Kronov E. V. *Zaklyuchenie specialista v deyatel'nosti zashchitnika. Advokat*. 2009, no. 11, pp. 64–73.
14. Eremin S.N. *Zaklyuchenie specialista kak novyj vid dokazatel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve: Ugolovno-processual'noe i kriminalisticheskoe issledovanie. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Krasnodar*, 2004. 24 p.
15. Petruhina A.N. *Zaklyuchenie i pokazaniya ehksperta i specialista kak dokazatel'stva v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve Rossii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Moscow*, 2009. 22 p.

УДК 343.2

С. С. Жукова, адъюнкт, Волгоградская академия МВД России (Волгоград, Россия)
(e-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru)

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГРУППОВОЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С целью выявления и исследования истоков возникновения пробелов в уголовном законодательстве, регламентирующем институт соучастия, необходимо проанализировать исторические условия, при которых принимались соответствующие нормативные правовые акты. В первую очередь в статье рассмотрены нормы уголовного законодательства Российской империи, регламентирующие ответственность за групповое совершение преступлений. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в современной России наблюдается рост преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями). Российское законодательство до исторических событий XVII века закрепляло положения института соучастия лишь отчасти. Формирование соучастия как правового института в российском уголовном законодательстве наблюдается в период принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и дальнейшего его развития в Уголовном уложении 1903 года. Уголовное законодательство Российской империи характеризовалось последовательным становлением и закреплением регламентации форм групповой преступной деятельности. Стоит отметить преемственность анализируемых источников уголовного законодательства. Положения о групповых преступных формированиях, разработанные в дореволюционном периоде развития общества, актуальны и для современного института соучастия. Законодательные определения группового совершения преступлений в уголовном законодательстве XVII–XIX веков являются базовой основой современного института соучастия. К началу XX века уголовное законодательство России включало в себя формы групповой преступной деятельности, подобные современному уголовному праву. К принятию современного Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года законодатель уже обладал неким опытом законодательного закрепления положений групповых формирований в нормативно-правовом акте.

Ключевые слова: институт соучастия, уголовное законодательство, формы соучастия, группа, скуп, заговор, шайка, сообщество, организация.

Ссылка для цитирования: Жукова С. С. Развитие уголовного законодательства Российской империи, регламентирующего ответственность за групповое совершение преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 123–130.

***

Организованная преступность признается одной из угроз национальной безопасности, причиняющей наибольший вред конституционному строю Российской Федерации, правам и свободам человека и гражданина, государственной и частной собственности, общественному порядку и общественной безопасности [1]. В настоящее время в Российской Федерации наблюдается рост организованной преступности. Согласно статистическим данным МВД России, за период с января по декабрь 2017 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 12,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+6,5% к аналогичному периоду прошлого года), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,0% в 2016 г. до

5,8% [2]. Вышеуказанные данные позволяют сделать вывод о том, что организованная преступность продолжает оставаться одной из наиболее опасных тенденций современного криминального мира.

Правильное уяснение сущности института соучастия в значительной степени зависит от анализа его исторической судьбы. Совершение групповых преступлений на протяжении всего развития государства характеризовалось повышенной общественной опасностью; соответственно, законодатель искал адекватные способы реагирования на противоправные действия, совершенные в соучастии. Становление и развитие данного института нельзя рассматривать, абстрагируясь от исторических условий, поэтому преж-

де всего необходимо рассмотреть историческую специфику того или иного периода развития общества, под влиянием которого складывалось уголовное законодательство.

Предпосылки становления института соучастия обнаружены еще в древнерусском законодательстве. Так, в соответствии со ст. 31 краткой редакции «Русской Правды» совершение групповых преступлений представляло повышенную общественную опасность: «А иже крадеть любо кон(ь), любо волю, тот клеть, а еще будет един крал, то гривну и 30 резан платит ему; или их будет 18, то по три гривне и по 30 резан платит мужеву» [3, с. 47]. Нормы Судебников 1497 и 1550 годов предусматривали дифференциацию ответственности в зависимости от вида совершенного лицом преступления: «А государьскому убойце, и градскому здавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалкину, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити ево смертною казнью» [4, с. 108]. Регламентация различных видов преступных групповых формирований впервые нашла отражение в законодательстве Российской империи. Эпоха петровских реформ характеризовалась становлением абсолютной монархии. Стоит отметить, что в период царствования Петра I преступность значительно возросла. Так, например, преступники, состоящие из беглых солдат, собирались скопом и совершали грабежи и разбои. В Тверском уезде из-за деятельности преступных шаек остановились денежные и хлебные сборы, а также рекрутский набор [5, с. 396].

При обострении классовой и сословной борьбы укрепление института неограниченной власти монарха являлось главной целью законодательства. Наибольший интерес из принятых Петром I юридических актов для нас представляет

Артикул воинский от 26 апреля 1715 г., который сыграл немалую роль в развитии института соучастия. Указанный правовой памятник предусматривал наказание не только за военные преступления, но также включал в себя нормы, регламентирующие ответственность за совершенные политических и общеуголовных преступлений. Т. А. Чернявская отмечает, что в этот период уголовное законодательство было хаотичным, т. к. нормы Артикула воинского действовали наряду с нормами Соборного уложения 1649 г., а также с указами XVI–XVII вв. и уголовно-правовыми уставами. Данные законодательные акты зачастую противоречили друг другу из-за отсутствия согласованности между собой. В силу этого судам при вынесении решения приходилось ссылаться на несколько правовых источников данного периода [6, с. 4].

Ввиду того, что Артикул воинский лишь отчасти касался института соучастия (определял виды соучастников), для целей нашего исследования необходим анализ и Соборного уложения 1649 г. (далее – Уложение 1649 г.). Данный нормативный правовой акт регламентировал ответственность за преступные групповые формирования.

В период времени до принятия Уложения 1649 г. Российской империи были известны случаи совершения групповых преступлений, ярким примером которых могут служить московские восстания 1648 г. Однако на тот момент законодательно преступления, совершенные в соучастии, не были определены. В связи с этим при составлении Уложения 1649 г. из Литовского статута были заимствованы такие термины, как «скоп» и «заговор», объединявшие индивидуальный умысел против государя с коллективным и даже массовым умыслом, возникающим в условиях народного мятежа [7, с. 62]. Так, ст. 18–19 гл. II Уложения

1649 г. закрепляли групповые формирования «скоп и заговор». Под ними понималась толпа, объединенная предварительным соглашением [8, с. 265]. Г. Г. Тильберг отмечает: «грозный поток массового народного движения, промчавшийся перед глазами законодателя, прямо вдохновил его на три последних статьи второй главы» [7, с. 56]. Данные нормы Уложения регламентировали ответственность за деяния, посягающие на должностных лиц, совершенные в составе «скопа и заговора» (ст. 20–22 гл. II) [8, с. 266]. Наряду с этим Уложение 1649 г. содержало норму, которая регламентировала ответственность за групповое корыстно-насильственное преступление: «А будет кто придет к кому-нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысла воровски, и учинит на тем, к кому он придет или над его женою, или над детьми, или над людьми смертное убийство...» (ст. 198 Уложения 1649 г.) [8, с. 134].

Е. В. Епифанова указывает, что «институт соучастия в Уложении 1649 г. был разработан настолько детально, что в последующем уголовно-правовая доктрина советского права не внесла ничего принципиально нового в определении основных признаков соучастия» [9, с. 26]. С данными выводами можно согласиться лишь отчасти. Несмотря на то, что в Уложении 1649 г. впервые были отображены два преступных групповых формирования, которые характеризовались коллективными действиями лиц с целью совершения преступлений, однако многие вопросы о групповом совершении преступлений находились еще на начальном этапе разработки. Многие ученые отмечали, что Уложение 1649 г. оказало огромное влияние на развитие российского права [10].

Дальнейшее развитие института соучастия прослеживается в первой поло-

вине XIX в. Период распада феодально-крепостнической системы и зарождения капитализма в России характеризуется формированием нового этапа в развитии правовой мысли. Восстание декабристов заставило императора Николая I задуматься о причинах движения против самодержавия. При изучении материалов судебного дела с целью найти истоки заговора император оценил реальное положение дел в стране. В связи с этим были предприняты меры по предотвращению новых протестных движений [11, с. 167–172]. В 1845 г. императором Николаем I было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение 1845 г.), действовавшее до 1917 г. Этот документ сыграл огромную роль в развитии института соучастия. Необходимость нового кодифицированного законодательства не вызывала сомнений, буржуазные отношения порождали более масштабный рост преступности в стране [9, с. 32]. В Общей части Уложения 1845 г. формы соучастия впервые разделялись на две категории: без предварительного сговора (скоп) и по предварительному сговору (заговор). В Особенной части Уложения регламентировалась ответственность за «составление злонамеренных шаек», при этом шайка относилась к разновидности соучастия по предварительному сговору.

Группа лиц без предварительного сговора признавалась таковой, когда в ней участвовали главные виновники – те, которые распоряжаются или руководят действиями других, и участники – те, которые непосредственно помогали главным виновникам и доставляли средства преступления или устраняли препятствия (ст. 12 Уложения 1845 г.) [12, с. 22]. Скоп полностью не отрицал соглашения между соучастниками. Главным отличием от заговора выступало отсутствие предварительного соглашения, которое трактовалось

лось как заранее обдуманное намерение на совершение преступления [13, с. 79].

Следующим групповым формированием понималась группа лиц по предварительному сговору (заговор). В соответствии со ст. 13 Уложения 1845 г. группа признавалась «заговором» в том случае, если в ней участвовали: главные виновники, состоящие из зачинщиков (те, которые заранее умышляли содеянное преступление, склонили других и в последующем управляли ими при совершении преступления или покушении на него); сообщников (те, которые согласились с зачинщиком или с другими виновниками совершить преступление); подговорщиков или подстрекателей (те, которые не участвовали в совершении преступления, но выполняли просьбы или кого-либо подкупали, обманывали, склоняли и т. д.), а также наряду с ними участвовали пособники (те, которые также прямо не участвовали при совершении преступления, но оказывали разного рода содействие для достижения преступного результата) [12, с. 23].

Необходимо отметить, что в Уложении 1845 г. имелась специальная норма, предусматривающая ответственность за осуществление посягательств в отношении Государя, совершенного скопом и заговором (ст. 249 Уложения 1845 г.), а также за составление сообществ, направленного на достижение целей, указанных в ст. 249 Уложения (ст. 250 Уложения 1845 г.) [12, с. 213].

«Шайка» как групповое формирование была отражена в отделении 1 главы 3 Уложения 1845 г. «О составлении злонамеренных шаяк и пристанодержательств». Законодатель акцентировал внимание на отсутствии точного и единого определения «шайки», однако указал, что под ней подразумевается «преступное сообщество, составленное несколькими лицами для какого-либо рода пре-

ступлений вообще или для совершения какого-либо преступления в особенности». Шайка имела два отличительных признака: 1) предварительное соглашение между участниками на совершение преступления; 2) ее состав состоял не менее чем из трех индивидов (ст. 922 Уложения 1845 г.) [12, с. 406]. В свою очередь, шайка подразделялась на два вида. В первом случае она характеризовалась как сообщество, созданное на основе сговора лиц, направленного на совершение нескольких преступлений. Во втором – как организация сообщества, которое совершало преступления определенного вида (разбой, зажигательство, кражи, мошенничество, контрабанда и т. д.), а также осуществляло учение участников такого сообщества. В состав шайки входили все виды соучастников, которые были перечислены выше.

Представляет интерес тот факт, что наряду с Уложением 1845 г., которое регламентировало ответственность за организацию преступных сообществ, в 1867 г. утверждается Закон «О борьбе с противоправительственными обществами». Данный нормативный акт предусматривал ответственность за создание преступных сообществ, недонесение о них и допущение преступных собраний в своих жилищах [14, с. 274]. Столкновения рабочего класса с капиталистами стали причиной принятия в 1874 г. нового закона, направленного против незаконных политических организаций. На основании данного нормативного акта сообщество признавалось преступным при наличии следующих намерений: противодействие распоряжениям правительства; возбуждение неповиновения власти; разрушение основ общественной жизни (религии, семейного союза, собственности); возбуждение вражды между сословиями или классами населения или же между хозяе-

вами и рабочими; побуждение к устройству стачек [14, с. 277].

Таким образом, Уложение 1845 г. впервые закрепило положения о преступных формированиях, наиболее близкие современному пониманию форм соучастия, на основании чего можно провести определенные параллели с такими формами соучастия, как группа лиц по предварительному сговору, разновидности организованной группы и т. д., закрепленными в действующем российском уголовном законодательстве. Как верно отметила А. И. Ситникова, нормы Уложения 1845 г. заложили основу дальнейшего законодательного развития института соучастия [15].

Во второй половине XIX в., в период осуществления либеральных реформ и преобразований судебной системы, общественные отношения претерпевают значительные изменения. Уложение об уголовных и исправительных наказаниях 1845 г. перестало в полной мере соответствовать потребностям социально-политической верховной власти, что обусловило необходимость изменения уголовного законодательства. 22 марта 1903 г. Николай II утвердил Уголовное уложение Российской империи (далее – Уложение 1903 г.). Уложение 1903 г. стало итоговым нормативным актом дореволюционного периода развития Российского государства. Пройдя множество этапов формирования, данный нормативный правовой акт содержал в себе лучшие достижения научной правовой мысли XIX в. По уровню законодательной техники Уложение 1903 г. значительно превзошло Уложение 1845 г. [16]

В главе первой Общей части Уложения 1903 г. закрепили общие положения о соучастии. В соответствии со ст. 52 Уложения уголовно наказуемым деянием считалось «участие в сообществе, учиненном для совершения тяжкого пре-

ступления, а также несколько тяжких преступлений в составе шайки» [17, с. 105]. Наряду с указанной статьей, в главе третьей Особенной части анализируемого правового акта закреплена специальная норма. Статья 102 Уложения 1903 г. регламентировала ответственность за участие в сообществе, образованном для совершения тяжких преступлений, предусмотренных ст. 100 данного Уложения [17, с. 188]. Аналогичный вариант регламентации мы наблюдаем в современном уголовном законодательстве при сопоставлении ч. 4 ст. 35 УК РФ (преступное сообщество (преступная организация)) и ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества) (преступной организации) или участие в нем (ней)).

Необходимо отметить, что в Уложении 1903 г. законодатель исключил группу лиц без предварительного сговора как форму соучастия. В ч. 2 ст. 52 Уложения указывалось на невозможность соучастия, если при выполнении деяния отсутствовало соглашение между соучастниками на совместную деятельность [17, с. 106].

Одной из форм соучастия, как уже отмечалось выше, являлась «шайка» (ч. 3 ст. 52 Уложения 1903 г.). Под ней понималось соглашение нескольких лиц (не менее трех) на совершение нескольких определенных или неопределенных однородных или разнородных преступных деяний. При этом законодатель закрепил отличительные признаки шайки. Данное групповое формирование характеризовалось постоянством, обращением преступной деятельности в ремесло, безусловным подчинением выборному руководителю или без иерархической организации, а также организованностью и дисциплинированностью соучастников [17, с. 106].

Развитие революционного движения в конце XIX в. послужило причиной для

того, чтобы обратить внимание на существующую правовую охрану общественного строя в государстве, в связи с чем была предусмотрена ответственность за публичное скопище (ст. 120 гл. 5 Уложения 1903 г.). Как правило, данная форма соучастия требовала вмешательства полицейской власти или военной силы. Виновное лицо подвергалось ответственности при «выражении неуважения к Верховной власти или порицании установленных Законами Основных образов проявления или порядка населения Престола; заявлении к бунту или измене в соучастии, или лицу, учинившему бунтовщинское или изменческое деяние, или учение, стремившегося к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя» в ходе публичного скопища (ст. 121 Уложения 1903 г.) [17, с. 217].

Нельзя не согласиться с А. В. Наумовым, который отметил, что нормы, объединенные главой «О смуте» Уложения 1903 г., были ориентированы на грядущие революционные события [18, с. 107]. Наряду с публичным скопищем уголовная ответственность предусматривалась за создание преступных сообществ. Согласно ст. 125 Уложения 1903 г., сообщество признавалось преступным в случаях осуществления: возбуждения к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти; возбуждения вражды между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими; возбуждения рабочих к устройству или продолжению стачки. Необходимо отметить, что данные цели практически аналогичны признакам преступного сообщества, указанным в Законе о противодействии политическим организациям 1874 г. Главное отличие сообщества от других групповых форми-

рований (в особенности от шайки) заключается в том, что оно направлено против общественного строя государства и совершает тяжкие преступления, используя взрывчатые вещества или снаряды (ст. 126 Уложения 1903 г.) [17, с. 227].

Краткий ретроспективный анализ уголовного законодательства Российской империи позволяет сделать вывод о том, что исторические события первого периода XVIII в. послужили толчком для более детальной законодательной регламентации групповых формирований. Таким образом, уголовное законодательство Российской империи к началу XX в. включало в себя формы соучастия, подобные современному уголовному праву. К сожалению, российский законодатель в период с 1917 по 1924 г. не продолжил совершенствовать положения о соучастии. С 1958 г. российское уголовное законодательство вновь ориентировалось на дореволюционный юридический опыт, послуживший основанием для дальнейшего формирования и развития института соучастия в Уголовном кодексе 1996 г.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 15.08.2018).
2. Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения 15.08.2018).
3. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.
4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.

5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII / отв. ред. Н. А. Иванов. М.: Голос, 1991. 746 с.
6. Чернявская Т. А. Законодательные памятники России до 1917 года. Артикул Воинский с кратким толкованием 1715 г. Н. Новгород: ВШ МВД РФ, 1995. 40 с.
7. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Императорского Моск. ун-та, 1912. 348 с.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.
9. Епифанова Е. В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: монография / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. 221 с.
10. Емельянова А. С. Развитие законодательства и практика выдачи привилегий в России в XV–XVII вв. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4 (55). С. 58–62.
11. Калачев А. В. Особенности процесса демократизации образования в эпоху Николая I // Известия ВолгГТУ. 2013. № 9 (112). С. 167–172.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд-во Н.С. Таганцева, 1892. 796 с.
13. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права: конспект. СПб.: Тип. П. П. Меркулова, 1874. 192 с.
14. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 896 с.
15. Ситникова А. И. Конструкции уголовно-правовых предписаний о соучастии в Уголовных уложениях 1845 и 1903 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 2 (71). С. 183–189.
16. Ситникова А. И. Развитие уголовного законодательства в эпоху законотворчества (XIX–XX вв.) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 6 (57). С. 154–159.
17. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. СПб.: Изд-во Н.С. Таганцева, 1904. 1125 с.
18. Наумов А. В. Российское уголовное право. Т. 1: Общая часть. 3-е изд. М.: Юрид. лит., 2004. 496 с.

Поступила в редакцию 10.10.18

UDK 343.2

S. S. Zhukova, Student, Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation (Volgograd, Russia) (e-mail: Sophija@rambler.ru)

CRIMINAL LAW DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE DEFINING THE LIABILITY FOR ORGANIZED CRIME

In order to identify and examine the origins of the gap appearance in the criminal law restricting crime complicity institute it is necessary to analyze the time period when the normative legal acts were adopted. The given article, first of all, deals with the criminal law norms of the Russian Empire defining the liability for organized crime. Today it is a topical problem because in Russia the rate of organized crimes is increasing. Before the historical events of the 17th century the Russian criminal law fixed the statements of complicity institute in some measure. The formation of the complicity as a legal institute in the Russian criminal law is observed when the Criminal and Correctional Penalty Code was being adopted in 1845 and when it was developed further in the Criminal Code of 1903. The criminal law of the Russian Empire is characterized with gradual formation and fixation of the regulation of the organized crime forms. It is worth noting that there is some succession of the examined the criminal law sources. The regulations on the organized crime to be formed in the pre-revolution time period of the society development are topical for the

modern complicity institute. The law definitions for the organized crime in the criminal law of the 17th -18th centuries is said to be the basis of the modern crime complicity institute. By the beginning of the 20th century the criminal law of the Russian included forms of the organized criminal activity as in the modern criminal law. The legislator had already had some experience to fix in a legal way the statements related organized crime in the regulatory-legal act when the modern Criminal Code of the Russian Federation was adopted in 1996.

Key words: *crime complicity institute, criminal law, types of crime complicity, a group, a band, a confederacy, a gang, a company, an organization.*

For citation: Zhukova S. S. Criminal law development of the Russian empire defining the liability for organized crime. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 123–130 (in Russ.).

***

References

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 15.08.2018).
2. Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://mvd.rf> (accessed 15.08.2018).
3. Российское законодательство X–XX веков; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984, vol. 1. 432 p.
4. Российское законодательство X–XX веков; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, vol. 2. 520 p.
5. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Vol. VII; ed. by N. A. Ivanov. Moscow, Golos Publ., 1991. 746 p.
6. Chernyavskaya T. A. Zakonodatel'nye pamyatniki Rossii do 1917 goda. Artikul Voinskij s kratkim tolkovaniem 1715 g. N. Novgorod, VSH MVD RF, 1995. 40 p.
7. Tel'berg G. G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenij v Moskovskom gosudarstve XVII veka. Moscow, Tip. Imperatorskogo Mosk. Univ., 1912. 348 p.
8. Российское законодательство X–XX веков; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, vol. 3. 512 p.
9. Epifanova E. V. Stanovlenie i razvitie instituta souchastiya v prestuplenii v Rossii; ed. by R. R. Galiakbarov. Krasnodar, Kuban. gos. un-t Publ., 2003. 221 p.
10. Emel'yanova A. S. Razvitie zakonodatel'stva i praktika vydachi privilegij v Rossii v XV–XVII vv. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 4 (55), pp. 58–62.
11. Kalachev A. V. Osobennosti processa demokratizacii obrazovaniya v ehpo-hu Nikolaya I. Izvestija VolgGTU, 2013, no. 9 (112), pp. 167–172.
12. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1885 goda. St. Petersburg, N. S. Tagancev Publ., 1892. 796 p.
13. Neklyudov N. A. Obshchaya chast' ugolovnogo prava: konspekt. St. Petersburg, P.P. Merkulov Publ., 1874. 192 p.
14. Trajnin A. N. Izbrannye Trudy. St. Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2004. 896 p.
15. Sitnikova A. I. Konstrukcii ugolovno-pravovyh predpisaniy o souchastii v Ugolovnyh ulozheniyah 1845 i 1903 gg. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 2 (71), pp. 183–189.
16. Sitnikova A.I. Razvitie ugolovnogo zakonodatel'stva v ehpo-hu zakonotvorchestva (XIX–XX vv.). Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 6 (57), pp. 154–159.
17. Ugolovnoe ulozhenie ot 22 marta 1903 g. St. Petersburg, N. S. Tagancev Publ., 1904. 1125 p.
18. Naumov A. V. Rossijskoe ugolovnoe parvo. Vol. 1: Obshchaya chast'. 3th ed. Moscow, Yurid. lit. Publ., 2004. 496 p.

УДК 343.01

Н. А. Лопашенко, д-р юрид. наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Россия) (e-mail: lopashenko@yandex.ru)

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: МОДЕЛЬ КРИТЕРИЕВ, УЧИТЫВАЕМЫХ ПРИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ

В настоящей работе излагается теоретическая модель критериев межотраслевой дифференциации, то есть выстроена как рабочая гипотеза модель дифференциации, позволяющая различать преступные и неправомерные деяния, а именно преступления, гражданско-правовые и административные правонарушения. Впервые в этой модели учтены уголовные проступки, введение которых в уголовный закон, как видится, уже предрешено. По результатам проведенного исследования автор приходит к следующим выводам.

Дифференциация гражданско-правовой, с одной стороны, и административно-правовой и уголовной ответственности, с другой стороны, проводится по признакам деяния, а не по признакам наступившего материального ущерба. Если в основе заключенной между лицами сделки отсутствуют признаки шантажа, обмана, как способов получения чужой собственности, психического и физического насилия, или если она заключена не с целью, противной основам правопорядка и нравственности, отношения между сторонами регулируются только гражданским правом.

Признак «общественная опасность» не может служить оптимальным критерием разграничения административных правонарушений и преступных посягательств.

Решению обозначенной проблемы способствует начавшаяся работа по выделению в уголовном законе категории уголовных проступков, которое возможно при наличии следующих условий: 1) уголовные проступки должны содержаться только в уголовном законодательстве; административное законодательство полностью освобождается от уголовных проступков; 2) система уголовных проступков формируется из отдельных административных ныне правонарушений и отдельных преступлений в основном небольшой тяжести; 3) уголовные проступки должны обязательно иметь свой прототип в виде конкретного преступления, которое будет отличаться от проступка по характеру и степени общественной опасности; соответственно, уголовные проступки должны характеризоваться общественной опасностью; 4) административные правонарушения, которые не относятся к категории уголовных проступков, влекут только административную ответственность и никак не пересекаются с преступлениями.

В предложенной модели уголовные проступки более опасны, нежели административные правонарушения, поскольку при наличии дополнительных признаков они могут перерасти в преступления. Любому уголовному проступку должно соответствовать преступление.

Повторяемость уголовного проступка, за исключением продолжаемых деяний, не может составить новое качество отклоняющегося поведения – коррелирующего преступления.

Ключевые слова: межотраслевая дифференциация, преступление, общественная опасность, сделка, гражданское правонарушение, административное правонарушение.

Ссылка для цитирования: Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 131–136.

***

Дифференциация норм различных отраслей права (межотраслевая дифференциация) представляет собой распределение правового регулирования и правовой ответственности между различными отраслями права с учетом предмета и метода (методов) правового регулирования конкретной отрасли права [1, с. 149; 2, с. 10; 3, с. 174–175].

Чаще всего указанное распределение не составляет проблемы и решается достаточно просто. Однако в том случае, если регулирование каких-либо отношений или решение какой-либо проблемы возможно средствами различных отраслей права, хотя бы в части, проблема межотраслевого регулирования встает остро.

Наивысшая степень остроты связана с регулированием или реакцией права на то поведение субъектов отношений, которое может причинить и (или) причиняет вред правоохраняемым отношениям. Первостепенная значимость проблемы определяется здесь возможностью и (или) необходимостью уголовно-правового реагирования на подобное поведение [4, с. 76].

Соответственно, принимая во внимание высочайшую карательность уголовно-правовой отрасли в любом государстве (и Россия не исключение), необходима выработка тех критериев дифференциации (разделения) ответственности, которые позволят исключать коллизию правовых норм различных отраслей права при решении вопроса о правовой реакции на отклоняющееся от нормы человеческое (в том числе группы людей) поведение и четко градировать три вида правовой ответственности, которая в принципе возможна при описанных ситуациях: гражданско-правовой, административно-правовой и уголовной. При этом, с учетом специфики уголовно-правовой реакции, речь не идет о тех областях правового регулирования, которые связаны с так называемым позитивным регулированием, которое выступает основным предназначением отраслей гражданского или административного права.

При решении вопроса о дифференциации гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности представляется необходимым исходить из двух важнейших постулатов. Во-первых, любое или почти любое правонарушение или преступление в принципе может причинить материальный или иной вред, который может быть возмещен в порядке и с использованием механизмов гражданско-правового регулирования (обязательства вследствие причинения вреда). Подобная ситуация не создает, как правило, колли-

зии различных правовых отраслей, поскольку ответственность за отклоняющееся поведение налагается в рамках административного или уголовного права, а обязательства вследствие причинения вреда возникают и регулируются в рамках гражданского права, т. е. ситуация разрешается двумя отраслями одновременно, проблемы не составляет и в нашем исследовании не учитывается. Во-вторых, проблема взаимного пересечения правовых норм с регулированием ответственности за отклоняющееся от нормы поведение субъекта есть тогда, когда в основе такого поведения лежат недействительные сделки всех видов (притворные, мнимые, ничтожные по другим основаниям и т. д.), а иногда и оспоримые сделки [5].

Ни административное, ни уголовное право не могут и не должны устанавливать ответственность (соответственно, административно-правовую или уголовную) за заключение всех видов оспоримых и недействительных (даже притворных и совершенных под влиянием существенного заблуждения) сделок. Приоритет здесь должен отдаваться гражданскому праву, кроме трех случаев: 1) когда такая сделка совершена под принуждением, включающим в себя в том числе психическое и физическое насилие; 2) когда имел место обман, явившийся способом совершения действий по сделке; 3) когда сделка преследовала цель, противную основам правопорядка и нравственности.

Если при заключении сделки имело место любое физическое насилие или гипноз, а также психическое насилие, которое влечет самостоятельную уголовную ответственность (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью людей), межотраслевая дифференциация должна решаться в пользу уголовного права. Подобные «сделки» влекут уголовную ответственность.

Если при заключении сделки применены такие способы, как обман или психическое насилие, не влекущее самостоятельной уголовной ответственности (например, шантаж – угроза разглашением сведений, позорящих потерпевшего, или угроза неопасным для жизни и здоровья насилием), но выступающее обязательным признаком тех составов преступлений, которые, кроме такого насилия или обмана, включают завладение чужой собственностью или имуществом, находящимся в чужом правомерном владении, под влиянием указанных способов (например, хищение, вымогательство, принуждение к заключению сделки или к отказу от ее заключения), приоритет отдается уголовной ответственности.

Если при заключении сделки применены такие способы, как обман или психическое насилие, не влекущее самостоятельной уголовной ответственности и не влекущих завладение чужой собственностью или имуществом, находящимся в чужом правомерном владении, под влиянием указанных способов приоритет отдается административной ответственности.

Таким образом, дифференциация гражданско-правовой, с одной стороны, и административно-правовой и уголовной ответственности, с другой стороны, проводится по признакам деяния, а не по признакам наступившего материального ущерба.

Если в основе заключенной между лицами сделки отсутствуют признаки шантажа, обмана, как способов получения чужой собственности, психического и физического насилия, или если она заключена не с целью, противной основам правопорядка и нравственности, отношения между сторонами регулируются только гражданским правом, даже если одна из сторон, с ее информированного согласия, получила минимальную выгоду

от такой сделки или не получила ее вообще и можно вести речь об упущенной выгоде данного лица.

В силу большей близости административной и уголовной ответственности, по сравнению с гражданско-правовой ответственностью, проблема дифференциации административного (кроме норм позитивного регулирования) и уголовного права является гораздо более сложной. Сложность усугубляется еще и спорами вокруг категории общественной опасности, по которой зачастую проводится разграничение административной и уголовной ответственности. Суть этих споров, в главном, заключается в признании или непризнании административных правонарушений обладающими такой характеристикой. Сторонники позиции, согласно которой общественной опасностью обладают как преступления, так и правонарушения, осуществляют разграничение административных правонарушений и преступлений по характеру (реже) и (или) степени (чаще) общественной опасности [6, с. 129]. Приверженцы иной позиции, согласно которой общественная опасность присуща только преступлениям, полагают, что административные правонарушения характеризуются социальной вредностью (вредоносностью). В таком случае утверждается, что разграничение административных деликтов и преступлений проводится по наличию общественно опасных последствий у преступлений и отсутствию их у деликтов, которые в то же время могут причинить вред охраняемым отношениям [4, с. 78; 7].

Следует признать невозможность решения проблемы наличия – отсутствия общественной опасности у административно-правовых деликтов для отличия их от преступлений по этому критерию, поскольку в большей степени этот спор позиционный и понятийно-терминологический (большинство из отрицающих

общественную опасность административных правонарушений признают, что они причиняют вред; но вред характеризует и общественную опасность). Какое бы решение не было предложено, оно никогда не удовлетворит все стороны [8, с. 46; 9, с. 148], а потому для разграничения административных правонарушений и преступлений следует искать иные критерии, более четкие и понятные. Представляется, что в настоящее время это возможно, если принять во внимание начавшуюся интенсивную работу по выделению в уголовном законодательстве категории уголовных проступков.

Введение уголовных проступков в УК должно помочь в решении проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений. Но оно возможно только при наличии следующих условий: 1) уголовные проступки должны содержаться только в уголовном законодательстве; административное законодательство полностью освобождается от уголовных проступков; 2) система уголовных проступков формируется из отдельных административных ныне правонарушений и отдельных преступлений в основном небольшой тяжести; 3) уголовные проступки должны обязательно иметь свой прототип в виде конкретного преступления, которое будет отличаться от проступка по характеру и степени общественной опасности; соответственно, уголовные проступки должны характеризоваться общественной опасностью; 4) административные правонарушения, которые не относятся к категории уголовных проступков, влекут только административную ответственность и никак не пересекаются с преступлениями.

Преступления, имеющие в своей основе однотипное с уголовным проступком отклоняющееся и общественно опасное поведение, имеют, по сравнению с уголовным проступком, дополнительные

признаки, усиливающие общественную опасность деяния (криминообразующие признаки). Они включают в себя, в частности, такие способы совершения деяния, как обман, в том числе документальный, психическое и физическое насилие, способы, несущие в себе опасность для общества (взрывы, поджоги и пр.) и т. д.; такие последствия, как причинение вреда жизни и здоровью людей, уничтожение или повреждение имущества; другую форму вины (умысел вместо неосторожности), дополнительные признаки субъективной стороны (специальный мотив или цель) и т. д. Уголовные проступки и коррелирующие им преступные деяния могут иметь разницу в объеме и характере причиненного материального ущерба.

Таким образом, административные правонарушения и уголовные проступки или преступления предлагается разграничивать по деянию как признаку объективной стороны состава правонарушения или проступка – преступления; они не могут совпадать. К административным правонарушениям следует относить только те деликты, которые не имеют аналогов среди уголовных проступков и преступлений.

Уголовные проступки априори более опасны, нежели административные правонарушения в изложенном выше понимании, поскольку при наличии дополнительных признаков они могут перерастать в преступления. Любому уголовному проступку должно соответствовать преступление.

Повторяемость уголовного проступка, за исключением продолжаемых деяний, не может составить новое качество отклоняющегося поведения – коррелирующего преступления.

Административная и иная преюдиция не может носить криминообразующий характер, т. е. не может служить

признаком, свидетельствующим о преступности деяния [10, с. 70; 11, с. 121].

В рамках гранта РФФИ «Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: разработка теоретической модели и перспектив ее внедрения в законодательную практику Российской Федерации».

Список литературы

1. Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. 1977. № 9. С. 54–62.

2. Кругликов Л. Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 44 с.

3. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. Изд. 2-е. М.: Норма, 2000. 296 с.

4. Бражник С. Д., Смирнов Р. Ю. К вопросу об основаниях дифференциации ответственности в уголовном праве России // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3(37). С. 75–79.

5. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уго-

ловном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 300 с.

6. Лобанова Л. В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т.16, № 4. С. 126–133.

7. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина [и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.

8. Кленова Т. В. Основания разграничения уголовно-правового и административно-правового запретов // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. М.: Проспект, 2016. С. 43–46.

9. Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Правоведение. 2001. №4. С. 148–155.

10. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. №3. С. 64–71.

11. Кибальник А. Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 119–125.

Поступила в редакцию 16.10.18

UDC 343.01

N. A. Lopashenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russia) (e-mail: lopashenko@yandex.ru)

SECTORAL DIFFERENTIATION: THE MODEL OF CRITERIA ACCOUNTED FOR IN THE CRIMINALIZATION OF ACTS

In the present work the theoretical model of criteria of interindustry differentiation is stated, that is built as the working hypothesis the model of differentiation allowing to distinguish criminal and non-criminal acts, namely crimes, civil and administrative offenses. For the first time this model takes into account criminal offenses, the introduction of which in the criminal law, as it seems, is already predetermined. According to the results of the study, the author comes to the following conclusions.

Differentiation of civil, on the one hand, and administrative, legal and criminal liability, on the other hand, is carried out on the grounds of the act, and not on the grounds of material damage. If the basis of the prisoner between the parties of the transaction, there is no evidence of blackmail, deception as ways of getting other people's property, physical and mental violence, or if it is not in order, opposing the basics of law and morality, the relationship between the parties are regulated only by civil law.

A sign of public danger can not serve as an optimal criterion for distinguishing administrative offenses and criminal attacks.

The solution to this problem is facilitated by the work begun on the allocation in the criminal law of the category of criminal offenses, which is possible under the following conditions: 1) criminal offenses should be contained only in criminal legislation; administrative legislation is completely exempt from criminal offenses; 2) the system of criminal offenses is formed from separate administrative offenses and individual crimes are now mainly of small severity; 3) criminal offenses must necessarily have their prototype in the form of a specific crime, which will differ from the offense in the nature and degree of public danger; accordingly, criminal offenses should be characterized by public danger; 4) administrative offenses that do not belong to the category of criminal offenses, entail only administrative responsibility and do not intersect with crimes.

In the proposed model, criminal offenses are more dangerous than administrative offenses, since in the presence of additional signs they can develop into crimes. Any criminal offense must comply with the crime.

The repeatability of criminal misconduct, with the exception of continuing acts, cannot constitute a new quality of deviant behaviour – a correlated crime.

Key words: *intersectoral differentiation, crime, public danger, transaction, civil offense, administrative offense.*

For citation: Lopashenko N. A. Sectoral differentiation: the model of criteria accounted for in the criminalization of acts. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 131–136 (in Russ.).

***

References

1. Zlobin G. A., Kelina S. G., Yakovlev A. M. Sovetskaya ugolovnaya politika: differenciatsiya otvetstvennosti. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1977, no. 9, pp. 54–62.

2. Kruglikov L. L. Differenciatsiya i individualizatsiya otvetstvennosti v ugolovnom prave. Yaroslavl', YArGU Publ., 2016. 44 p.

3. Lesnievski-Kostareva T. A. Differenciatsiya ugolovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika. 2th ed. Moscow, Norma Publ., 2000. 296 p.

4. Brazhnik S. D., Smirnov R. Yu. K voprosu ob osnovaniyah differentsiatsii otvetstvennosti v ugolovnom prave Rossii. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2016, no. 3(37), pp. 75–79.

5. Kruglikov L. L., Vasil'evskij A. V. Differenciatsiya otvetstvennosti v ugolovnom prave. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2003. 300 p.

6. Lobanova L. V. Mernost' obshchestvennoj opasnosti deyaniya kak osnova mezhotraslevoj differentsiatsii yuridicheskoy

otvetstvennosti. Logos et Praxis, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 126–133.

7. Dagal' P. S., Zlobin G. A., Kelina S. G., eds. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya; ed. by V. N. Kudryavcev, A. M. Yakovlev. Moscow, Nauka Publ., 1982. 303 p.

8. Klenova T. V. Osnovaniya razgraniicheniya ugolovno-pravovogo i administrativno-pravovogo zapretov. Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI v. Moscow, Prospekt Publ., 2016, pp. 43–46.

9. Marcev A. I. Obshchestvennaya vrednost' i obshchestvennaya opasnost' prestupleniya. Pravovedenie, 2001, no. 4, pp. 148–155.

10. Lopashenko N. A. Administrativnoj preyudicii v ugolovnom prave – net! Vestnik akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2011, no. 3, pp. 64–71.

11. Kibal'nik A. G. Nedopustimost' administrativnoj preyudicii v ugolovnom zakonodatel'stve. Biblioteka kriminalista, 2013, no. 2, pp. 119–125.

УДК 343.2/7

И. В. Дворянсков, д-р юрид. наук, доцент, Научно-исследовательский институт - 1
Федеральной службы исполнения наказаний (Москва, Россия) (e-mail: diw@yandex.ru)

М. Н. Урда, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет» (Курск, Россия) (e-mail: urda.ru@rambler.ru)

ВЫДВОРЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе статистических данных, материалов судебной практики, изучения административного законодательства и опыта зарубежных стран в исследовании обосновывается целесообразность включения в уголовный закон выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации как необходимого инструмента противодействия незаконной миграции и миграционной преступности. Предлагается модель регламентации данной меры ответственности как основного и дополнительного вида наказания. Авторы исходят из того, что в качестве основного вида наказания она должна применяться как альтернатива штрафу, обязательным, исправительным и принудительным работам при условии, если осужденные иностранные граждане (лица без гражданства) не имеют права осуществлять трудовую деятельность на территории РФ (отсутствии официального разрешения) и/или не имеют постоянного источника дохода. Как дополнительный вид наказания принудительное выдворение за пределы Российской Федерации должно применяться только к лишению свободы на определенный срок, имея в виду прежде всего специфику миграционной преступности в России, половину которой составляют совершение иностранными гражданами и лицами без гражданства тяжких и особо тяжких преступлений. В противном случае не будет обеспечено достижение целей наказания. Возможность назначения предполагаемого наказания необходимо распространить на все случаи совершения уголовно наказуемых деяний иностранным контингентом с вменением в обязанности суда указывать в приговоре мотивы принятого решения. В целях соблюдения ограничений международно-правового характера в тексте закона целесообразно определить, что предлагаемый вид наказания не может назначаться лицам, имеющим статус беженца или получившим политическое убежище в Российской Федерации; имеющим на иждивении нетрудоспособных граждан РФ; несовершеннолетним; состоящим на момент совершения преступления в брачно-семейных отношениях с гражданкой (гражданином) Российской Федерации. Исключения из этого правила могут составлять случаи совершения «террористических» преступлений как гарантия обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: выдворение, иностранные граждане, лица без гражданства, незаконная миграция, миграционная преступность.

Ссылка для цитирования: Дворянсков И. В., Урда М. Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 137–144.

***

Ежегодно в России иностранными гражданами и лицами без гражданства совершается около 45 тыс. преступлений, что составляет 2% от общего количества зарегистрированных посягательств и осуждается более 37 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства (примерно 3% от числа осужденных) [1].

Удельный вес миграционной преступности в общем объеме выявленных преступлений незначителен. В то же время тревогу вызывает качественная составляющая этой преступности: около 50% иностранных граждан и лиц без гражданства осуждены за совершение

тяжких и особо тяжких преступлений. Среди преступлений, совершаемых данными лицами, наибольший удельный вес занимают различные формы хищений, в том числе насильственные (34%), нарушение правил обращения с наркотическими веществами и психотропными средствами (13%), подделка и использование подложных документов (14%). Распространены также тяжкие и особо тяжкие преступления против личности: посягательства на жизнь человека (2%), причинение тяжкого вреда здоровью (3%), изнасилование и насильственные действия сексуального характера (1%).

Обращает на себя внимание дача взятки, удельный вес которой в общем объеме миграционной преступности значителен и составляет 4%.

Среди других преступлений, совершаемых указанной категорией лиц, распространены: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, незаконные действия и нарушение правил обращения с оружием, боевыми припасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, организация незаконных бандформирований и участие в них, угон транспортных средств, незаконное пересечение Государственной границы РФ, организация незаконной миграции и некоторые другие [2].

Фоновым явлением миграционной преступности выступает незаконная миграция – новая угроза, детерминирующая совершение преступлений как мигрантами-нелегалами, так и в отношении них самих.

Ярким примером, демонстрирующим взаимообусловленность миграционной преступности и незаконной миграции, стал межэтнический конфликт на Хованском кладбище в г. Москве 14 мая 2016 г., получивший широкий общественный резонанс. В беспорядках участвовали порядка двухсот человек, в основном уроженцы Средней Азии и Северного Кавказа, незаконно находящиеся на территории Российской Федерации. В результате столкновения три человека погибли и более тридцати получили травмы различной степени тяжести.

К сожалению, данные официальной статистики не отражают взаимосвязь миграционной преступности и незаконной миграции. О ее наличии можно судить по косвенным признакам в судебных актах: данным подсудимого, потерпевшего, иным обстоятельствам дела и др.

Так, *Приговором Кизлярского районного суда Республики Дагестан от 21 апреля 2016 г. Керимов был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ. Во избежание ответственности за администра-*

тивное правонарушение, предусмотренное ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, выявленное в рамках проведения операции «Незаконный мигрант», он совершил попытку дачи взятки должностному лицу – старшему инспектору отдела УФМС России. В результате ему было назначено наказание в виде штрафа в размере тридцатикратной суммы взятки 45 000 (сорок пять) тысяч рублей в доход федерального бюджета» [3].

Вопрос дальнейшего пребывания мигранта-нелегала на территории Российского государства в рамках рассмотрения уголовного дела судом не разрешался, очевидно, ввиду отсутствия соответствующих полномочий.

В отличие от уголовного административное законодательство РФ оперирует таким инструментом миграционного контроля, как административное выдворение, которое определено в качестве основного и дополнительного вида наказания. В соответствии со ст. 3.10 КоАП РФ оно применяется к иностранным гражданам или лицам без гражданства за совершение административных правонарушений и заключается в принудительном и контролируемом перемещении (высылке) указанных лиц через Государственную границу РФ за пределы государства либо контролируемом самостоятельном выезде из России.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: при наличии в КоАП РФ института административного выдворения как реакции государства на совершение иностранным контингентом административных правонарушений вне поля зрения уголовного закона остается дальнейшее нахождение на территории Российского государства иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе мигрантов-нелегалов, совершивших преступление.

Например, за нарушение правил пересечения Государственной границы РФ иностранным гражданином или лицом без гражданства ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ предусматривает наложение администра-

тивного штрафа с административным выдворением за пределы РФ или без такового. Пересечение Государственной границы РФ указанными лицами без действительных документов на право въезда в соответствии с ч. 1 ст. 322 УК РФ влечет назначение наказания в виде штрафа, принудительных работ либо лишения свободы. Вопрос их дальнейшего пребывания на территории Российского государства остается нерешенным. Более того, исполнение (отбывание) наказания автоматически не легализует дальнейшее пребывание указанных лиц на территории государства. Следует отметить при этом, что в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих патента на трудовую деятельность на территории Российской Федерации, невозможно применить ни одно наказание, связанное с привлечением их к труду. Вопросы вызывает и назначение указанной категории лиц штрафа, поскольку у них отсутствуют постоянные источники дохода, поэтому вынесение таких приговоров ставит в тупик сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Отметим, что в некоторых случаях принудительное перемещение иностранного контингента осужденных за пределы РФ может осуществляться в форме депортации или реадмиссии.

Согласно абз. 16 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» под депортацией понимается принудительная высылка иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации [4].

Понятие «реадмиссия» отсутствует в действующем российском законодательстве. В оборот термин введен международным правом. Рeadмиссия представляет собой соглашение государств о приеме граждан, а в некоторых случаях и лиц без

гражданства, принудительно возвращаемых назад на территорию государства, с которой они прибыли в принимающее государство. В России реадмиссия применяется в качестве альтернативы депортации. По своей правовой природе названные институты являются не наказанием, а мерой административного воздействия.

Например, Минюст России вправе вынести решение о нежелательности пребывания (проживания) в РФ иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы. Указанное решение в трехдневный срок направляется в федеральный орган, осуществляющий функции миграционного контроля в сфере миграции, который принимает решение о депортации или реадмиссии такого лица (п. 11 ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» [4]).

Во всех иных случаях принятие решения о нежелательности пребывания иностранных граждан (лиц без гражданства), включая мигрантов-нелегалов, формально не связано с совершением ими преступлений на территории Российского государства.

Так, в качестве основания депортации (реадмиссии) Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» [4] в ст. 33 определяет неисполнение иностранным гражданином обязанности выехать в установленные сроки из Российской Федерации в случае, если срок его проживания или временного пребывания сокращен либо в случае аннулирования разрешения на временное проживание или вид на жительство. Иные основания для депортации (реадмиссии) определены Федеральными законами от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» [5], от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» [6], от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ

«О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [7]. Правительством РФ определен перечень органов, полномочных принимать решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства на территории РФ. Кроме Минюста России, к ним относятся: МВД России, ФСБ России, Минобороны России, МИД России, Росфинмониторинг, СВР России, Роспотребнадзор, ФМБА России [8].

Разделение функций принятия решения о дальнейшем нахождении на территории России осужденных к лишению свободы иностранцев и лиц без гражданства между определенными должностными лицами, а также отсутствие процедуры контроля за принятием такого решения препятствует эффективному противодействию явлениям миграционной преступности и незаконной миграции.

Так, *ФИО1, не имеющий регистрации на территории РФ и не работающий гражданин Республики Грузия, ранее неоднократно судимый за совершение тяжких преступлений, после освобождения из исправительной колонии строгого режима продолжил преступную деятельность: в различных регионах страны в составе группы совершил серию вооруженных разбойных нападений, а также другие преступления против собственности, общественной безопасности и порядка управления. В его действиях суд усмотрел особо опасный рецидив* [8].

Из приговора не усматривается, решался ли начальником исправительной колонии, где гражданин Грузии отбывал наказание, вопрос о нежелательности его дальнейшего пребывания в РФ. Вместе с тем очевидно, что в случае положительного и своевременного принятия и реализации такого решения последующие преступления на территории России им не были бы совершены.

При назначении иностранным гражданам и лицам без гражданства наказания, не связанного с изоляцией от общества, у соответствующих органов, ведающих их исполнением, не предусмотрены полномочия по инициированию процесса депортации (реадмиссии). В случае же нелегального нахождения осужденных на территории государства отсутствует также реальная возможность контроля за исполнением соответствующего наказания.

Таким образом, существующее положение дел, когда вопрос о дальнейшем пребывании осужденных иностранцев и апатридов либо не ставится, либо его решение зависит от усмотрения должностных лиц, а не суда, не способно обеспечить должный уровень миграционной безопасности государства. Решение о нежелательности пребывания и выдворении соответствующего лица, совершившего преступление на территории РФ, должно приниматься судом по результатам рассмотрения уголовного дела и установления конкретных данных, подтверждающих действительную необходимость применения к нему предполагаемой меры воздействия в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов.

Уголовное законодательство зарубежных стран использует различные юридико-технические приемы в формулировании норм, сопоставимых с выдворением иностранных граждан и лиц без гражданства.

Не вдаваясь в их детальное изучение, отметим, что чаще всего рассматриваемый институт определен в них в качестве наказания: основного и дополнительного, как, например, в Китае (ст. 35 УК КНР [10]), или только дополнительного, как во Франции (L.130-30 УК Франции [11]), Швейцарии (ст. 55 Швейцарского уголовного кодекса [12]), Азербайджане (ст. 52 УК Азербайджана [13]),

Казахстане (ст. 51 УК Казахстана [14]), Латвии (ст. 43 УК Латвии [15]) и др.

Своеобразием отличаются подходы, реализованные в уголовном законодательстве Молдовы и Испании. Статьи 98, 105 УК Молдовы [16] высылку иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных за совершение преступления, относят к мерам безопасности, целями которых являются устранение опасности и предупреждение преступлений. В Испании выселение (изгнание) осужденных иностранцев, незаконно находящихся на территории государства, определяется и как мера, заменяющая исполнение наказаний в виде лишения свободы, и как мера безопасности (ст. 89 и 96 Уголовного кодекса Испании [17]).

В этой связи необходимо предусмотреть возможность уголовно-правового регулирования выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации.

Размышляя о «статусе» предлагаемой меры в уголовном законе, полагаем целесообразным ее *определение как основного и дополнительного вида наказания*. Представляется, что в качестве основного наказания *она должна применяться как альтернатива штрафу, обязательным, исправительным и принудительным работам при условии, если осужденные иностранные граждане (лица без гражданства) не имеют права осуществлять трудовую деятельность на территории РФ (отсутствие официального разрешения) и/или не имеют постоянного источника дохода*. Эти обстоятельства подлежат установлению судом при рассмотрении конкретного дела с учетом обстоятельств совершения преступления и личности лица, его совершившего. Они могут быть также выявлены и учреждениями, исполняющими соответствующие наказания (уголовно-исполнительными инспекциями, исправительными центрами и др.).

В этой связи целесообразно предусмотреть уголовно-правовые основания как применения этой меры судом, так и ходатайства указанных учреждений о замене принудительным выдворением из Российской Федерации наказания в виде штрафа, обязательных, исправительных или принудительных работ.

Как *дополнительный вид наказания принудительное выдворение за пределы Российской Федерации должно применяться только к лишению свободы на определенный срок*, имея в виду прежде всего специфику миграционной преступности в России, половину которой составляют совершение иностранными гражданами и лицами без гражданства тяжких и особо тяжких преступлений. В противном случае не будет обеспечено достижение целей наказания.

Возможность назначения предполагаемого наказания необходимо распространить на все случаи совершения уголовно наказуемых деяний иностранным контингентом с вменением в обязанности суда указывать в приговоре мотивы принятого решения. В целях соблюдения ограничений международно-правового характера в тексте закона целесообразно определить, что предлагаемый вид наказания не может назначаться лицам, имеющим статус беженца или получившим политическое убежище в Российской Федерации; имеющим на иждивении нетрудоспособных граждан РФ; несовершеннолетним; состоящим на момент совершения преступления в брачно-семейных отношениях с гражданкой (гражданином) Российской Федерации. Исключения из этого правила могут составлять случаи совершения «террористических» преступлений как гарантия обеспечения национальной безопасности государства.

Нижняя граница предполагаемого вида наказания в части установления запрета на въезд в государство не должна быть меньше 5 лет. В противном случае

сложится ситуация, когда уголовное наказание будет менее строгим, чем аналогичное административное, которое сопровождается запретом на въезд в Российское государство в течение 5 лет со дня административного выдворения (п. 2 ст. 27 Федерального закона) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [7]). Верхняя граница этого наказания может быть дифференцирована тяжестью совершенного деяния, например, 15 годами запрета на въезд на территорию Российского государства либо пожизненно.

Для успешной реализации предлагаемых мер должны быть внесены соответствующие поправки в УПК РФ и в некоторые другие нормативные правовые акты, в частности должны быть определены правовые инструменты их обеспечения и контроля исполнения.

Список литературы

1. Сведения правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ за период с 2013 по 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 11.05.2018).
2. Сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2013 по 2017 г: формы №10.1, №11 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.05.2018)
3. Приговор Кизлярского районного суда Республики Дагестан от 21 апреля 2016 г. по делу № 1-56/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ADrOXWQeNVdg/?regular-txt=> (дата обращения: 11.05.2018).
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.06.2002 №115-ФЗ: [ред. от 19.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 11.05.2018).
5. О беженцах [Электронный ресурс]: федер. закон от 19.02.1993 № 4528-1: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 11.05.2018).
6. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ: [ред. от 23.05.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6222/ (дата обращения: 11.05.2018).
7. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федер. закон от 15.08.1996 №114-ФЗ: [ред. от 19.02.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 11.05.2018).
8. Об утверждении Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 07.04.2003 №199 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. №15, ст. 1369
9. Приговор Калининского районного суда Тверской области от 16 августа 2011 г. по делу № 1-39/2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt> (дата обращения: 11.05.2018).
10. Уголовный кодекс Китайской Народной Демократической Республики от 11.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 11.06.2018).
11. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]: [ред. от 01.01.2014]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=493346 (дата обращения: 11.06.2018).

12. Швейцарский уголовный кодекс от 21.12.1937: [по состоянию на 16.07.2012] [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=488005 (дата обращения: 11.06.2018).

13. Уголовный кодекс Республики Азербайджан от 30.12.1999 № 787-IQ [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 11.06.2018).

14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.06.2018).

15. Уголовный кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]: [с

посл. изм., внесенными 06.06.2009]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=198834 (дата обращения: 11.06.2018).

16. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 11.06.2018).

17. Уголовный кодекс Королевства Испания от 24.11.1995 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=469180 (дата обращения: 11.06.2018).

Поступила в редакцию 15.10.18

UDC 343.2/.7

I. V. Dvoryanckov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Science and Information Center 1, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia) (e-mail: diw@yandex.ru)

M. N. Urda, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: urda.ru@rambler.ru)

EXPULSION OF FOREIGN CITIZENS AND INDIVIDUALS WITHOUT CITIZENSHIP FOR LIMITS OF THE RUSSIAN FEDERATION: TO THE QUESTION ABOUT THE PROSPECTS OF LEGAL DEFINITIONS IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

On the basis of statistical data, materials of judicial practice, the study of administrative legislation and the experience of foreign countries, the study substantiates the expediency of including in the criminal law the expulsion of foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation as a necessary tool to counter illegal migration and migration crime. A model of regulation of this measure of responsibility as the main and additional type of punishment is proposed. The authors proceed from the fact that as the main type of punishment, it should be used as an alternative to fines, compulsory, correctional and forced labor, provided that convicted foreign citizens (stateless persons) do not have the right to work in the Russian Federation (no official permission) and / or do not have a permanent source of income. As an additional form of punishment, forced expulsion from the Russian Federation should be applied only to imprisonment for a certain period, bearing in mind, above all, the specifics of migration crime in Russia, half of which are committed by foreign citizens and stateless persons of grave and especially grave crimes. Otherwise, the goal of punishment will not be achieved. The possibility of imposing the alleged punishment must be extended to all cases of the commission of criminal acts by a foreign contingent, imposing in the duty of the court to indicate in the sentence the reasons for the decision. In order to comply with restrictions of an international legal nature, it is advisable in the text of the law to determine that the proposed type of punishment cannot be imposed on persons with refugee status or granted political asylum in the Russian Federation; having dependent disabled citizens of the Russian Federation; a minor; consisting at the time of the crime in marriage and family relations with a citizen (citizen) of the Russian Federation. Exceptions to this rule may constitute the occurrence of "terrorist" crimes, as a guarantee of ensuring the national security of the state.

Key words: *expulsion, foreign citizens, stateless persons, illegal migration, migration crime.*

For citation: Dvoryanckov I. V., Urda M. N. Expulsion of foreign citizens and individuals without citizenship for limits of the Russian Federation: to the question about the prospects of legal definitions in the Criminal code of the Russian Federation. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 137–144 (in Russ.).

References

1. Svedeniya pravovoj statistiki General'noj prokuratury RF za period s 2013 po 2017 g. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed 11.05.2018).

2. Svedeniya Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii za period s 2013 po 2017 g: formy No 10.1, No 11. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 11.05.2018)

3. Prigovor Kizlyarskogo rajonnogo suda Respubliki Dagestan ot 21 aprelya 2016 g. po delu No 1-56/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ADrOXWQeNVdg/?regular-txt=> (accessed 11.05.2018).

4. O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 25.06.2002 No 115-FZ: [red. ot 19.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (accessed 11.05.2018).

5. O bezhencah: feder. zakon ot 19.02.1993 No 4528-1: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (accessed 11.05.2018).

6. O preduprezhdenii rasprostraneniya v Rossijskoj Federacii zabolevaniya, vyzyvayemogo virusom immunodeficitnogo cheloveka (VICH-infekcii): feder. zakon ot 30.03.1995 No 38-FZ: [red. ot 23.05.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6222/ (accessed 11.05.2018).

7. O poryadke vyezda iz Rossijskoj Federacii i v"ezda v Rossijskuyu Federaciyu: feder. zakon ot 15.08.1996 No 114-FZ: [red. ot 19.02.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (accessed 11.05.2018).

8. Ob utverzhenii Polozheniya o prinyatii resheniya o nezhelatel'nosti prebyvaniya (prozhivaniya) inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii i perechnya federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti, upolnomochennyh primat' reshenie o nezhelatel'nosti prebyvaniya (prozhivaniya) inostrannogo

grazhdanina ili lica bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.04.2003 No 199. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2003, no. 15, st. 1369

9. Prigovor Kalininskogo rajonnogo suda Tverskoj oblasti ot 16 avgusta 2011 g. po delu No 1-39/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt> (accessed 11.05.2018).

10. Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Demokraticheskoy Respubliki ot 11.01.2016. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (accessed 11.06.2018).

11. Ugolovnyj kodeks Francii: [red. ot 01.01.2014]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=493346 (accessed 11.06.2018).

12. Shvejcarskij ugolovnyj kodeks ot 21.12.1937: [po sostoyaniyu na 16.07.2012]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=488005 (accessed 11.06.2018).

13. Ugolovnyj kodeks Respubliki Azerbajdzhan ot 30.12.1999 No 787-IQ. URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (accessed 11.06.2018).

14. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 03.07.2014 No 226-V. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (accessed 11.06.2018).

15. Ugolovnyj kodeks Latvijskoj Respubliki: [s posl. izm., vnesennymi 06.06.2009]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=198834 (accessed 11.06.2018).

16. Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova ot 18.04.2002 No 985-XV. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (accessed 11.06.2018).

17. Ugolovnyj kodeks Korolevstva Ispaniya ot 24.11.1995. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=469180 (accessed 11.06.2018).

УДК 343.3/7

В. Е. Новичков, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: valery.novichkov@yandex.ru)

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются современные проблемы научно-отраслевого конфликта по поводу места информационной инфраструктуры Российской Федерации и её понятийно-категориальной составляющей в той или иной системе научного знания.

Появление всепроникающих компьютерных сетей, цифровых устройств и систем в информационную инфраструктуру Российской Федерации, как показало время, способствует не только эффективному функционированию всех отраслей жизнеобеспечения государства, но и несет в себе негативные аспекты использования обеспечительной части инфраструктуры – сферы компьютерной информации, а перспективы развития данного приоритетного направления определяют многообразие современных вызовов, справиться с которыми призвана вся система научного знания, в том числе и охранная её часть – уголовное право. Уголовно-правовая наука обеспечивает теоретическим материалом практику, которая, в свою очередь, способна создать организационную основу для эффективного функционирования системы безопасности информационной инфраструктуры Российской Федерации, направленной в первую очередь на предупреждение возникновения компьютерных инцидентов на объектах информационной инфраструктуры, а также существенно снижать иные негативные последствия в стране и обществе. Для решения этих современных сложных задач необходимо в первую очередь определиться с системой терминологических феноменов, среди которых особое место занимает понятие информационной инфраструктуры. В статье исследуются различные социальные, технические, правовые, функциональные и иные подходы к определению искомого понятия и отношение отраслевых наук к дефиниции информационной инфраструктуры. Опираясь на нормативно-правовые акты, утверждается необходимость уголовно-правового обеспечения защиты информационной инфраструктуры Российской Федерации от правонарушений посягательства на жизненно важные объекты государства, общества и личности. В качестве обоснования приводится ссылка на введение с 1 января 2018 года в действие новой уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за правонарушение воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Ключевые слова: *информационная инфраструктура, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети, правонарушение, незаконный доступ, незаконное воздействие, общественно опасное деяние, преступление.*

Ссылка для цитирования: Новичков В. Е. Понятие и содержание современной информационной инфраструктуры Российской Федерации: уголовно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 145–150.

***

Одной из важных составляющих современного государства и его общественно-экономических секторов является их информационная инфраструктура. В Доктрине информационной безопасности России, положения которой представляют собой систему официальных взглядов на основные государственно-правовые понятия, изложенные в ней, дается определение информационной инфраструктуры Российской Федерации, под которой понимается «совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или исполь-

зуемых на основании международных договоров Российской Федерации» [1].

В свою очередь, указанные выше объекты, системы, сайты и сети сосредоточены в качестве информационной инфраструктуры у так называемых государственных и хозяйствующих агентов инфраструктуры – юридических лиц, а также в распоряжении физических лиц – граждан государства, что предопределяет их отраслевую принадлежность и различия в создании, назначении, хранении, распоряжении, отторжении и т. д. В связи с данными обстоятельствами в различных отраслях научного знания обозначились противоречивые подходы к определению понятия информационной инфраструктуры, которые отражают специфику пред-

мета той или иной науки. Тем не менее в общепринятом понимании «информационная инфраструктура» определяется как система организационно-управленческих структур, гарантирующих деятельность и развитие информационного пространства и средств информационного взаимодействия, которая включает совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем коммуникаций, а также связи; обеспечивает доступ потребителей к информационным ресурсам [2; 3; 4].

Нормативно-правовые документы в области информационной безопасности страны, такие как «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», напротив, сфокусированы на базисных, критически важных направлениях развития Российской Федерации, в связи с чем компонентами обслуживающих конструкций указаны такие, как: информационная инфраструктура [1], информационная безопасность [5; 6; 7] и критическая информационная инфраструктура [8]. Например, в прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на плановый период 2018–2019 годов предусмотрено расширение применения информационных технологий в общесоциальной, государственной, экономической, предпринимательской (бизнес) сфере и соответствующих секторах управления. При этом документы подчеркивают слабую защищенность современной информационной инфраструктуры и её критической части, что объективно «тормозит» перспективу развития информационных технологий и требует срочной модернизации в единстве с основными целями внешней и внутренней безопасности Российской Федерации в направлении: а) устранения угроз информационной безопасности Российской Федерации; б) устранения неправомерного воздействия на критически важные объекты инфраструктуры;

в) устранения опасностей объектам повышенных рисков в Российской Федерации; г) снижения до минимально возможного уровня напряженности неконтролируемого вмешательства в процессы функционирования информационно-коммуникационных систем и устройств, для минимизации негативных последствий внешнего и внутреннего несанкционированного вмешательства [9].

При вышеуказанных обстоятельствах от отечественной науки требуются более широкие подходы к исследованию отечественной информационной инфраструктуры, в том числе её терминологического разнообразия, существующего в настоящее время в социологической, технической, юридической и иной теории.

Для реализации такой потребности необходим более точный и единообразный понятийный аппарат для определения информационной инфраструктуры. Существующие и предлагаемые в настоящее время понятия информационной инфраструктуры, её архитектуры и конструктивных особенностей, к сожалению, формулируются с различных позиций и в соответствии с той ролью, которую информационная инфраструктура выполняет в социально-экономическом, политическом, правовом, культурном и ином пространстве государства и общества,

С позиции общепринятого подхода, в тех или иных вариациях, под информационной инфраструктурой понимают систему организационных систем и подсистем (объединённых личностными факторами), обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства страны, а также средств информационного взаимодействия [10; 11; 12; 13]. Однако более точное определение еще в середине прошлого века сформулировал отечественный кибернетик Р. Л. Стратонович. Ученый систематизировал важнейшие результаты теории информации, разработал новые принципы законов термодинамики (в связи с информационной теорией) и определил содержательные признаки понятия информационной инфраструктуры – совокуп-

ности единиц сообщений, образующих информационное поле многообразных конструкций организационных и управленческих структур, обеспечивающих функционирование, а также развитие информационного пространства федеральной и региональной территории, а кроме этого средств информационного взаимодействия с некоторыми ограничениями на возможности физической реализации информационных систем, информационных ресурсов, автоматов-измерителей и информационных кибернетических каналов [14, с. 398–415]. По сути, все последующие дефиниции «информационной инфраструктуры», так или иначе, воспроизводили и до сих пор воспроизводят данное Р. Л. Стратоновичем определение.

Так, Ю. И. Горбунова и О. Н. Горбунова информационную инфраструктуру представляют как совокупность информационных центров, подсистем, банков данных и знаний, систем связи, центров управления, аппаратно-программных средств и технологий обеспечения сбора, хранения, обработки и передачи информации. Авторы подчеркивают, что функционирование информационной инфраструктуры направлено на обеспечение доступа потребителей к информационным ресурсам [12, с. 14].

Такое определение привлекательно тем, что в нем сосредоточены характеристики, изложенные в большинстве принятых в Российской Федерации нормативно-правовых актов, посвященных информационной инфраструктуре, что является одновременно и недостатком приведенной формулировки в силу того, что она обречена на перечисление информационных объектов и технических устройств, которые появятся в будущем и будут закреплены во вновь принятых государством документах либо дополнят уже существующие. Дело в том, что банки данных, банки знаний, информационные центры с различными сведениями составляют информационное пространство, а оно, в свою очередь, в совокупности с системами связи, аппаратно-программными средствами и технологи-

ями обеспечения сбора, хранения, обработки и передачи информации, сконструированные в особом логическом порядке, и представляют архитектуру информационной инфраструктуры [15].

Исследуя проблему понятия информационной инфраструктуры, профессор Е. В. Иода включает в него такие признаки, как совокупность взаимосвязанных, взаимодополняющих информационных структур, систем и юридических лиц – носителей информационного ресурса, образующих конструкцию отбора данных, при которой из множества существующих представлений формируется информационный продукт, позволяющий принять решение независимо от неосведомленности конкретного пользователя в проблемной области [16, с. 27].

В таком определении информационной инфраструктуры отсутствует организационная, а в отдельных случаях и управляющая компонента, ориентированная на функциональное назначение современной информации для отдельных её агентов.

Функциональный подход позволяет рассматривать взаимодействие многочисленных элементов информационной инфраструктуры, проявляющих себя в результате организации согласованности наложения их непосредственных значений друг с другом, создавая тем самым единообразное информационное пространство с такой же системной информационной инфраструктурой. В этом случае особенными характеристиками понятия «информационная инфраструктура» выступают активизация и мобилизация имеющихся возможностей материальных и нематериальных агентов, актив которых представляют: личный, институциональный, политический, правовой, интеллектуальный, научный, образовательный, инвестиционный, культурно-социальный на макро- и микроуровнях. Например, в экономике информационная инфраструктура состоит из сведений, которые представляют наиболее важную информацию о ресурсах, товарах, ценах, рынках, каналах сбыта, конкурентах,

перспективах развития всего того, что связано с получением прибыли и капиталом. В то же время социальная информационная инфраструктура базируется на сведениях материально-вещественных отраслей, гарантирующих нормальную жизнедеятельность общества, социально-психологических групп, индивида и их интеллектуального развития.

В современном обществе все выше-названные инфраструктурные отрасли не просто входят в информационное пространство, а, так или иначе, обеспечиваются сферой компьютерной информации. Следовательно, принципиально значимые индексы материальных и нематериальных отраслей обобществленной информационной инфраструктуры, обеспеченные сферой компьютерной информации, рассматриваются с помощью иных, более прагматичных позиций, в том числе и уголовно-правовой в силу того, что информационная инфраструктура объективно подвержена неправомерным общественно опасным посягательствам. Как справедливо отмечено О. А. Герасимовой, объектом неправомерного воздействия выступает не только информация и её информационная сфера, но и личность, информационная инфраструктура, общественная безопасность, общественный порядок, сфера функционирования государства, безопасность человечества [17, с. 327].

В Уголовном кодексе РФ преступления в сфере компьютерной информации сосредоточены в главе 28, к ним относятся: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК), создание, использование и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК).

Статья 274.1 УК РФ была введена в действие с 1 января 2018 года и призвана

непосредственно обеспечивать защиту информационной инфраструктуры и, более того, её критической составляющей, соответственно, гарантирование уголовно-правовой защиты информационной инфраструктуры в России собственно доказывает необходимость рассмотрения данной проблематики в рамках уголовного права.

Список литературы

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.
2. Арефьев П. В. Инновационная инфраструктура современной индустриальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Томск, 2007. 22 с.
3. Лопатина Н. В. Информационная инфраструктура общества: современные проблемы функционирования и развития // Информационные ресурсы России. 2014. № 2. С. 13–15.
4. Родионов И. И. Информационная инфраструктура современного общества // Информация и инновации. 2017. № 1. С. 145–150.
5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: [утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016. № 642] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 49, ст. 6887.
6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: [утв. распоряжением Правительства РФ 28.07.2017 № 1632-р] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 32, ст. 5138.
7. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: [утв. Правительством РФ 03.01.2014]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380> (дата обращения: 17.03.2018).
8. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Собр. законода-

тельства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. I, ст. 4736.

9. Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: [утв. указом Президента РФ 03.02.2012 № 803]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_150730 (дата обращения: 19.05.2018).

10. Гиляревский Р., Родионов И., Цветкова В. Развитие национальной информационной инфраструктуры в научно-технической сфере // Информационные ресурсы России. 2011. №5. С. 16–18.

11. Кузнецова А. И. Инфраструктура: вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства: геоэкономический подход. Изд. третье. М.: URSS, 2013. 456 с.

12. Горбунова Ю. И., Горбунова О. Н. Информационная инфраструктура: современная сущность, подотрасли её составляющие // Социально-экономические

явления и процессы. 2014. №2 (060). С. 14–21.

13. Родионов И. Информационная инфраструктура современного общества // Информация и инновации. 2017. S1. С. 145–150.

14. Стратонович Р. Л. Теория информации. М.: Сов. радио, 1975. 424 с.

15. Новичков В. Е. Архитектура информационных ресурсов уголовно-политического прогнозирования: понятие, структура, объём // Таврический научный обозреватель. 2016. №10(15), ч. 1. С. 30–37.

16. Иода Е. В. Формирование информационной инфраструктуры в контексте развития инновационной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 26–31.

17. Герасимова О. А. Особенности преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 12 (56), ч. 2. С. 327–330.

Поступила в редакцию 02.10.18

UDK 343.97. (075)

V. E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: valery.novichkov@yandex.ru)

THE CONCEPT AND CONTENT OF MODERN INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINAL-LEGAL ASPECT

The article deals with modern problems of scientific and industrial conflict over the place of the information infrastructure of the Russian Federation and its conceptual-categorical component, in this or that system of scientific knowledge.

The emergence of all-pervasive, computer networks, digital devices and systems in the information infrastructure of the Russian Federation, as time has shown, contributes not only to the effective functioning of all branches of life support of the state, but also carries negative aspects of the use of the security part of the infrastructure - the sphere of computer information, and the prospects for the development of this priority direction determine the variety of modern challenges, to cope with which the entire system of scientific knowledge is called, in the security part - the criminal law. Criminally-legal science provides theoretical material for practice, which, in turn, is capable of creating an organizational basis for the effective functioning of the security system of the information infrastructure of the Russian Federation, aimed primarily at preventing the occurrence of computer incidents at information infrastructure facilities, and also significantly reducing other negative consequences in the country and society. To solve these modern complex problems, it is first of all necessary to determine the system of terminological phenomena, among which the notion of information infrastructure occupies a special place. The article explores various social, technical, legal, functional and other approaches to the definition of the desired concept and the attitude of the branch sciences to the definition of the information infrastructure. Relying on normative legal acts, the necessity of criminal legal protection of the information infrastructure of the Russian Federation against unlawful encroachments on the vital objects of the state, society and the individual is affirmed. As a justification, a reference is made to

the introduction, starting from January 1, 2018, of a new criminal law norm that criminalizes the unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code).

Key words: *information infrastructure, computer information, information and telecommunication networks, unauthorized access, illegal influence, socially dangerous act, crime.*

For citation: Novichkov V. E. The concept and content of modern information infrastructure of the Russian Federation: criminal-legal aspect. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 145–150 (in Russ.).

***

References

1. Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 No 646. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2016, no. 50, art. 7074.
2. Aref'ev P. V. Innovacionnaya infrastruktura sovremennoj industrial'noj ehkonomiki. Avtoref. dis. kand. ehkon. nauk. Tomsk, 2007. 22 p.
3. Lopatina N. V. Informacionnaya infrastruktura obshchestva: sovremennye problemy funkcionirovaniya i razvitiya. Informacionnye resursy Rossii, 2014, no. 2, pp. 13–15.
4. Rodionov I. I. Informacionnaya infrastruktura sovremenogo obshchestva. Informaciya i innovacii, 2017, no. 1, pp. 145–150.
5. Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii: [utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 No 642]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2016, no. 49, art. 6887.
6. Programma “Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii”: [utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF 28.07.2017 g. No 1632-r]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2017, no. 32, art. 5138.
7. Prognoz nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: [utv. Pravitel'stvom RF 03.01.2014]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380> (accessed 17.03.2018).
8. O bezopasnosti kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 26.07.2017 No 187-FZ. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2017, no. 31, pt. I, art.4736.
9. Osnovnye napravleniya gosudarstvennoj politiki v oblasti obespecheniya bezopasnosti avtomatizirovannyh sistem upravleniya proizvodstvennymi i tekhnologicheskimi processami kriticheskimi vaznykh ob'ektov infrastruktury Rossijskoj Federacii: [utv. ukazom Prezidenta RF 03.02.2012 No 803]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_150730 (accessed 19.05.2018).
10. Gilyarevskij R., Rodionov I., Cvetkova V. Razvitie nacional'noj informacionnoj infrastruktury v nauchno-tehnicheskoy sfere. Informacionnye resursy Rossii, 2011, no. 5, pp. 16–18.
11. Kuznecova A. I. Infrastruktura: voprosy teorii, metodologii i prikladnye aspekty sovremenogo infrastruktornogo obustrojstva: geoehkonomicheskij podhod. 3th ed. Moscow, URSS Publ., 2013. 456 p.
12. Gorbunova Yu. I., Gorbunova O. N. Informacionnaya infrastruktura: sovremennaya sushchnost', podotrasli eyo sostavlyayushchie. Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i process, 2014, no. 2 (060), pp. 14–21.
13. Rodionov I. Informacionnaya infrastruktura sovremenogo obshchestva. Informaciya i innovacii, 2017, S1, pp. 145–150.
14. Stratonovich R. L. Teoriya informacii. Moscow, Sov. radio Publ., 1975. 424 p.
15. Novichkov V. E. Arhitektura informacionnyh resursov ugolovno-politicheskogo prognozirovaniya: ponyatie, struktura, ob'yom. Tavricheskij nauchnyj obozrevatel', 2016, no. 10(15), pt. 1, p. 30–37.
16. Ioda E. V. Formirovanie informacionnoj infrastruktury v kontekste razvitiya innovacionnoj deyatel'nosti. Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i process, 2010, no. 5, pp. 26–31.
17. Gerasimova O. A. Osobennosti prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii. Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2007, no. 12 (56), pt. 2, pp. 327–330.

УДК 343.13

Я. П. Ряполова, канд. юрид. наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: yaroslava@mail.ru)

Д. Е. Снегирева, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: daryasnegireva@mail.ru)

СОВЕСТЬ КАК НРАВСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается содержание принципа свободы оценки доказательств в уголовном процессе, согласно которому судьи и присяжные заседатели, а также следователь, дознаватель и прокурор оценивают доказательства сквозь призму внутреннего убеждения, совести, закона. Выделены два критерия, которыми субъекты оценки доказательств должны руководствоваться: нормативный (закон) и нравственный (совесть). С исторической точки зрения рассмотрено содержание и значение совести и закона в русской культуре. Совесть рассматривается как внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего побуждения. Ввиду того, что понятие «совесть» в юридической доктрине и нормах права никак не разработано и не отражено, авторы предлагают не описательное, а сущностное раскрытие этого понятия в уголовном процессе. Проанализированы различные точки зрения на содержание данного понятия. Обосновывается мнение о том, что совесть характеризует нравственную природу не только оценки доказательств, но и всей процедуры доказывания, в связи с чем предлагается закрепление в уголовно-процессуальном законе положения, согласно которому совестью субъект уголовного судопроизводства должен руководствоваться при принятии любых процессуальных решений.

Уделено внимание вопросу о сущности категории «совесть». Проанализирована и критически оценена позиция некоторых авторов, согласно которой совесть представляет собой индивидуальное явление, имеющее характеристики, разнящиеся от одного субъекта доказывания к другому. Выражено обоснованное согласие с представителями второй концепции понимания сущности совести, которые считают совесть определенной общепризнанной нравственной константой, отражающей моральные устои общества.

Сделан вывод о необходимости существования в нормативной сфере такой нравственной категории, как совесть, поскольку это внутреннее чувство ответственности за принимаемые решения обеспечивает независимость при формировании внутреннего убеждения и соответствие процессуального решения моральным требованиям общества. Предлагается законодательно продолжить регламентацию данного понятия, расширить его влияние на всю процессуальную деятельность, на все принимаемые решения, на все правосудие, не ограничиваясь одной лишь сферой уголовного процесса.

Ключевые слова: принцип свободы, оценка доказательств, внутреннее убеждение, закон, совесть, нравственность, уголовный процесс.

Ссылка для цитирования: Ряполова Я. П., Снегирева Д. Е. Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 151–161.

***

В уголовно-процессуальной науке давно признано, что важнейшим элементом процесса доказывания, который пронизывает весь путь достижения истины по уголовному делу, выступает оценка доказательств.

Под оценкой доказательств следует понимать мыслительную деятельность субъектов уголовного судопроизводства, осуществляемую в условиях, установленных нормами уголовно-процессуального закона, на основе правил логики, направленную на определение допустимости, относимости, достаточности и достоверности доказательств, с обязатель-

ным последующим изложением ее результатов в соответствующих процессуальных документах.

Основным принципом, применяемым на сегодняшний день в процессе доказывания по уголовному делу, является принцип свободы оценки доказательств, которому посвящена ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. Согласно данному принципу, судьи и присяжные заседатели, а также следователь, дознаватель и прокурор должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основываясь на сово-

купности доказательств, имеющих в уголовном деле, и руководствуясь при этом законом и совестью.

Необходимо отметить, что до того, как появился принцип свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, превалировала теория формальных доказательств, согласно которой сила каждого доказательства и необходимое для разрешения дела их количество определялись заранее.

Закрепление в законодательстве принципа свободы оценки доказательств можно охарактеризовать как продукт Новейшего времени, результат изменения восприятия окружающей действительности и человеческого миропонимания, возможного лишь в ходе продолжительного процесса гуманизации общества, перехода государств от тоталитарных режимов к демократическим.

Таким образом, на сегодняшний день одним из важнейших принципов российского уголовного процесса является свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению. Внутреннее убеждение выражается в способности лица принимать решения, не основываясь ни на чьем ином мнении, кроме своего собственного, при формировании которого надлежит руководствоваться законом и совестью. Из нормы закона следует, что внутреннее убеждение лиц, которые производят оценку доказательств, не образуется случайно, неоправданно, оно должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств.

Подтверждением сказанному является Определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 473-О [2], в котором указано, что ст. 17 УПК РФ, предписывая суду осуществлять оценку доказательств по внутреннему убеждению, не содержит каких-либо положений, допускающих возможность их произвольной оценки. Напротив, в данной статье в качестве принципа оценки доказательств закрепляется адресованное судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю требование не

только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений. Устранение нарушений, связанных с несоблюдением этих требований, обеспечивается закрепленным в законе порядком обжалования и проверки, в том числе судебной, законности и обоснованности действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Итак, мы можем выделить два критерия, которыми субъекты оценки доказательств должны руководствоваться: нормативный и нравственный. В качестве последнего выступает совесть. Но так как нравственные категории обладают предельно общими характеристиками, и конкретизировать их под каждую ситуацию довольно затруднительно, поэтому принципиально важно, что в ст. 17 УПК РФ речь идет не только о совести как нравственной основе оценки доказательств, но и о законе (нормативном критерии).

Таким образом, из принципа свободы оценки доказательств, который, кстати, изначально возник одновременно с судом присяжных, следует, что судьи и присяжные заседатели, а также следователь, дознаватель и прокурор оценивают доказательства сквозь призму совести, закона и внутреннего убеждения. Однако надо иметь в виду, что профессиональные юристы (в частности, судья, прокурор, следователь, дознаватель) с учетом досконального знания ими законов оценивают доказательства с более профессиональной стороны, в то время как присяжные заседатели могут давать оценку доказательствам по своему внутреннему убеждению, руководствуясь в основном совестью и в меньшей степени законом, поэтому при оценке доказательств они не могут быть в полной мере объективными, в связи с чем имеется возможность того, что их вердикт может оказаться незаконным и несправедливым.

Представляется необходимым детальное осмысление внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств и морально-этического компонента данного понятия – совести.

Если понятие закона достаточно четко определено в российской системе права, то природа и содержание понятия «совесть» в рамках правовой системы и в науке уголовного процесса четко не сформулировано.

Исторически в России так сложилось, что придаваемая праву высокая ценность в общественной жизни обуславливалась не только его управленческим значением в регулировании общественных отношений, но и его ролью в душевном воспитании народа. Свидетельством тому служит и тот факт, что понятие «правда» использовалось в качестве альтернативы понятию «закон». В свою очередь, понятие «закон» использовалось чаще для обозначения нравственных и религиозных заповедей, чем для названия правовых актов. Екатерина II была убеждена, что законы бесполезны, если основываются только на страхе ответственности, и что воспитание в людях добрых нравов упрочнит правопорядок в существовавшем обществе [3, с. 587].

Вопрос о сущности справедливости и совести волновал людей на протяжении многовековой истории и остается актуальным в настоящее время. Они несут в себе оценку добра и зла, закона и беззакония, лжи и истины, пронизывают все стороны общественной и государственной жизни.

Следует также обратить внимание на тот факт, что существующему в русском языке слову совесть нет аналогов в других языках. Лишь в российском общественном сознании внутреннее убеждение соотносится со справедливостью и совестью, тогда как, например, в западной культуре преступление противопоставляется закону. В нашем понимании совесть можно определить как внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без

внешнего побуждения. Каждый сознательный человек внутренне осознает, что такое добро и зло, через это и формируется чувство осуждения или одобрения того или иного явления или действия, что в русской культуре называют совестью. Не всегда законы могут быть доступными для понимания, они могут быть противоречивыми, иметь пробелы, и в таких случаях человек руководствуется совестью.

В научной литературе существуют различные точки зрения на содержание данного понятия. Н. П. Кузнецов определяет «совесть» через категорию «способности личности». Он считает, что таковой предстает способность личности к моральному самоконтролю, форма самосознания личности [4, с. 79]. Понятие «способность» в словаре определено как возможность, умение что-нибудь делать [5]. Таким образом, охарактеризовав категорию «совесть» через понятие «способность», автор дозволил тем самым оценивать доказательства без вовлечения в этот процесс чувства нравственной ответственности за принимаемое решение (осуществляемое действие, бездействие). Однако не факт, что умеющее что-либо делать лицо воспользуется своей способностью [6]. По смыслу же положения ст. 17 УПК РФ на субъекта оценки доказательств возложена не обязанность «иметь способность», а обязательство следовать чувству нравственной ответственности перед людьми, обществом и государством за свои решения и поступки.

Более справедливым представляется понимание нравственной категории оценки доказательств в уголовном процессе, высказанное В. А. Лазаревой и Н. А. Развейкиной, которые определяют совесть как чувство нравственной ответственности [7, с. 83].

В. Л. Будников, исследуя нравственный критерий доказывания, утверждает, что совесть характеризует нравственную природу не только оценки доказательств, но и всей процедуры доказывания, по-

сколькx является тем самым духовным свойством человека, которое позволяет ему соотносить свои действия с общественной моралью [8, с. 43–44].

Мы полагаем, что с указанной позицией можно, в целом, согласиться, однако необходимо помнить, что о совести как о явлении, которое предусмотрено уголовно-процессуальным законом, упоминается только применительно к одному из элементов процесса доказывания. Сказанное не означает, что при осуществлении иной процессуальной деятельности судья, следователь дознаватель, прокурор не должны руководствоваться чувством нравственной ответственности за свои поступки (действия, бездействие) и решения. Но сопоставление совершенных действий и принятых решений с собственной совестью, которое совершается за пределами оценки доказательств, выполняется вне уголовно-процессуальной сферы, а значит, каково-либо отношение к ст. 17 УПК РФ не имеет.

В связи со сказанным представляется целесообразным закрепление в уголовно-процессуальном законе положения, согласно которому совестью субъект уголовного судопроизводства должен руководствоваться при принятии любых решений. В условиях современной регламентации уголовно-процессуальной деятельности получается, что при решении многих важных процессуальных вопросов участники уголовного судопроизводства о совести могут вовсе не думать. На данную проблему законодателю следует обратить особое внимание и найти пути ее решения.

Представляется также необходимым уделить внимание вопросу сущности категории «совесть». На сегодняшний день имеются различные точки зрения на природу исследуемого понятия. Одни авторы придерживаются взгляда, согласно которому совесть представляет собой индивидуальное явление, имеющее характеристики, разнящиеся от одного субъекта доказывания к другому [9, с. 2]. Другими

словами, сторонники данной точки зрения считают, что каждый человек обладает своим, уникальным, присущим только ему уровнем совестливости. Трудно признать данную позицию верной, поскольку субъект любых отношений не может являться отчасти совестливым или в какой-то степени бессовестным.

Однако на практике встречаются случаи неординарного понимания и проявления судейской совести, вызывающие неоднозначную реакцию как юристов, так и представителей общественности.

Пример тому неоднократно упоминаемое многими авторами и СМИ решение (постановление о самоотводе), вынесенное рязанским федеральным судьей С. Н. Болотовым, который, действуя из собственных соображений совести, якобы в целях объективности судебного разбирательства уголовного дела по обвинению К., посчитал необходимым устраниваться от участия в производстве по данному делу по следующим причинам. Принятие такого решения судья мотивировал тем, что подсудимый К. вызвал к себе негативное отношение своими противоправными действиями, выразившись в том, что в ходе судебного следствия он со своим защитником нарушали порядок в судебном заседании, на неоднократные предупреждения судьи не реагировали, не подчинялись его распоряжениям, оскорбительно выражались, проявляя явное неуважение к суду. В такой ситуации судья посчитал дальнейшее свое участие в рассмотрении уголовного дела в отношении К. невозможным, поскольку изложенные обстоятельства, по мнению судьи, дают основания сомневаться в его беспристрастности, что он лично или косвенно заинтересован в исходе дела, нарушают нормы этики и дают повод для жалоб. По убеждению Н. С. Гаспарян, в данном случае судья принял совестливое решение, и именно совесть не позволила ему показательно «отомстить» подсудимому К. за нанесенную личную обиду [10].

Однако вызывает недоумение тот факт, что судья при этом ни подсудимому, ни его защитнику не сделал даже предупреждения о недопустимости их поведения, поэтому в определенной степени обоснованными представляются претензии со стороны многих авторов в адрес этого судьи, у которого таким своеобразным образом «проснулась совесть».

Так, по мнению А. Ю. Астафьева, в вышеприведенном примере судья злоупотребил своими процессуальными правами, уклонившись от дальнейшего рассмотрения дела, признав, что не способен оставаться беспристрастным и адекватно реагировать на нарушения участниками процесса порядка в зале судебного заседания [11, с. 186].

Действия этого судьи саркастически даже назвали «муками совести» [12], при том что в это время грубые нарушители порядка в суде вовсе не обливались слезами морального раскаяния и остались даже без предупреждения суда. Негативно повлияло такое неоправданное и нецелесообразное с процессуальной точки зрения «совестливое» решение судьи и на процесс рассмотрения уголовного дела, по которому не был своевременно вынесен приговор в отношении указанного подсудимого.

Необоснованно вынесенное судьей постановление о самоотводе может быть отменено вышестоящей инстанцией, но не факт, что в этом случае дело будет возвращено на рассмотрение другому судье. Не исключена возможность, что дело будет возвращено на рассмотрение тому же судье, чье постановление о самоотводе было отменено. Судья С. Н. Болотов не мог не знать о такой возможности в силу положений ч. 1 ст. 63 УПК РФ, поэтому возникают объективные сомнения в том, что же «сподвигло» его на самоотвод – вряд ли «зов» совести.

Приведенный пример обнаруживает проявление индивидуального, но не всегда адекватного понимания совести в правоприменительной деятельности, что

зачастую искажает восприятие сущности этого понятия. В связи с этим наиболее верной представляется вторая концепция понимания совести, сторонники которой считают, что совесть являет собой определенную общепризнанную нравственную константу, которая отражает моральные устои общества. С ней каждый индивид должен всегда сопоставлять каждое свое действие [8, с. 43–44].

Думается, что данная точка зрения наиболее обоснована и соответствует действительности по следующей причине. Как мы знаем, категория совести закреплена в законе, а все законоположения обязательны и рассчитаны на неопределенный круг соответствующих субъектов, поэтому законодатель мог включить в текст уголовно-процессуального кодекса нравственный критерий (совесть) лишь в понимании его как единого для всех состояния соответствия поступков (действий, бездействий) и решений общепринятым нормам морали.

Как справедливо отмечает В. Л. Будников, установленные законом правила оценки доказательств не могли предполагаться различными для каждого субъекта доказывания. Несмотря на то, что внутреннее убеждение человека является глубоко индивидуальным, тем не менее оно формируется в зависимости от общепринятых понятий, представлений и отношения к правовым знаниям и может различаться в зависимости от уровня профессионального опыта, базирующегося на общепринятых образовательных стандартах [8, с. 43–44].

Реализация принципа свободной оценки доказательств напрямую зависит от уровня нравственности и наличия деловых качеств субъектов оценки доказательств. Морально-этический компонент внутреннего убеждения определяет поступки и действия, осуществляемые в соответствии со своими убеждениями, требованиями совести и критериями справедливости при вынесении решений. Учитывая относительный характер понятий нравственности, можно отметить, что

она зависит от многих составляющих (воспитания, культуры, религиозных убеждений и т. д.). Соответственно, и внутреннее убеждение субъекта формируется под воздействием самых разнообразных факторов. В силу этого обеспечение абсолютно одинакового понимания и отношения к тем или иным принятым в обществе нормам права и морали не представляется возможным. В связи с этим нельзя утверждать, что совесть является нравственной гарантией принятия правильного решения, тем не менее она побуждает к верному применению закона, ведь ориентирует на установление истины и обеспечение справедливости правосудия. При этом общность этических, нравственных, правовых, профессиональных норм предполагает возможность единообразного применения закона субъектами, руководствующимися совестью. Но проблема, тем не менее, видится в том, кто конкретно будет принимать решение, высоки ли будут его моральные устои и принципы, присущи ли ему совесть и чувство справедливости, насколько высок уровень его профессионального образования, поэтому всегда актуальной будет необходимая подготовка именно высоконравственных и высокоморальных юристов, поскольку если пробелы в профессиональных знаниях и можно восполнить, то отсутствие вовремя заложенных в сознании человека нравственности, морали, совести компенсировать либо восполнить вряд ли возможно.

Положение ч. 1 ст. 17 УПК РФ рассчитано на то, что судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, изучая материалы дела, непременно осмысливают значимость, ценность для общества выводов, которые в дальнейшем обретают форму определенных поступков (действий, бездействий) и решений в сфере уголовного процесса. Соответствующие результаты деятельности по оценке доказательств являются своеобразными индикаторами, по которым можно определить

совестливость субъекта, принявшего решение и (или) совершившего действие (бездействие).

Сказанное не означает, что каждый человек должен самостоятельно решать, какой его поступок является этическим, добродетельным, а какой этим требованиям не удовлетворяет. Лишь общество, прошедшее длительный период своего формирования, осмыслившее ключевые этические понятия (добра, зла, справедливости и др.), в полной мере морально оформившееся, может выработать критерии нравственности, по которым можно судить о наличии (отсутствии) совести в поступках человека. Очень точно выражена эта мысль в словах Л. Н. Толстого: «Совесть – это память общества, усвоенная отдельным лицом» [13, с. 63].

И именно в соответствии с этой усвоенной индивидом памятью общества («зовом совести») необходимо соотносить свои действия и решения, чтобы ощущать себя совестливым и удовлетворенным собой человеком. Как верно отметил А. Ф. Кони, с голосом совести надо считаться, чтобы избежать глубокого «душевного разлада с собою». В этой связи известный юрист отмечал: то, что называют «судейской совестью», представляет собой силу, поддерживающую судью и вносящую особый, возвышенный смысл в творимое им дело. Средства ее проявления достаточно четко определены в присяге судей и присяжных заседателей [14, с. 84].

Поскольку требование закона руководствоваться при осуществлении правосудия совестью является одним из основополагающих нравственных ориентиров в деятельности судей, именно поэтому каждый судья, принося присягу, клятвенно обещает честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят долг судьи и его совесть (ч. 1 ст. 8 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [15]).

В содержании присяги присяжных заседателей (ч. 1 ст. 332 УПК РФ) также акцентируется внимание на нравственных аспектах их деятельности, в том числе упоминается совесть. Каждый из присяжных заседателей перед началом исполнения возлагаемых на них законом ответственных обязанностей торжественно клянется исполнять их честно и беспристрастно, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести.

Как мы видим, законодатель, несомненно, придает важнейшее значение соблюдению принципа свободной оценки доказательств в уголовном процессе и определяет совесть в качестве главенствующего нравственного критерия деятельности субъектов по оценке доказательств (о чем свидетельствует, прежде всего, содержание ст. 17 УПК РФ, а также других вышеупомянутых норм). Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, определив требования закона о правилах оценки доказательств, т. е. нормативный критерий оценки доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности, а также достаточности всех собранных доказательств (совокупность которых в силу ст. 17 УПК РФ субъекты оценки доказательств должны оценивать по внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью), законодатель при этом в ч. 1 ст. 88 УПК РФ даже не упомянул о совести как нравственной основе внутреннего убеждения. На наш взгляд, это свидетельствует о некоторой непоследовательности в регулировании вопроса оценки доказательств в уголовном процессе и необходимости восполнения данного пробела в целях более четкой, последовательной и системной регламентации деятельности по оценке доказательств с точки зрения полноценного обеспечения в уголовном судопроизводстве соблюдения принципа свободы оценки доказательств, нравственную основу которого составляет совесть.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что совесть как критерий оценки доказательств имеет место в российской системе права только применительно к уголовному судопроизводству. Так, если обратиться к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [16], в частности, к ст. 67, которая регламентирует оценку доказательств, то можно увидеть следующую формулировку: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Аналогичное отсутствие категории «совесть» при оценке доказательств можно отметить и в соответствующих статьях Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [17] (в ч. 1 ст. 71 АПК РФ), и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [18] (в ч. 1 ст. 84 КАС РФ), и, наконец, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [19] (в ст. 26.11 КоАП РФ).

Подобная позиция законодателя в выборе законодательных конструкций предстает противоречивой и непонятной. Следуя такой логике, судья при оценке доказательств должен руководствоваться совестью лишь в сфере уголовного процесса, а решения, которые принимаются при оценке доказательств в иных видах судопроизводства в России, не должны соответствовать нормам морали? Можно предположить, что законодателем были выбраны столь разнящиеся законодательные конструкции, поскольку сфера уголовного судопроизводства в наибольшей степени затрагивает права, свободы, интересы человека, и именно совесть, законодательно закрепленная в качестве критерия оценки доказательств, будет служить в этой связи дополнительной гарантией принятия справедливого решения, недопущения ограничения лица в правах. Однако такое обоснование вряд ли является верным, т. к. вся судебная

деятельность, правосудие как вид государственной деятельности, обязательно должны отвечать нравственным представлениям человека, поскольку мораль и право – основные регуляторы общественных отношений.

Представляется, законодателю следует обратить внимание на допущенное упущение нравственного критерия оценки доказательств в регламентации различных видов судопроизводства России, за исключением уголовного процесса. По нашему мнению, АПК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ, КАС РФ должны закреплять нравственный критерий оценки доказательств, даже несмотря на то, что на данном этапе развития государства законодателю не представляется возможным единообразно словесно сформулировать, что такое совесть. Ведь отсутствие нормативного закрепления понятия «совесть» не означает, что данная категория не существует вовсе и не может быть понята субъектом доказывания. Лицо, которое получило высшее юридическое образование, которое прошло достаточно сложную проверку на пригодность для службы в правоохранительных или судебных органах государства, безусловно, не может не знать общепринятых понятий морали.

Также следует обратить внимание на Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. №2035-О [20], в котором указано, что УПК РФ, закрепляя принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, и предписывая руководствоваться при этом законом и совестью, подлежит применению в системной связи с иными законодательными положениями, устанавливающими порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности ст. 74, 75, 81, 87, 88, 234 и 235 УПК РФ.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что оценку доказательств можно считать грамотной, объективной

лишь в том случае, когда выводы, сделанные в результате такой деятельности, будут удовлетворять законам Российской Федерации и общему закону нравственности, будут основаны на системной связи принципа свободной оценки доказательств с другими законоположениями, касающимися доказательственной деятельности. Помимо нормативного критерия оценки доказательств, каким является закон, огромную роль играет нравственный критерий, а именно совесть. Мы искренне убеждены в необходимости существования в нормативной сфере такой нравственной категории, поскольку это внутреннее чувство ответственности за принимаемые решения обеспечивает независимость при формировании внутреннего убеждения и соответствие процессуального решения моральным требованиям общества, поэтому имеет смысл законодательно продолжить регламентацию данного понятия, расширить его влияние на всю процессуальную деятельность, на все принимаемые решения, на все правосудие, не ограничиваясь одной лишь сферой уголовного процесса.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: [ред. от 29.07.2018]. URL: http://consultant.ru/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 16.09.2018).
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисенко Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 17 и главы 45.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 29.03.2016. № 473-О. URL: <http://legals.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29032016-n-473-o/> (дата обращения: 16.09.2018).
3. Школа С. А. Морально-этический компонент внутреннего убеждения судьи

// Молодой ученый. 2014. №6. С. 587–589.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Книга-Сервис, 2003. 1280 с.

5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-54987.htm> (дата обращения: 13.09.2018).

6. Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. 9-е изд., перераб. 2014. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17785#09456606546003261> (дата обращения: 13.09.2018).

7. Лазарева В. А., Развейкина Н. А. Внутреннее убеждение присяжных заседателей и некоторые аспекты его формирования // Право и политика. 2007. №12. С. 82–87.

8. Будников В. Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2010. №1. С. 43–44.

9. Аверин А. В. О судебной оценке доказательств // Российский следователь. 2004. № 4. С. 2–5.

10. Гаспарян Н. С. Нужна ли суду совесть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.palatask.ru/article-all/gasparyan/conscience.html> (дата обращения: 11.09.2018).

11. Астафьев А. Ю. Особенности самоконтроля судьи при рассмотрении уголовных дел // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139), вып. 22. С. 186–194.

12. Судьи устали судить по понятиям? [Электронный ресурс]. URL: <http://voensud.ru/novosti-s-mest-f56/sudi-ustali-sudit-po-ponyatiyam-t1762-120.html> (дата обращения: 19.09.2018).

13. Матвеева А. И. Проблема духа, души и духовности в контексте природы человека. Казань: Бук, 2016. 180 с.

14. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты су-

дебной этики). Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2006. 158 с.

15. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон РФ от 26.06.1992 №3132-1: [ред. от 29.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 11.09.2018).

16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ: [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 11.09.2018).

17. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 11.09.2018).

18. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ: [ред. от 19.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 11.09.2018).

19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 11.09.2018).

20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крохмалю Александра Викторовича на нарушение его Конституционных прав статьями 8 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью 5 статьи 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» и подпунктом 1 пункта 7 Положения о Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение

Конституционного Суда РФ от 29.09.2016
№ 2035-О. URL: [http://base.garant.ru/
71523394/](http://base.garant.ru/71523394/) (дата обращения: 11.09.2018).

Поступила в редакцию 06.10.18

UDC 343.13

Ya. P. Ryapolova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: yarosslava@mail.ru)

D. E. Snegireva, Undergraduate, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: daryasnegireva@mail.ru)

CONSCIENCE AS A MORAL CRITERION OF ACTIVITY IN EVALUATING EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCESS

The article discusses the content of the principle of freedom to evaluate evidence in criminal proceedings, according to which judges and jurors, as well as the investigator, the investigator and the prosecutor evaluate evidence through the prism of inner conviction, conscience, law. Two criteria are identified by which the subjects of evidence evaluation should be guided by: normative (the law) and moral (conscience). From the historical point of view, the content and meaning of conscience and law in Russian culture are considered. Conscience is considered as an internal spiritual and moral law of man, allowing him to respect the right without external impulse. Due to the fact that the concept of "conscience" in the legal doctrine and norms of law is not developed or reflected in any way, the authors offer not a descriptive, but an essential disclosure of this concept in the criminal process. Analyzed various points of view on the content of this concept. The opinion is substantiated that conscience characterizes the moral nature of not only the evaluation of evidence, but also the entire procedure of proof, in connection with which, it is proposed that the criminal procedure law establishes a provision according to which the subject of criminal proceedings should be guided by conscience when making any procedural decisions.

Attention is paid to the question of the nature of the category of conscience. Analyzed and critically evaluated the position of some authors, according to which conscience is an individual phenomenon that has characteristics that differ from one subject of proof to another. Informed agreement is expressed with representatives of the second concept of understanding the essence of conscience, who consider the conscience to be a certain generally accepted moral constant reflecting the moral principles of society.

The authors analyzed the judicial practice, indicating the influence of conscience on the decisions taken by the judges.

The conclusion is made that it is necessary to have such a moral category as conscience in the normative sphere, since this inner sense of responsibility for the decisions that is made ensures independence in the formation of inner conviction and the consistency of the procedural decision to the moral requirements of society. It is proposed to legislatively continue the regulation of this concept, expand its influence on all procedural activities, on all decisions taken, on all justice, not limited to just the scope of the criminal process.

Key words: *the principle of freedom to evaluate evidence, inner conviction, law, conscience, morality, criminal procedure.*

For citation: Ryapolov Ya. P., Snegireva D. E. Conscience as a moral criterion of activity in evaluating evidence in the criminal process. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 151–161 (in Russ.).

***

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 18.12.2001 No 174-FZ: [red. ot 29.07.2018]. URL: http://consultant.ru/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 16.09.2018).

2. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Borisenko Nikolaya Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniyami chasti pervoj stat'i 17 i glavy 45.1 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29.03.2016 No 473-O. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-29032016-n-473-o/> (accessed 16.09.2018).

3. Shkola S. A. Moral'no-ehlicheskij komponent vnutrennego ubezhdeniya sud'i. Molodoj uchenyj, 2014, no. 6, pp. 587–589.

4. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Moscow, Kniga-Servis Publ., 2003. 1280 p.

5. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. URL: <http://clas-ses.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-54987.htm> (accessed 13.09.2018).

6. Ryzhakov A. P. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). 9th ed. 2014. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17785#09456606546003261> (accessed 13.09.2018).

7. Lazareva V. A., Razvejkina N. A. Vnutrennee ubezhdenie prisyaznyh zasedatelej i nekotorye aspekty ego formirovaniya. *Pravo i politika*, 2007, no. 12, pp. 82–87.

8. Budnikov V. L. Sovest' kak нравственный критерий доказыvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. *Rossijskaya yusticiya*, 2010, no. 1, pp. 43–44.

9. Averin A. V. O sudebnoj ocenke dokazatel'stv. *Rossijskij sledovatel'*, 2004, no. 4, pp. 2–5.

10. Gasparyan N. S. Nuzhna li sudu sovest'. URL: <http://www.palatask.ru/article-all/gasparyan/con-science.html> (accessed 11.09.2018).

11. Astafev A. Yu. Osobennosti samokontrolya sud'i pri rassmotrenii ugovnyh del. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2012, no. 20 (139), is. 22, pp. 186–194.

12. Sud'i ustali sudit' po ponyatijam? URL: <http://voensud.ru/novosti-s-mest-f56/sudi-ustali-sudit-po-ponyatijam-t1762-120.html> (accessed 19.09.2018).

13. Matveeva A. I. Problema duha, duhi i duhovnosti v kontekste prirody cheloveka. *Kazan'*, Buk Publ., 2016. 180 p.

14. Koni A. F. Nравственные начала v ugovnom processe (Obshchie cherty sudebnoj ehtiki). *Izbrannye trudy i rechi*; ed. by I. V. Potapchuk. Tula, Avtograf Publ., 2006. 158 p.

15. O statute sudej v Rossijskoj Federacii: zakon RF ot 26.06.1992 No 3132-1: [red. ot 29.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (accessed 11.09.2018).

16. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 14.11.2002 No 138-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed 11.09.2018).

17. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 24.07.2002 No 95-FZ [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (accessed 11.09.2018).

18. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 08.03.2015 No 21-FZ: [red. ot 19.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (accessed 11.09.2018).

19. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: feder. zakon ot 30.12.2001 No 195-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed 11.09.2018).

20. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Krohmalya Aleksandra Viktorovicha na narushenie ego Konstitucionnyh prav stat'yami 8 i 159 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, ryadom polozhenij Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe chast'yu 5 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii" i podpunktom 1 punkta 7 Polozheniya o Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29.09.2016 No 2035-O. URL: <http://base.garant.ru/71523394/> (accessed 11.09.2018).

Р. Ф. Шахбазов, преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: ramiz1999@yandex.ru)

Г. И. Плохих, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: sader100zent@mail.ru)

НЕОТВРАТИМОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье осмысляется целесообразность обличения принципа неотвратимости уголовной ответственности в российском уголовном законе. Предлагаются идеи, которые следует включить в содержание данного основного начала уголовно-правового регулирования.

Подчеркивая существенное теоретическое значение изложенных в статье умозаключений авторитетных ученых, делается акцент на признании основополагающего характера идеи неотвратимости уголовной ответственности в уголовном праве. Вне всякого сомнения, допустимо полагать, что уголовно-правовые принципы не просто создают основу для ныне действующих уголовно-правовых норм, но и служат ориентиром дальнейшего развития и возможного изменения данной отрасли права. В связи с этим представляется, что принцип неотвратимости уголовной ответственности является тем самым недостающим фрагментом фундаментальной основы уголовного права России, и он должен восприниматься не только в качестве научной идеи, но и основополагающего нормативного предписания. Однако для этого, естественно, необходимо определиться с его смысловым содержанием.

Акцентирование внимания на неотвратимости уголовной ответственности в контексте рассмотрения вопроса о целесообразности закрепления данной идеи в виде одного из принципов уголовного закона Российской Федерации позволит повысить степень понимания ее юридической природы и сущности. Благодаря этому представится возможным делать выводы относительно условий, при наличии которых допустимо утверждать о непротиворечии норм уголовного законодательства соответствующему принципу. Не вызывает сомнений, что уяснение значения неотвратимости уголовной ответственности поставит в зависимость от себя правотворческую, а также правоприменительную деятельность, поскольку принципы уголовного права составляют общеобязательную основу данной отрасли национального права. Таким образом, подвергая изменению Уголовный кодекс Российской Федерации, законодатель не может позволить себе упускать из внимания закрепленные в нем принципы. Их должны придерживаться представители правоохранительных и судебных органов.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, принципы, уголовное законодательство, уголовная политика, Уголовный кодекс Российской Федерации, доктрина уголовного права.

Ссылка для цитирования: Шахбазов Р. Ф., Плохих Г. И. Неотвратимость уголовной ответственности как принцип уголовного права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 162–166.

***

Юридическая ответственность выступает в качестве эффективного средства поддержания правопорядка, что обусловлено превентивным воздействием, которое оказывается не только на правонарушителя путем его исправления, но и на законопослушного гражданина посредством угрозы неблагоприятными правовыми последствиями. В свою очередь, представляется убедительным мнение о наличии взаимной связи между эффективностью такой угрозы и неотвратимым характером ответственности. Осо-

бий интерес вызывает существование соответствующей взаимосвязи в контексте уголовных правоотношений.

Очевидно, что акцентирование внимания на неотвратимости уголовной ответственности в контексте рассмотрения вопроса о целесообразности закрепления данной идеи в виде одного из принципов уголовного закона Российской Федерации позволит повысить степень понимания ее юридической природы и сущности. Благодаря этому представится возможным делать выводы относительно

условий, при наличии которых допустимо утверждать о непротиворечии норм уголовного законодательства соответствующему принципу. Не вызывает сомнений, что уяснение значения неотвратимости уголовной ответственности поставит в зависимость от себя правотворческую, а также правоприменительную деятельность, поскольку принципы уголовного права составляют общеобязательную основу данной отрасли национального права. Таким образом, подвергая изменению УК РФ, законодатель не может позволить себе упускать из внимания закрепленные в нем принципы. Их должны придерживаться представители правоохранительных и судебных органов.

На сегодняшний день нет оснований полагать, что существует единое отношение к идее неотвратимости уголовной ответственности. Например, П. А. Фефелов придает рассматриваемому принципу статус самого важного основного начала уголовного права [1, с. 15], в то время как А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков подразумевают под ним основное начало уголовной политики [2, с. 10]. И. Э. Звечаровский и вовсе определяет неотвратимость ответственности не как принцип права, а как задачу правоприменителей [3, с. 39].

Подчеркивая существенное теоретическое значение вышеизложенных умозаключений авторитетных ученых, все же следует признать основополагающий характер идеи неотвратимости уголовной ответственности в уголовном праве. Вне всякого сомнения, допустимо полагать, что уголовно-правовые принципы не просто создают основу для ныне действующих уголовно-правовых норм, но и служат ориентиром дальнейшего развития и возможного изменения данной отрасли права [4, с. 14]. В связи с этим представляется, что принцип неотврати-

мости уголовной ответственности является тем самым недостающим фрагментом фундаментальной основы уголовного права России, и он должен восприниматься не только в качестве научной идеи, но и основополагающего нормативного предписания. Однако для этого, естественно, необходимо определиться с его смысловым содержанием.

Ранее, в некотором виде принцип неотвратимости уголовной ответственности упоминался в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик через перечисление задач советского уголовного процесса, а именно той задачи, которая заключалась в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с целью подвергания справедливому наказанию каждого, кто совершил преступное деяние.

Схожее по смыслу содержание рассматриваемого принципа прослеживалось в теоретической модели уголовного кодекса, который в свое время был представлен С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцевым. В частности, они предлагали посвятить неотвратимости уголовной ответственности, как основному началу, отдельную статью в следующей редакции [5, с. 25]:

«1. Всякое лицо, в действиях или бездействии которого установлен состав преступления, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным уголовным законом.

2. Никто не может дважды нести уголовную ответственность за одно и то же преступление».

Таким образом, неотвратимость уголовной ответственности, в широком понимании, подразумевает под собой публичную обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть негативные для него уголовно-правовые последствия,

что также соответствует и точке зрения А. В. Наумова, по мнению которого «особое значение имеет принцип неотвратимости ответственности. Он означает, что всякое лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, предусмотренным уголовным законом» [6, с. 53].

Вместе с тем доктрина уголовного права содержит в себе и точку зрения, из которой следует, что ныне действующее российское уголовное законодательство не основывается на идее неотвратимости уголовной ответственности. В частности, А. А. Нечепуренко придерживается позиции, заключающейся в признании соблюдения рассматриваемого принципа исключительно при отсутствии в уголовном законе норм, позволяющих освобождать лиц, которыми было совершено преступление, от уголовной ответственности в условном или безусловном порядке. В свою очередь, Т. Р. Сабитов, соглашаясь с ранее сказанным, полагает, что о противоречии УК РФ идее неотвратимости уголовной ответственности свидетельствует закрепление в нем гл. 11, именуемой как «Освобождение от уголовной ответственности» [7, с. 64]. В данном контексте уместно привести и размышления С. В. Калинкина, поставившего под сомнение целесообразность действия нормы об обратной силе закона, смягчающего либо устраняющего ответственность за совершение правонарушения [8, с. 70]. Автор аргументирует свою точку зрения положением п. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., согласно которому «если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника» [9].

С. В. Калинин указывает и на п. 2 указанной статьи, в содержании которого говорится о том, что «ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом». По его словам: «Наличие правовых норм, допускающих, что преступник не понесет заслуженного наказания (нормы об обратной силе уголовного закона, амнистии, сроках привлечения к уголовной ответственности и т. п.) обесценивает угрозу неизбежности правовой ответственности». В изложенной точке зрения прослеживается опора автора на логическое осмысление затронутого им вопроса, однако принятие и одобрение ее, как абсолютно верной, было бы поспешным шагом [10, с. 88]. На самом деле можно принять за истину, что в какой-то степени освобождение лица, совершившего преступление, от соответствующих уголовно-правовых последствий в связи с декриминализацией деяния, амнистией или истечением срока привлечения к уголовной ответственности снижает степень эффективности оказываемого уголовным законом превентивного воздействия, но с другой стороны, это может способствовать исправлению лица, предостережению его от повторения преступного акта, посредством предоставления ему второго шанса.

Таким образом, мы приходим к выводу, что помимо публичной обязанности претерпевания негативных уголовно-правовых последствий в содержании принципа неотвратимости уголовной ответственности также должна быть включена идея об отсутствии у лица, совершившего преступление, права на не несение уголовной ответственности в полном объеме по собственной воле.

Список литературы

1. Фёфелов П. А. Неотвратимость наказания – важнейший принцип советского уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965. 22 с.

2. Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права: в 2-х т. Т. 1: Общая часть. М.: Норма, 2001. 639 с.

3. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 198 с.

4. Апалькова А. А., Букреева А. И., Шахбазова Р. Ф. Проблемы разграничения неосторожной формы вины от косвенного умысла и казуса: в контексте недопустимости объективного вменения // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2018. С. 13–16.

5. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / Г. З. Анашкин [и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М.: Наука, 1987. 276 с.

6. Наумов А. В. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М.: Юрид. лит, 2004. 496 с.

7. Сабитов Т. Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11. С. 63–65.

8. Калинин С. В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 70–75.

9. Международный Пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. URL: <http://refdb.ru/look/2455221.html> (дата обращения: 12.09.2018).

10. Шахбазов Р. Ф. Недопустимость объективного вменения в мусульманском уголовном праве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 86–90.

Поступила в редакцию 17.10.18

UDC 343.2/7

R. F. Shahbazov, Lecturer, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: ramiz1999@yandex.ru)

G. I. Plohih, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: sader100zent@mail.ru)

THE INEVITABILITY OF CRIMINAL LIABILITY AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL LAW

The article considers the expediency of denouncing the principle of inevitability of criminal liability in the Russian criminal law. The ideas that should be included in the content of this basic principle of criminal law regulation are proposed.

Emphasizing the essential theoretical significance of the conclusions of the authoritative scholars set out in the article, the emphasis is placed on the recognition of the fundamental nature of the idea of the inevitability of criminal liability in criminal law. Without any doubt, it is acceptable to believe that criminal law principles do not easily create a basis for the current criminal law norms, but also serve as a guide for further development and possible changes in this branch of law. In this regard, it seems that the principle of the inevitability of criminal liability is thus the missing piece of the fundamental basis of Russian criminal law, and it should be perceived not only as a scientific idea, but

also as a fundamental regulatory requirement. However, for this, of course, it is necessary to determine its semantic content.

Focusing on the inevitability of criminal liability in the context of consideration of the feasibility of fixing this idea in the form of one of the principles of the criminal law of the Russian Federation will increase the understanding of its legal nature and essence. This will make it possible to draw conclusions about the conditions under which it is permissible to assert that the relevant principle does not contradict the norms of criminal law. There is no doubt that the understanding of the importance of the inevitability of criminal liability will make law-making and law-enforcement activities dependent on itself, since the principles of criminal law form the mandatory basis of this branch of national law. Thus, by changing the criminal code, the legislator cannot afford to ignore the principles enshrined in it. They should be followed by representatives of law enforcement and judicial bodies.

Key words: criminal law, criminal liability, principles, criminal law, criminal policy, criminal code of the Russian Federation, doctrine of criminal law.

For citation: Shahbazov R. F., Plohih G. I. The inevitability of criminal liability as a principle of criminal law. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 162–166 (in Russ.).

***

References

1. Fefelov P. A. Neotvratimost' nakananiya – vazhnejshij princip sovetskogo ugovolnogo prava. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Sverdlovsk, 1965. 22 p.

2. Ignatov A. N., Krasikov Yu. A. Kurs rossijskogo ugovolnogo prava. Vol. 1: Obshchaya chast'. Moscow, Norma Publ., 2001. 639 s.

3. Zvecharovskij I. Eh. Sovremennoe ugovolnoe pravo Rossii: ponyatie, principy, politika. St. Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2001. 198 p.

4. Apal'kova A. A., Bukreeva A. I., Shahbazova R. F. Problemy razgranicheniya neostorozhnoj formy viny ot kosvennogo umysla i kazusa: v kontekste nedopustimosti ob'ektivnogo vmeneniya. Aktual'nye problemy razvitiya hozyajstvuyushchih sub'ektov, territorij i sistem regional'nogo i municipal'nogo upravleniya: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga" Anashkin G. Z., eds. 2018, pp. 13–16.

5. Anashkin G. Z., eds. Ugolovnyj zakon: opyt teoreti-cheskogo modelirovaniya;

ed. by V. N. Kudryavcev, S. G. Kelina. Moscow, Nauka Publ., 1987. 276 p.

6. Naumov A. V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Vol. 1: Obshchaya chast'. Moscow, Yurid. lit. Publ., 2004. 496 p.

7. Sabitov T. R. O principe neotvratimosti otvetstvennosti v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2006, no. 11, pp. 63–65.

8. Kalinkin S. V. Obratnaya sila ugovolnogo zakona i princip neotvratimosti ugovolnoj otvetstvennosti. Zhurnal rossijskogo prava, 2008, no. 1, pp. 70–75.

9. Mezhdunarodnyj Pakt ot 16 dekabrya 1966 g. "O grazhdanskikh i politicheskikh pravah". Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 1994. No 12. URL: <http://refdb.ru/look/2455221.html> (accessed 12.09.2018).

10. Shahbazov R. F. Nedopustimost' ob'ektivnogo vmeneniya v musul'manskom ugovolnom prave. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2018, vol. 8, no. 1 (26), pp. 86–90.

УДК 343.3/7

В. Е. Новичков, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: valery.novichkov@yandex.ru)

И. Г. Пыхтин, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: abcqir@gmail.com)

КОНФЛИКТ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Современные технологии, особенно в цифровой и информационной сфере, развиваются такими быстрыми темпами, что технические инфраструктуры иных производственных отраслей показывают значительное отставание. Данные обстоятельства влияют на повышение внутренних и внешних угроз всему технологическому процессу, особенно в области информационных систем, от безопасности которых зависят государственные, общественные и личные интересы. Задача государства в этом случае состоит не только в оперативной защите информационных технологий, но и в повышении требований к защитным системам и устройствам, а также их своевременной модернизации в условиях быстрого изменения обстановки в стране и мире для решения основных задач сокращения временных рамок для принятия управленческих решений в области информационной безопасности.

Для успешного решения задач в сфере информационной безопасности требуется своевременное принятие правовых, технических и иных мер, которые также требуют согласования в своих целях, функциях и задачах, в том числе действий государственных органов, хозяйствующих субъектов и иных структур, обеспечивающих информационную безопасность. Кроме того, повышение продуктивности и результативности этих задач связано с применением современных защищенных информационно-коммуникационных систем, позволяющих создавать, обрабатывать, хранить, распространять информацию, соблюдая при этом интересы всех участников информационных отношений.

Правовой основой, призванной обеспечить информационную безопасность, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором даны отправные понятия безопасности информационной сферы. Однако основные положения, принципы и понятия, зафиксированные в этом документе и выражающие официальную государственную позицию, не исключают научную критику и выработку теоретических конструкций понятийного аппарата информационной безопасности.

В статье проанализированы основные научно-отраслевые подходы к понятию и пониманию «информационная безопасность». Детально рассмотрены имеющиеся основные точки зрения ученых на данную проблему в философии, социологии, праве и технической литературе и дан их критический анализ и выводы, один из которых предполагает наличие в современной теории конфликта научно-отраслевых интересов при определении понятия информационной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, компьютерная информация, цифровая сфера, критическая информационная инфраструктура, информационные технологии.

Ссылка для цитирования: Новичков В. Е., Пыхтин И. Г. Конфликт научно-отраслевых интересов при определении понятия информационной безопасности Российской Федерации: уголовно-правовой подход // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 167–178.

***

В системе современной цифровой среды Российской Федерации информационная безопасность занимает одно из центральных мест в связи с тем, что существующие отрасли информационной инфраструктуры объективно подвержены механическим, техническим, компьютерно-информативным, неосторожным, намеренным и иным рискам, а также внеш-

ним и внутренним угрозам, которые препятствуют должному развитию и функционированию всего комплекса обслуживающих структур, объектов и их агентов. В свою очередь, любая информационная инфраструктура состоит из информации, информационной сферы, информационных устройств и их систем, в которых сведения, сообщения и данные

хранятся, обрабатываются и распространяются. Таким образом, можно утверждать, что мы наблюдаем триединую систему уровней информационной среды России, включающую в себя: 1) информацию; 2) информационную инфраструктуру (сюда включены и отношения, связанные с применением информационных технологий); 3) информационную безопасность. Учитывая интенсивное, инновационное развитие и модернизацию цифровых технологий во всех сферах современной жизни, речь должна идти и о триединной системе цифрового субстрата государства, складывающегося из: 1) компьютерной информации; 2) компьютерной информационной инфраструктуры и отношений, связанных с применением компьютерных технологий; 3) безопасности в сфере компьютерной информации.

Для того чтобы осмыслить роль определения «информационная безопасность», необходимо дать этому термину не только характеристику, но и определить его основные элементы и имеющиеся в теории вопроса научные подходы.

В целях установления общих начал правового регулирования в сфере триединной системы информационной и цифровой среды России, а также общественных отношений, складывающихся по поводу использования глобального компьютерного информационного пространства в Российской Федерации, 27 июля 2006 г. был принят Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] (далее – Закон).

Особенностью данного нормативно-правового акта является то, что он представляет несколько источников права – информационное, публичное, гражданское, в том числе и уголовное (ч. 1 ст. 5 Закона). Кроме того, в Законе сформулирован основополагающий понятийный аппарат, касающийся информации, компьютерной информации и информацион-

ной безопасности, а также положения о юридически значимой информационной среде, средств коммуникаций и объектов информационной безопасности. Так, в основных понятиях, используемых в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 2) приводится определение «информация», под которой понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В первой части ст. 16 этого Закона дается общее определение понятия «информационная безопасность», как системы правовых, организационных и технических мер, направленных на: 1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; 2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; 3) реализацию права на доступ к информации.

В случае нарушения вышеперечисленных мер защиты информации, в том числе требований по обеспечению информационной безопасности в части обработки, сбора и хранения биометрических персональных данных, виновные лица несут административную, гражданскую и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 1, ч. 1.1 ст. 17 Закона).

Вместе с тем в плоскость правового регулирования Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не вошли многие вопросы охраны информации как собственности, пределов доступа граждан к информационной среде, использования отдельных технологий в сфере информационной защиты и к минимуму сведены нормативные правила охраны обращения информации в соответствующих коммуникациях и в критической ин-

формационной инфраструктуре Российской Федерации.

По мнению ученых, понятийное формулирование и регламентация информационной безопасности – достаточно сложная и глубокая проблема. На современном этапе дискуссии проблему информационной безопасности обсуждают в трёх направлениях: 1) в рамках какой-либо одной отрасли науки (например, кибернетики, гражданского, информационного и иного права [2, 3]; 2) комплексно, т. е. одновременно различными отраслями права, чьи предметы включают в себя отношения и их регулирование в сфере информации и её безопасности [4]; 3) с помощью комбинированных правовых институтов или единичных норм различных отраслей права, регулирующих отношения в области противодействия угрозам безопасности объектов национальных интересов в информационной сфере (например, кибернетического права, правовой кибернетики, правовой информатики [5; 6], гражданского, административного, уголовного, права) [7].

Теоретические исследования и научные разработки по рассматриваемой проблеме позволяют определить основные расхождения, противоречия, линии связи и взаимодействия существующих подходов к правовому обеспечению информационной безопасности в Российской Федерации.

Существенным событием для исследования вышеназванных проблем можно считать утверждение Президентом РФ двух документов, определяющих систему защиты информации в современном мире и Российской Федерации, это: «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» [8] и «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» [9].

Политико-правовые документы такого рода можно отнести к категории

классических решений по «конфликту отраслевых интересов», которые являются пограничными, например, с определениями таких понятий, как: «информационная безопасность», «компьютерная информация», «критическая информационная инфраструктура» и др., а также квалификации коллизий в сфере отношений субъектов и агентов отраслевых инфраструктур по вопросам складывающихся процессов в области информационной безопасности и критической информационной инфраструктуры. Очевидно и то, что подобные политико-правовые ресурсы дают научно-практические возможности для разрешения подобных «конфликтов интересов» путем согласованности в разработке определений и научного понятийного аппарата в сфере информационной безопасности.

Анализ научных исследований, связанных с проблемой определения понятия «информационная безопасность», показывает, что эти вопросы, так или иначе, рассматриваются с позиций научно-отраслевого подхода и лишь в некоторых случаях с позиции междисциплинарного.

Дифференциация научного знания об информационной безопасности получила эксплицированный интерес в связи с широким распространением кибернетических систем и компьютерной информации, которые становятся стратегическим ресурсом государства и нуждаются в эффективных мерах функциональной информационной защиты.

Необходимо отметить, что специалисты в области кибернетики, информатики, информатизации и защиты информационных данных одни из первых подошли к проблеме информационной безопасности функционально. Ими было отмечено, что разработки в области технического обеспечения информационной защищенности, как всякая техническая деятельность, традиционно нацелена, прежде всего, на информационную безопасность (защиту её информационных

ресурсов, технологий, процессов, коммуникаций и связей) в каждом отдельном секторе общественных отношений [10, с. 13; 11 с. 7–9; 12, с. 29]. В связи этим профессор В. А. Копылов, один из основателей научной школы правовой информатики, подчеркивал, что любые направления информационной безопасности всегда должны быть конкретизированы, организованы, соотносимы («привязаны») с ситуацией и конкретными видами общественных отношений, классифицированы по видам и обеспечены охранительными нормами права [13, с. 39].

А. И. Алексенцев формулирует информационную безопасность как состояние информационной среды, выражающейся в сфере деятельности субъектов, связанной с созданием, преобразованием и потреблением информации, обеспечивающее удовлетворение информационных потребностей субъектов информационных отношений, безопасность информации и защиту субъектов от негативного информационного воздействия [14, с. 45].

В технической литературе информационная безопасность чаще всего исследуется с позиции функционализма, соответственно под ней понимается «невозможность нанесения вреда деятельности государства по выполнению функций управления делами общества, предметом которой выступает информация и информационная инфраструктура общества» [15, с. 55–56], и, собственно, информационная безопасность определяется как «защищенность информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, чреватых нанесением ущерба владельцам или пользователям информации и поддерживающей инфраструктуры» [16].

Анализ показывает, что исследование понятийного аппарата информацион-

ной безопасности с позиции функционального подхода, как правило, в одном определении содержит несколько отдельных формулировок, отвечающих функциям, задачам и целям той или иной отрасли общегосударственной инфраструктуры, либо характеристик, каждое из подобных понятий может входить в единую дефиницию. Первый вариант формулирования определения информационной безопасности не будет отвечать правилам системности и комплексности, которые применяются в современной науке. Что касается второго варианта, то он будет не совсем удобен в силу нагромождения соответствующего понятия многочисленными фразеологическими оборотами и не отвечает формальным требованиям (краткости), предъявляемым к научным дефинициям.

Между тем в философии и социологии утверждается, что информационная безопасность заключается в охране всей социальной деятельности человека, которая базируется на осмыслении получаемой информации, на основе которой индивид взаимодействует с другими индивидами (информационное взаимодействие) [17, с. 7–12; 18, с. 47–51], а «информационная безопасность всего общества» выражается в защите от неправомерного вреда информации в духовной, культурной, общесоциальной сферах, заложенных в них ценностей, а также соответствующей информационной инфраструктуры от двусмысленности и неоднозначности в процессе информационного взаимодействия общества [19, с. 8–9; 20, с. 27–29].

В юриспруденции информационную безопасность, как правило, связывают с защищенностью сочетания сбалансированных интересов личности, общества и государства. При этом исследователи, рассматривая проблему безопасности, акцентируют внимание на жизненной важности информационной безопасности в любой сфере интересов, будь то нацио-

нальные, общественные или личные и, соответственно, связанные с ними угрозы – внешние или внутренние. Такой подход оправдан тем, что понятие «информационная безопасность» в этом случае выступает более общим понятием по отношению к иным формам защиты информации. Данной точки зрения придерживается большинство учёных, рассматривающих информационную безопасность как состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, состоящих из совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Исследователи отмечают, что подобный подход соответствует принципу обеспечения национальной безопасности в информационной сфере, определённого в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации [21, с. 89; 22, с. 70–91; 23, с. 122].

Однако в рассматриваемых исследованиях не указываются механизмы достижения сбалансированных интересов, их измерений и обеспечения, что, на наш взгляд, обедняет подобные формулировки понятия информационной безопасности.

В группе исследователей, определяющих информационную безопасность посредством «сочетания сбалансированных интересов», выделяются те, кто утверждает, что к состоянию защищённости информационной инфраструктуры – личности, общества и государства – необходимо ещё отнести компьютеры, информационно-телекоммуникационные сети, их инфраструктуру, аппаратные и программные средства фиксации, обработки и передачи информации и другие устройства [24, с. 9; 25, с. 20].

На наш взгляд, авторы подобного подхода не учитывают то обстоятельство, что вышеперечисленные объекты являются лишь материальными механизмами создания, обработки, хранения и воспро-

изводства информации, следовательно, их безопасность, без наличия в них соответствующей информации, будет относиться совершенно к иным общественным отношениям, например имущественным, а если речь пойдет о совершении общественно опасного деяния, то данные механизмы будут выступать предметом преступного посягательства, а не общественными отношениями в сфере информационной безопасности. Кроме того, создание компьютерной информации средствами фиксации и передачи информации исключается в силу того, что они считаются вспомогательными нематериальными компонентами любых информационных устройств, систем и средств. В связи с этим более уместным было бы говорить о компьютерных, цифровых, оптико-волоконных ресурсах создания, хранения, обработки и распространения информации, технически именуемых информационно-телекоммуникационными устройствами, формирующими компьютерную (цифровую) информацию.

В правовой науке делаются попытки дать и универсальную дефиницию информационной безопасности, к которой можно было бы прибегать в исследованиях проблем информационной безопасности независимо от научной отрасли изучения данного явления.

И. Л. Бачило указывает на самую суть института информационной безопасности в системе информационного права, которая выражается в осуществлении правовых, организационных, технических мер, обеспечивающих безопасное состояние всех составляющих информационно-коммуникационного комплекса государства, отдельных организаций и каждого человека [26, с. 398].

Значимость приведенного определения в том, что в его понятие встроены важнейшие для любого вида безопасности обеспечительные компоненты – правовые, организационные и технические.

Конечно, последний компонент, технический, сам по себе является «синергетичным» и сам нуждается в нормативном регулировании, на что автору необходимо было бы указать. Кроме того, в рассматриваемое понятие логично было имплементировать физические и программные элементы информационной защиты. Соответственно, анализируя информационную безопасность как объект правовой защиты, одновременно необходимо указать на то, что она является элементом общественных отношений, которые способствуют возникновению состояния безопасности.

В этом отношении более современной нам представляется точка зрения Т. М. Лопатиной, которая вербализует информационную безопасность как определённый уровень правовой защиты, ставящий целью обеспечение безопасности человека, общества, государства посредством принятия соответствующих мер по предотвращению нанесения ущерба собственнику или законному владельцу компьютерной информации [27, с. 91].

Подобного рода понятия предполагают то, что информационная безопасность как некая квинтэссенция способна трансформироваться не только в фактические социально-правовые отношения по поводу защиты информационной среды, обладания информационными ресурсами, а также возможностью их распространения, но и реализовываться в рыночно-экономических отношениях по поводу купли-продажи, капитализации и получения прибыли от защиты информации. Иными словами, охраной следует считать процесс обеспечения информационной безопасности в практическом, рыночном, имущественном аспекте по принципу *property* неприкосновенности частной собственности и её защиты, т. е. соблюдение и защиту права собственности на информацию.

При таком подходе современное понятие информационной безопасности

должно отражать существующую полноту информационного пространства, которое выступает стратегическим и рыночным ресурсом, наряду с основными ресурсами обеспечения жизнедеятельности людей, правовая защита которых обусловлена насущной потребностью современного общества в дальнейшем развитии рыночных отношений, экономики, политики, гражданского общества, гарантирования безопасности государства и его членов.

Два вышеназванных подхода к пониманию и понятию информационной безопасности предложил А. А. Косовец, определив категорию «информационная безопасность» как понятие, «отражающее состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности своевременно выявлять и оценивать возникающие внутренние и внешние угрозы информационной составляющей в различных областях государственной и общественной жизни, а также в условиях действия непредсказуемых и трудно прогнозируемых факторов и на этой основе принимать необходимые меры по предотвращению угроз, по защите информационных и экономических интересов от потенциальных источников опасности» [28, с. 22–33]. По сути, автор отождествляет информационную безопасность с национальной безопасностью и, кроме того, предлагает распространять её на все существующие сферы государственного устройства: международную, экономическую, военную, политическую, социальную, научную, культурную, экологическую и др., которые должны гарантировать уравновешенные информационные потребности личности, отдельных социально-психологических групп, общества и государства.

Такой же позиции придерживается и Н. А. Полянская, которая представляет информационную безопасность в широком и узком смысле. Если в широком смысле под информационной безопасно-

стью автор определяет состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере в целом, то в узком смысле искомая безопасность выступает в качестве обеспечения безопасности информационных систем, способствующих принятию решений по оперативным действиям, связанным с развитием различных (чрезвычайных) ситуаций и ходом ликвидации их последствий [29, с. 9, 15, 36].

По нашему мнению, определения информационной безопасности, предлагаемые А. А. Косовец и Н. А. Полянской, считать окончательно завершенными нельзя, т. к. они требуют уточнения по следующим основаниям: во-первых, в них ничего не говорится о технических устройствах, средствах и механизмах, предназначенных для функционирования системы защиты информации; во-вторых, в определениях не указывается какой-либо вид охраняемой информации и защиты её носителя.

По поводу подходов к определению понятия «информационная безопасность» следует согласиться с высказыванием А. В. Мнацаканян, которая полагает, что «информационная безопасность представляет собой сложную конституционно-правовую конструкцию, что определяется её сложной социальной и правовой природой, основанной на многообразии информационных отношений в обществе; на дифференциации субъектов информационных отношений, имеющих свои интересы, права и обязанности в данной сфере; на объективном характере информационных отношений, которые... определяют развитие мировой цивилизации и системы международного права» [30, с. 36].

Из представленных выше определенных вытекает ещё одно качество рассматриваемого феномена, которое закрепляет положение о том, что информационная безопасность – это устойчивая конструкция общественных отношений, склады-

вающихся по поводу обеспечения защищенной информационной среды, требующей правового регулирования. Соответственно, в контексте решения задач правового регулирования необходима и уголовно-правовая охрана информационной сферы с помощью соответствующих норм и институтов.

Как считают ученые, проблема информационной безопасности в уголовно-правовом смысле решается на трех уровнях: 1) теоретическими подходами; 2) разработками в области уголовной политики; 3) обеспечением необходимым теоретическим инструментарием правоохранительной практики [31, с. 24].

Проведенный нами анализ терминологии и логико-языковых феноменов, касающийся информационной безопасности в уголовном праве, позволяет утверждать, что такое понятие до настоящего времени не выработано и это обстоятельство актуализирует существующую проблематику в области защиты информации от общественно опасных деяний в данной сфере. В действующем уголовном праве информационная безопасность конструируется в зависимости от степени социальной значимости информации в разнообразных общественных отношениях, которые, в свою очередь, коррелируются степенью опасности посягательства на соответствующий информационный компонент (на информационную безопасность личных данных, конституционных, экономических, имущественных, компьютерных и иных данных и сведений). Иными словами, в уголовном праве речь идет об уголовной ответственности в информационной сфере, которая выражается в нарушении определенных правовых норм, обеспечивающих информационную безопасность. В частности, это могут быть уголовно-правовые нормы, охраняющие сферу информационной инфраструктуры критически важных объектов или компьютерной информации, которые содержатся в различных информационно-

коммуникационных сетях, информационных системах и других кибернетических периферийных устройствах. Здесь следует отметить и то, что общественно опасное деяние может быть отнесено как к преступлению в сфере компьютерной информации, так и к иному виду умышенного или неосторожного преступления (либо вследствие уголовно-правовой ошибки), совершенного с помощью компьютера и компьютерных технологий.

Многочисленные варианты нарушения баланса интересов субъектов, участников информационных отношений охраняются нормами уголовного законодательства, расположенных в различных разделах и главах УК РФ. Так, в зависимости от непосредственного объекта посягательства в сфере информационной безопасности, с использованием кибернетических, информационно-телекоммуникационных устройств, их систем, сетей и их программного обеспечения (в которых содержится и распространяется компьютерная информация) уголовно-правовая защита осуществляется с помощью ст. 128, 137, 138, 138.1, 140, 144, 146, 155, 159.6, 183, 170.1, 183, 237, 283, 283-1, 310, 311, 320 УК РФ.

Прямую информационную безопасность призваны обеспечивать уголовно-правовые нормы, расположенные обособленно от иных норм информационной защиты. Они расположены в разделе однородных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (раздел IX УК РФ) в автономной главе, где выделены преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ).

Д. А. Ястребов в этой связи совершенно справедливо отметил то, что «компьютерная информация является единственным объектом посягательства рассматриваемой группы преступлений, позволяющим отличать их, с одной стороны, от компьютерных преступлений в широком смысле, а с другой – от иных

видов информационных преступных посягательств» [32, с. 14].

С данным утверждением можно полностью согласиться, т. к. оно всецело совпадает с нашей позицией относительно подхода к рассматриваемой проблеме в уголовном праве, поскольку в этом случае можно говорить о том, что информационная безопасность может выступать как основным, так и дополнительным объектом преступления. Такое положение вытекает и из анализа значительного количества уголовно-правовых норм, в которых информационная безопасность представлена в качестве дополнительного объекта общественно опасных деяний, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ. Конечно, данное утверждение не следует считать безусловным в силу того, что авторы настоящей работы ставили задачу рассмотреть информационную безопасность лишь в связи с существующим в науке конфликтом отраслевых интересов при определении понятия информационной безопасности Российской Федерации.

В заключение можно утверждать, что информационная безопасность – это правовая, организационная, техническая, инженерная и иная защищенность различных информационных ресурсов и информационно-технических устройств, содержащих информацию от внешних и внутренних угроз, а также способность юридических и физических лиц, контролировать и обеспечивать сохранность информационной среды, представленной в любой форме и на любом носителе, тем самым гарантируя защиту государственным и общественным интересам, правам и свободам граждан.

Список литературы

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ [ред. от 19.07.2018]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.08.2018).

2. Ельчанинова Н. Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 118–120.

3. Еременко В. И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 19–28.

4. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. М.: ИГП РАН, 2014. 192 с.

5. Рассолов И. М. Право и кибернетическое пространство: монография. 2-е изд. М.: Московское бюро по правам человека, 2016. 232 с.

6. Правовая информатика и кибернетика / Г. А. Атанесян, О. А. Гаврилов, П. Дери [и др.]; под ред. Н. С. Полевой. М.: Юрид. лит., 1993. 528 с.

7. Куняев Н. Н. Обеспечение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере: правовой аспект: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 336 с.

8. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]: [утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178634/ (дата обращения: 08.05.2012).

9. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

10. Романец Ю. В., Тимофеев П. А., Шаньгин В. Ф. Защита информации в компьютерных системах и сетях. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 2001. 376 с.

11. Садовничий В. А. Информационная безопасность: новые угрозы мировому сообществу // Глобальная информатизация и безопасность России: материалы круглого стола «Глобальная информатизация и социально-гуманитарные проблемы человека, культуры, общества». М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 4–14.

12. Юсупов Р. М., Шишкин В. М. Информационная безопасность, кибербезопасность и смежные понятия: Cyber Security vs Информационной безопасности // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2013. № 21 (21). С. 27–35.

13. Копылов В. А. Информационное право. М.: Юристъ, 2004. 427 с.

14. Алексенцев А. И. Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность» // Безопасность информационных технологий. 1999. № 1. С. 45.

15. Стрельцов А. А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / под ред. В. А. Садовничего и В. П. Шерстюка. М.: МЦНМО, 2002. 296 с.

16. Бетелин В., Галатенко В. Информационная безопасность России. Опыт составления карты // Jet Info. 1998. № 1. С. 4–11.

17. Петров В. П., Петров С. В. Информационная безопасность человека и общества. М.: ЭНАС, 2007. 336 с.

18. Самыгин С. И., Руденко А. М., Котлярова В. В. Историко-философское осмысление проблемы информационной безопасности // Социум и власть. 2016. № 2. С. 47–51.

19. Атаманов Г. А. Информационная безопасность в современном российском обществе (Социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2006. 24 с.

20. Мугулов Ф. К. Безопасность личности в современной России: социально-

институциональный анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 57 с.

21. Горшенков Г. Г. Антикриминальная безопасность личности: дис. ... д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2009. 421 с.

22. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 433 с.

23. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 437 с.

24. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 20 с.

25. Старичков М. В. Понятие «компьютерная информация» в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1. С. 16–20.

26. Бачило И. Л. Информационное право. М.: Юрайт, 2009. 454 с.

27. Лопатина Т. М. Проблемы уголовно-правовой защиты сферы компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество // Право и безопасность. 2013. № 3–4 (45). С. 89–95.

28. Косовец А. А. Информационная безопасность в системе обеспечения экономической и национальной безопасности России // Вестник Академии экономической безопасности МВД РФ. 2011. № 2. С. 20–26.

29. Полянская Н. А. Правовое регулирование информационной безопасности в чрезвычайных ситуациях: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 169 с.

30. Мнацаканян А. В. Информационная безопасность в Российской Федерации: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 216 с.

31. Степанов-Егиянц В. Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 389 с.

32. Ястребов Д. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации за рубежом / под общ. ред. Р. А. Каламкарян. 2-е изд., перераб., доп. М.: Прима-Пресс, 2004. 62 с.

Поступила в редакцию 20.10.18

UDK 343.97. (075)

V. E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: valery.novichkov@yandex.ru)

I. G. Pykhtin, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: abcqjp@gmail.com)

CONFLICT OF SCIENTIFIC AND SECTORAL INTERESTS IN DETERMINING THE CONCEPT OF INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: A CRIMINAL LEGAL APPROACH

Modern technologies, especially in the digital and information spheres, are developing at such a rapid pace that the technical infrastructures of other manufacturing industries show a significant lag. These circumstances affect the increase of internal and external threats to the entire technological process, especially in the field of information systems on the security of which state, public and personal interests depend. The task of the state in this case is not only to protect information technologies, but also to increase the requirements for protective systems and devices, as well as their timely modernization in the conditions of rapid changes in the situation in the country and the world for solving the main tasks of reducing the time frame for making management decisions in the field of information security.

To successfully solve problems in the field of information security, it is necessary to take timely legal, technical and other measures that also require coordination in their goals, functions and tasks, including actions of state bodies, business entities and other structures providing information security. In addition, the increase productivity and effectiveness of these tasks is associated with the use of modern protected information and communication systems

that allow you to create, process, store and transfer information, while respecting the interests of all participants in information relations.

The legal basis for ensuring information security is Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection", which gives the initial concepts of information security. However, the main provisions, principles and concepts recorded in this document and expressing an official state position do not exclude scientific criticism and the development of theoretical constructions of the conceptual apparatus of information security.

The article analyzes the main scientific and branch approaches to the notion and understanding of "information security". The main points of view of scientists on the given problem in philosophy, sociology, law and technical literature are examined in detail, and their critical analysis and conclusions are given, one of which presupposes the presence in the contemporary theory of conflict of scientific and sectoral interests in determining concept of information security of the Russian Federation.

Key words: information, information security, computer information, digital sphere, critical information infrastructure, information technologies.

For citation: Novichkov V. E., Pykhtin I. G. Conflict of scientific and sectoral interests in determining the concept of information security of the Russian Federation: a criminal legal approach. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 167–178 (in Russ.).

***

References

1. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: feder. zakon ot 27.07.2006 No 149-FZ: [red. ot 19.07.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 20.08.2018).

2. El'chaninova N. B. Problemy pravovoj ohrany intellektual'noj sobstvennosti v seti Internet. Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo, 2017, no. 12, pp. 118–120.

3. Eremenko V. I. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere zashchity intellektual'nyh prav v informacionno-telekommunikacionnyh setyah. Zakonodatel'stvo i ehkonomika, 2015, no. 8, pp. 19–28.

4. Koncepciya Informacionnogo kodeksa Rossijskoj Federacii; ed. by I. L. Bachilo. Moscow, IGP RAN Publ., 2014. 192 p.

5. Rassolov I. M. Pravo i kiberneticheskoe prostranstvo. Moscow, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, 2016. 232 p.

6. Atanesyan G. A., Gavrilov O. A., Deri P., eds. Pravovaya informatika i kibernetika; ed. by N. S. Polevoj. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1993. 528 p.

7. Kunyaev N. N. Obespechenie nacional'nyh interesov Rossijskoj Federacii v in-

formacionnoj sfere: pravovoj aspekt. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 336 p.

8. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti na period do 2020 goda: [utv. Prezidentom RF 24.07.2013 No Pr-1753]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178634/ (accessed 08.05.2012).

9. Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 No 646. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2016, no. 50, art. 7074.

10. Romanec Yu. V., Timofeev P. A., Shan'gin V. F. Zashchita informacii v komp'yuternyh sistemah i setyah. 2th ed. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 2001. 376 p.

11. Sadovnichij V. A. Informacionnaya bezopasnost': novye ugrozy mirovomu soobshchestvu. Global'naya informatizaciya i bezopasnost' Rossii: materialy kruglogo stola "Global'naya informatizaciya i social'no-gumanitarnye problemy cheloveka, kul'tury, obshchestva". Moscow, MGU Publ., 2001, pp. 4–14.

12. Yusupov R. M., Shishkin V. M. Informacionnaya bezopasnost', kiber-bezopasnost' i smezhnye ponyatiya: Syber Security vs Informacionnoj bezopasnosti. Informacionnoe protivodejstvie ugrozam terrorizma, 2013, no. 21 (21), pp. 27–35.

13. Kopylov V. A. *Informacionnoe pravo*. Moscow, Yurist Publ., 2004. 427 p.
14. Aleksencev A. I. *Sushchnost' i sootnoshenie ponyatij "zashchita informacii", "bezopasnost' informacii", "informacionnaya bezopasnost'"*. *Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij*, 1999, no. 1, pp. 45.
15. Strel'cov A. A. *Obespechenie informacionnoj bezopasnosti Rossii. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy*; ed. by V. A. Sadovnichij i V. P. Sherstyuk. Moscow, MCNMO Publ., 2002. 296 p.
16. Betelin V., Galatenko V. *Informacionnaya bezopasnost' Rossii. Opyt sostavleniya karty*. *Jet Info*, 1998, no. 1, pp. 4–11.
17. Petrov V. P., Petrov S. V. *Informacionnaya bezopasnost' cheloveka i obshchestva*. Moscow, EHNAS Publ., 2007. 336 p.
18. Samygin S. I., Rudenko A. M., Koltjarova V. V. *Istoriko-filosofskoe osmyslenie problemy informacionnoj bezopasnosti*. *Socium i vlast'*, 2016, no. 2, pp. 47–51.
19. Atamanov G. A. *Informacionnaya bezopasnost' v sovremenном rossijskom obshchestve (Social'no-filosofskij aspekt)*. Dis. kand. fil. nauk. Volgograd, 2006. 24 p.
20. Mugulov F. K. *Bezopasnost' lichnosti v sovremennoj Rossii: social'no-institucional'nyj analiz*. Avtoref. dis. dokt. social. nauk. Moscow, 2004. 57 p.
21. Gorshenkov G. G. *Antikriminal'naya bezopasnost' lichnosti*. Dis. dokt. jurid. nauk. Stavropol', 2009. 421 p.
22. Lopatin V. N. *Informacionnaya bezopasnost' Rossii*. Dis. dokt. jurid. nauk. St. Petersburg, 2000. 433 p.
23. Polyakova T. A. *Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti pri postroenii informacionnogo obshchestva v Rossii*. Dis. dokt. jurid. nauk. Moscow, 2008. 437 p.
24. Zigura N. A. *Komp'yuternaya informaciya kak vid dokazatel'stv v ugovnom processe Rossii*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2010. 20 p.
25. Starichkov M. V. *Ponyatie "komp'yuternaya informaciya" v rossijskom ugovnom prave*. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 16–20.
26. Bachilo I. L. *Informacionnoe pravo*. Moscow, Yurajt Publ., 2009. 454 p.
27. Lopatina T. M. *Problemy ugovno-pravovoj zashchity sfery komp'yuternoj informacii: sovremennyj vzglyad na moshennichestvo*. *Pravo i bezopasnost'*, 2013, no. 3–4 (45), pp. 98–95.
28. Kosovec A. A. *Informacionnaya bezopasnost' v sisteme obespecheniya ehkonomicheskoy i nacional'noj bezopasnosti Rossii*. *Vestnik Akademii ehkonomicheskoy bezopasnosti MVD RF*, 2011, no. 2, pp. 20–26.
29. Polyanskaya N. A. *Pravovoe regulirovanie informacionnoj bezopasnosti v chrezvyhajnyh situacijah*. Dis. kand. jurid. nauk. St. Petersburg, 2006. 169 p.
30. Mnacakanyan A. V. *Informacionnaya bezopasnost' v Rossijskoj Federacii: ugovno-pravovye aspekty*. Dis. kand. jurid. nauk. Moscow, 2016. 216 p.
31. Stepanov-Egijanc V. G. *Metodologicheskoe i zakonodatel'noe obespechenie bezopasnosti komp'yuternoj informacii v Rossijskoj Federacii (ugovno-pravovoj aspekt)*. Dis. dokt. jurid. nauk. Moscow, 2016. 389 p.
32. Yastrebov D. A. *Ugovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii za rubezhom*; ed. by R. A. Kalamkaryan. 2th ed. Moscow, Prima-Press Publ., 2004. 62 p.

УДК 343.544

И. С. Алихаджиева, канд. юрид. наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (Москва, Россия) (e-mail: Alins1@yandex.ru)

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАНЯТИЯ ЭЛИТНОЙ ПРОСТИТУЦИЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье проанализирован получивший распространение в последние годы новый способ организации элитной проституции в сети Интернет. Основой исследования этого вида преступности в виртуальном пространстве явился контент-анализ специализированных сайтов, социальных сетей и мессенджеров, посредством которых осуществляется продажа маскируемых под элитный эскорт сексуальных услуг. Автором отмечается тенденция, когда традиционные формы посредничества занятию проституцией – организация притонов, «массажных» салонов – уходят в прошлое. Интернет-пространство активно используется для продвижения новых форм сексуальной активности – виртуальный секс (киберсекс) в видеочатах, при помощи веб-камеры с двухсторонней видеосвязью в режиме онлайн и т. п. Выделены причины и особенности организации этого вида проституции в социальных сетях и мессенджерах, дана характеристика элитным менеджерам, агентам (сутенерам), проституткам, клиентам, изучены способы разрешения конфликтных ситуаций между сутенером и эскорт-работником в публичном пространстве (чаты в закрытых группах). Основными криминологическими признаками организованной преступной деятельности в сфере оборота сексуальных услуг в российском сегменте сети Интернет, которые позволило выявить исследование, являются высокий уровень латентности и высокие виктимологические риски. Из авторского анализа следует, что в закрытой среде элитного секс-сообщества имеют место акты физического и сексуального насилия в отношении эскортниц, их убийства и похищения. Условия анонимности оказания услуг эскорта клиентам с высоким социальным статусом, страх за собственную безопасность препятствуют обращению жертв в правоохранительные органы. Автор приходит к выводу о необходимости проведения теоретических и практических исследований этой сферы нелегальных услуг, результаты которых могли бы найти применение в российском научном дискурсе и в правоохранительной практике.

Ключевые слова: элитная проституция, эскорт, сексуальные услуги, секс-работник, сутенер, социальная сеть, интернет, чат.

Ссылка для цитирования: Алихаджиева И. С. Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 179–185.

***

В середине двухтысячных, когда для подтверждения нового статуса нуворисам требовались красавицы как неотъемлемый атрибут красивой жизни, обычная проституция модифицировалась в услуги по сопровождению или секс-эскорт. В отличие от уличной и салонной проституции мир элитного коммерческого секса закрыт для обывателя, поскольку порок для избранных ныне экспортируется по тайным секс-каналам посредством IT-технологий. Продажа сексуальных услуг состоятельным и известным ушла в закрытые сегменты сети Интернет – Dark Web (часть теневого онлайн-рынка, где продаются запрещенные товары и услуги, форум по обмену приватной информацией или «тёмная паутина») и бесплатные приложения и мессенджеры

(например, WhatsApp, Telegram). Рабочей площадкой эскортной проституции выступает, к примеру, Инстаграм, где по профилю и качественным фотосъемкам гламурной жизни определяется «ценник» работницы этой сферы.

Организация занятия проституцией с использованием российского сегмента Интернета представляет интерес для теоретических исследований в связи с тем, что криминологическая картина по этому виду преступности отсутствует [1, с. 23]. Нет накопленного правоприменителем эмпирического материала, следственной и судебной практики, и потому представление об этом виде преступности нельзя сформировать анализом уголовной статистики. Отсюда крайне затруднительно построение стратегии профилактического

воздействия и противодействия ему. Правоохранительные меры по пресечению деятельности эскорт-менеджеров сводятся к малоэффективному мониторингу социальных сетей и отслеживанию так называемых заказов, однако ввиду особых мер безопасности, конфиденциальности и анонимности и, главное, заинтересованности всех участников в функционировании специфического бизнеса судебных приговоров за посредничество продаже элитных секс-услуг нет.

Организация продажи элитного секса. В мессенджере Telegram экс-эскортицами, а ныне опытными сутенерами, для узкого круга лиц был создан групповой чат «Какао», переименованный позднее на «Job4Models», куда попасть можно только по личному приглашению участника. В рейтинге популярности и две другие закрытые группы – «В теме» и «Пробить номер». В них могут создаваться новые чаты по сегментам с учетом пожеланий клиента по типуажу («от четвертого размера», «от 175 см», «только пышки, крупные, шатенки, блондинки»); по уровню заработка («высокий или малый бюджеты») или географии места работы («Эмираты», «Европа», «СНГ»).

Пик активности предложений о найме для платного секса фиксируется в выходные, праздники и ближе к ночи. Типичным сообщением элитного сутенера для секс-работы через секретные чаты, а их в сутки может быть до нескольких сотен, является, к примеру, такое: *«Заезд к шейху в Дубаи на неделю! Оплата от 3,5 до 5 тыс. долл. на руки, проживание на вилле, оплата перелёта и визы. Сдаем анализ крови по приезду. По паспорту не старше 24, мне нужны фото, видео и фото паспорта в личку».* Или такое: *«Москва. Нужны телеведущие центральных каналов. Оплата очень высокая»*, *«Москва. Нужны мисс, звезды Инстаграм, действующие актрисы театра и кино, певицы, очень красивые. Бюджет высокий! Девушки, которые нажирают-*

ся, просят клиентов фоткать себя и мнят из себя красавиц, которым все должны, отправятся домой. Фото без фотошопа» [2].

Распределение по географии спроса показывает востребованность следующих, кроме России, направлений секс-туров. Первое место у Объединённых Арабских Эмиратов, далее – Великобритания, США, Турция, Франция, Израиль и Кипр. Анализ предпочтений клиентов определяется количеством запросов, максимум которых приходится на категории: «Две девушки для клиента», «Просто ужин», «Знание английского», «Заказчик шейх».

У каждой группы есть администратор, в обязанности которого входит контроль за соблюдением участниками установленных правил. Система безопасности отлажена путем фильтрации новичков. Регистрация в такой группе обязательно проверяется модератором по нику (никнейму) в справочных группах и при отсутствии достоверной информации о новом участнике или вхождения в группу без рекомендации кого-то из членов сообщества он блокируется по IP-адресу (отправляется в «бан»). В случае, когда неизвестный пользователь по каким-то причинам не был заблокирован, его предложение о секс-работе игнорируется. По этой причине сотрудники правоохранительных органов, зарегистрированные в группах, ограничены в получении сколько-нибудь значимой оперативной информации для задержания эскорт-менеджеров.

В чат-справочных размещают информацию о менеджерах, клиентах и работницах службы эскорта. Это своего рода картотека сообщества эскорта, где дается полная характеристика заказчикам, если они являются постоянными пользователями услуги (их сексуальные предпочтения, склонность к извращениям, оплата фальшивыми купюрами, употребление наркотических веществ и др.). Те-

лефонные номера клиентов нередко сопровождаются пометкой типа «динамик», «садист», «толпа малолеток-мажоров».

В тематических чатах размещается информация о выполнении своих обязанностей агентом, об обмане с процентами и гонораром, соблюдении условий работы эскортницей и злоупотреблении ею алкоголем и наркотическими средствами. Конфликт между менеджером и эскорт-работником по обслуживанию заказа при его неурегулированности в личной переписке переходит в публичное пространство. Тогда спор разрешается другими участниками группы, и неправая сторона блокируется администратором. Стороны выкладывают в качестве доказательств скриншоты переписки в мессенджерах Telegram, WhatsApp, фото, чеки, выписки из банка о перечислении денег и т. д.

Профессиональный сленг. В сообществе участников элитного эскорта сформировалось своё аргю. Наиболее употребительными в этой среде являются такие выражения: «Бэбифейс, бэбик» (девушка с детским лицом и инфантильной манерой поведения); волшебство, массаж, поездка с продолжением (секс); «конфеты, кэш» (деньги); «нос» (кокаин), «фея» (проститутка), «нолик» (девственница) и т. п.

Элитный сутенер. Менеджеры, агенты или сутенёры – это, как правило, мужчины, ранее наладившие «бизнес» в элитных притонах, и бывшие эскортницы, стриптизерши, модели, победительницы конкурсов красоты, у которых не получилось выйти замуж за состоятельного клиента («папика») либо стать управляющими стриптиз-клуба. Среди известных топовых менеджеров в сфере эскорта некто Петр Листерман. В тусовке олигархов и знаменитостей его называют «эскорт-агентом», «свадебным агентом», «элитным сводником» для известных олигархов. Еще в девяностых он объединил работу нескольких «офисов» по под-

бору девушек модельной внешности для знакомства с представителями российской и зарубежной элиты [3]. Многие жены знаменитостей, звезд шоу-бизнеса, спорта, бизнесменов прошли именно через агентства Листермана. Например, знакомство русской супермодели Ирины Шейк (Шайхисламовой) и футболиста Роналду произошло при содействии Листермана [4]. В числе клиентов агентства был и Михаил Прохоров, которому, по слухам, именно Листерман привез несовершеннолетних девушек из эскорта в Куршевель. Услуги звездного сводника тарифицируются следующим образом: знакомство с девушкой – 10 тыс. долл., вторая встреча – 20 тыс. долл. и 50 тыс. долл., если встречи переросли в любовные отношения. Если модель высокого класса, то тариф увеличивается в два раза.

Онлайн-агент за неделю зарабатывает до сотни тысяч рублей с фиксированным процентом от 10 до 30 за каждую организованную им встречу. Агентское вознаграждение за посредничество выплачивается девушками после визита к клиенту. При обнаружении факта сокрытия эскортницей части заработка от менеджера ее анкета через модератора чата помещается в чёрный список «Black List». Агенты по эскорту часто специализируются на продаже девственности несовершеннолетних. Они находят юных девочек, согласившихся на сексуальную связь за деньги, и выставляют «лот» на торги.

Элитные эскортницы являются не только источником заработка, но и основной проблемой менеджера. Так, чтобы не платить агентский процент, одна из девиц инсценировала свое похищение, другая сообщила о насилии клиента, прибегнув к помощи визажиста, который изобразил на лице следы побоев, и требовала блокировки агента. Кто-то выкладывал в группу скриншот справки от врача о побоях, купленной на одном из сайтов в

Интернете. Нередки случаи употребления наркотических препаратов на вечеринках, и, как следствие, психозы, отказ клиенту в секс-услуге, публичные скандалы [5].

Секс-работницы. На рынке элитного эскорта востребованы молодые девушки от шестнадцати до тридцати лет, проститутки старше этого возраста уходят из «профессии». Большая часть девушек, работающих в сфере эскорт-услуг, ведут двойную жизнь. У многих из них достаточно престижные должности: финансовый аналитик в банковской сфере, переводчик, юрист. К топовым относятся балерины, певицы, спортсменки, начинающие артистки, мелькающие в эпизодических ролях, услуги которых за ночь стоят от полутора тысяч долл. Чтобы попасть в категорию «топ», а значит увеличить цену на свои услуги, девушки оплачивают услуги фолловеров с большим количеством подписчиков в Instagram, «ВКонтакте» и покупают появление на обложках журналов и съемки в фильмах и клипах. Для VIP-клиентов устраивают оплачиваемый кастинг среди «топ», когда представитель так называемого VIPа отбирает для него девиц [6]. Среди эскортниц и студентки престижных вузов со знанием нескольких языков и хорошими манерами, умением одеваться, поддерживать светскую беседу и вести себя на публике.

«Девушки для сопровождения» характеризуются потребительской моделью поведения, завышенными притязаниями на материальный статус. Избрание именно этого, а не какого-то другого легитимного способа заработка мотивируется и желанием причастности к богемному образу жизни элиты. Практически все эскортницы – поклонницы «тусовок», когда они отдыхают с клиентами на престижных курортах, веселятся, пьют дорогие напитки и получают дорогие подарки.

Клиенты. У продающих «любовь» элитных путан особый контингент заказчиков – миллиардеры из списка Forbes,

арабские шейхи, нефтяные магнаты, высокопоставленные чиновники и предприниматели. По этой причине в сети действуют правила соблюдения требований анонимности и конфиденциальности услуги. Каждая эскортница проходит четкий инструктаж – никаких фото, видео для воспрепятствования утечке информации в «желтую» прессу. За разглашение данных о личности покупателя или подробностей секс-обслуживания проститутки попадают в «чёрный список». Мотивацией обращения к сутенерам этой категорией клиентов по большей части является пресыщенность, рутина и скука. Для них секс не является самоцелью, это скорее покупка общества красивых и умных девушек на время отдыха.

Другая категория клиентов – «звездная» молодежь, дети богатых родителей, которые устраивают светские вечеринки с заказом целой группы девушек с оплатой за время мероприятия, когда они должны постоянно находиться в зале с гостями. Российские же чиновники и бизнесмены обычно подыскивают одну девушку как «личного секретаря» или «помощницу», некоторые из которых делают успешную профессиональную карьеру.

К услугам эскорта прибегают и при организации мероприятий государственного масштаба. По данным газеты «Версия», за три дня Петербургского экономического форума в 2013 г. на услуги по сопровождению представителей бизнес-элиты из бюджета было израсходовано 180 тыс. долл. (5 760 тыс. руб.). За несколько месяцев до проведения форума в социальной сети «ВКонтакте» была создана закрытая группа «Работа для девушек», через которую проходил найм для эскорта. Оплата составляла от пятиста до одной тысячи долларов в день [7]. Газета «Московский комсомолец» провела свое расследование о сексуальных услугах во время чемпионата мира по футболу. Как

утверждается в издании, в преддверии мундиала в социальных сетях многократно возросло число объявлений о найме на работу в сферу интимных услуг и элитного эскорта для именитых гостей [8].

Оплата. В таких мегаполисах, как Москва, средний доход элитной проститутки может составлять за месяц от 200 тыс. руб. до миллиона. При этом немалая часть дохода уходит на поддержание ее привлекательности (маникюр, косметолог, спа-процедуры, абонемент в фитнес-залы), самообразование (как правило, все дамы полусвета владеют иностранным языком и высшим образованием) и рекламу (фотосессии, видеоролики и др.). В тематических группах, где участников насчитывается до нескольких тысяч, обсуждаются вопросы пластической хирургии, косметических процедур, дорогой одежды, рекомендуются услуги фотографов для фотосессии, врачей и прочих специалистов для поддержания имиджа дорогой модели.

Мониторинг нескольких закрытых групп в социальных сетях и публикаций средств массовой информации позволил выявить некоторые признаки криминологической характеристики организации занятия элитной проституцией в сети Интернет:

Высокая латентность. Специфической чертой преступности, связанной с организацией элитного эскорта, является её высокая латентность, поскольку преступная деятельность хорошо законспирирована. В ближайшей перспективе следует прогнозировать возникновение новых преступных схем продажи услуг элитной проституции в сети Интернет с соблюдением мер конфиденциальности. Уход этого бизнеса во Всемирную сеть объясняется очевидными преимуществами организации досуга в режиме онлайн (отсутствует надобность в аренде помещений для притонов и оплаты за нее, исключаются контроль этой деятельности организованной преступностью, уплата

мзды полицейским, практика «субботников» и др.).

Повышенная виктимность участников сообщества. Вопреки соблюдению правил жесткой фильтрации клиентов, допустивших акты насилия или неплатежа за услугу, высоки виктимологические риски у женщин, оказывающих сексуальные услуги. Судя по постам в чатах, случаи сексуального насилия, похищения элитных проституток, краж у них дорогостоящих вещей, денег, мобильных телефонов, украшений и отказа оплаты услуг заказчиком нередки. Так, в нескольких чатах разных сетей обсуждается один из постоянных клиентов – некий Дмитрий, который насильно заказанных им через чат девушек, грабил и под надуманным предлогом исчезал без оплаты. Система безопасности, несмотря на блокировку этого клиента модераторами сайта, не срабатывала, и он вновь регистрировался в группе под разными никами и от имени агента вызывал новую эскортницу. В чатах нередки сообщения о пропаже девушек, направленных в заграничный вояж для отдыха с олигархом. Версиями исчезновения являются разглашение данных о личности высокопоставленного или известного клиента, убийство жертвы как свидетеля, воспрепятствование огласки обращения к проститутке при нарушении ею условий конспирации и анонимности. Учитывая, что заказчики, как правило, состоятельные и пресыщенные люди, ведущие праздный образ жизни, то в их среде нередко практикуется употребление дорогих наркотических веществ (кокаин или метамфетамин). Последствием их приема нередко является неконтролируемая агрессия, жертвами которой и становились дорогие путаны. В сети описывались и факты расправы над агентами, когда ими поставлялся «некачественный» товар из числа эскортниц либо нарушались какие-то условия договора.

Таким образом, мобильность, анонимность и высокая доходность бизнеса по продаже элитных и любого другого вида сексуальных услуг при помощи Интернета обуславливают повсеместное распространение онлайн-проституции. Страну опутывает сеть виртуальных сексуальных услуг [9, с. 87]. К примеру, в Глобальной сети действуют сотни тысяч веб-сайтов с платными эротическими видеочатами, в которых можно общаться с девушками (по сленгу «рунетки») вживую по веб-камере. Онлайн-чаты здесь некий суррогат сайта знакомств, стриптиза и секса по телефону. Между тем виртуальная проституция остается за пределами внимания правоохранительных органов и спецслужб. В интервью газете «Наша Версия» генерал-лейтенант полиции Александр Михайлов сказал: «Правонарушениями в области Интернета у нас практически никто не занимается. Во-первых, нет на то соответствующей законодательной базы. Это печально, потому что во многих случаях все эти “шалости” с web-камерами записываются и уходят на зарубежные серверы и порталы. Во-вторых, нет опыта расследований таких дел и грамотных специалистов. Известно, например, что сайты, даже заблокированные, хранятся в «облачном» хранилище. Таким образом, восстановить их не составит никакого труда – было бы желание. Виртуальные секс-преступления в законодательстве на сегодняшний день не зарегистрированы, и приостановить деятельность одной такой компании с веб-моделями, которая, по сути, является притоном с сутенёрами, можно только по заявлению в правоохранительные органы» [10].

Список литературы

1. Алихаджиева И. С. Преступность, связанная с проституцией, в социальных

сетях Интернета (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы современной юриспруденции: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Л. Никоновича. М., 2018.

2. Кикоть А. Тайные секс-каналы в Telegram: IT-революция в мире борделей [Электронный ресурс] // Life. 2016. URL: https://life.ru/t/расследования/420300/tainyie_sieks-kanaly_v_telegram_it-rievoliutsiia_v_mirie_bordieliei (дата обращения: 04.09.2018).

3. Танькова Я. Петр Листерман: «Это не сутенерство, это искусство!» // Комсомольская правда. 2009. 23 мая.

4. Ремизова М. Петр Листерман: «Роналду выбрал Шейк из сотни моих девочек!» // Комсомольская правда. 2010. 8 июля.

5. Кикоть А. Порок на экспорт: как устроен мир элитного эскорта [Электронный ресурс] // Life. 2015. URL: https://life.ru/t/секс/345398/porok_na_eksport_kak_ustroien_mir_elitnogho_eskorta (дата обращения: 04.09.2018).

6. Танькова Я. Как я охотилась на миллионеров // Комсомольская правда. 2008. 20 нояб.

7. Мнишек И. Эскорт для «дяденьки» // Версия. 2013. 24 июля.

8. Сажнева Е. Жриц любви вербуют на ЧМ 2018: «Третий размер груди обязателен» // Московский комсомолец. 2018. 4 июня.

9. Алихаджиева И. С. Понятие и классификация услуг для удовлетворения сексуальных потребностей человека: соотношение и разграничение с проституцией // Современное право. 2017. № 11. С. 87–93.

10. Мишина И. Камерный интим // Наша версия. 2018. 5 февр.

Поступила в редакцию 19.10.18

UDC 343.544

I. S. Alikhadzhiyeva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia) (e-mail: Alins1@yandex.ru)

THE ORGANIZATION OF OCCUPATION ELITE PROSTITUTION ON THE INTERNET

The article analyzes a new way of organizing elite prostitution on the Internet, which has become widespread in recent years. The basis of the study of this type of crime in the virtual space was the content analysis of specialized websites, social networks and messengers, through which the sale of sexual services disguised as elite escort is carried out. The author notes the tendency when traditional forms of mediation to occupation by prostitution—the organization of brothels, «massage» salons – go to the past. The Internet space is actively used to promote new forms of sexual activity – virtual sex (cybersex) in video chats, using a webcam with two-way video communication online, etc. The reasons and features of the organization of this type of prostitution in social networks and messengers are highlighted, the characteristics of elite managers, agents (pimps), prostitutes, clients are given, the ways of resolving conflict situations between a pimp and an escort worker in the public space (chats in closed groups) are studied. The main criminological features of organized criminal activity in the sphere of trafficking in sexual services in the Russian segment of the Internet, which revealed the study, are a high level of latency and high victimological risks. From the author's analysis it follows that in the closed environment of the elite sex community there are acts of physical and sexual violence against escorts, their murder and abduction. Conditions of anonymity of escort services to clients with high social status, fear for their own safety prevent victims from contacting law enforcement agencies. The author comes to the conclusion that it is necessary to conduct theoretical and practical studies of this sphere of illegal services, the results of which could be applied in the Russian scientific discourse and in law enforcement practice.

Key words: elite prostitution, escort, sexual services, sex worker, souteneur, social network, Internet, chat.

For citation: Alikhadzhiyeva I. S. The organization of occupation elite prostitution on the Internet. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 179–185 (in Russ.).

***

References

1. Alikhadzhiyeva I. S. Prestupnost', svyazannaya s prostitutsiei, v sotsial'nykh setyakh Interneta (po materialam sudebnoi praktiki). Aktual'nye problemy sovremennoi yurisprudentsii: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vol. 1; ed by S. L. Nikonovich. Moscow, 2018.
2. Kikot' A. Tainye seks-kanaly v Telegram: IT-revolyutsiya v mire bordelei. Life. 2016. URL: https://life.ru/t/rassledovaniya/420300/tainyie_sieks-kanaly_v_telegram_it-rievoliutsiia_v_mirie_bordieliei (accessed 04.09.2018).
3. Tan'kova Ya. Petr Listerman: “Eto ne sutenerstvo, eto iskusstvo!” Komsomol'skaya pravda, 2009, 23 May.
4. Remizova M. Petr Listerman: “Ronaldu vybral Sheik iz sotni moikh devochek!” Komsomol'skaya pravda, 2010, 8 July.
5. Kikot' A. Porok na eksport: kak ustroen mir elitnogo eskorta. Life, 2015. URL: https://life.ru/t/seks/345398/porok_na_eksport_kak_ustroien_mir_elitnogho_eskorta (accessed 04.09.2018).
6. Tan'kova Ya. Kak ya okhotilas' na millionerov. Komsomol'skaya pravda, 2008, 20 Nov.
7. Mnishek I. Eskort dlya “dyaden'ki”. Versiya, 2013, 24 July.
8. Sazhneva E. Zhrits lyubvi verbuyut na ChM 2018: “Tretii razmer grudi obyazatelen”. Moskovskii komsomolets, 2018, 4 June.
9. Alikhadzhiyeva I. S. Ponyatie i klassifikatsiya uslug dlya udovletvoreniya seksual'nykh potrebnosti cheloveka: sootnoshenie i razgranichenie s prostitutsiei. Sovremennoe pravo, 2017, no. 11, pp. 87–93.
10. Mishina I. Kamernyi intim. Nasha versiya, 2018, 5 Fevr.

УДК 343.34

О. В. Минакова, соискатель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail:marivanna77@mail.ru)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ: ОПЫТ СТРАН СНГ

Статья посвящена итогам компаративистского анализа уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств, предусматривающего ответственность за нарушения правил безопасности в сфере строительства. В ходе сравнительно-правового исследования опыта криминализации нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ автором изучены аналогичные уголовно-правовые нормы десяти бывших союзных республик, среди которых Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан. Проведены параллели с российским уголовным правом в контексте перспектив модернизации формулировки диспозиции и санкции рассматриваемого состава преступления.

Автор статьи обращает внимание на то, что, несмотря на общие правовые традиции и историческое прошлое, родство концептуальных подходов, основных принципов и институтов российского уголовного права и уголовного права государств СНГ, их уголовные кодексы содержат собственные оригинальные идеи. Уголовное законодательство стран Содружества различается пониманием системы преступлений, связанных со сферой строительства, содержательным наполнением и оформлением предписаний, ориентированных на защиту общественной безопасности, юридико-техническими приемами и способами законодательной регламентации ответственности и санкциями за их совершение. Ответственность за подобные деяния разделяется в кодексах в зависимости от последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти человека и их субъекта. Отмечается, что обращение автора к имеющемуся зарубежному опыту имеет среди прочего цель совершенствования собственного национального права. На основании компаративистского исследования автор формулирует предложения по оптимизации российского уголовного законодательства в сфере борьбы с преступлениями, связанными с производством строительных и иных работ.

Ключевые слова: нарушение правил безопасности, строительство, строительные работы, недоброкачественное строительство, зарубежный опыт.

Ссылка для цитирования: Минакова О. В. Законодательная регламентация уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ: опыт стран СНГ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 186–194.

***

На основе Модельного Уголовного кодекса Содружества Независимых Государств (ст. 189 «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» главы «Преступления против общественной безопасности») [1] институт уголовной ответственности за нарушения правил безопасности в сфере строительства нашел свое отражение в законодательстве всех стран постсоветского пространства, вошедших в СНГ. Рассмотрение зарубежного уголовного права, по мнению А. Г. Кибальника, необходимо для «восприятия наиболее эффективных средств решения своих собственных задач, выработанных в иностранном уголовном праве» и «заимствования наиболее эффективных уголовно-правовых институтов из

зарубежного права» [2, с. 32–33]. Компаративистский анализ норм уголовных кодексов стран бывшего Союза ССР позволяет выявить пробелы и недостатки регламентации российским УК ответственности за нарушения специальных правил безопасности в сфере строительства и использовать позитивный опыт законодателя стран-участниц СНГ.

Статья 222 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года (далее – УК АР) [3] именуется как «Нарушение правил безопасности проведения строительных, горных или иных работ» и, за исключением указания на горные работы, недавно изъятые из текста ст. 216 УК РФ [4], точно дублирует наименование российской статьи. Однако если отечественный УК говорит

только о нарушениях правил безопасности при ведении строительных или иных работ, не раскрывая их вида, то в азербайджанском образце уточняется, при проведении каких именно работ эти правила нарушаются. Это работы по планированию строительства, руководству им, а также сносу строительного объекта или реконструкции в данном объекте.

Аналогичен и подход к законодательному описанию анализируемого преступления с учетом последствий, однако диспозиция части первой ст. 222 УК АР сконструирована как модель усеченного состава: нарушение правил безопасности проведения работ по планированию строительства, руководству им, а также сносу строительного объекта или реконструкции в данном объекте, а равно горных или иных работ должно создавать реальную угрозу жизни и здоровью людей (222-1 УК АР). Она, как и ст. 216 УК России, в части второй (222.2 УК АР) указывает на последствия таких нарушений, которыми признаются причинение тяжкого или менее тяжкого ущерба здоровью пострадавшего лица, или смерть потерпевшего лица или иные тяжкие последствия (222.3 УК АР). В санкции ч. 3 предусмотрен единственный вид наказания – лишение свободы на срок от четырех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В отличие от УК России УК Азербайджана включает более широкий перечень совершаемых при проведении строительных работ преступлений. В нем введен запрет на самовольное проведение строительных работ (ст. 222-1 УК АР), ведение строительных или монтажных работ в охранных зонах без соответствующего разрешения (ст. 222-2 УК АР) и умышленное неисполнение решений государственных органов о приостановлении строительных работ, проводимых с нарушением правил, установленных законодательством (ст. 222-3 УК АР).

Такая же модель криминализации нарушения правил безопасности в сфере строительства нашла свое закрепление в *Уголовном кодексе Республики Армения от 29 апреля 2003 года* [5]. В диспозиции ст. 230 армянского кодекса, именуемой «Нарушение правил безопасности при ведении горнорудных, строительных или иных работ», последствия делятся на два вида: тяжкий или средней тяжести вред здоровью человека (ч. 1) и смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2) при неосторожной форме вины при их причинении. При этом максимальный предел лишения свободы в санкции второй части УК Армении аналогичен УК Азербайджана – *не свыше десяти лет* лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не свыше трех лет или без такового. В главе 23 «Преступления против общественной безопасности», куда помещен указанный состав, находятся и другие нормы, предусматривающие наказание за нарушения правил безопасности в иных видах деятельности, и в том числе не имеющие аналогов в УК России. Среди них нарушение правил, связанных с безопасностью эксплуатации источников ионизирующего излучения (ст. 228), ускорителей электронов, протонов, тяжелых ионов (ст. 229), на объектах атомной энергетики (ст. 227), на взрывоопасных объектах (ст. 231), нарушение правил пожарной безопасности (ст. 232).

Уголовно-правовой запрет нарушения правил безопасности при проведении строительных работ сформулирован и в главе 27 «Преступления против общественной безопасности» *Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 года* (далее – УК РБ) [6]. Вместе с тем, в отличие от российского образца, в ст. 303 УК РБ «Нарушение правил безопасности горных или строительных работ» говорится не только о нарушении правил безопасности при производстве таких работ, но и *правил эксплуатации машин и механизмов при их ведении.*

Причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1) или смерти человека (ч. 2) охватывается только неосторожной формой вины, причем отлично от УК АР, но аналогично российскому уголовному праву, санкция за смерть человека допускает альтернативу лишению свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения – ограничение свободы на срок до пяти лет. Кроме этих последствий, в ч. 1 ст. 303 УК РБ предусмотрен ущерб в крупном размере. Согласно примечанию к разделу X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения», где размещается глава 27, им признается размер ущерба на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

К числу неизвестных действующему российскому уголовному законодательству преступлений относится ст. 305 УК РБ. Она содержит следующую формулировку диспозиции части первой: «Нарушение проектов, обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов при производстве строительно-монтажных работ». В этой же части определяется и специальный субъект такого нарушения – лицо, ответственное за соблюдение таких требований.

Статья 216 УК РФ имеет свой прототип и в уголовном законодательстве *Республики Казахстан от 3 июля 2014 года* (далее – УК РК) [7]. Расположенная в главе 10 «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка» ст. 277 УК РК «Нарушение правил безопасности при ведении горных или строительных работ» объединяет в трех частях одно деяние – нарушение правил безопасности ведения горных или строительных работ – с разными последствиями. В диспозиции УК РК, аналогично законодательству

Азербайджана и Армении, нет упоминания о крупном ущербе по примеру российского и белорусского УК. Здесь внимание законодателя сосредоточено исключительно на причинении вреда наиболее ценным правам личности – ее жизни и здоровью. Так, в отличие от ч. 1 ст. 216 УК РФ, по части первой ст. 277 УК Казахстана объективную сторону образует причинение по неосторожности не только тяжкого, но и средней тяжести вреда здоровью человека. В качестве квалифицированного и особо квалифицированного вида нарушения правил безопасности при ведении строительства выделено деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2), или смерть двух или более лиц (ч. 3). Как и в уголовных законах Азербайджана и Армении, казахстанский законодатель объединяет последствия в виде смерти или иные тяжкие последствия в одну часть ст. 277, устанавливая значительно меньшие границы лишения свободы, нежели названные УК, – до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В Уголовном кодексе Казахстана установлена ответственность за недоброкачественное строительство. В ст. 278 УК РК им признается:

а) *сдача и (или) прием в эксплуатацию недоброкачественно построенных, незавершенных или не соответствующих условиям договора и проектной документации зданий и сооружений, автомобильных дорог, тоннелей, электростанций, жилых домов или иных объектов строительства;*

б) *их некачественный ремонт.* Последствия, как признак объективной стороны, также включены в три части диспозиции ст. 278 и тождественны ст. 277 УК РК по текстуальному изложению и форме вины. В этой норме говорится о субъекте преступления, которым выступают руководители строительных орга-

низаций, производители работ и должностные лица, осуществляющие контроль за качеством строительства.

В Уголовном кодексе РК есть и специальная норма об ответственности за нарушение правил или требований нормативов в сфере архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (ст. 279). Очевидно, что основное отличие между двумя составами – ст. 277 и 279 УК РК – состоит в том, что в первом случае речь идет о нарушении правил безопасности при строительстве, а во втором – о нарушении правил или требований строительных нормативов. К последствиям, которые оговариваются в диспозиции ст. 279 УК, отнесены наступившие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 1) и смерть двух или более лиц (ч. 2).

Сопоставляя наименование и содержание ст. 236 «Нарушение правил безопасности горных, строительных, взрывоопасных или иных работ» *Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года* [8] с аналогичной нормой УК РФ и других стран СНГ, видно, что только кыргызский законодатель вводит в нее нарушение предписаний безопасности и при проведении взрывоопасных работ. Другие же государства Содружества, как и российский уголовный закон (ст. 217 УК РФ), выделяют эту форму в отдельный состав. Применение санкций следует при неосторожном причинении менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1) или наступлении смерти человека по неосторожности или иных тяжких последствий (ч. 2). Из государств бывшего Советского Союза санкция по части второй в кыргызском УК содержит одно из наиболее мягких наказаний за рассматриваемое преступление – лишение свободы на срок *до пяти лет* с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Как и большинство кодексов участниц СНГ, УК Кыргызстана признает названное деяние посягательством против обществен-

ной безопасности (глава 24 Раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»).

Кыргызская Республика является одной из стран, в законодательстве которой действует ответственность за недоброкачественное строительство (ст. 236-1 УК РК введена 25.02.2013 г.). Субъектом этого преступления может быть подрядчик, руководитель строительной организации и должностное лицо, осуществляющее контроль за качеством строительства, и производители работ. По подобию УК Казахстана законодатель установил в частях второй и третьей те же последствия – соответственно смерть человека или иные тяжкие последствия или смерть двух или более лиц с одной и той же виной в форме неосторожности.

Интересен опыт регламентации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление в *Уголовном кодексе Республики Молдова от 18 апреля 2002 года* [9] (далее – УК РМ). Так, в ст. 300 УК РМ «Нарушение правил при производстве горных или горно-строительных работ» уточняется, какие именно правила не соблюдались виновным. Таковыми являются правила безопасности, строительные, санитарные или противопожарные правила и правила эксплуатации строительных механизмов.

В отличие от ст. 216 УК РФ законодательству Молдовы неизвестно последствие в виде наступления по неосторожности смерти двух или более лиц. Разработчики кодекса указывают только на иные тяжкие последствия, не уточняя, является ли таковыми гибель двух или более лиц. По аналогии с УК Азербайджана, Армении, Казахстана и Кыргызстана законодатель Молдовы совместил в одной части (ч. 1) два разных по степени опасности состава преступления: 1) причинение смерти и 2) иные тяжкие последствия. При этом санкция для каждого из двух случаев установлена одна и та же: лишение свободы на срок от трех до десяти лет. Такой подход вызывает опреде-

ленные нарекания, ибо при всех прочих тождественных условиях смерть нескольких человек не может быть приравнена к иным тяжким последствиям.

Подобно УК Казахстана и Кыргызстана в ст. 257 УК РМ молдавский законодатель вводит неизвестную УК России норму о недоброкачественном строительстве с дифференциацией ответственности в зависимости от последствий и субъекта преступления. В части первой им названы руководители строительных организаций, производители работ и должностные лица, осуществляющие контроль за качеством строительства, а в частях второй, третьей и четвертой – ответственные лица.

Как и в уголовном законодательстве Российской Федерации, в Уголовном кодексе Молдовы нормы, так или иначе затрагивающие безопасность при проведении строительных работ, рассредоточены по всему УК. Это говорит о разнообъектности преступлений, содержащих общие признаки объективной стороны. Так, ст. 199-2 «Выполнение неразрешенных работ в местах расположения археологических памятников или в зонах с археологическим потенциалом» вошла в главу VI «Преступления против собственности». В соответствии с названием главы X недоброкачественное строительство (ст. 257 УК РМ) законодатель отнес к экономическим преступлениям, а нарушение правил при производстве горных или горно-строительных работ (ст. 300 УК РМ) – к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (глава XIII).

Содержание диспозиции ст. 190 «Нарушение правил безопасности ведения горных, строительных или иных работ» главы 21 «Преступления против общественной безопасности» раздела VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» *Уголовного кодекса Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года* (далее – УК РТ) [10] аналогично нормам УК Азербайджана, Армении и Кыргызстана. В ней преду-

смотрены те же квалифицирующие обстоятельства – совершение преступления с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека (ч. 1) и причинение ему смерти или иных тяжких последствий по неосторожности (ч. 2). Санкция второй части ст. 190 УК РТ является максимально гуманной из всех государств Содружества – ограничение свободы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок и без дополнительных видов наказания. Другие виды нарушений правил безопасности из этой главы установлены в двух нормах УК РТ – если они допущены на взрывоопасных объектах (ст. 191 УК РТ) или связаны с пожарной безопасностью (ст. 192 УК РТ). Их формулировки сходны со статьями Уголовного кодекса других стран СНГ.

Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года [11] в главе 29 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (раздел XII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения») также содержит норму о нарушении правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 280). В качестве последствия законодатель в простом составе указывает только причинение тяжкого вреда здоровью человека по неосторожности, а по части второй отягчающим обстоятельством им определяется смерть человека или иные тяжкие последствия. Туркменистан является одной из четырёх стран, включая Молдову, Казахстан, Кыргызстан, признавших преступлением недоброкачественное, а по УК Туркменистана – некачественное строительство (ст. 280.1). Состав по конструкции материальный и в основном, квалифицированном и особо квалифицированном составе закрепляются те же последствия, что и в УК названных стран.

В *Уголовном кодексе Украины от 5 апреля 2001 года* [12] (далее – УК РУ) сформирован специальный раздел X «Преступления против безопасности производства», объединивший четыре

нормы, и в том числе ст. 272 «Нарушение правил безопасности при выполнении работ с повышенной опасностью». В соответствии со ст. 272 УК РУ строительство причислено к видам работ, представляющих повышенную опасность. Украинский законодатель сконструировал действие в ч. 1 ст. 272 УК в форме деликта создания опасности: нарушение правил безопасности при выполнении работ с повышенной опасностью на производстве или каком-либо предприятии лицом, которое обязано их соблюдать, если это нарушение создало угрозу гибели людей либо наступления иных тяжких последствий или причинило вред здоровью потерпевшего. Такое решение по криминализации вряд ли может быть воспринято российским законодателем, поскольку использование похожей конструкции повлечет обязанность установления даже не самого вреда, а наличия реальной опасности его наступления. В части второй ст. 272 УК РУ статус преступления придается тому же деянию, если оно повлекло гибель людей либо иные тяжкие последствия. Статья 272 УК РУ – единственный из всех стран СНГ пример нормы с отсутствием в диспозиции формы вины, что допускает совершение деяния и по умыслу, и по неосторожности.

Статья 258 «Нарушение правил безопасности горных, строительных или взрывоопасных работ» *Уголовного кодекса Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года* [13] охватывает три вида работ, при ведении которых не допускается нарушение правил безопасности. Похожую регламентацию ответственности имеет Кыргызстан. УК Узбекистана сохраняет те же концептуальные подходы, что и УК РФ: состав, предусмотренный ст. 258, признается преступлением против общественной безопасности (глава XVII) и находится в разделе шестом «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Согласно узбекскому законодательству ответственность за нарушение установ-

ленных правил безопасности обусловлена только причинением средней тяжести или тяжкого телесного повреждения (ч. 1). Как и уголовные законы Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Украины, узбекский УК также включил в одну часть и смерть человека (п. «а» ч. 2), и иные тяжкие последствия (п. «б» ч. 2).

Таким образом, сопоставление используемых в странах СНГ уголовно-правовых мер противодействия нарушениям правил безопасности в сфере строительства с аналогичными средствами, применяемыми в России, показывает:

1. Ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ предусмотрена во всех УК бывших союзных республик – участниц СНГ. В то же время уголовное законодательство этих стран, хотя и согласуется в основных элементах законодательной конструкции (форма вины, последствия) со ст. 216 УК РФ, однако при описании признаков объективной стороны рассматриваемого деяния используются похожие, но не тождественные по смыслу признаки. Несмотря на общность подхода к криминализации аналогичной нормы во всех государствах СНГ, в уголовных кодексах говорится о нарушении правил безопасности при выполнении разных видов работ. Это горнорудные, строительные или иные работы (Армения), горные, строительные, взрывоопасные или иные работы (Кыргызстан, Узбекистан), горные, строительные или иные работы (Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан), работы с повышенной опасностью (Украина), горные или горно-строительные работы (Молдова), горные или строительные работы (Беларусь, Казахстан). В большинстве исследованных уголовных законов признаки данного состава описаны только с помощью одного действия – нарушения правил безопасности строительства и его последствий, а в диспозиции этой нормы в УК Азербайджана дается точный перечень криминализуемых действий (прове-

дение работ по планированию строительства, руководству им, а также сносу строительного объекта или реконструкции). В УК Молдовы и Беларуси уточняется, какие правила при строительстве нарушены (правила эксплуатации строительных механизмов, машин и механизмов). Одинаково определяется место изучаемого преступления в системе других уголовно-правовых норм: во всех уголовных законах государств Содружества, подвергшихся исследованию, за исключением Украины (которая выделила специальный раздел X «Преступления против безопасности производства»), его объектом является общественная безопасность.

2. Уголовному законодательству стран СНГ свойственна дифференциация ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ по последствиям и угрозе их наступления с их закреплением в соответствующих частях основного и квалифицированного составов. Состав преступления сконструирован или только как материальный, или как усеченный и материальный (Азербайджан, Украина). При этом система обязательных признаков этого преступления получила у законодателей государств Содружества единообразное решение: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека по неосторожности характеризует основной состав, а причинение смерти или иных тяжких последствий по неосторожности – квалифицированный. При этом, в отличие от отечественного УК, странам Содружества неизвестно выделение особо квалифицированного состава с последствием в виде причинения по неосторожности смерти двум или более лицам, за исключением УК Казахстана и Украины, и крупного ущерба, за исключением УК Беларуси.

3. В специальных нормах, устанавливающих в странах СНГ ответственность за нарушение правил безопасности ведения строительных или иных работ, законодатель не вводил ограничения

субъектного состава. Только в соответствующей ст. 216 УК РФ и ст. 272 УК Украины дается точная характеристика субъекта – лицо, которое обязано соблюдать эти правила. В большинстве рассматриваемых нами стран, кроме Украины, субъективная сторона нарушения правил безопасности строительства характеризуется неосторожной формой вины. В ряде кодексов государств постсоветского пространства вид и размер наказания как за причинение смерти по неосторожности одному человеку, так и за действия, повлекшие причинение иных тяжких последствий, не отличаются. Различной является позиция законодателя стран ближнего зарубежья по санкции за причинение смерти человеку или иных тяжких последствий: в одних странах максимальным является лишение свободы *до пяти лет* (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Украина), в других – верхняя граница увеличивается вдвое – *до десяти лет* с применением дополнительных наказаний (Азербайджан, Армения, Молдова).

4. К числу норм, не имеющих аналога в действующем российском уголовном законодательстве, относятся недоброкачественное (Молдова, Казахстан, Кыргызстан) или некачественное (Туркменистан) строительство, нарушение проектов, обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов при производстве строительного-монтажных работ (Беларусь), умышленное неисполнение решений государственных органов о приостановлении строительных работ, проводимых с нарушением правил, установленных законодательством (Азербайджан). Эти средства борьбы с преступлениями в сфере строительства целесообразно заимствовать и отечественному законодателю.

Список источников

1. Кибальник А. Универсализация уголовно-правовых систем и национальный интерес // Уголовное право. 2005. № 5. С. 30–33.

2. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 92–150.

3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] [ред. от 24.04.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 21.09.2018).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23.04.2018 № 114-ФЗ // Российская газета. 2018. 25 апр.

5. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]: [ред. от 30.12.2017] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 04.10.2018).

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: [ред. от 17.07.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 14.09.2018).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1365 (дата обращения: 14.09.2018).

8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: [ред. от 04.08.2018] // Законодательство стран

СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=94723 (дата обращения: 11.10.2018).

9. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]: [ред. от 03.08.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 12.09.2018).

10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: [ред. от 03.08.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (дата обращения: 17.10.2018).

11. Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс]: [ред. от 09.06.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (дата обращения: 27.10.2018).

12. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]: [ред. от 12.07.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679 (дата обращения: 04.10.2018).

13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: [ред. от 22.10.2018] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1013 (дата обращения: 27.10.2018).

Поступила в редакцию 09.10.18

UDC 343.34

O. V. Minakova, Applicant, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: marivanna77@mail.ru)

LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF SAFETY RULES WHEN CONDUCTING CONSTRUCTION OR OTHER WORKS: EXPERIENCE OF THE CIS COUNTRIES

The article is devoted to the results of the comparative analysis of the criminal legislation of the Commonwealth of Independent States, providing for liability for violations of safety rules in the field of construction. In the course of a comparative legal study of the experience of criminalization of violations of safety rules in the conduct of construction or other works (article 216 of the criminal code), the author studied similar criminal law of ten former Soviet republics, including Azerbaijan, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine and Uzbekistan. Parallels with the Russian criminal law in the context of the prospects of modernization of the formulation of disposition and sanction of the considered crime.

The author draws attention to the fact that despite the common legal traditions and historical past, the relationship of conceptual approaches, basic principles and institutions of Russian criminal law and criminal law of the CIS States, their criminal codes contain their own original ideas. The criminal legislation of the Commonwealth countries differs in understanding of the system of crimes related to the sphere of construction, content and execution of regulations aimed at protecting public safety, legal and technical methods and methods of legislative regulation of responsibility and sanctions for their Commission. Responsibility for such acts is divided into codes depending on the consequences in the form of harm to the health or death of the person and their subject. It is noted that the author's appeal to the existing foreign experience has, among other things, the purpose of improving their own national law. On the basis of comparative research, the author formulates proposals for the optimization of Russian criminal legislation in the field of combating crimes related to the production of construction and other works.

Key words: violation of safety rules, construction, construction works, substandard construction, foreign experience.

For citation: Minakova O.V. Legislative regulation of criminal liability for violation of safety rules when conducting construction or other works: experience of the CIS countries. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 186–194 (in Russ.).

***

References

1. Kibal'nik A. Universalizaciya ugolovno-pravovyh sistem i nacional'nyj interes. *Ugolovnoe pravo*, 2005, no. 5, pp. 30–33.
2. Model'nyj Ugolovnyj kodeks dlya gosudarstv-uchastnikov SNG. *Pravovedenie*, 1996, no. 1, pp. 92–150.
3. Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki: [red. ot 24.04.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (accessed 21.09.2018).
4. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 23.04.2018 No 114-FZ. *Rossijskaya gazeta*, 2018, 25 apr.
5. Ugolovnyj kodeks Respubliki Armeniya: [red. ot 30.12.2017]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (accessed 04.10.2018).
6. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus': [red. ot 17.07.2018] // *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (accessed 14.09.2018).
7. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1365 (accessed 14.09.2018).
8. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kirgizskaja Respublika: [red. ot 04.08.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=94723 (accessed 11.10.2018).
9. Ugolovnyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki: [red. ot 4.08.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=94723 (accessed 11.10.2018).
10. Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova: [red. ot 03.08.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (accessed 12.09.2018).
11. Ugolovnyj kodeks Respubliki Tadžikistan: [red. ot 03.08.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (accessed 17.10.2018).
12. Ugolovnyj kodeks Turkmenistana: [red. ot 09.06.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (accessed 27.10.2018).
13. Ugolovnyj kodeks Ukrainy: [red. ot 12.07.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679 (accessed 4.10.2018).
14. Ugolovnyj kodeks Respubliki Uzbekistan: [red. ot 22.10.2018]. *Zakonodatel'stvo stran SNG*. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1013 (accessed 27.10.2018).

УДК 321+331.104

Е. С. Устинович, д-р полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lenausti@mail.ru)

С. В. Мамонтова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: efv05@mail.ru)

ПОЛИТИКО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Для России всегда имело значение исследование и частичное использование положительного опыта информационно-технологического развития современных национальных государств мира, так как порой мы как государство становились на этот путь несколько позже вследствие причин, которые носили характер социально-политических трансформаций, тормозивших данное развитие.

Сегодня мир находится в новом технологическом тренде – цифровой трансформации. Переход к цифровым технологиям в мире продолжается уже несколько лет и охватывает различные отрасли экономики и общественного производства – от СМИ и туризма до сельского хозяйства и здравоохранения.

Основные политико-государственные риски, с которыми уже начинают и в ближайшем будущем все больше будут сталкиваться национальные государства, связаны с цифровой экономикой этих стран, так как цифровая экономика порождает значительные проблемы, прежде всего в сфере будущего труда и занятости. Помимо того, что некоторые профессии уйдут в цифровое пространство и просто исчезнут в своем традиционном виде, она вызывает структурные изменения в распределении занятости и обеспечении долгосрочного роста наемной рабочей силы. Это создает, в свою очередь, новые проблемы с точки зрения адаптации и развития трудового законодательства и системы социального обеспечения.

Следует признать, что новые бизнес-модели, поддерживаемые мощными сетевыми эффектами, широкомасштабное использование больших данных уже нарушили сложившийся баланс традиционных правил и государственной социальной модели. Отсюда во всех национальных государствах мира, идущих по пути цифровизации экономики, возникает необходимость разработки специальных мер социальной защиты трудящегося населения.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, цифровая экономика, цифровизация государственного управления, политико-государственные риски, зарубежный опыт.

Ссылка для цитирования: Устинович Е. С., Мамонтова С. В. Политико-государственные риски в сфере социально-трудовых отношений при формировании и развитии цифровой экономики: зарубежный опыт // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 195–200.

***

За последние 6 лет социально-экономического развития Российской Федерации Президентом страны В. В. Путиным и премьер-министром Д. А. Медведевым неоднократно ставились задачи повышения его эффективности с учетом развития современных информационных технологий, а в последнее время – цифровых технологий [1; 2; 3; 4].

В этой связи в одной из своих статей, посвященных проблемам формирования и развития цифровой экономики¹ в

России, мы подчеркивали, что политический курс на цифровизацию российской экономики, стартовавший в 2017 году принятием новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017–2030 гг. и программы Цифровая экономика, очевидно, затронет самым существенным образом вопросы трудовых отношений. Государство должно будет формировать свою политику в вопросе регулирования трудовых отношений в электронной среде» [5, с. 100].

Однако следует признать, что для России всегда имело значение исследование и частичное использование положительного опыта информационно-техно-

---

¹ Цифровая экономика – программа, направленная на создание экосистемы, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р).

логического развития современных национальных государств мира [6], т. к. порой мы как государство становились на этот путь несколько позже вследствие причин, которые носили характер социально-политических трансформаций, тормозивших данное развитие.

Сегодня мир находится в новом технологическом тренде – цифровой трансформации¹. Переход к цифровым технологиям в мире продолжается уже несколько лет и охватывает различные отрасли экономики и общественного производства – от СМИ и туризма до сельского хозяйства и здравоохранения.

Основные политико-государственные риски, с которыми уже начинают и в ближайшем будущем все больше будут сталкиваться национальные государства, связаны с цифровой экономикой этих стран, т. к. цифровая экономика порождает значительные проблемы, прежде всего в сфере будущего труда и занятости.

Помимо того, что некоторые профессии уйдут в цифровое пространство и просто исчезнут в своем традиционном виде, она вызывает структурные изменения в распределении занятости и обеспечении долгосрочного роста наемной рабочей силы. Это создает, в свою очередь, новые проблемы с точки зрения адаптации и развития трудового законодательства и системы социального обеспечения.

Следует признать, что новые бизнес-модели, поддерживаемые мощными сетевыми эффектами, широкомасштабное использование больших данных уже нарушили сложившийся баланс традиционных правил и государственной социальной модели.

Большинство современных крупных компаний были созданы для штатных сотрудников, работающих полный рабочий день, где, как правило, имеется неболь-

шая часть сотрудников, работающих по совместительству, на неполный рабочий день, служащие, выполняющие проектную работу, административно-управленческий персонал и т. д.

Однако многочисленные зарубежные исследования (например, компании Huawei), подчеркивают, что следующие 30 лет будут иметь решающее значение для смены парадигмы социально-трудовых отношений между государством и обществом.

В Докладе, представленном Huawei, в частности, сделан прогноз будущего рынка труда: во-первых, цифровые платформы² заменят многие традиционные компании уже к 2020 году; к 2036 году существующий традиционный рынок труда будет заменен онлайн-занятостью, в которой смогут работать до 50% всех работающих по гибкому графику и, в-третьих, 80% мировой торговли полностью переместится в виртуальное пространство и продажи в режиме онлайн [7].

Многие зарубежные страны, такие как США, Великобритания, Южная Корея, Индия, Германия и др., уже несколько лет формируют и развивают цифровую экономику. Соответствующая государственная политика в этих странах уже столкнулась с необходимостью кардинальной (до 50%) трансформации рынка труда, что потребовало значительного внимания и принятия мер организационно-правового и социального характера со стороны государства.

Анализ основных политических решений, реализуемых в данном направлении в названных странах, показывает, что процесс цифровой трансформации рынка труда имеет два основных направления. Первое связано с созданием соб-

---

¹ Цифровая трансформация – это революционные изменения бизнес-моделей на основе использования цифровых платформ, которые приводят к радикальному росту объемов рынка и конкурентоспособности компаний.

---

² Цифровая платформа – ключевой инструмент цифровой трансформации традиционных отраслей и рынков, центральное понятие глобальной цифровой повестки, разграничивающее стратегии цифровизации (цифровой автоматизации) и цифровой трансформации.

ственно новых цифровых рабочих мест, развитием сферы цифровой занятости населения. Как правило, это самостоятельное направление, способствующее развитию положительных характеристик рынка труда, в том числе возможности для людей обеспечивать работой себя самостоятельно, работать вне офиса и т. д.

Влияние цифровой диффузии – распространение и использование инструментов ИКТ на рабочих местах являются многоуровневыми и представляют собой, прежде всего, следующие характеристики:

- постоянный процесс все большей автоматизации производства;
- создание сложного онлайн-обучения и онлайн-государственные услуги (электронное правительство);
- рост самостоятельной занятости, предоставляемой онлайн-платформами [8, с. 7];
- рабочие механизмы, основанные на способности сотрудников работать удаленно и т. д.

С другой стороны, цифровизация рынка труда, безусловно, несет в себе опасность замены части традиционного рынка труда на цифровую, т. е. профессии и должности, которые можно автоматизировать, скорее всего, будут подлежать этой автоматизации.

Именно в этой части возникают серьезные социальные риски, к которым должно быть готово, прежде всего, само государство, и подготовиться к таким цифровым политическим решениям трудовую часть населения страны. Следовательно, государствам, серьезно готовившимся к цифровому будущему, необходимо будет оперативно разработать гибкие стратегии выравнивания навыков быстро меняющегося спроса на рынках труда.

Так, например, цифровая экономика в Великобритании уже обеспечила цифро-

вой занятостью 1,3 млн человек в 2014 г., т. е. 5% всех сотрудников. В 2015 г. в Великобритании уже были 204 тыс. предприятий цифровой экономики, т. е. 9%.

За последние пять лет только разработка мобильных приложений позволила создать около 500 тыс. новых рабочих мест в США, что подразумевает сильные перспективы роста занятости.

Предполагается, что 1,5 млн дополнительных рабочих мест могут быть созданы в цифровой экономике ЕС. Сегодня европейские страны – лидеры в области оцифровки – это, прежде всего, Дания, Швеция, Финляндия и т. д. [9]

Forbes выпустила первый рейтинг лучших 100 публичных компаний (Digital 100), которые формируют мировую цифровую экономику. В этом списке технологии, медиа, цифровые и телекоммуникационные компании, которые формируют цифровой мир. Неудивительно, что Amazon.com занимает первое место в списке. Amazon.com классифицируется как розничная компания. И хотя розничная торговля составляет большую часть доходов компании в размере 108,3 млрд долл., подразделение облачных вычислений в прошлом году привлекло 17,5 млрд долл. США, или 16% всех продаж.

На втором месте находится Netflix – лидер в потоковых услугах интернет-подписки, на третьем месте – Корпорация NVIDIA, на четвертом месте – Salesforce.com и пятую позицию занимает ServiceNow.

Forbes Digital 100 включает компании, влияющие непосредственно на развитие цифровой экономики. Компании, занимающиеся ИТ-услугами и услугами, составляют 35% от списка. Все они представляют 17 разных стран, но наибольшее количество сосредоточено в США и Китае.

Уже устоявшимся примером цифровизации рынка труда является фактор расширения мобильной занятости, где работники могут выполнять свои трудовые функции из любого места и в любое время. Мобильная трудовая занятость на основе современных ИКТ повышает гибкость и автономность работников, в частности для тех, кто не хочет работать в офисе, а предпочитают это делать по месту своего жительства, в том числе в сельской местности.

Но другие эффекты цифровых рабочих механизмов не столь позитивны: работодатели могут уклоняться от своих социальных обязательств, которые в классических организациях труда они не могут игнорировать. Это все связано в конечном итоге с особенностями новых «цифровых» видов занятости и регламентирования такого вида работ в виде электронных трудовых договоров (контрактов) и т. п.

В этой связи для большинства национальных государств первостепенной на повестке дня становится задача адаптации трудового законодательства и мер социальной защиты работников, занятых в цифровой экономике и охваченных новыми видами цифровой занятости [10, с. 24].

В заключение подчеркнем, что государственные просчеты при неудачной политике в сфере социально-трудовых отношений, особенно с учетом цифровых преобразований рынка труда, обуславливают и политические риски, т. к. фактически речь идет о структурных преобразованиях на рынке труда [11, с. 34].

Однако пока, как отмечают Н. В. Василенко и А. Я. Линьков, современные «тенденции в обществе, экономике, сфере труда и занятости требуют глубокого теоретического осмысления, пересмотра концепций труда и занятости, сложившихся в эпоху индустриализма и все в

меньшей степени соответствующих современным реалиям» [12].

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> (дата обращения: 22.08.2018).
2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 22.08.2018).
3. Медведев Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. №10. С. 5–28.
4. Путин В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012. 30 янв. URL: <https://rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html> (дата обращения: 22.08.2018).
5. Устинович Е. С. Государственная политика цифровизации трудовых отношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. №1. С. 99–104.
6. Экономический и социальный совет: официальные отчеты. 2015 год. Дополнение № 11. Цифровое развитие. (Женева, 4-8 мая 2015 года). С. 34. URL: http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/311758/E_2015_31%3BE_CN.16_2015_4-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 22.08.2018).
7. GIV 2025. Разработка отраслевых концепций в «умном» мире [Электронный ресурс]. URL: https://www.huawei.com/ru/press-vents/news/ru/2018/huawei_

global_industry_vision_2018 (дата обращения: 22.08.2018).

8. Устинович Е. Труд в современной России: предпринимательство и самозанятость // Социальная политика и социальное партнерство. 2018. № 5. С. 5–15.

9. Digital Economy Concept, Trends and Visions: Towards a Future-Proof Strategy [Electronic resource] // World Bank Group. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/513361482271099284/Digital-Economy-Russia-Discussion-paper-2016-12-20-eng.pdf> (дата обращения: 22.08.2018).

10. Устинович Е. С. Социальное государство в условиях информационного

развития // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. №11. С. 23–35.

11. Устинович Е. С. Цифровая экономика и новая социальная доктрина // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. №7. С. 33–42.

12. Василенко Н. В., Линьков А. Я. Предпосылки, факторы и последствия трансформации труда в контексте формирования экономики нового типа // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. №3 (29). С. 15–20.

Поступила в редакцию 09.10.18

UDC 321+331.104

E. S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lenausti@mail.ru)

S. V. Mamontova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: efv05@mail.ru)

POLITICAL AND GOVERNMENTAL RISKS IN THE SPHERE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY: FOREIGN EXPERIENCE

For Russia, it has always been important to study and partially use the positive experience of the information technology development of the modern nation states of the world, since, sometimes, as a state, we took this path somewhat later because of reasons that were social and political transformations that hampered this development.

Today the world is in a new technological trend – digital transformation. The transition to digital technologies in the world has been going on for several years and covers various sectors of the economy and social production – from the media and tourism to agriculture and health care.

The main political and state risks that are already beginning and in the near future will increasingly be faced by nation states are linked to the digital economy of these countries, because The digital economy creates significant problems, primarily in the area of future labor and employment. Apart from the fact that some professions will go into digital space and simply disappear in their traditional form, it causes structural changes in the distribution of employment and ensuring the long-term growth of hired labor. This in turn creates new problems in terms of the adaptation and development of labor legislation and the social security system.

It should be recognized that the new business models, supported by powerful network effects, the large-scale use of big data, have already violated the existing balance of traditional rules and the state social model. Hence, in all national states of the world, following the path of digitalization of the economy, it becomes necessary to develop special measures for the social protection of the working population.

Key words: social and labor relations, digital economy, digitalization of public administration, political and state risks, foreign experience.

For citation: Ustinovich E. S., Mamontova S. V. Political and governmental risks in the sphere of social and labor relations in the formation and development of the digital economy: foreign experience. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 195–200 (in Russ.).

Reference

1. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2018 No 204. URL: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> (accessed 22.08.2018).

2. Ob utverzhenii programmy “Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii”: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 No 1632-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (accessed 22.08.2018).

3. Medvedev D. A. Rossiya-2024: Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya. Voprosy ehkonomiki, 2018, no. 10, pp. 5–28.

4. Putin V. O nashih ehkonomicheskikh zadachah. Rossijskaya gazeta. 2012. 30 yanv. URL: <https://rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html> (accessed 22.08.2018).

5. Ustinovich E. S. Gosudarstvennaya politika cifrovizacii trudovyh otnoshenij. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2018, no. 1, pp. 99–104.

6. Ehkonomicheskij i social'nyj sovet: oficial'nye otchety. 2015 god. Dopolnenie No 11. Cifrovoe razvitie. (Zheneva, 4-8 maya 2015 goda). S. 34. URL: [http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/311758/E_2015_31%3BE_CN.16_2015_](http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/311758/E_2015_31%3BE_CN.16_2015_4-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y)

[4-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y](http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/311758/E_2015_31%3BE_CN.16_2015_4-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y) (accessed 22.08.2018).

7. GIV 2025. Razrabotka otraslevykh koncepcij v “umnom” mire. URL: https://www.huawei.com/ru/press-vents/news/ru/2018/huawei_global_industry_vision_2018 (accessed 22.08.2018).

8. Ustinovich E. Trud v sovremennoj Rossii: predprinimatel'stvo i samozanyatost'. Social'naya politika i social'noe partnerstvo, 2018, no. 5, pp. 5–15.

9. Digital Economy Concept, Trends and Visions: Towards a Future-Proof Strategy. World Bank Group. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/513361482271099284/Digital-Economy-Russia-Discussion-paper-2016-12-20-eng.pdf> (accessed 22.08.2018).

10. Ustinovich E. S. Social'noe gosudarstvo v usloviyah informacionnogo razvitiya. Social'naya politika i social'noe partnerstvo, 2017, no. 11, pp. 23–35.

11. Ustinovich E. S. Cifrovaya ehkonomika i novaya social'naya doktrina. Social'naya politika i social'noe partnerstvo, 2017, no. 7, pp. 33–42.

12. Vasilenko N. V., Lin'kov A. YA. Predposylki, faktory i posledstviya transformacii truda v kontekste formirovaniya ehkonomiki novogo tipa. Teoriya i praktika servisa: ehkonomika, social'naya sfera, tekhnologii, 2016, no. 3 (29), pp. 15–20.

УДК 070.1:323-053.6(470)

Е. Н. Малик, канд. полит. наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны (Орел, Россия) (e-mail: malik57-elena@mail.ru)

В. Н. Орлова, канд. пед. наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХИГС (Орел, Россия) (e-mail: or_valentina@mail.ru)

НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ НОВОЙ МЕДИАСРЕДЫ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СУБЪЕКТНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье раскрывается роль массмедиа в формировании политического сознания и политических ориентаций молодого поколения в современной России. Автор выдвигает аргументы, что российским массмедиа необходимо возродить свои воспитательно-образовательные и патриотические функции. Учитывая новые вызовы глобализации и международной политики, ситуацию на Украине и вопросы сохранения межнационального согласия в Крыму, автор актуализировал проблемы развития медиаобразования, повышения медийно-информационной грамотности, гигиены и политической культуры молодежи. В сложившихся условиях возникает необходимость в разработке основных направлений оптимизации информационного воздействия СМИ на социально-политическую активность молодежи в политическом процессе страны.

Автором обобщаются политические проблемы по совершенствованию информационного влияния новой медиасреды на формирование политического сознания, ориентаций и установок молодежи, развитие политических инициатив в молодежной среде. Обозначена необходимость повышения эффективности государственного регулирования молодежной медиасреды, исключающей деструктивную направленность, с привлечением к данному процессу институтов гражданского общества и самого молодежного сообщества. В первую очередь следует проверять «чистоту» социальных медиа, в том числе сайты, блоги, форумы, которые наиболее популярны среди молодежи, чтобы исключить распространение антиобщественных ценностей и влияние агрессивной западной идеологии.

Обосновываются перспективы оптимизации влияния новых медиа на стимулирование социально-политической активности молодежи в политическом процессе. Раскрываются приоритеты создания эффективной системы государственного регулирования молодежной медиасреды, возможные направления дальнейшего научного исследования роли средств массовой информации в повышении политической грамотности и культуры молодежи, ее информационной безопасности и медийного образования. Автором научно обоснована приемлемость программы по проведению молодежной медиаобразовательной политики и использованию интерактивных медиаобразовательных технологий в процессе повышения медиаграмотности и политической культуры современной молодежи. Использование медиаобразовательных технологий и реализация задач повышения медиаграмотности молодого поколения позволят задействовать его инициативность в интересах государства и гражданского общества, активизировать выражение институциональных форм участия в демократической жизни.

Ключевые слова: молодежь, политика, медиасреда, медиаобразовательная политика, средства массовой информации, политическое участие, социально-политическая активность, политический процесс.

Ссылка для цитирования: Малик Е. Н., Орлова В. Н. Направления оптимизации влияния новой медиасреды на политическую субъектность российской молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 201–209.

***

В условиях медиатизации всех сфер жизнедеятельности современного общества основными трансляторами информационных потоков являются средства массовой информации, что говорит об их ответственности в формировании политической культуры граждан, и в первую очередь молодежи. Медиа стали важнейшим институтом политической жизни

общества, влияя на усвоение политических норм и ценностей, а также инициируя модели общественно-политической активности молодого поколения. В данной связи поиск эффективных механизмов активизации политического потенциала, формирования высокого уровня политической, правовой и гражданской культуры молодежи сегодня относится к

разряду наиболее актуальных проблем современного общества.

Сегодня нельзя не учитывать такие внешние факторы, влияющие на государственную политику России в указанных направлениях, как: агрессивность западной идеологии, политико-экономические санкции, времена Евромайдана и драматические события на востоке Украины, военное противодействие терроризму в Сирии и др. При таких обстоятельствах у молодых граждан должны быть сформированы надлежащие политико-правовые и нравственные ориентации, активистские формы политического поведения, высокий уровень политической культуры, направленные, во-первых, на профессиональный рост молодежи, а во-вторых – на легитимные способы модернизации российского общества.

Мы разделяем мнение Е. С. Устинович, что «сегодня политика стала гораздо сложнее. Происходят серьезные общественные и технологические трансформации, поэтому выстраивание новой современной российской системы политического образования граждан диктуется уже современными реалиями. Сохраняя лучшие традиции преемственности, из предшествующих лет можно взять самый лучший опыт и учесть его при построении новой системы политического образования российских граждан» [1, с. 86].

Сегодня участие молодежи в политической жизни все увереннее приобретает сетевую форму. Смысл «сетевого принципа» заключается в том, что главными элементами политического участия молодежи в новую эпоху становятся интенсификация и технологизация обмена информацией, расширение форм ее производства, доступа к ней, ее распределение и совершенствование механизмов обратной связи.

Учитывая данную тенденцию, большинство традиционных СМИ уже используют социальные медиа в целях по-

вышения своей популярности. Для использования оперативной публикации новостей, прямых телерепортажей с места событий, а также для обратной связи с аудиторией они создают официальные страницы в популярных социальных сетях. Благодаря этому читатели сами становятся корреспондентами данного издания, образуя глобальную корреспондентскую сеть. Например, используя социальные сети, СМИ активно освещали проведение референдума в Крыму, ссылаясь на пользователей социальных сетей в своих материалах [2].

Социальные медиа (или социальные СМИ) кардинально меняют каналы и форму распространения политической информации. За исторически кратчайший срок были созданы тысячи сетевых ресурсов, теоретически доступных любому пользователю, в какой бы части мира он ни находился. В итоге этих изменений централизованная медиасистема заменяется на горизонтальные потоки информации между гражданами. Более того, новые информационно-коммуникационные технологии меняют политический мир, и соответственно, социальные медиа приобретают самостоятельную политическую роль, выступая инструментом политических изменений и технологией, которая используется для таких изменений [3, с. 407]. Государству в условиях развития электронных медиа уже не так легко удерживать монополию на информационный поток, контролировать и формировать политические и социальные предпочтения.

Органом государственной власти, призванным координировать процесс развития молодежной политики, формирования политической и гражданской позиции молодого поколения, как известно, выступает Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), которое создает возможности для молодого поколения и координирует усилия для созда-

ния условий его самореализации. В рамках информационной деятельности в области массмедиа агентство реализует направление «молодежные медиа» [4]. Основная цель здесь – вовлечение молодых граждан в работу СМИ, создание молодежного сообщества специалистов медиаотрасли со всей России, основанного на принципах информационной грамотности, чести и гласности. В соответствии с указанной целью данного направления Росмолодежь призвано реализовать следующие задачи: организация образовательных программ для повышения медиаграмотности российской молодежи, а также профессиональных навыков молодых специалистов медиаотрасли; формирование актива молодых медиаспециалистов и молодежных СМИ, их поддержка и развитие; координация и информационно-методическая поддержка молодежи; освещение деятельности государственной молодежной политики по всем направлениям с позиции молодежных СМИ; повышение культуры информационной безопасности в молодежной среде; содействие в поиске практики и трудоустройства молодых специалистов медиасферы путем привлечения профильных партнеров; популяризация социально значимого для России контента; создание единых медиаресурсов для молодежи.

Так, Министерство образования и науки РФ заказало разработку стратегии и ведение страниц на популярных интернет-площадках для работы с молодежной аудиторией, в том числе самых популярных среди молодежи социальных медиа «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, Livejournal. Планируется привлекать к мероприятиям, анонсируемым Минобрнауки, блогеров, освещающих как общие темы, так и связанные с образовательной, научной или социальной сферой. Использование такого механизма позволит Мини-

стерству увеличить свою интернет-аудиторию на 25%. Запланированы блоготуры, спецпроект с использованием хэштегов, акции и конкурсы для целевой аудитории и другие мероприятия.

Указанные направления способствуют формированию и укреплению молодежного сегмента российских СМИ и ориентируют молодежь на медиаграмотность. Поскольку молодому поколению в большей степени свойственно использование новых электронных и цифровых коммуникаций, вполне оправданным будет применение сетевых медиа для включения молодежи в политический процесс. При этом от молодых граждан потребуются и признание более широких изменений социальной действительности и политической культуры, а также понимание того, как информационно-коммуникационные технологии обеспечивают данные процессы.

Серьезную и масштабную работу в сети Интернет активизировали российские политические партии, тем более что в условиях нового электорального цикла активное использование в социальных медиа таких интерактивных инструментов, как интернет-голосование, фандрайзинг, интернет-реклама, краудсорсинг, для получения ими конкурентного преимущества особенно актуально.

В целом, анализ приоритетных направлений медийной политики субъектов политического процесса с использованием цифровых и сетевых технологий показал, что этот механизм начинает развиваться. Стремительное расширение сети Интернет, прежде всего мобильного, привело к тому, что социальные медиа переформатировали коммуникативное пространство. И если еще десять лет назад проникновение интернет-коммуникаций в политику воспринималось как нечто экстраординарное, то сегодня, наоборот, отсутствие интерактивности (поддержка сайта в сети Интернет, блога,

форума и т. д.) в деятельности государственных учреждений, партийной организации, общественного объединения воспринимается как некоторая регрессивность. Социальные медиа дают своей аудитории, во многом разочарованной в традиционных СМИ, принципиально новые технологии взаимодействия и интерактивного участия. «Пользователь получает контроль над транслируемой ему информацией – процесс получения информации демократизируется» [5, с. 193]. Со временем уровень политической культуры и гражданской идентичности у пользователя сети Интернет повышается. Параллельно молодежь все больше испытывает зависимость от сети Интернет, у нее формируется стойкая потребность в получении новой информации, а также рождается сопричастность к различным социальным и политическим процессам.

Сегодня явно растет интерес интернет-аудитории к электронным СМИ партийных организаций, микроблогам политических лидеров. Однако имеют место такие факты, когда, например, внимание подписчиков привлечено не к деятельности политической партии и ее политике, идеологии, а к медийной персоне ее лидера, т. е. к информации частного порядка. Для устранения таких перекосов и формирования зрелого политического интереса граждан, в том числе молодого поколения, партийным организациям следует усилить информационную работу, «использовать все доступные площадки для коммуникации с населением, постоянно расширять информационную и агитационную сеть партии, активнее включаться в информационную работу в сети Интернет, создавать аккаунты в социальных сетях и микроблоги» [6, с. 122]. Также для формирования позитивного имиджа партийными организациями используются «мобильные приложения, разработанные политическими партиями для своих сторонников и всех желающих

осуществлять коммуникацию с партией, получать оперативную информацию о ее деятельности» [7, с. 336].

Из этого следует, что, несмотря на многочисленные ошибки и недоработки, политические акторы популяризируют новые каналы сетевой политической коммуникации, новые СМИ, которые в перспективе, возможно, повысят эффективность обратной связи между органами власти и гражданами и, что особенно важно, молодежью. Сетевые площадки, используемые политическими субъектами в социальных медиа, одновременно являются и их личным политическим пространством, и удобной коммуникативной платформой. Такой формат позволяет вести дискуссии на интересующие и политиков, и подписчиков темы. Характер таких сетевых коммуникаций достаточно открыт, что повышает доверительность общения политического деятеля со своей аудиторией (или иллюзию такого общения, если переписка поручена специальному редактору) и, в целом, повышает уровень доверия избирателей.

Из этого следует, что благодаря данным свойствам сетевые СМИ представляют собой идеальный канал политической коммуникации. Данное качество позволяет медиа оперативно и остро улавливать настроения избирателей, а также быстро получать эксклюзивную информацию. При этом нельзя забывать, что во всем мире, в том числе и в России, социальные медиа могут стать достаточно сильным оружием политической борьбы в руках протестных движений. Сегодня необходимы меры по снижению политической инертности молодого поколения в условиях современного демократического общества. Главной целью агентов политической социализации молодежи, прежде всего современных СМИ, должно быть воспитание национально-государственной идентичности у молодых граждан, ориентированное на

сохранение культурно-исторических традиций полинациональной страны, укрепление российской государственности и территориальной целостности. В условиях медиатизации всех сфер жизнедеятельности современного общества формирование политической культуры молодого поколения объективно выдвигает необходимость усвоения молодыми гражданами общечеловеческих, правовых норм политической деятельности как основы для политических программ и действий: толерантности к выражению иных политических взглядов, цивилизованных методов политической борьбы, отрицания идей расизма и национализма.

В марте 2017 г. в Москве при поддержке Министерства образования и науки РФ, Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и Общероссийской ассоциации учителей литературы и русского языка прошел международный форум «Медиаобразование в педагогической сфере: опыт и новые подходы к управлению» (ММФ), который направлен на «консолидацию усилий административного, образовательного и медийного сообществ в целях формирования общероссийской системы управления медиаобразованием для создания открытого информационного образовательного пространства, включающего в себя эффективные педагогические медиатехнологии и инновационные медийно-информационные ресурсы» [8]. Участниками форума стали представители педагогического сообщества России и стран СНГ, руководители региональных органов управления образования, руководители региональных управлений информационной политики муниципальных образований, руководители подразделений учебной и внеучебной работы педагогических вузов, руководители структурных подразделений педагогических вузов, отвечающих за информационную работу, редакторы вузовских газет и специализирован-

ных изданий региональной системы образования.

По нашему мнению, такой формат конструктивного взаимодействия органов государственного управления, профессионального сообщества СМИ и институтов гражданского общества особенно актуален в современных условиях, т. к. поднимает острейшие проблемы образования и воспитания молодежи в условиях глобальной информатизации социальных процессов, а также раскрывает роль региональных и муниципальных органов власти в системе управления информационно-медийным образованием молодого поколения.

Некоторые исследователи отмечают, что «Интернет представляет собой альтернативную сферу мобилизации, которая может быть более космополитичной по стилю и содержанию» [9, с. 45–46], поэтому среди основных направлений оптимизации информационного воздействия массмедиа на социально-политическую активность молодежи в политическом процессе страны следует выделить профилактику протестного политического поведения молодежи.

На наш взгляд, в первую очередь необходимо решать такие важные задачи, как совершенствование системы управления медиаобразованием, включая векторы развития региональных моделей; повышение медийно-информационной грамотности, медиакультуры и информационной безопасности, информационной гигиены и информационного здоровья детей и молодежи; использование медиаобразовательных технологий в системе патриотического воспитания школьников и студентов. Медиаобразование как современная область знаний способствовало развитию нового научного направления – медиапедагогике. Именно здесь формируется личность, обладающая одной из ключевых в настоящее время профессиональных компетенций – ме-

диакомпетентностью, основанной на медийно-информационной грамотности. В структуру медийно-информационной грамотности входят: умение осознавать свои информационные потребности; грамотно и безопасно искать и находить нужную информацию; оценивать ее и анализировать с точки зрения качества; грамотно и безопасно использовать эту информацию; в соответствии с определенными нормами и правилами создать и продвигать свой собственный контент.

Стоит особо подчеркнуть, что самой консолидированной и политически образованной молодежной группой является студенчество. Студенческая корпорация как наиболее активная и многочисленная медиааудитория электронных СМИ активно использует коммуникационные возможности новой медиасреды. Благодаря постоянному росту количества интернет-сайтов, созданию новых мобильных приложений и интернет-площадок для онлайн-общения молодежь расширяет сеть своих контактов, получает возможность проявлять альтернативные или интерактивные формы социально-политической активности. Мы разделяем мнение А. И. Терентьевой, что «от решения проблемы развития политической культуры студентов зависит, будут ли в нашем обществе доминировать законопослушные граждане, знающие и умеющие отстаивать свои права, активно участвующие в общественно-политической жизни общества» [10]. Студенческая молодежь является более действенным потенциалом стратегического развития российского общества. Как показали результаты нашего исследования, студенты менее склонны разделять прозападные ценности, доминирующими у них выступают ориентиры получения образования и построения сильного демократического общества. К тому же студенчество в процессе вузовского обучения развивает коммуникативные, мобильные и интерак-

тивные навыки. В этом видится залог развития общественной молодежной политики с участием студенчества, поэтому важно в структуре российского образования и воспитания молодежи оперативно развивать сектор медийного образования, т. е. включать в учебные планы специальные дисциплины, изучающие специфику и условия глобальной информатизации, закономерности существования медиaprостранства [11]. Молодежь должна сама стать активным субъектом такой политики, что обеспечит создание позитивной модели интеграции молодежи в политику путем решения следующих задач: организация лидеров мнений в авторитетную студенческую организацию, ориентированную на предотвращение социальной и политической апатии молодого поколения, его отчуждения от становления прогрессивного гражданского общества цивилизованными способами; устранение в молодежной среде мотивации к неконвенциональным формам выражения политической активности, протестного поведения; формирование собственной самодостаточной информационной среды с эффективной обратной связью; создание «гуманитарного проекта развития России» [12, с. 22], программа которого определит весь стратегический путь дальнейшего воспитания умов, интеллектуальных прорывов, профессионализма в политике. К разработке проекта могли быть привлечены ведущие ученые, деятели культуры, политики, общественные деятели, представители молодежного актива и т. д.

По нашему мнению, такой подход позволит сформировать у молодого поколения компетенции, позволяющие ему противостоять воздействию негативной информации, разбираться в вопросах информационной безопасности личности и, в целом, повысит медийную грамотность молодежи как важной составляющей ее политической культуры.

В заключение отметим, что в условиях медиатизации общества и расширения влияния новой медиасреды важен поиск новых механизмов, способствующих повышению уровня политических и нравственно-ценностных ориентаций, соответствующих форм гражданского поведения, высокого уровня политического сознания, политической и правовой культуры молодежи. Построение эффективной модели формирования политической культуры молодых граждан было бы справедливо проводить с опорой на конструктивную модель сотрудничества институтов государства, СМИ, гражданского общества и самой молодежи.

Органы государственной власти, политические субъекты и институты гражданского общества должны быть одновременно заинтересованы в использовании медиаобразовательных технологий, выявлении условий повышения медиаграмотности молодого поколения, используя уникальные возможности социальных медиа и электронных СМИ, их креативные механизмы. Деятельность государственных институтов, в свою очередь, должна опираться на принципы, которые укрепят взаимопартнерские отношения с институтами гражданского общества, а именно: а) эффективная социальная и духовная ориентация граждан как приоритет государственной информационной и идеологической политики; б) государственное финансирование проектов массовой коммуникации в сфере культуры и искусства, жесткий контроль за информацией, способствующей асоциальному и деструктивному поведению, пусть даже косвенно; в) информационная открытость деятельности институтов государственного управления; обеспечение публичного обсуждения результатов проводимой политики, в том числе и молодежной; г) достижение равенства интересов в массмедиа.

Использование медиаобразовательных технологий и реализация задач повышения медиаграмотности молодого поколения позволят задействовать его инициативность в интересах государства и гражданского общества, активизировать выражение институциональных форм участия в демократической жизни. При этих условиях мы сможем говорить о перспективах развития конструктивного сотрудничества молодого поколения и органов власти, построенном на доверии и взаимном уважении, а также развитии политического медиадискурса.

Список литературы

1. Устинович Е. С. Государственная политика с сфере информационных технологий: монография. Курск: Деловая полиграфия, 2011. 283 с.
2. Как прошел референдум в Крыму? [Электронный ресурс] // Коммерсант.ру. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2431552> (дата обращения: 20.09.2018).
3. От традиционных СМИ – к конвергенции массмедиа / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов, А. П. Короченский [и др.] // История мировой журналистики. М.; Ростов н/Д. Март, 2013. 504 с.
4. Росмолодежь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fadm.gov.ru/activity/scope> (дата обращения 20.09.2018).
5. Омельченко Е. Л. Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко; Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2013. С. 191–200.
6. Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-юг, 2013. 295 с.
7. Чижов Д. В. Формирование имиджа российских политических партий в

сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 313–338.

8. Международный форум «Медиаобразование в педагогической сфере: опыт и новые подходы к управлению». [Электронный ресурс]. URL: <http://mim.org.ru/about-forum> (дата обращения: 20.09.2018)

9. Васецкий А. А., Малькевич А. А. «Новые СМИ» в процессе политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 43–48.

10. Терентьева А. И. Развитие политической культуры студентов в образовательном процессе современного вуза: ав-

тореф. ... дис. д-ра пед. наук: 13.00.01. СПб., 2011. 26 с.

11. Вопросы профилактики информационных рисков у школьников и студентов обсудят на этой неделе на ММФ [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.09.2018).

12. Титова Л. Г. Современные проблемы культуры российского политического процесса // Философские науки. 2013. № 13. С. 16–23.

Поступила в редакцию 11.10.18

UDC 070.1:323-053.6(470)

E. N. Malik, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Employee of Academy of Federal Guard Service (Orel, Russia) (e-mail: malik57-elena@mail.ru)

V. N. Orlova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Orel, Russia) (e-mail: or_valentina@mail.ru)

DIRECTIONS OF OPTIMIZATION OF INFLUENCE OF A NEW MEDIASREDA ON POLITICAL SUBJECTIVITY OF THE RUSSIAN YOUTH

In article the role of mass media in formation of political consciousness and political orientations of the younger generation in modern Russia reveals. The author puts forward arguments that the Russian mass media need to revive the educational and educational and patriotic functions. Considering new calls of globalization and international policy, a situation in Ukraine and questions of preservation of interethnic concord in the Crimea, the author staticized problems of development of media education, increase in media and information literacy, hygiene and the political culture of youth. At this conjuncture there is a need for development of the main directions of optimization of information impact of media on socio-political activity of youth for political process of the country.

The author generalizes political problems on improvement of information influence of a new mediasreda on formation of political consciousness, orientations and installations of youth, development of political initiatives among young people. Need of increase in efficiency of state regulation of the youth mediasreda excluding destructive orientation with attraction to this process of institutes of civil society and the most youth community is designated. First of all it is necessary to check "purity" of social media, including the websites, blogs, forums which are most popular among youth to exclude distribution of antisocial values and influence of aggressive western ideology.

The prospects of optimization of influence of new media on stimulation of socio-political activity of youth are proved in political process. Priorities of creation of effective system of state regulation of a youth mediasreda, the possible directions of further scientific research of a role of media in increase in political literacy and culture of youth, its information security and media education reveal. By the author the acceptability of the program for carrying out youth media educational policy and to use of interactive media educational technologies in the course of increase in media literacy and the political culture of modern youth is evidence-based. Use of media educational technologies and realization of problems of increase in media literacy of the younger generation will allow to involve his initiative for the benefit of the state and civil society, to intensify expression of institutional forms of participation in democratic life.

Key words: *youth, politician, mediasreda, media educational policy, media, political participation, socio-political activity political process.*

For citation: Malik E. N., Orlova V. N. Directions of optimization of influence of a new mediasreda on political subjectivity of the russian youth. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 201–209 (in Russ.).

Reference

1. Ustinovich E. S. Gosudarstvennaya politika s sfere informacionnyh technologij. Kursk, Delovaya poligrafiya Publ., 2011. 283 p.
2. Kak proshel referendum v Krymu? Kommersant.ru. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2431552> (accessed 20.09.2018).
3. Bepalova A. G., Kornilov E. A., Korochenskij A. P., eds. Ot tradicionnyh SMI – k konvergencii massmedia. Istorija mirovoj zhurnalistiki. Moscow, Rostov-on-Don, Mart Publ., 2013. 504 p.
4. Rosmolodezh'. URL: <https://www.fadm.gov.ru/activity/scope> (accessed 20.09.2018).
5. Omel'chenko E. L. Povedencheskie praktiki i social'no-setevye predpochteniya novogo pokoleniya rossijskoj molodezhi v nachale XXI veka. Social'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva: sb. nauch. tr.; ed. by L. N. Verchenov, D. V. Efremenko, V. I. Tishchenko. Moscow, Centr social. nauch.-inform. issled, 2013, pp. 191–200.
6. Miroshnichenko I. V. Setevoj landschaft rossijskoj publichnoj politiki. Krasnodar, Prosveshchenieyug Publ., 2013. 295 p.
7. Chizhov D. V. Formirovanie imidzha rossijskih politicheskikh partij v seti Internet. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny, 2016, no. 1, pp. 313–338.
8. Mezhdunarodnyj forum “Mediaobrazovanie v pedagogicheskoy sfere: opyt i novye podhody k upravleniyu”. URL: <http://mim.org.ru/about-forum> (accessed 20.09.2018)
9. Vaseckij A. A., Mal'kevich A. A. “Novye SMI” v processe politicheskoy socializacii molodezhi. Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2011, no. 3, pp. 43–48.
10. Terent'eva A. I. Razvitie politicheskoy kul'tury studentov v obrazovatel'nom processe sovremennogo vuza. Avtoref. dis. dokt. ped. nauk. St. Petersburg, 2011. 26 p.
11. Voprosy profilaktiki informacionnyh riskov u shkol'nikov i studentov obsudyat na ehtoj nedele na MMF. URL: <http://minobr-nauki.rfxn--80abucjii bhv9a. xn--p1ai/> (accessed 20.09.2018).
12. Titova L. G. Sovremennye problemy kul'tury rossijskogo politicheskogo processa. Filosofskie nauki, 2013, no. 13, pp. 16–23.

УДК 321

А. Р. Агабабов, аспирант, Среднерусский институт управления – Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Россия) (e-mail: aagababov@mail.ru)

**ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
(НА ПРИМЕРЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА В ЕГИПТЕ)**

Проблематика Ближнего и Среднего Востока находится в центре внимания российских и зарубежных ученых-политологов. Многие исследования находятся в плоскости смежных наук, зачастую затрагивают, политико-правовые, политэкономические и политико-исторические аспекты.

Состояние политикоэкономических отношений между Ближним и Средним Востоком и современной Россией невозможны без представления исторической составляющей этих отношений. В этой связи в настоящей статье представлена краткая этимология этих отношений, начиная с Российской империи. Подчеркивается, что Российская империя исторически также имела большие геополитические и экономические интересы в этом регионе. Важнейшей в тот период геополитической задачей было решение вопросов проливов и выхода из акватории Черного моря.

Однако серьезные изменения произошли в начале XX века и для России – социалистическая революция, приведшая к падению Российской империи и созданию нового государства – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и откату во времени решения проблемы Ближнего Востока для нового социалистического государства.

Таким образом, свои колониальные интересы удалось реализовать прежде всего Великобритании. Для реализации своих далеко идущих планов по доминированию в зоне Суэцкого канала и Красного моря англичанам необходимо было активно влиять на политическую ситуацию в бывшей окраине Османской империи.

Начиная с двадцатых годов XX века, после того как на Ближнем Востоке были обнаружены колоссальные запасы углеводородов, у Великобритании появился огромный интерес в получении международного мандата на эту территорию.

Ключевые слова: экономическая экспансия, Ближний Восток, Средний Восток, политико-исторический аспект, транснациональные корпорации, Суэцкий канал.

Ссылка для цитирования: Агабабов А. Р. Политико-исторический аспект экономической экспансии транснациональных корпораций на Ближнем и Среднем Востоке (на примере Суэцкого канала в Египте) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 210–214.

***

С середины XIX в. Османскую империю называли «больным человеком Европы». По итогам Первой мировой войны Турецкая империя в 1918 г. распалась, а ее колониальное наследство было поделено Великобританией и Францией. Российская империя исторически также имела большие геополитические и экономические интересы в этом регионе. Достаточно хотя бы назвать извечно сложный и болезненный для России вопрос проливов и выхода из акватории Черного моря.

Однако произошедшие в Российской империи революционные события, приведшие к падению самодержавия, на время исключили Россию из числа мировых игроков в этом важнейшем геополитическом регионе. Российская Советская Фе-

деративная Социалистическая Республика (РСФСР), появившаяся на обломках царской империи в лице Председателя Совнаркома В. И. Ленина, поддержала Турецкую республику и ее лидера Кемаля Ататюрка.

Великобритания свои колониальные интересы реализовала захватом в 1882 г. Египта, чтобы обеспечить контроль над Суэцким каналом, через который проходил стратегически важный для англичан морской путь в Индию. Для реализации своих далеко идущих планов по доминированию в зоне Суэцкого канала и Красного моря англичанам необходимо было активно влиять на политическую ситуацию в бывшей окраине Османской империи. Для этих целей в мае 1916 г. между Великобританией и Францией был под-

писан секретный меморандум, так называемое соглашение Пико – Сайкса, в котором закреплялся раздел бывших владений Османской империи на французскую и британскую зоны влияния.

Начиная с 20 годов XX века, после того как на Ближнем Востоке были обнаружены колоссальные запасы углеводородов, как писал В. В. Маяковский, у «двуспального английского левы» появился огромный интерес в получении международного мандата на эту территорию [1].

Но методы были апробированы всей прошлой колониальной политикой Великобритании, в основе которой лежали традиционные англо-саксонские обман, лицемерие и презрение к аборигенам. Британия в 1922 г. предоставила Египту формальную самостоятельность, а в 1936 г. было подписано соглашение, по которому Египет получал полный суверенитет и независимость [2]. Однако англичане не были бы англичанами, если бы не предусмотрели условия, по которым вооруженные силы Британии должны быть в зоне Суэца то 1956 г., когда договор должен был быть пролонгирован.

Начиная с 1950-х гг. в арабских странах наблюдается рост национализма, особенно это заметно в среде молодых армейских офицеров. Наиболее активно эти националистические тенденции в политической жизни Ближнего Востока проявлялись в Египте – лидере арабского мира. В связи с указанными обстоятельствами глава партии ВАФД, которая выиграла выборы, Нахас-паша был вынужден денонсировать договор 1936 г. Король Египта Фарук, опасаясь угроз англичан ввести войска в Каир, отправил в отставку Нахвас-пашу, тем самым вызвав недовольство в среде армейских офицеров, которые образовали Совет революционного командования, сместившего короля. По сути, произошел военный переворот, в результате которого во главе Египта стал Гамаль Абдель Насер. Британское правительство, опасаясь за потерю контроля над Суэцким каналом, нача-

ло переговорный процесс с новым руководством страны и 19 октября 1954 г. был подписан семилетний договор, где предусматривался вывод английских войск к июню 1956 г. [3, с. 26] Египет дал гарантии обеспечить свободное судоходство по каналу.

В договоре также предусматривалось, что британские военные базы оставались в зоне канала и должны были обслуживаться английскими и египетскими специалистами. В случае конфликтных ситуаций британские войска имели право использовать военную силу. Суэцкий канал в тот период был основным источником получения валюты, поэтому определение его статуса было для молодого руководителя страны Г. А. Насера самым насущным вопросом. Для этих целей была учреждена секретная комиссия для проверки всей деятельности администрации канала. Англичане получали от его эксплуатации более половины ежегодных доходов в объеме около 100 млн долл. США, которые проходили мимо египетской казны [4]. Преследуя свои долгосрочные политические цели, правительство США впоследствии предоставило финансовую помощь Египту, что вызвало недовольство англичан, т. к. они не доверяли Насеру и выразили американцам протест по этому вопросу.

Британские политические круги были крайне недовольны активностью американцев в этом регионе, который был, как они считали, зоной их влияния. Суэцкий канал – бесшлюзовой судоходный канал, соединяющий Средиземное и Красное моря и считающийся условной границей между Африкой и Азией, открыт для судоходства 17 ноября 1869 г. Канал позволяет значительно сократить водный путь и выходить в Индийский океан из Средиземного моря без огибания Африканского континента, что осуществлялось до его открытия путем сухопутной перевалки груза между Средиземным и Красным морями. В 2010 г. Египет получил более 4,5 млрд долл. США доходов от Суэцкого канала.

В 2011 г. доходы выросли и составили 5,22 млрд дол., притом что проходимость была 17 779 судов, или же около 10% мировых морских сообщений. В годы Первой и Второй мировых войн эксплуатацию канала фактически осуществляла Британия. Учитывая загруженность этой стратегической водной артерии и значительную востребованность в увеличении морских грузоперевозок, в 2014 г. началось строительство второй очереди канала длиной 72 км, который проходит параллельно первому. Первая эксплуатация дублера в тестовом режиме была начата 25 июля 2015 г., а в августе состоялось торжественное открытие новой водной артерии, на котором присутствовал Президент Египта Абдул Фаттах Ас-Сиси.

Новый Суэцкий канал, как и прежний, принадлежит государству. В стратегическом плане он играет ключевую роль, т. к. может обеспечивать бесперебойное снабжение Европы и США ближневосточной и иранской нефтью, а, как известно, политика США на Ближнем Востоке «пахнет нефтью» [5]. Суэцкий канал был реализован как совместный проект двух стран – Франции и Египта, однако в эпоху премьерства Дизраэли в 1870-х гг. Англия выкупила часть акций (44%) у египетского правительства, имевшего в то время большие проблемы с выплатой государственных долгов.

Для Британии Суэцкий канал представлял большую стратегическую ценность, т. к. значительно сокращал морское сообщение между Британией и британскими колониями, а конкретно с Индией. В июле 1956 г. отношения между Египтом и западными странами значительно ухудшились, в результате отказа Великобритании и США в финансировании строительства Асуанской плотины, в первую очередь, по причине заключения Египтом договора с восточным блоком о поставках вооружений. Договор о поставках военной техники и оружия между Чехословакией и Египтом был объективно на руку англичанам, т. к. заставил

США определиться в своей политической позиции в ближневосточном кризисе и принять сторону Великобритании. Действия Президента Египта Г. А. Насера стали подвергаться публичной критике и обструкции и толковались как угрожающие региональной стабильности [6].

Страны Запада также поставляли оружие в ближневосточный регион с молчаливого согласия и одобрения со стороны англичан и американцев. Основным получателем французской бронетанковой техники и «Миражей» был Израиль, тем самым провоцировался кризис в арабо-израильском конфликте. Учитывая военно-политическую конъюнктуру в тот период, вопрос разрешения этого конфликта не был столь важным для западной коалиции, т. к. имелись другие приоритеты.

Британская военная разведка в своем аналитическом докладе в мае 1955 г. давала оценку арабо-израильским отношениям, в тот период внешне относительно спокойных, как взрывоопасные, причем агрессия может исходить от военной машины Израиля в качестве превентивного удара. В ответ на решение Великобритании и США об отказе в предоставлении кредита правительство Египта 26 июля 1956 г. объявило о национализации Суэцкого канала для аккумуляции в бюджете страны средств, полученных от его эксплуатации, для строительства Асуанской плотины [7].

Национализация Суэцкого канала оказалась абсолютно неожиданной для Великобритании и Франции. 22 октября 1956 г. в Севре (Франция) состоялась секретная встреча, в которой участвовали: с израильской стороны – премьер-министр Бен-Гурион, начальник генштаба Моше Даян, который во время шестидневной войны был министром обороны Израиля, генеральный директор министерства обороны Шимон Перес, который в дальнейшем стал премьер-министром Израиля, с французской стороны – министр обороны Морис Буржес-Монури,

министр иностранных дел Христиан Пино и начальник генштаба Морис Шалль; с британской стороны – секретарь по иностранным делам Селвин Ллойд и его помощник сэр Патрик Дин. Совещание продолжалось 48 часов и закончилось оформлением совершенно секретного договора [8].

В соответствии с разработанным планом Израиль должен совершить нападение на Египет, а Великобритания и Франция – ввести войска в зону Суэцкого канала, мотивируя свои действия «защитой стратегически важной водной артерии и необходимостью разделения враждующих сторон» [9, с. 130]. Согласно плану предполагалось, что Израиль аннексирует весь Синайский полуостров, или хотя бы его восточную часть по линии Эль-Ариш-Шарм-эш-Шейх. Все это привело к вторжению франко-британо-израильских вооруженных сил и началу семидневной Суэцкой войны 1956 г. Канал был значительно разрушен, а часть кораблей, находящихся там, затоплена, в итоге движение было закрыто до 24 апреля 1957 г., пока канал не был очищен, в том числе и от мин, при активном участии ООН [10].

Колоссальное геополитическое значение Суэцкий канал приобрел в XX в. в связи с открытием огромным нефтяных залежей в странах Ближнего Востока, что значительно упрощало транспортировку энергоресурсов в Западную Европу и США.

Список литературы

1. Ализаде Э. Сравнительный макроэкономический анализ стран Ближнего Востока // Вестник КазНУ. Серия экономическая. 2011. № 3(85). С. 5–10.

2. Вице-президент США «нагрел руки» на войне в Ираке [Электронный ресурс] // РБК. 2003. 12 дек. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/12/2003/5703c0919a7947dde8e073c7> (дата обращения: 11.07.2018).

3. Ближний Восток: тьма перед новым рассветом // Региональные конфликты и будущее глобального мира / А. Г. Аксенюк, И. Д. Звягельская, В. А. Кузнецов [и др.] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2017. Июнь. С. 26–27.

4. Ключкова М. Подкидной Ирак [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2007. 15 окт. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/814318> (дата обращения: 11.07.2018)

5. Кузьмин В. А., Евсеева Ю. В. Лоуренс Аравийский и политика Великобритании на Ближнем Востоке // Уральское востоковедение: международный альманах. Вып. 3. Екатеринбург: ИЗД-во Урал. ун-та, 2008. С. 118–140.

6. Глазова А. Операция ЦРУ по свержению Моссадыка [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. 2015. 22 сент. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1442940300> (дата обращения: 11.07.2018).

7. Робертс П. К. За что Америка воюет на Ближнем Востоке? [Электронный ресурс] // ПолитМир. 2017. 1 июля. URL: <http://polit-mir.ru/za-chto-amerika-voyueta-na-blizhnem-vostoke-10106.html> (дата обращения: 11.07.2018).

8. Блоч Д., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки: Ближний и Средний Восток, Африка и Европа после 1945 года. М.: Политиздат, 1987.

9. Акимов А., Наумкин В. Перспективы развития ситуации в странах Ближнего Востока до 2020 года // Современный Иран. 2013. № 4. С. 129–138.

10. Ларина Е. Федеральная резервная система США – главное подразделение американской глобальной разведки. [Электронный ресурс] // Контрольный выстрел. 6 мая. URL: <http://kv-journal.su/content/federalnaya-rezervnaya-sistema-ssha-glavnoe-podrazdelenie-amerikanskoy-globalnoy-razvedki> (дата обращения: 11.07.2018)

Поступила в редакцию 11.10.18

UDC 321

A. R. Agababov, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management – Orel Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Orel, Russia) (e-mail: aagababov@mail.ru)

POLITICAL AND HISTORICAL ASPECT OF ECONOMIC EXPANSION OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN THE NEAR AND MIDDLE EAST (ON THE EXAMPLE OF SUEZ CHANNEL IN EGYPT)

From the mid-19th century, the Ottoman Empire was called the «sick man of Europe». At the end of the First World War in article the role of mass media in formation of political consciousness and political orientations of the younger generation in modern Russia reveals. The author puts forward arguments that the Russian mass media need to revive the educational and educational and patriotic functions. Considering new calls of globalization and international policy, a situation in Ukraine and questions of preservation of interethnic concord in the Crimea, the author staticized problems of development of media education, increase in media and information literacy, hygiene and the political culture of youth. At this conjuncture there is a need for development of the main directions of optimization of information impact of media on socio-political activity of youth for political process of the country.

The author generalizes political problems on improvement of information influence of a new mediasreda on formation of political consciousness, orientations and installations of youth, development of political initiatives among young people. Need of increase in efficiency of state regulation of the youth mediasreda excluding destructive orientation with attraction to this process of institutes of civil society and the most youth community is designated. First of all it is necessary to check "purity" of social media, including the websites, blogs, forums which are most popular among youth to exclude distribution of antisocial values and influence of aggressive western ideology.

The prospects of optimization of influence of new media on stimulation of socio-political activity of youth are proved in political process. Priorities of creation of effective system of state regulation of a youth mediasreda, the possible directions of further scientific research of a role of media in increase in political literacy and culture of youth, its information security and media education reveal. By the author the acceptability of the program for carrying out youth media educational policy and to use of interactive media educational technologies in the course of increase in media literacy and the political culture of modern youth is evidence-based. Use of media educational technologies and realization of problems of increase in media literacy of the younger generation will allow to involve his initiative for the benefit of the state and civil society, to intensify expression of institutional forms of participation in democratic life.

Key words: economic expansion, Middle East, Middle East, political and historical aspect, TNC, Suez Canal.

For citation: Agababov A. R. Political and historical aspect of economic expansion of transnational corporations in the Near and Middle East (on the example of Suez channel in Egypt). Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 210–214 (in Russ.).

***

Reference

1. Alizade Eh. Sravnitel'nyj makro-ehkonomicheskij analiz stran Blizhnego Vostoka. Vestnik KazNU. Serija ehkonomicheskaya, 2011, no. 3(85), pp. 5–10.

2. Vice-prezident SSHA "nagrel ruki" na vojne v Irake. RBK, 2003, 12 Dek. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/12/2003/5703c0919a7947dde8e073c7> (accessed 11.07.2018).

3. Aksenyonok A. G., Zvyagel'skaya I. D., Kuznecov V. A., eds. Blizhnij Vostok: t'ma pered novym rassvetom? Regional'nye konflikty i budushchee global'nogo mira. Mezhdunarodnyj diskussionnyj kluba "Valdaj", 2017. June, pp. 26–27.

4. Klochkova M. Podkidnoj Irak. Kommersant, 2007, 15 Okt. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/814318> (accessed 11.07.2018)

5. Kuz'min V. A., Evseeva Yu. V. Lo-urens Aravijskij i politika Velikobritanii na Blizhnem Vostoke. Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyj al'manah, is. 3. Ekaterinburg. Ural. univ. Publ., 2008, pp. 118–140.

6. Glazova A. Operaciya CRU po sverzheniyu Mossadyka. CentrAziya, 2015, 22 Sept. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1442940300> (accessed 11.07.2018).

7. Roberts P. K. Za chto Amerika voyuet na Blizhnem Vostoke? PolitMir, 2017, 1 July. URL: <http://polit-mir.ru/za-chno-amerika-voyuet-na-blizhnem-vostoke-10106.html> (accessed 11.07.2018).

8. Bloch D., Fitcdzheral'd P. Tajnye operacii anglijskoj razvedki: Blizhnij i Srednij Vostok, Afrika i Evropa posle 1945 goda. Moscow, Politizdat Publ., 1987.

9. Akimov A., Naumkin V. Perspektivy razvitiya situacii v stranah Blizhnego Vostoka do 2020 goda. Sovremennyj Iran, 2013, no. 4, pp.130.

10. Larina E. Federal'naya rezervnaya sistema SSHA – glavnoe podrazdelenie amerikanskoj global'noj razvedki. Kontrol'nyj vystrel, 2015, 6 May. URL: <http://kv-journal.su/content/federalnaya-rezervnaya-sistema-ssha-glavnoe-podrazdelenie-amerikanskoj-globalnoy-razvedki> (accessed 11.07.2018).

УДК 323.22

С. Ю. Богданова, канд. экон. наук, декан, Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Воронеж, Россия) (e-mail: svetyachek@rambler.ru)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕКСИКЕ

Динамизм современных политических процессов актуализировал проблему периодизации политических изменений. Особенно это актуально при изучении процессов перехода от авторитаризма к демократии.

Отличительной чертой политического развития Мексики была не характерная для Латинской Америки степень политической стабильности и способности элит к изменениям. Сам режим оформился в 1930-х годах по типу «сообщества элит», основой которого является заключение явного или неявного соглашения о разделе сфер влияния между актором, обладающим доминирующим положением, и его основными конкурентами. В рамках «сообщества элит» доминирующий актор страхует себя от возможности утраты лидирующих позиций в обмен на перераспределение ресурсов в пользу других групп. Предельным случаем «сообщества элит» являлась Мексика. Воспроизводству режима способствовали следующие факторы: во-первых, конституционно закрепленный дисбаланс в системе разделения властей; создатели Конституции 1917 г. сознательно пошли на закрепление обширных полномочий президента, аргументируя это необходимостью проведения масштабных преобразований; во-вторых, доминировавший во взаимоотношениях с заинтересованными группами корпоративизм. Эти особенности авторитаризма обусловили специфические особенности мексиканского транзита, который носил не пактовый характер, как в странах Южной Европы и Южной Америки, а типологически представлял собой консервативную реформу, что предполагает сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря ее приспособлению к новым институтам.

В статье обосновывается недостаточность периодизации лишь на основании изменений электорального законодательства. Предлагается периодизация на основе комплекса факторов, обуславливающих взаимоотношения внутри мексиканской элиты и ее стратегии по адаптации к изменениям.

Ключевые слова: демократический транзит, пакт, консервативная реформа, «сообщество элит».

Ссылка для цитирования: Богданова С. Ю. Основные этапы политической трансформации в современной Мексике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 215–222.

***

Изучение перехода от авторитаризма к демократии является одним из основных направлений современной политической науки. Вряд ли у кого-либо возникнет сомнение в том, что полноценное объяснение данного феномена возможно лишь при использовании результатов конкретных страноведческих исследований. В этом отношении особый интерес представляет опыт Мексики. Эта страна долгое время представляла собой образец политической стабильности (в целом, не характерной для региона), а политические элиты продемонстрировали способность адаптации к политическим и социальным изменениям. В то же время изучение трансформационных процессов в

Мексике сопряжено с целым рядом трудностей теоретико-методологического характера. Дело в том, что «транзитология» (исследовательское направление, специализирующееся на изучении переходных процессов) [1] рассматривает процесс трансформации в виде последовательно сменяющихся друг друга этапов: либерализация прежнего режима – переход = установление демократии – консолидация демократии. Это затрудняет анализ случаев, где либо результат перехода неочевиден, либо сформировавшийся режим не соответствует критериям демократии. С другой стороны, транзитологические концепции объясняют лишь переходы к демократии посредством пакта, не

уделяя внимания другим типам переходов. Мексика как раз и является страной, в которой, во-первых, сложно говорить о результатах трансформации (в смысле консолидации режима), хотя перспектива возвращения к авторитарному правлению представляется маловероятной. Кроме того, в Мексике не было пакта [2, р. 16] как способа перехода, хотя страну относят к числу лидеров процесса демократизации в регионе. Типологически мексиканский транзит может быть обозначен как «консервативная реформа» [3, р. 344], что предполагает сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря ее приспособлению к новым институтам.

Учитывая все вышеизложенное, мы не можем применить в данном исследовании ни традиционный транзитологический исследовательский инструментарий, ни концепции, которые рассматривают в качестве итога процесса трансформации консолидацию режима (в независимости от его характера) [4, р. 227]. Мы считаем необходимым сосредоточить внимание на стадиях процесса трансформации. Это нуждается в пояснении: любой динамический процесс (политическая трансформация не исключение) может быть представлен как ряд сменяющих друг друга этапов. В данном случае стадии процесса рассматриваются не как «переход» от одного состояния к другому, а как самостоятельная проблема. В этом случае необходимо не только выделение основных этапов процесса, но и сравнение условий, в которых действуют акторы на предмет их сходства/различия. В принципе выделение этапов политической трансформации в Мексике уже предпринималось. Так Э. Эрнандес Норзагарай выделяет следующие этапы: 1) 1977–1994 г. от начала политической реформы в Мексике до последней победы Институционно-революционной партии на президентских

выборах; 2) 1994 г. – по настоящее время [2, р. 16]. Видно, что в данном случае, за основы берется изменение избирательного законодательства и победа на выборах Э. Седильо. Однако изменение избирательных процедур и победа на выборах последнего кандидата-прииста – события, за которыми стоят другие изменения, поэтому нужно изменить критерии, на основании которых осуществляется периодизация. На наш взгляд, такими критериями могут стать кризис авторитарного режима и действия, предпринимаемые правящей элитой для стабилизации своего положения, а также структурные изменения, произошедшие в Мексике за время эрозии однопартийного режима.

Для решения этих задач сначала рассмотрим особенности авторитаризма и причины его кризиса. Отличительной чертой мексиканского режима было то, что страна в течение почти семидесяти лет отличалась высоким (а по меркам Латинской Америки – очень высоким) уровнем политической стабильности. При этом термин «стабильность» не следует понимать упрощенно – как сохранение статус-кво. Правящая партия, с одной стороны, действительно решала задачи сохранения собственной гегемонии, а с другой – задачи развития страны. Сам режим оформился в 1930-х гг. по типу «сообщества элит», основой которого является заключение явного или неявного соглашения о разделе сфер влияния между актором, обладающим доминирующим положением, и его основными конкурентами [5, р. 113]. В рамках «сообщества элит» доминирующий актор страхует себя от возможности утраты лидирующих позиций в обмен на перераспределение ресурсов в пользу других групп. Предельным случаем «сообщества элит» являлась Мексика [6, р. 116]. Воспроизводству режима способствовали следующие факторы:

1. Конституционно закрепленный дисбаланс в системе разделения властей. Создатели Конституции 1917 г. сознательно пошли на закрепление обширных полномочий президента, аргументируя это необходимостью проведения масштабных преобразований.

2. Доминировавший во взаимоотношениях с заинтересованными группами корпоративизм. Типологически мексиканский политический режим относился к открытым корпоративистским режимам [6, р. 227]. Институционно-революционная партия (далее – ПРИ) включала в себя целый ряд организаций, выражающих те или иные групповые интересы. Многие из них создавались ПРИ целенаправленно. Помимо этого руководство правящей партии сознательно вовлекало в свои ряды индивидов и группы, проявлявших недовольство режимом, идя на создание в своих рядах отчетливых групп и фракций. Таким образом, ПРИ являлась типичной инклюзивной партией. Выражение автономных требований допускалось только в ограниченном масштабе и в рамках либо правящей партии, либо связанных с ней заинтересованных групп [7, с. 177]. Одним из важнейших следствий мексиканского корпоративизма было то, что он, нивелируя роль парламента, способствовал маргинализации оппозиционных партий [10, р. 25].

3. Третьим фактором стабильности мексиканской политической системы было то, что корпоративизм служил не только механизмом представительства и согласования интересов, но и выполнял более широкие функции – социальной интеграции и легитимации режима. Как отмечал Х. Лабастида: «В то время, как исторической функцией корпоративизма милитаризованных стран является демобилизация и деполитизация общества, и в частности народных масс, в Мексике он способствует тому, чтобы государство

могло мобилизовать широкие слои населения, не теряя над ними контроля» [3, р. 420]. Если классические авторитарные режимы стремились до минимума сократить свой диалог с различными социальными группами, то мексиканская модель зиждилась на сочетании контроля и власти с сохранением и расширением своей социальной базы [8, с. 166]. Интеграция широких масс населения осуществлялась двояким образом – через массовые организации (например, профсоюзы), связанные с правящей партией, и посредством клиентарных связей [3, р. 420]. Последние были особенно распространены в сельской местности.

Другим отличием мексиканского режима от классической модели авторитаризма было наличие оппозиционных партий: двух квазиоппозиционных и оппозиционной (Партия национального действия – ПАН). Однако роль их в политическом процессе была невелика. С одной стороны, как отмечалось выше, этому способствовал корпоративизм, а с другой – практически полный контроль правящей партии над выборами. Однако на рубеже 1960–70-х гг. «мексиканская модель» вступила в кризис. Индустриализация и урбанизация страны в конечном итоге привели к кризису институтов социальной интеграции, сложившихся в 1930-е гг. Это привело к эрозии электоральной базы правящей партии. Наиболее интенсивно этот процесс шел в столице и крупных городах, наименее – в сельских районах. Имеющиеся данные показывают тесную связь типа поселения и падения поддержки ПРИ на выборах [9, р. 266]. В результате стабильность политической системы оказалась под угрозой.

Катализатором недовольства стало студенческое движение 1968–1971 гг., апогеем которого явилась демонстрация в Мехико в 1968 г., расстрелянная войсками. Однако эта мера не принесла ожи-

давшегося эффекта. Страна оказалась вовлеченной в волну студенческих волнений. Крестьяне и индейские общины стали занимать пустующие земли, широкий размах приобрели захваты муниципалитетов и правительственных зданий на местах. В штатах Герреро, Халиско и в столице появилась геррилья. Если режим функционировал как «сообщество элит», то процесс его эрозии должен представлять собой процесс утраты доминирующим актором ресурсов, которые позволяют ему: 1) сохранять доминирующее положение; 2) контролировать (в известной мере) действия других акторов. Именно эрозия ресурсной базы ПРИ, ее действия в изменяющихся условиях, а также воздействие результатов эрозии режима на политический процесс кладутся нами в основу выделения этапов трансформации. Мы выделяем четыре этапа.

Первый этап – 1977–1986 гг. – политическая реформа 1977 г., ставшая началом политической трансформации. Нужно отметить, что попытки стабилизации политической системы были предприняты еще администрацией Л. Эччеверии (1970–1976 гг.) с помощью неопопулистской политики в духе карденизма 1930-х гг. Однако они потерпели неудачу и в значительной мере стимулировали рост конфликтности внутри мексиканской элиты (в частности, между частью бизнес-элиты и государством), поэтому администрацией Х. Лопеса Портильо (1976–1982 гг.) была инициирована политическая реформа, призванная изменить мексиканскую партийную систему. Главным нововведением реформы 1977 г. были изменения в избирательной системе. Из 400 депутатов нижней палаты (их число было увеличено с 237 до 400) 300 избирались по 300-м одномандатным округам, а 100 – по четырем многомандатным по пропорциональной системе. Новая избиратель-

ная система содержала и элемент «связности»: в распределении «пропорциональных» мандатов не участвовала партия, получившая более 60% голосов по системе большинства [10, р. 358]. Помимо этого была облегчена процедура регистрации партий.

Политическая реформа привела к конфликту внутри мексиканской политической элиты. Главным аргументом ее сторонников была необходимость адаптации политической системы к изменившейся социальной и экономической ситуации, подтверждением этому могут служить слова идеолога реформы, министра внутренних дел Х. Рейеса Эролеса, утверждавшего, что для укрепления мексиканского государства «необходимо сократить брешь между государством и гражданским обществом, открыв новые каналы для достижения необходимого консенсуса и легитимности, естественно не разрушая структуры вертикального контроля, которая зиждется на системе господствующей, официальной партии» [8, с. 237]. Противником реформы выступало «профсоюзное» крыло ПРИ. Либерализация избирательного законодательства привела к легализации ряда левых партий, что привело к потере ПРИ части левого электората и, чего опасались, снижению влияния «профсоюзных» групп в партии. Другим оппонентом реформы была правоопозиционная ПАН. По мнению правых, реформа – средство укрепления режима и подкуп оппозиции, что естественно, т. к. реформа носила антипанистский характер [9, р. 265]. Действительно, электоральная реформа должна была благоприятствовать тем партиям, которые могли бы мобилизовать часть населения, а с другой – встроиться в систему согласования интересов.

Оценивая итоги политической реформы, нужно отметить, что она была инструментом укрепления «сообщества

элит». По итогам выборов 1979 г. 296 мест в нижней палате из 400 получила ПРИ, т. е. мы можем трактовать реформу как передачу части ресурсов (в данном случае мест в парламенте) оппозиции с целью укрепления положения доминирующего актора. Это, а еще повышение цен на нефть в конце 1970-х гг., привели к временной стабилизации политического режима.

Второй этап – 1986–1988 гг. Политическое развитие происходило в условиях кризиса государственно-капиталистической модели. В целях его преодоления правительство М. де ла Мадрида (1982–1988 гг.) начинает экономические реформы, основанные на неолиберальных схемах. Экономический кризис, приведший к эрозии корпоративизма, обострил конфликт вокруг стратегии национального развития. Это, в свою очередь, стимулировало рост противоречий внутри правящей партии. В рамках ПРИ появляется «Демократическое течение» (далее – КД). В его руководство вошли К. Карденас, П. Муньос-Ледо, Р. Гонсалес Гевара. В октябре 1986 г. КД опубликовало заявление с требованием демократических реформ в партии, однако лидеры ПРИ жестко пресекли эту попытку, в результате лидеры КД вышли из партии. Этот шаг привел к тому, что к выборам 1988 г. был сформирован Национально-демократический фронт, который выдвинул Карденаса кандидатом в президенты.

Другим фактором, определявшим политический процесс в Мексике, было усиление внешнеполитического давления США. Экономический кризис 1980-х гг. привел к нарушению равновесия в американо-мексиканских отношениях, нанеся ущерб торговле и финансово-экономическим связям обеих стран. Отдельные признаки нестабильности вызвали беспокойство среди американской элиты, ко-

торая связывала экономическую либерализацию в Мексике с демократизацией.

Учитывая внутривнутриполитическую ситуацию и внешнее давление, администрация М. де Ла Мадрида инициировала изменения в избирательном законодательстве. Число членов нижней палаты увеличилось до 500 человек, число мандатов, распределяемых по пропорциональной части, – до 200.

Третий этап – 1988–1997 гг. Точкой отсчета являются всеобщие выборы 1988 г. По их итогам кандидат ПРИ К. Солинас де Гортари получил 50,35%, К. Карденас – 31,12%. Именно в 1988 г. оформилась мексиканская трехпартийная система. Другим итогом выборов стало то, что впервые лидер, вышедший из ПРИ группы, не оказался «выкинутым» за пределы мексиканской политики. Это означало эрозию официальной партии. Кроме того, утрата ПРИ квалифицированного большинства в нижней палате означала невозможность функционирования политического режима с опорой на прежние методы.

Все это привело к изменениям внутри правящей партии. В годы президентства К. Салинаса де Гортари была принята и введена в действие президентская программа Pronasol. Официально целью Pronasol было создание механизмов распределения средств для поддержания инициатив местных сообществ, т. к. правительственные чиновники делали это неэффективно. Это означало укрепление влияния президента в обход партийного аппарата. Кроме того, характер распределения средств, выделенных на программу (большая часть их была направлена в районы, не лояльные партии) свидетельствовал о том, что цель Pronasol – укрепление влияния ПРИ. Другим важным событием стала XIV Национальная ассамблея ПРИ (1-3 сентября 1990 г.). Итогом ее стал компромисс между реформатора-

ми и консерваторами. На ассамблее были приняты решения об увеличении автономии организаций, входящих в ПРИ, демократизации внутренних выборов и децентрализации партии.

Другой новацией администрации Салинаса де Гортари стали изменения избирательной системы. Потом изменения в избирательное законодательство внесли в 1993 г. Характер их вполне соответствовал духу предшествующих. Иным был механизм их принятия. Соответствующие законы были приняты Конгрессом в результате совместного голосования ПРИ и ПАН.

Итогом третьего этапа можно назвать окончательную эрозию прежнего режима. Теперь успешная реализация реформаторских программ президента зависела от умения договориться с представителями оппозиции. В этих условиях необходимо было, при сохранении контроля над ПРИ, найти точки соприкосновения с одной из оппозиционных партий (чаще всего это была ПАН), что требовало поддержания баланса как между конкурирующими группировками внутри партии, так и между правящей партией и оппозицией. Естественно, это несколько меняло роль института президентства, который стал постепенно приобретать надпартийный характер. Итогом президентства Салинаса стали выборы 1994 г. Их главным результатом стало то, что впервые официальный кандидат (Э. Седильо) получил менее 50% голосов (48,69%). В целом, президентство Седильо напоминало президентство его предшественника. Однако возможности для маневра резко сократились. Этому было две причины: 1) экономический кризис; 2) политический кризис, связанный с восстанием в 1994 г. в штате Чьяпас. В дополнение на повестке дня встал вопрос о подписании договора о Северо-Американской зоне свободной торговли

(НАФТА). В результате администрация Седильо пошла на новые изменения избирательного законодательства. Во-первых, снижалось максимально возможное представительство одной партии до 60%, во-вторых, повышался заградительный барьер с 1,5 до 2,5%, в-третьих, вводилась смешанная система распределения мест в Сенате. Однако главной новацией стало принятие Федерального избирательного закона в 1996 г. Теперь Федеральный избирательный институт стал полностью автономен, а Федеральный избирательный трибунал включен в систему судебной власти.

Четвертый этап – 1997 г. по настоящее время. Отправной точкой стали выборы 1997 г., в ходе которых фракции, сформированные оппозиционными партиями, приблизительно наполовину состояли из депутатов-одномандатников (во фракции ПАН одномандатников было 64, при общем числе в 121, а в ПНД – 30 из 125). До этого основная масса депутатов, избранных в округах, были членами ПРИ. Теперь позиции этой партии во многих штатах были подорваны. Вторым важным событием является победа В. Фокса Кесады на президентских выборах 2000 г. Анализ политики Фокса не является задачей данной статьи. На наш взгляд, главным является то, что после 2000 г. в Мексике еще более четко обозначилась тенденция укрепления президентства как надпартийного института. Этому способствовало и то, что на промежуточных выборах 2003 г. ПАН утратила относительное большинство в палате депутатов (оно перешло к ПРИ).

Приведенная выше периодизация может показаться спорной – в качестве отправной точки отдельного этапа не выделен 2000 г. – утрата ПРИ поста президента. Однако, на наш взгляд, это вполне оправданно. Не отрицая значимости этого факта, мы хотели показать, что выборы

2000 г. – в значительной степени результат предыдущих изменений (реформы избирательного законодательства в 1996 г., утраты ПРИ доминирующих позиций во многих округах и т. д.). В то же время наша периодизация позволяет рассмотреть политическое развитие Мексики как единый процесс, состоящий из четырех этапов. Рубежом является 1988 г. Если на первых двух (1977–1986; 1986–1988 гг.) главным фактором политического развития была адаптация лидирующей фракции мексиканской элиты (руководство ПРИ) к изменяющейся ситуации, то на последних двух (1988–1997; 1997 – настоящее время) все большую роль в мексиканской политике стала играть оппозиция, т. е. результат эрозии партиегегемона превратился в самостоятельный фактор политического процесса. Вместе с тем 1988 г. стал «пограничным» и в другом отношении. Если до конца 1980-х гг. президент Мексики был не только главой государства, но и лидером партии, то после 1988 г. эта ситуация стала меняться. Уже два последних президента-прииста (К. Солинас и Э. Седильо) рассматривали ПРИ в значительной мере как инструмент реализации своих реформаторских инициатив, возможности которого постоянно снижались. В этих условиях все большее значение приобрел надпартийный характер президентства. Наиболее ярко это проявилось в годы президентства В. Фокса, который фактически отстранился от поддерживавшей его партии (ПАН). Формированию надпартийного президентства способствует не только невысокая популярность партий в Мексике, но и значительные конституционные полномочия главы исполнительной власти.

Список литературы

1. Craig A. L., Cornelius W. A. Houses divided: parties and political reform in Mexico // Building democratic institutions:

party systems in Latin America / ed. by S. Mainwaring, T. R. Scully. Stanford: Stanford Univ. Press, 1995. P. 262–263.

2. Munk G., Leff C. Models of transition and demokratization. South America and Eastern Europe in comparative perspective // Comparative politics. 1997. Vol. 29, No. 3. P. 343–362.

3. Semo Calev E. El clientelismo de ayer, hoy y mañana // En del fin de milagro al fin del milenio: homenaje a Joseluis Cescena Games / ed. C. J. Maya Ambia. Mexico, 2000. P. 413–458.

4. Wirda H. J. Democracy and its discontents development, interdependence and U.S. policy in Latin America. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1995. 367 p.

5. Santiago Nino C. Transition to democracy: corporatism and presidentialism with special reference to Latin America // Constitutionalism and Democracy. New York: Oxford Univ. Press, 1993. P. 25.

6. Norsagaray Hernandez E. Sistema electoral y sistema de partidos en Mexico (1994–2000) // America Latina Hoy. 2003. No. 33. P.16.

7. Боровков А. Н., Шереметьев И. К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М.: ИЛА РАН, 1999. 356 с.

8. Устинович Е. С. Политико-правовое обеспечение предоставления государственных и муниципальных услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 8, №3 (28). С. 127–133.

9. Gansales Casanova L. Mexico hoy. Mexico, 1989. P. 355–357.

10. Knight A. Mexico's elite settlement: conjuncture and consequences // Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. P. 113–145.

Поступила в редакцию 24.09.18

UDC 323.22

S. Yu. Bogdanova, Candidate of Economic Sciences, Dean, Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Voronezh, Russia) (e-mail: svetyachek@rambler.ru)

THE MAIN STAGES OF POLITICAL TRANSFORMATION IN MODERN MEXICO

The dynamism of modern political processes actualized the problem of periodization of political changes. This is especially true in the study of the transition from authoritarianism to democracy.

A distinctive feature of Mexico's political development was the degree of political stability and the ability of elites to change, which was not characteristic of Latin America. The regime itself was formed in the 1930s according to the type of "community of elites", the basis of which is the conclusion of an explicit or implicit agreement on the division of spheres of influence between the actor with a dominant position and its main competitors. Within the "elite community", the dominant actor insures himself against the possibility of losing the leading positions in exchange for the redistribution of resources in favor of other groups. The ultimate case of the "elite community" was Mexico. The following factors contributed to the reproduction of the regime: 1) constitutionally fixed imbalance in the system of separation of powers. The creators of the Constitution of 1917. consciously went to consolidate the extensive powers of the President, arguing the need for large-scale reforms. 2) corporate spirit Dominating relations with interested groups. These features of authoritarianism led to the specific features of Mexican transit, which was not a Pact in nature, as in the countries of southern Europe and South America, and typologically represented a conservative reform that involves the preservation of the rule of the ruling elite of the former regime without changing actors due to its adaptation to new institutions.

The article substantiates the insufficiency of periodization only on the basis of changes in electoral legislation. Periodization is proposed on the basis of a set of factors that determine the relationship within the Mexican elite and its strategy for adaptation to changes.

Key words: *democratic transit, Pact, conservative reform, "community of elites".*

For citation: Bogdanova S. Yu. The main stages of political transformation in modern Mexico. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 215–222 (in Russ.).

***

Reference

1. Craig A. L., Cornelius W. A. Houses divided: parties and political reform in Mexica. Bulding democratic institutions: party systems in Latin America; ed. by S. Mainwaring, T. R. Scully. Stanford, Stanford Univ. Press, 1995, pp. 262–263.

2. Munk G., Leff C. Models of transition and demokratization. South America and Estern Europe in comparative perspective. Comparative polities, 1997, vol. 29, no. 3, pp. 343–362.

3. Semo Calev E. El clientelismo de ayer, hoy y manana. En del fin de milagro al fin del milenio: homenaie a Joseluis Cecena Games; ed. C. J. Maya Ambia. Mexico, 2000. P. 413–458.

4. Wirda H. J. Democracy and its discontents development, interdependence and U.S. policy in Latin America. Lanham, Md., Rowman and Littlefield, 1995. 367 p.

5. Santiago Nino C. Transition to democracy: corporatism and presidentialism with special reference to Latin America.

Constitutionalism and Democracy. New York, Oxford Univ. Press, 1993, p. 25.

6. Norsagaray Hernandez E. Sistema electoral y sistema de partidos en Mexico (1994–2000). America Latina Hoy, 2003, no. 33, p. 16.

7. Borovkov A. N., Sheremet'ev I. K. Meksika na novom povorote ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya. Moscow, ILA RAN Publ., 1999. 356 p.

8. Ustinovich E. S. Politiko-pravovoe obespechenie predostavljeniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universtiteta, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 127–133.

9. Gansales Casanova L. Mexico hoy. Mexico, 1989. P. 355–357.

10. Knight A. Mexico's elite settlement: conjuncture and consequences. Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe; ed. by J. Higley, R. Gunther. Gambridge, Cambridge Univ. Press, 1992, pp. 113–145.

УДК 327.7:339.9

М. В. Феклистов, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел, Россия) (e-mail: feclistovmv@mail.ru)

И. С. Феклистова, канд. экон. наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел, Россия) (e-mail: inessa_pakulina@mail.ru)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕГИОНОВ ЦФО СО СТРАНАМИ ЕАЭС

Цели написания исследовательской работы – выявление доминант эффективного развития внешнеэкономических связей регионов в условиях процесса глобализации. Методология проведенного исследования представляет собой общенаучную методологию и методологию социальных и политологических исследований. Авторами использовались методы анализа, синтеза, классификации, экономико-статистический, сравнительный, компаративный, политологический анализ. Область исследования включает в себя региональные особенности и факторы развития внешнеэкономических связей регионов Центрального федерального округа Российской Федерации в условиях процесса глобализации. Современные политические тенденции создают новые возможности развития и повышения эффективности внешнеэкономических связей регионов Центрального федерального округа со странами Евразийского экономического союза. Происходит усиление модернизации региональных, инновационных и инвестиционных акцентов в развитии регионов. Это способствует росту экспорта и замещению импорта продукции ненадежных политических партнеров, повышает привлекательность регионов Центрального федерального округа для стратегических инвесторов. Наблюдается расширение деятельности по приоритетным направлениям модернизации в рамках оборонно-промышленного комплекса. В статье обосновано, что регионам Центрального федерального округа необходимо проводить прагматичную, продуманную политику внешнеэкономического сотрудничества и предоставлять преференции участникам Евразийского экономического союза. При этом надо учитывать долгосрочные выгоды от стимулирования внешнеэкономических связей для экономики регионов. Обоснованы доминанты эффективного взаимодействия регионов Центрального федерального округа со странами Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: потенциал, внешнеэкономические связи, факторы сдерживания, внешнеэкономическое сотрудничество, субъекты Федерации.

Ссылка для цитирования: Феклистов М. В., Феклистова И. С. Политологические аспекты укрепления внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 223–230.

***

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. В современных политических условиях наблюдается негативное влияние на развитие внешнеэкономических связей введенных против нашей страны экономических санкций, направленных на сдерживание России. Это влияние ощущается и в регионах Центрального федерального округа Российской Федерации. С другой стороны, наблюдается активизация сотрудничества субъектов Федерации со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Как базовый и крупный макрорегион ЦФО всегда будет играть активную роль в развитии внешнеэкономических связей с другими странами, в том числе Евразийского экономического союза.

Проведенное исследование опиралось на анализ научных публикаций, где заложены основы решения рассматрива-

емой проблемы, изложенные в трудах известных российских исследователей: В. Л. Абрамова [1], М. В. Братерского [2], Е. Н. Малик [3], П. А. Меркулова [4], О. В. Подшувейт [5], В. Н. Сумарокова [6], Е. С. Устинович [7; 8] и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья. Несмотря на значительное число научных публикаций по рассматриваемой проблематике в ситуации, когда резко меняется политическая обстановка, мир становится полицентричным, развиваются новые политические технологии, пока остаются нерешенными важные теоретические и методологические вопросы разработки отвечающей вызовам современности системы управления внешнеэкономическими связями регионов Центрального федерального округа Российской Федерации со странами ЕАЭС.

Формулировка целей статьи. Проведенное исследование было направлено на выявление направлений эффективного развития внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях современных реалий мировой политической системы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. ЕАЭС обеспечивает региональную экономическую интеграцию и обладает международной правосубъектностью. Ее государствами-членами являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Цель создания ЕАЭС – всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик стран-участниц и создание условий для устойчивого социально-экономического развития [9, с. 115].

Итоговые характеристики состояния в 2017 г. взаимной торговли стран – основателей ЕАЭС свидетельствуют о повышении значимости интеграционного взаимодействия всех субъектов внешнеэкономической деятельности, в том числе регионов России. Высокий спрос со стороны партнеров по Союзу на товары, произведенные в Республике Беларусь, содействовал восполнению снизившейся в 2017 г. внешней востребованности белорусских товаров, а также расширению круга участвующих во взаимной торговле ЕАЭС предприятий Беларуси. Созданные в рамках ЕАЭС условия осуществления торговых операций обеспечили наращивание объемов взаимной торговли Республики Казахстан в 2017 г. и широкое вовлечение в региональную торговлю малых предприятий Казахстана. Обнадеживающая экономическая ситуация в Российской Федерации и позитивные прогнозы развития крупнейшей экономики Союза являются важнейшим фактором дальнейшей активизации взаимной торговли ЕАЭС.

Следует отметить, что в силу разных причин (в частности, разности потенциалов экономик стран-участниц,

усиления санкций против России) развитие интеграционных процессов в рамках Союза осуществляется пока умеренными темпами, но при этом по многим важнейшим вопросам удалось значительно продвинуться «вперед» (например, по вопросам функционирования общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий, вступления с 1 января 2018 г. в силу нового Таможенного кодекса, реализации основных направлений и этапов скоординированной (согласованной) транспортной политики). При этом укрепление торгово-экономических отношений между государствами – членами Союза, выразившееся в улучшении показателей взаимной торговли, свидетельствует о долгосрочном интересе представителей бизнеса государств – членов ЕАЭС друг к другу и, более того, о возможности использования государствами-членами текущего момента для принятия решений по углублению интеграционного взаимодействия.

Наличие проблем не означает, однако, что Россия должна отступить от интеграционного проекта взаимодействия в рамках ЕАЭС. Это подтверждается тем, что Таможенный союз уже состоялся как достаточно высокая ступень интеграции. Хотя в мире мало примеров эффективно функционирующих таможенных союзов. Укрепление взаимодействия в рамках ЕАЭС позволит России сохранить традиционные рынки сбыта. Реальное расширение интеграционных связей возможно по таким направлениям, как экология, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии, космос, туризм. ЕАЭС, преодолев политические разногласия отдельных стран-членов, гармонизируя право Евразийского экономического союза с национальным законодательством, упорядочив деятельность таможенных органов и органов контроля, сможет выйти на новые горизонты интеграции.

Развитие и повышение эффективности внешнеэкономических связей (ВЭС) регионов ЦФО со странами ЕАЭС способствует укреплению политических по-

зиций России в интеграционных процессах в ЕАЭС. В современных условиях новые возможности развития и повышения эффективности внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами Евразийского экономического союза обусловлены:

- усилением модернизации региональных и инновационно-инвестиционных акцентов в развитии субъектов РФ, которые способствуют росту экспорта, импортозамещению продукции «ненадёжных» политических партнеров и повышает привлекательность регионов ЦФО для стратегических инвесторов;

- расширением деятельности по приоритетным направлениям модернизации, в том числе в рамках оборонно-промышленного комплекса (ОПК), что позволяет осваивать новые экспортные ниши, внедряться на перспективные зарубежные рынки, более полно и эффективно интегрировать отечественный наукоемкий сектор в мировое инновационное пространство;

- повышением конкурентоспособности и востребованности российской продукции на важных региональных рынках под воздействием глобальных факторов, изменения геополитической, торгово-политической, конъюнктурной ситуации;

- значительным снижением барьеров и ограничений для развития ВЭД под влиянием реформирования системы регулирования и администрирования ВЭД, совершенствования институтов и механизмов поддержки ВЭД;

- завершением создания ЕАЭС, в рамках которого обеспечивается свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы;

- улучшением условий доступа российских товаров, услуг, капитала на внешние рынки в связи с совершенствованием договорно-правовой базы экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС, с зарубежными странами, расширением зоны преференциальной торговли для России путем заключения соглашений о свободной торговле в рамках СНГ

и со странами дальнего зарубежья, членством в ВТО;

- повышением экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), прежде всего Индии, Китая, других государств Восточной Азии, формированием емких и перспективных рынков в непосредственной близости от России, что создает благоприятные условия для расширения торгово-экономического сотрудничества, географической диверсификации внешней торговли, а также эффективного встраивания России в интеграционные процессы АТР;

- расширением и повышением эффективности участия России в деятельности многосторонних и региональных экономических организаций, отраслевых и товарных организаций и соглашений, что позволит усилить роль России в выработке мировой экономической и торговой политики с учетом национальных интересов;

- появлением новых возможностей продвижения экспорта и экономических интересов России в странах-партнерах в связи с расширением участия в международных тендерах, в том числе проводимых международными экономическими организациями и институтами.

Очевидно, что внешнеэкономические связи регионов представляют собой особый объект политики территориальных органов государственной власти в силу обусловленности таких факторов, как нормативное обеспечение, политическая обстановка, политические механизмы, ресурсный потенциал и др. [10, с. 171] Целевой характер внешнеэкономических связей в разрезе областей, входящих в ЦФО, выглядит следующим образом.

Главная цель развития внешнеэкономических связей *Московской области* – решение стратегических проблем политического и социального характера, получение выгоды для региона от интеграции регионов ЦФО и ЕАЭС. Основные цели и задачи: обеспечение взаимовыгодного политического и экономического

сотрудничества территориальных субъектов области со странами ЕАЭС; укрепление дружественных отношений с регионами стран ЕАЭС, усиление политического влияния региона; стимулирование развития социально-экономического развития и культурного сотрудничества, активное привлечение инвестиций, оптимизация использования рабочей силы за счет миграции из стран ЕАЭС; расширение масштабов политического и хозяйственного взаимодействия, взаимовыгодной торговли со странами ЕАЭС, сотрудничества в промышленности, аграрной сфере и строительстве; развитие взаимовыгодного туризма с четким приоритетом ЕАЭС.

Цель укрепления ВЭС *Белгородской области* – развитие интеграции Белгородской области со странами ЕАЭС для улучшения социально-экономического развития региона. Основные задачи: оптимизация специализации региона за счет логистического обслуживания импорта стран ЕАЭС в РФ и ЕС; формирование логистической инфраструктуры внешнеэкономического взаимодействия и согласование ее параметров с региональной транспортной инфраструктурой; интеграция в научную и инновационную сети пространства ЦФО – ЕАЭС инновационной системы Белгородской области и рост объема инвестиций из регионов ЦФО и государств ЕАЭС.

Перед *Брянской областью* стоят такие цели и задачи ВЭС со странами ЕАЭС: расширение внешнеэкономических связей со странами ЕАЭС для усиления результатов от торговли и кооперации; создание опорной системы логистического обслуживания импорта из стран ЕАЭС в РФ и ЕС; реализация таможенной политики в контексте развития Таможенного Союза стран ЕАЭС; усиление конкурентных преимуществ области за счет кооперации со странами ЕАЭС и внедрения последних достижений НТП, производства уникальных товаров, поставляемых на рынок ЕАЭС и ЕС.

Цели и задачи укрепления ВЭС *Владимирской области* следующие: расширение внешнеэкономических связей со странами ЕАЭС для усиления результатов от торговли и кооперации; получение инвестиций на развитие транспортной логистической инфраструктуры региона со странами ЕАЭС; получение конкретных конкурентных преимуществ региона, увеличение производства уникальной продукции, товаров и услуг, поставляемых в страны ЕАЭС.

Для *Воронежской области* актуальны такие цели и задачи ВЭС со странами ЕАЭС: выход предприятий региона на более зрелые и предъявляющие большие требования по качеству и по дистрибуции рынки стран ЕАЭС; развитие глобального присутствия; укрепление базовых секторов экономики Воронежской области за счет размещения на ее территории высокотехнологических звеньев промышленного производства с учетом кооперации со странами ЕАЭС.

Цели и задачи укрепления ВЭС *Ивановской области* следующие: рост экспорта продукции региона с повышенной долей добавленной стоимости; создание совместной со странами ЕАЭС специальной научно-внедренческой и инновационной зоны с единой инфраструктурой инновационного предпринимательства; привлечение отечественных и иностранных инвестиций на развитие транспортной инфраструктуры Ивановской области.

Стратегическая цель для *Калужской области* – развитие внешнеэкономических связей для инновационного экономического и социального роста, обеспечения новых рабочих мест и увеличения налогооблагаемой базы, расширения рынка сбыта товаров и услуг, привлечения на территорию Калужской области финансовых ресурсов, новых технологий и опыта в экономической, социальной и управленческой сферах, укрепления культурных, научных и деловых контактов. Основными задачами развития ВЭС со странами ЕАЭС являются: усиление

ориентации автомобильного кластера на транснациональные автомобильные корпорации и сборочные организации за рубежом; использование потенциала ВЭС со странами ЕАЭС для формирования «инновационной экономики» региона; расширение за счет кооперации со странами-участницами ЕАЭС выпуска конкурентоспособной на мировом рынке продукции; завоевание новых секторов зарубежного рынка инновационных товаров, технологий, IT-продуктов, услуг научно-го характера.

Перед *Костромской областью* стоят такие цели и задачи ВЭС со странами ЕАЭС: расширение внешнеэкономического сотрудничества со странами ЕАЭС и обеспечение устойчивости кооперационных связей аграрного производства; расширение позиций костромских производителей на рынках стран ЕАЭС; диверсификация и рост иностранных инвестиций на развитие транспортной и социальной инфраструктуры Костромской области; создание новых конкурентных преимуществ области на основе достижений НТП, производства товаров, поставляемых на рынок ЕАЭС костромскими производителями.

Для *Липецкой области* актуальны такие задачи ВЭС со странами ЕАЭС: расширение выпуска конкурентоспособной металлургической продукции для стран ЕАЭС; развитие транспортного комплекса Липецкой области, связанное с включением региона в систему евразийских транспортных связей; создание совместных предприятий со странами ЕАЭС; создание эффективной технопарковой инфраструктуры в регионе; формирование кластеров в перспективных видах экономической деятельности региональной экономики; развитие экспортного потенциала металлургической отрасли; обеспечение роста иностранных инвестиций.

Стратегическая цель внешнеэкономических связей *г. Москвы* со странами ЕАЭС – ускорение инновационного экономического и социального роста, обес-

печение новых рабочих мест и увеличение налогооблагаемой базы, расширение рынка сбыта товаров и услуг, привлечения на территорию г. Москвы финансовых ресурсов, новых технологий и опыта в экономической, социальной и управленческой сферах, укрепления культурных, научных и деловых контактов. Основные задачи развития ВЭС г. Москвы со странами ЕАЭС следующие: использование потенциала ВЭС со странами ЕАЭС для формирования «инновационной экономики» г. Москвы; формирование новых экономических отношений г. Москвы со странами ЕАЭС в рамках приоритетов государственной политики; создание цивилизованных условий приема рабочей силы из стран ЕАЭС; расширение научного, торгового, культурного взаимодействия со странами ЕАЭС; обеспечение условий для активизации на рынке малого и среднего бизнеса; развитие инфраструктуры ВЭС; совершенствование системы управления ВЭС г. Москвы в новых условиях членства России в ЕАЭС; формирование нового прогрессивного имиджа г. Москвы в странах ЕАЭС; межрегиональная интеграция в решении проблем в сфере ВЭС и проведение эффективной согласованной политики на рынке ЕАЭС в целях максимизации прибыли.

Цели и задачи укрепления ВЭС *Орловской области* следующие: максимальное расширение производства и организация продаж продукции высокой степени переработки на рынке ЕАЭС; наиболее полная реализация транзитного потенциала Орловской области в системе международных транспортных коридоров ЦФО; повышение инновационной активности и инвестиционной привлекательности региона; расширение номенклатуры экспортируемых товаров, услуг; рост внешнеторгового оборота; достижение долгосрочной конкурентоспособности региона на рынке стран ЕАЭС за счет ускоренного развития производств, выпускающих наукоемкую продукцию.

Для *Рязанской области* актуальны такие задачи ВЭС со странами ЕАЭС: расширение выпуска конкурентоспособной продукции топливно-энергетического комплекса (газ и другие нефтепродукты), машино-, станко- и приборостроения, чёрной и цветной металлургии, кожевенной промышленности для стран ЕАЭС; развитие транспортного комплекса области, связанное с включением региона в систему транспортных связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС; развитие экспортного потенциала региона за счет рынка ЕАЭС; рост иностранных инвестиций.

Цели и задачи укрепления ВЭС *Смоленской области* следующие: максимальное развитие промышленного комплекса региона, обрабатывающих производств (прежде всего химической и пищевой промышленности), энергетики, строительного и агропромышленного комплексов; импорт минеральных удобрений, синтетического аммиака, слабой азотной кислоты и катализаторов в страны ЕАЭС; расширение производства пластмассовых изделий, кабельной продукции, реагентов для нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности; развитие экспортного потенциала производителей строительных материалов, молочных консервов и сухого молока региона за счет рынка ЕАЭС; рост иностранных инвестиций.

Перед *Тамбовской областью* стоят такие задачи укрепления ВЭС со странами ЕАЭС: расширение с учетом рынка ЕАЭС производства: красителей органических синтетических и лаков цветных (пигментных); нетканых материалов; домов деревянных заводского изготовления; шлаковаты и ваты минеральной; хромовых кожтоваров, готовых шерстяных тканей; сахара-песка из всех видов сырья; этилового спирта из пищевого сырья; сыров и сырных продуктов; использование потенциала внешнеэкономических связей со странами ЕАЭС для фор-

мирования инновационной экономики Тамбовской области; расширение выпуска конкурентоспособной на рынке стран ЕАЭС продукции.

Для *Тверской области* актуальны такие задачи ВЭС со странами ЕАЭС: максимальное расширение производства экскаваторов, пассажирских вагонов, электропоездов и спецвагонов; импорт в страны ЕАЭС текстильного оборудования, сельскохозяйственных машин, гаражного и противопожарного оборудования; расширение научного, торгового, культурного взаимодействия со странами ЕАЭС.

Перед *Тульской областью* стоят такие задачи укрепления ВЭС со странами ЕАЭС: импорт в страны ЕАЭС продукции химического и нефтехимического производства, машиностроения для легкой и пищевой промышленности; расширение поставок в страны ЕАЭС продукции производства черных металлов полного цикла, доменной, порошковой и цветной металлургии; импорт синтетического каучука, резинотехнических изделий, синтетических смол и пластических масс, синтетических красителей, химических волокон и нитей.

Цели и задачи укрепления ВЭС *Ярославской области* следующие: увеличение производства шин, нефтепродуктов, обуви и кирпича для стран ЕАЭС; импорт в страны ЕАЭС автомобильного бензина, топчного мазута, дизельного топлива и сырья химическим предприятиям; расширение с учетом рынка ЕАЭС производства дизельных двигателей и топливной аппаратуры, авиационных двигателей, электротехнических машин; формирование кластеров в перспективных видах экономической деятельности экономики Ярославской области; развитие экспортного потенциала ярославского машиностроительного комплекса; обеспечение роста иностранных инвестиций.

Регионам ЦФО необходимо взаимодействовать со странами ЕАЭС в рамках

единой инфраструктурной промышленной политики, что будет способствовать увеличению темпов роста промышленного производства, его конкурентоспособности, развитию инноваций, кооперационного сотрудничества, наращиванию объемов взаимной торговли.

В современных условиях необходима маркировка товаров, ввозимых на территорию ЕАЭС, средствами идентификации, что позволит вывести из тени целые секторы розничной торговли, повысить собираемость налогов, исключить появление двойников товара и возможность повторного вывоза на рынок товаров, в том числе с истекшим сроком годности.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Регионам ЦФО важно извлечь максимальные выгоды из своего геостратегического положения, развивая свой транзитный потенциал и совершенствуя региональную систему магистралей и инфраструктуру. Им следует проводить прагматичную, продуманную протекционистскую политику, предоставляя преференции участникам ЕАЭС. При этом надо учитывать не только сиюминутную экономическую выгоду от определенного проекта, но и долгосрочные выгоды от стимулирования сотрудничества в рамках ЕАЭС для экономики своих регионов и страны в целом.

Список литературы

1. Абрамов В. Л. Повышение конкурентоспособности экономик государств – членов Евразийского экономического союза: теория и практика // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2015. № 9–10. С. 60–64.

2. Братерский М. В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 232 с.

3. Малик Е. Н., Цыбаков Д. Л. Модификация функций межгосударственных союзов в условиях нарастания конфликтогенности мировой политики //

Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №4(34). С. 167–174.

4. Меркулов П. А., Цыбаков Д. Л., Феклистов М. В. Развитие внешнеэкономических связей регионов России в условиях формирования Евразийского экономического союза: научная монография. Орел: Изд-во Среднерус. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2017. 120 с.

5. Подшуweit О. В. Организационно-методические аспекты реализации внешнеэкономической деятельности в регионе (к вопросу о региональном стандарте внешнеэкономической деятельности) // Экономика и управление. 2015. № 12. С. 18–23.

6. Сумароков В. Н., Сумароков Н. В. Расширение Европейского союза и внешнеэкономические связи России. М.: Огни, 2016. 256 с.

7. Устинович Е. С. Российско-американские экономические отношения через призму Петербургского международного экономического форума 2017 // Международная экономика. 2017. №7. С. 6–11.

8. Устинович Е. С., Железняков С. С. Определение политических критериев мониторинга социально-экономического развития субъектов РФ: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. №2. С. 11–17.

9. Феклистов М. В. Развитие внешнеэкономических связей регионов в условиях изменения реалий мировой политической системы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2 (27). С. 113–121.

10. Feklistova I. S., Feklistov M. V. Effective state control of the development of foreign economic relations of the regions // Proceedings of III International scientific conference “Modern scientific achievements: experience exchange”. Morrisville: Lulu Press., 2017. P. 169–172.

Поступила в редакцию 05.07.18

UDC 327.7:339.9

M. V. Feklistov, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russia) (e-mail: feklisovmv@mail.ru)

I. S. Feklistova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russia) (e-mail: inessa_pakulina@mail.ru)

POLITICAL SCIENCE ASPECTS OF STRENGTHENING FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT WITH THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The purpose of writing research work is to identify the dominants of effective development of foreign economic relations of regions in the process of globalization. The methodology of the study is a General scientific methodology and methodology of social and political research. The author used methods of analysis, synthesis, classification, economic and statistical, comparative, comparative, political analysis. The research area includes regional peculiarities and factors of development of foreign economic relations of the regions of the Central Federal District of the Russian Federation in the context of globalization. Conclusions-the results of the study. The article is scientifically grounded that the regions of the Central Federal District need to pursue a pragmatic and well-thought-out protectionist policy and give preferences to the participants of the Eurasian Economic Union. At the same time, it is necessary to take into account the long-term benefits of stimulating cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union for the economies of the Central Federal District. The dominants of the effective interaction of the regions of the Central Federal District with the countries of the Eurasian Economic Union are substantiated.

Key words: potential, foreign economic relations, deterrence of foreign, economic cooperation.

For citation: Feklistov M. V., Feklistova I. S. Political science aspects of strengthening foreign economic relations of the Central Federal District with the countries of the Eurasian Economic Union. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 223–230 (in Russ.).

***

Reference

1. Abramov V. L. Povyshenie konkurentosposobnosti ehkonomik gosudarstv – chlenov Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza: teoriya i praktika. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ehkonomika i pravo, 2015, no. 9–10, pp. 60–64.

2. Braterskij M. V. Ehkonomicheskie instrumenty vneshnej politiki i politicheskie riski. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2010. 232 p.

3. Malik E. N., Cybakov D. L. Modifikaciya funkcij mezhhgosudarstvennyh soyuzov v usloviyah narastaniya konfliktogenosti mirovoj politiki. Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, 2014, no. 4(34), pp. 167–174.

4. Merkulov P. A., Cybakov D. L., Feklistov M. V. Razvitie vneshneehkonomicheskikh svyazej regionov Rossii v usloviyah formirovaniya Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza. Orel, Srednerus. in-t upravleniya – filial RANHiGS Publ., 2017. 120 p.

5. Podshuvejt O. V. Organizacionno-metodicheskie aspekty realizacii vneshneehkonomicheskoy deyatel'nosti v regione (k voprosu o regional'nom standarte vneshneehkonomicheskoy deyatel'nosti). Ehkonomika i upravlenie, 2015, no. 12, pp. 18–23.

6. Sumarokov V. N., Sumarokov N. V. Rasshirenie Evropejskogo soyuza i vneshneehkonomicheskie svyazi Rossii. Moscow, Ogni Publ., 2016. 256 p.

7. Ustinovich E. S. Rossijsko-amerikanskije ehkonomicheskie otnosheniya cherez prizmu Peterburgskogo mezhdunarodnogo ehkonomicheskogo foruma 2017. Mezhdunarodnaya ehkonomika, 2017, no. 7, pp. 6–11.

8. Ustinovich E. S., Zheleznyakov S. S. Opredelenie politicheskikh kriteriev monitoringa social'no-ehkonomicheskogo razvitiya sub"ektov RF: postanovka problemy. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2015, no. 2, pp. 11–17.

9. Feklistov M. V. Razvitie vneshneehkonomicheskikh svyazej regionov v usloviyah izmeneniya realij mirovoj politicheskoy sistemy. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 113–121.

10. Feklistova I. S., Feklistov M. V. Effective state control of the development of foreign economic relations of the regions. Proceedings of III International scientific conference “Modern scientific achievements: experience exchange”, Morrisville, Lulu Press., 2017, pp. 169–172.

УДК 93

Е. А. Головин, канд. ист. наук (Курск, Россия) (e-mail: golovin007@mail.ru)**А. Н. Манжосов**, канд. ист. наук (Курск, Россия) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)**В. Н. Новиков**, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (e-mail vlavikor@yandex.ru)**О СИСТЕМЕ МОРАЛЬНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО ПОощРЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ-СТАХАНОВЦЕВ В 1930–1940-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Вопросам технического развития и коренной реконструкции железнодорожного транспорта на территории Курской области в 1930-х – начале 1940-х годов в исторической литературе уделено недостаточное внимание. По данной проблеме опубликовано незначительное количество работ, авторы которых акцентировали внимание на технической стороне деятельности предприятий железнодорожного транспорта. В этих публикациях почти не отражены проблемы социально-политической активности стахановцев и ударников-железнодорожников, практика стимулирования их труда, усиления общественного внимания к достигнутым рекордам.

Выполнение второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.) развития народного хозяйства началось со Всесоюзного дня ударника. Важнейшей задачей этой пятилетки стало завершение реконструкции народного хозяйства, освоение новой техники и новых производств. На транспорте этот период ознаменовался дальнейшим развитием конкурсных соревнований по профессиям, движениями ударников за овладение новой техникой и за улучшение качества работы.

В данной статье впервые в региональной исторической литературе исследуются вопросы разработанной и успешно апробированной практики морального и материального стимулирования труда передовиков и ударников железнодорожного транспорта в середине 1930-х – начале 1940-х годов: награждение их как государственными, так и ведомственными наградами, оказание повышенного внимания со стороны руководства, партийных и профсоюзных органов железнодорожного транспорта.

Статья подготовлена на основе документов региональных и ведомственных архивов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Практика стимулирования производственных достижений, использовавшаяся на железнодорожном транспорте в исследуемый период, вполне приемлема в современных экономических условиях, что подтверждается опытом реализации социальной политики в отношении персонала, осуществляемой ОАО «РЖД» в начале XXI века.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, машинист, паровоз, стахановское движение, новаторы производства, материальное поощрение.

Ссылка для цитирования: Головин Е. А., Манжосов А. Н., Новиков В. Н. О системе морального и материального поощрения железнодорожников-стахановцев в 1930–1940-е годы (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 231–237.

***

С первых месяцев реализации программы второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.) продолжилось совершенствование системы морального и материального стимулирования передовиков производства. Так, при административно-организационном управлении НКПС была создана Центральная наградная комиссия. В ее состав вошли представители Политуправления, ЦК профсоюза и начальник главной инспекции НКПС. Члены комиссии отработывали материалы для награждения работников железнодорожного транспорта ведомственными наградами (значками «Почетному железно-

рожнику», «Ударнику Сталинского призыва», именными часами), оформляли представления к государственным наградам (орденам и медалям СССР), утверждали кандидатуры для занесения на Доску почета. Все эти меры способствовали проявлению новых творческих инициатив у передовых работников транспорта.

В начале 1930-х гг. широкое применение получила практика награждения ударников и стахановцев, добившихся наиболее высоких трудовых достижений на железных дорогах страны, орденами и медалями СССР. Так, 5 августа 1935 г.

ЦИК СССР наградила 58 передовиков железнодорожного транспорта страны орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. В их числе был и начальник Курской дистанции пути Ф. А. Полуниин [1].

4 апреля 1936 г. постановлением ЦИК СССР «За достигнутые успехи в деле лучшего использования технических средств железнодорожного транспорта» более 20 железнодорожников Курской области были отмечены различными государственными наградами. Высшей государственной награды – ордена Ленина – были удостоены видные стахановцы-машинисты паровозных депо Курск и Орел А. М. Бородавченко и Н. М. Громов [2, д. 112, л. 3; 3]. Они стали инициаторами вождения тяжеловесных поездов (весом в 3–3,5 тыс. тонн).

За высокие трудовые показатели орденами Трудового Красного Знамени этим же постановлением были отмечены: машинист паровозного депо Орел А. В. Захаров, диспетчер Курского участка Орловского отделения движения И. А. Родионов, начальник станции Курск И. А. Платонов. Ордена «Знак Почета» получили машинисты-тяжеловесники паровозного депо Льгов-II В. И. Мухин, Н. Н. Болдырев, молотобоец Курской дистанции пути И. В. Ермаков и другие железнодорожники Курской области [4, д. 32, л. 5, 10, 102; 5].

28 августа 1936 г. народный комиссар путей сообщения СССР Л. М. Каганович подписал приказ № 119, в котором он определил, что все железнодорожники Советского Союза, удостоенные в 1935–1936 гг. государственных наград, награждаются значками «Почетному железнодорожнику» [4, д. 32, л. 95].

23 и 30 ноября 1939 г. указами Президиума Верховного Совета СССР орденами Трудового Красного Знамени были награждены З. Ф. Анненков – начальник Курского отделения движения [5, д. 825, л. 3–4], Ш. М. Чавчанидзе [6, д. 2804, л. 3–5] – начальник Курского отделения паровозного хозяйства, машинисты-новаторы депо Курск-Северное М. П. Афана-

сьев, И. П. Коршунов [7, д. 22239, л. 50; 8], машинист депо Льгов-II А. К. Овсянников. Орденом «Знак Почета» был награжден машинист депо Курск А. Д. Кондратьев [2, д. 404, л. 20]. Многим железнодорожникам-передовикам соревнования были вручены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» (например, машинисту И. Ф. Водянскому, токарю депо Льгов-II И. Р. Банных и др.).

Подчеркнем, что к началу 1940-х гг. на Курском, Белгородском, Льговском, Валуйском железнодорожных узлах им. Ф. Э. Дзержинского Южной, Московско-Киевской, Московско-Донбасской железных дорог работало более 40 железнодорожников, награжденных орденами и медалями СССР.

Важную роль в стимулировании стахановского движения, улучшении материального положения его активных участников играло награждение стахановцев и ударников наградами Наркомата путей сообщения. Они были учреждены в первой половине 1930-х гг.

Еще в ноябре 1932 г. руководство ЦК профсоюза железнодорожников в качестве наибольшего поощрения ЦК Союза железнодорожников было намерено организовать значок почетного железнодорожника. 24 ноября 1932 г. газета «Гудок» отмечала, что значок должен был стать высокой наградой для лучших ударников железнодорожного транспорта.

13 мая 1933 г. ЦИК Союза ССР учредил самую главную профессиональную награду железнодорожного транспорта – значок «Почетному железнодорожнику» [9]. 8 апреля 1934 г. постоянная комиссия Президиума ЦИК СССР утвердила образец значка. 17 мая 1934 г. приказом наркомата путей сообщения СССР А. А. Андреева было утверждено Положение о значке «Почетному железнодорожнику». 20 мая 1934 г. циркуляром НКПС № 89/ЦОА оно было направлено на все железные дороги страны для

широкого ознакомления работников транспорта.

В новом Уставе о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта СССР, утвержденном ЦИК и СНК СССР 4 июня 1933 г. [10], было отмечено, что право награждения значком «Почетному железнодорожнику» и занесения на Доску Почета принадлежало наркому путей сообщения. С 1936 по 1941 г. на железнодорожных узлах Курской области высшей наградой НКПС было отмечено 90 человек (из них в Курске – 30, в Белгороде – 20, во Льгове – 13 человек).

29 марта 1936 г. приказом НКПС № 32 первыми на Курском железнодорожном узле значками «Почетному железнодорожнику» были отмечены рабочие Курской дистанции пути: кузнец В. В. Самохин и молотобоец И. В. Ермаков. Они добились постоянного перевыполнения дневных заданий по производству противоугонов (вместо 20 они изготавливали 146 в течение смены) [11; 12]. Приказом НКПС № 106 от 29 августа 1936 г. за высокие показатели в социалистическом соревновании значками «Почетному железнодорожнику» были награждены машинисты паровозных депо Курск Г. Е. Старосельцев и Льгов А. И. Дзедзюля, смазчик вагонных букс Курского вагонного участка С. Г. Бурцев [13; 14].

В 1936–1938 гг. за достижение высоких производственных результатов значками «Почетному железнодорожнику» были отмечены стахановцы-машинисты паровозного депо Курск: А. М. Бородавченко, И. П. Коршунов, М. П. Афанасьев, Н. П. Ломакин, В. В. Табачков, А. Д. Кондратьев, А. М. Шаталов, машинисты депо Льгов-II: М. М. Клименко, А. К. Овсянников, М. З. Мохортова и др. [15, с. 162–163]

3 октября 1937 г. НКПС, ВЦСПС и ЦК железных дорог центра приняли совместное решение об организации соревнования и учреждения для победителей переходящих Красных знамен, о награж-

дении лучших работников именными часами [16, с. 213–214]. В музее железнодорожного транспорта Курского железнодорожного узла хранятся именные часы главного кондуктора кондукторского резерва ст. Курск Г. И. Гусева с надписью «В память XX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции за стахановско-кривоносовскую работу от Народного комиссариата путей сообщения». Г. И. Гусев первым на Курском железнодорожном узле был отмечен часами наркома в октябре 1937 г.

28 апреля 1934 г. был издан приказ наркома путей сообщения СССР А. А. Андреева № 116 «О значке «Ударнику Сталинского призыва» на железнодорожном транспорте». В нем указывалось: «В целях поощрения лучших ударников, организаторов социалистического соревнования на железнодорожном транспорте установить значок «Ударник Сталинского призыва», утвержденный ЦИК СССР от 23 апреля 1934 года» [17; 18].

В сентябре 1934 г. по представлению политотдела Московско-Курской железной дороги к открытию дорожного слета ударников-паровозников Политуправление НКПС отметило значками «Ударнику Сталинского призыва» 56 лучших работников паровозных бригад. В их числе было 4 работника Курского паровозного депо: А. Д. Кондратьев – машинист паровоза С^у 96-82; Я. С. Судаков – машинист паровоза С^у 200-43; И. П. Коршунов – машинист паровоза С^у 200-51; И. И. Еременко – мастер котельного цеха депо Курск-Северное [19]. Всего же за 1934–1941 гг. значками «Ударнику Сталинского призыва» было награждено более 200 работников железнодорожного транспорта Курской области.

Определенную роль в укреплении трудовых достижений ударников и стахановцев, пропаганде производственных рекордов играло в те годы материальное стимулирование, поощрение как самих железнодорожников-рекордсменов, так и членов их семей. Изучение различных архивных документов и газетных публи-

каций дает возможность представить наиболее отчетливые примеры деятельности администрации, партийных и профсоюзных организаций в ходе поддержки многих стахановцев.

8 марта 1936 г. 23 женщины-стахановки и ударницы Курского вагонного участка были премированы денежными средствами от 50 до 150 рублей [20]. К первой годовщине стахановского движения (август 1936 г.) приказами начальника станции Курск А. И. Зайцева были премированы 13 человек на общую сумму 1450 рублей и было вручено около 200 подарков [21, д. 19, л. 44 об.].

В связи с увеличением контингента стахановцев в коллективе станции Курск с 1 декабря 1936 г. по 1 марта 1937 г. было премировано 292 человека на общую сумму 31 тысяча рублей. Кассой взаимопомощи месткома станции за этот же период было выдано возвратных ссуд на 21 тыс. рублей и безвозвратных ссуд – на 2500 рублей [21, д. 18, л. 42].

17 ноября 1934 г. узловая газета «Свободный путь» поместила информацию о передовом путевом обходчике 7-й Курской дистанции пути И. Н. Дудине. Он был отмечен первой дорожной премией, предназначенной для путевых обходчиков (корова и 300 рублей денег).

Отметим, что премирование ярких лидеров стахановского движения происходило оперативно, т. е. сразу же после широкой огласки их трудовых рекордов. Так, уже 5 ноября 1935 г., всего через полмесяца после перевыполнения измерителей по формированию и расформированию поездов, премиями в размере 250–500 рублей были отмечены составители поездов станции Курск И. И. Курдаш, П. С. Шиков, А. С. Кобзарук и др. [22, д. 248, л. 4, 7]. В трудовую книжку И. И. Курдаша в 1935–1939 гг. было внесено 20 записей о благодарностях и выплаченных премиях [22, д. 197, л. 8, 13].

В связи с тем, что ведущей силой стахановского движения на железнодорожном транспорте оставались паровозные машинисты и члены локомотивных

бригад, руководством предприятий, железных дорог и Наркомата путей сообщения особое внимание уделялось их материальному стимулированию. В личном деле машиниста депо Курск А. М. Бородавченко имеется 9 записей о его премировании в 1936–1938 гг. Так, 10 января 1936 г., вскоре после достигнутого рекорда по вождению поездов, «за образцы ударной работы по-стахановски» он был отмечен денежным вознаграждением начальника Московско-Курской дороги А. М. Амосова в размере 700 рублей [2, д. 112, л. 3-4], что составляло почти двухмесячный его оклад.

31 декабря 1936 г. приказом И. Ф. Кучмина – начальника железной дороги им. Дзержинского «за отличную работу без единой аварии» премии в размере месячного оклада были назначены 15 работникам станции Курск. Среди них: дежурным по станции Г. А. Каменеву, П. А. Шубину, И. П. Пантюхину, дежурному по путям В. И. Конареву, составителям поездов И. И. Курдашу, В. Т. Аббакумову, С. С. Ситникову, П. Б. Жмыхову, старшим стрелочникам Ф. С. Половневу, Ф. П. Толмачеву, Э. А. Герману [21, д. 18, л. 15–16].

Приказом заместителя начальника паровозного депо Курск-Северное А. Д. Шведова члены паровозной бригады паровоза ИС 20-144 (машинисты-стахановцы Н. П. Ломакин, В. В. Табачков, помощник машиниста М. А. Зикеев, кочегары П. Е. Бочаров и Д. Т. Иванов) были премированы денежными вознаграждениями в сумме от 200 до 300 рублей [13, д. 197, л. 12].

Активное участие железнодорожников в стахановском движении вело к увеличению их месячных заработков. Так, в ноябре 1935 г. месячный заработок машиниста-стахановца депо Курск-Северное Г. Е. Старосельцева составил 900 рублей, что было вдвое больше чем в августе 1935 г., т. е. до его стахановских рекордов [23]. В ноябре 1935 г. заработная плата стахановца – составителя поездов станции Курск уже составляла 413 руб-

лей, что было в 1,6 раза больше, чем в летние месяцы 1935 г. [21, д 17, л. 167].

В годы третьей пятилетки (1938–1941 гг.) заработная плата передовиков производства росла еще большими темпами [24, с. 161]. Так, выступая на X Льговской районной партийной конференции (февраль 1939 г.), секретарь парткома паровозного депо Льгов-II А. И. Зернов указывал, что если в 1937 г. машинист-новатор А. К. Овсянников ежемесячно получал 760 рублей, а машинист комсомольского паровоза С. А. Костюченко – 450 рублей, то в зиму 1938/1939 гг. их месячные зарплаты уже составили 1687 и 1140 рублей соответственно [25].

Поощрение стахановцев производилось не только путем выплаты денежного вознаграждения. На заседании парткома ст. Курск 16 декабря 1935 г. старший помощник начальника станции А. И. Зайцев отмечал, что для стахановцев руководством станции были закуплены теплая обувь и белье, несколько стахановцев были обеспечены санаторно-курортным лечением [21, д. 17, л. 167]. Составитель поездов П. С. Шиков в ноябре 1935 г. был премирован костюмом «за систематическое перевыполнение производственных измерителей» [21, д. 18, л. 42]. В 1936–1937 гг. стахановцам и ударникам станции Курск было выдано 20 пар валенок, 90 пар ботинок (грузчику В. В. Щербакову, стрелочнику Т. К. Левантовскому, Г. И. Астахову и др.) [22, д. 248, л. 3]. 34 стахановца (составители поездов А. С. Кобзарук, В. С. Гольцов, К. Г. Соляник, С. С. Ситников, старший стрелочник Г. И. Брежнев и др.) были вне очереди обеспечены дополнительным топливом [21, д. 18, л. 42; д. 19, л. 9].

В дорожной газете «Ударник Дзержинской» от 6 мая 1937 г. была напечатана заметка о премировании передовиков 7-й Курской дистанции пути... молодыми поросятами. Заканчивается заметка словами: «поросенок – не мелочь, заявили ударники, принимая живые подарки. Это большой вклад в наш домашний быт». 40 работникам был выдан жом для подсобных хозяйств (составителям В. С. Голь-

цову, А. И. Феофилову, П. Н. Щербинину, маневровому диспетчеру В. И. Конареву и др. [21, д. 19, л. 8]

Как отмечалось в докладе секретаря Льговского РК ВЛКСМ И. И. Панина на VI районной комсомольской конференции, состоявшейся 27 декабря 1938 г., «за образцовую работу в период подготовки к XX-летию Ленинского комсомола были премированы: Банных Иван (токарь паровозного депо) – велосипедом, Лебедев Бронислав – патефоном, Ишичев Николай (токарь) – патефоном, Новиков Владимир (помощник машиниста) – костюмом, Приходченко Михаил – фотоаппаратом [26].

Одним из значимых рычагов стимулирования машинистов-стахановцев стало внеочередное повышение их классности, что влекло значительное увеличение их должностного оклада [27, с. 151]. Так, приказом НКПС № 196 от 23 августа 1939 г. «За отличную стахановскую работу в зиму 1938/1939 гг. и вождение тяжеловесных поездов на высоких технических скоростях» звание машиниста I класса было присвоено стахановцам депо Курск: М. П. Афанасьеву, Г. А. Болдыреву, А. Д. Кондратьеву, Н. П. Ломакину, И. Г. Сердюкову [2, д. 404, л. 5, 21].

В заключение необходимо отметить, что в 1930-е гг. на железнодорожном транспорте, в том числе и на предприятиях Курской области, была организована четкая система морального и материального поощрения передовиков-железнодорожников. Постоянное внимание, стимулирование трудовых достижений передовиков ведущих профессий способствовало активизации стахановского движения, вовлечению в него значительного числа работников всех профессий железнодорожного транспорта.

Список литературы

1. Свободный путь. 1935. 6 авг.
2. ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-ЛД.
3. Курская правда. 1936. 8 апр.
4. АУМЖД. Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Д. 32.

5. Свободный путь. 1936. 9 апр.
6. АУМЖД. Ф. 10. Оп. 7-ЛД.
7. АУМЖД. Ф. 10. Оп. 2-ЛД.
8. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 4. Д. 791. Л. 12–21.
9. Ильинский В. Н. Трудовые награды железнодорожников и транспортных строителей. М.: Транспорт, 1988. 190 с.
10. Свод законов СССР. 1933. № 35, ст. 206 а.
11. Курская правда. 1936. 24 марта.
12. Свободный путь. 1936. 15 февр., 23 апр.
13. ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 2-ЛД. Д. 375. Л. 4.
14. Свободный путь. 1936. 30 авг.
15. Манжосов А. Н., Федоров Н. П. Этапы большого пути. Курск: Курск. кн. изд-во, 1991. 180 с.
16. Министры и наркомы путей сообщения / под ред. А. О. Богдановича. М.: Транспорт, 1995. 272 с.
17. Гудок. 1934. 4 мая.
18. Свободный путь. 1934. 12 мая.
19. Свободный путь. 1934. 2 окт.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 655. Л. 368, 392.
21. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1.
22. ОАМЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 58.
23. Молодая гвардия. 1935. 18 нояб.
24. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940–1960-е годы (по материалам Курской области) / В. В. Коровин, А. В. Величко, Е. А. Головин [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: 2017. 300 с.
25. ГАОПИКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 229. Л. 3.
26. ГАОПИКО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 48. Л. 58.
27. Головин Е. А., Манжосов А. Н., Новиков В. Н. Участие железнодорожников Курской области в движении новаторов производства (1930–1940) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2 (27). С. 148–158.

Поступила в редакцию 06.10.18

UDC 93

E. A. Golovin, Candidate of Historical Sciences (Kursk, Russia) (e-mail: golovin007@mail.ru)

A. N. Manzhosov, Candidate of Historical Sciences (Kursk, Russia) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)

V. N. Novikov, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)

ABOUT THE SYSTEM OF MORAL AND MATERIAL ENCOURAGEMENT OF RAILROAD WORKERS-STAKHANOVITES IN THE 1930S – 1940S YEARS (ON MATERIALS OF KURSK REGION)

In the 1930th – the beginning of the 1940th years in historical literature insufficient attention is paid to questions of technical development and radical reconstruction of railway transport in the territory of Kursk region. On this problem the insignificant number of works which authors focused attention on technical aspect of activity of the enterprises of railway transport is published. Problems of socio-political activity of Stakhanovites and drummers-railroad workers, practice of stimulation of their work, strengthening of public attention to the reached records are almost not reflected in these publications.

Implementation of the second five-year plan (1933-1937) of development of the national economy has begun from All-Union day of the drummer. Completion of reconstruction of the national economy, development of the new equipment and new productions became the most important problem of this five-years period. On transport this period was marked by further development of competitive competitions in professions, the movements of drummers for mastering the new equipment and behind improvement of quality of work.

In this article for the first time in regional historical literature questions of the developed and successfully approved practice of moral and material work incentives of leaders and drummers of railway transport in the mid-thirties – the beginning of the 1940th years are investigated: their rewarding with both the state, and departmental awards, rendering special attention from the management, party and trade-union bodies of railway transport.

Article is prepared on the basis of documents of regional and departmental archives most of which part is for the first time introduced for scientific use. The practice of stimulation of production achievements used on railway transport during the studied period is quite acceptable in modern economic conditions that it is confirmed by experience of the realization of the social policy concerning personnel enabled by JSC "Russian Railways" at the beginning of the 21st century.

Key words: railway transport, engine driver, engine, Stakhanov movement, innovators of production, material incentive.

For citation: Golovin E. A., Manzhosov A. N., Novikov V. N. About the system of moral and material encouragement of railroad workers-stakhanovites in the 1930s – 1940s years (on materials of Kursk region). Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 231–237 (in Russ.).

***

References

1. Svobodnyj put', 1935, 6 Aug.
2. OAMZHD (g. Kursk), f. 3, op. 1-LD.
3. Kurskaya pravda, 1936, 8 Apr.
4. AUMZHD, f. 1, op. 18-ld, d. 32.
5. Svobodnyj put', 1936, 9 Apr.
6. AUMZHD, f. 10, op. 7-LD.
7. AUMZHD, f. 10, op. 2-LD.
8. GAOPIKO, f. P-2878, op. 4, d. 791, l. 12-21.
9. Il'inskij V. N. Trudovye nagrody zheleznodorozhnikov i transportnyh stroitelej. Moscow, Transport Publ., 1988. 190 p.
10. Svod zakonov SSSR, 1933, no. 35, st. 206 a.
11. Kurskaya Pravda, 1936, 24 March.
12. Svobodnyj put', 1936, 15 Febr., 23 Apr.
13. OAMZHD (g. Kursk), f. 3, op. 2-LD, d. 375, l. 4.
14. Svobodnyj put', 1936, 30 Aug.
15. Manzhosov A. N., Fedorov N. P. Ehtapy bol'shogo puti. Kursk, Kursk. kn. izd-vo Publ., 1991. 180 p.
16. Ministry i narkomy putej so-obshcheniya; ed. by A. O. Bogdanovich. Moscow, Transport Publ., 1995. 272 p.
17. Gudok, 1934, 4 May.
18. Svobodnyj put', 1934, 12 May.
19. Svobodnyj put', 1934, 2 Okt.
20. GAOPIKO, f. P-1, op. 1, d. 655, l. 368, 392.
21. GAOPIKO, f. P-1324, op. 1.
22. OAMZHD (g. Kursk), f. 2, op. 58.
23. Molodaya gvardiya, 1935, 18 Nov.
24. Korovin V. V., Velichko A. V., Golovin E. A., eds. Social'no-politicheskie faktory razvitiya otechestvennogo zheleznodorozhnogo transporta v 1940–1960-e gody (po materialam Kurskoj oblasti). Kursk, Jugo-Zap. gos. un-t Publ., 2017. 300 p.
25. GAOPIKO, f. p-14, op. 1, d. 229, l. 3.
26. GAOPIKO, f. p-8, op. 1, d. 48, l. 58.
27. Golovin E. A., Manzhosov A. N., Novikov V. N. Uchastie zheleznodorozhnikov Kurskoj oblasti v dvizhenii novatorov proizvodstva (1930–1940). Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 148–158.

УДК 94 (321)

Н. Е. Горюшкина, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: gor046@yandex.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ АКЦИЗНОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ПИТЕЙНОГО СБОРА В КОНЦЕ 1850-Х – НАЧАЛЕ 1860-Х ГОДОВ

Идея применить акциз при организации питейного сбора в России вынашивалась в правительственных и общественных кругах в течение всего XIX века. В конце 1850-х – начале 1860-х годов акцизная система, в основе которой лежал принцип свободного оборота алкоголя, приобрела большую популярность. С помощью акцизной системы планировалось увеличить поступления с питей, равномерно распределить питейный сбор между территориями, обеспечить недорогое администрирование налога, исключить всякую возможность уйти от его уплаты, развить частную инициативу в винокурном производстве и питейной торговле, улучшить народную нравственность. Частные и правительственные лица предоставляли в Министерство финансов самые разнообразные, порой экзотические, варианты основанных на акцизе питейных систем, которые, по мнению авторов, могли бы выступить достойной альтернативой винным откупам. Примеры успешного применения акциза демонстрировали передовые европейские страны и отдельные российские территории. Автор акцентирует внимание на том, что в разных странах акцизные системы коренным образом отличались. Английская система признавалась невыгодной для мелких винокурен, французская – была излишне зарегулированной, прусская модель организации сбора с питей выглядела наиболее предпочтительной. Акциз при разных вариантах организации собирался на территории Царства Польского, прибалтийских и привилегированных губерний, Области Войска Донского. Министерство финансов, анализируя имеющийся опыт, стремилось выработать особую – российскую – модель организации питейного сбора, при которой плательщиком налога выступит человек трезвый, а не пьяница, государству достанется роль «ночного сторожа», который, не вмешиваясь в процесс, будет следить за порядком.

Ключевые слова: питейный сбор, оборот алкоголя, откупная система, фритредерство, акцизная система.

Ссылка для цитирования: Горюшкина Н. Е. Формирование российской акцизной модели организации питейного сбора в конце 1850-х – начале 1860-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 238–243.

***

Александр II признал откупную систему «пагубной» и потребовал «искать новый и не укоризненный способ взимания винного налога» [1].

Большая часть правительственной и общественной элиты стояла за акциз, так было принято именовать косвенный налог с предметов внутреннего производства. По одной из версий слово «акциз» в значении «оценивать» родилось вместе с самим налогом в Голландии (*assijse*) и употреблялось сначала в форме «*accise*» (одно время вместе с «*exijs*»); по другой – термин происходил от латинского «*assidere*» в значении «налагать», «устанавливать»; согласно третьей – акциз произошел от «*ausschneiden*», т. е. «вырезать», что объяснялось старинным способом вести счет на биржах с помощью зарубок, насечек на дереве. Российский ученый И. И. Янжул предполагал, что

слова «*excise*» и «*accise*» происходили от латинского слова «*accider*», означавшего «отрезать», «отсекать», что при господстве натуральных налогов в отношении ряда товаров могло быть произведено буквально [2, с. 42].

Причин популярности акцизной системы было несколько.

Во-первых, акциз органично вписывался в теорию классического либерализма, базовыми принципами которой выступали свободный рынок, свободная конкуренция, минимальное участие государства в жизни людей.

Во-вторых, он не противоречил представлениям новой генерации бюрократов о государстве как единственной силе, способной унифицировать, регламентировать и рационализировать алкогольную сферу. На этом основании акциз

представлялся как наилучшая альтернатива винным откупам.

В-третьих, акцизная система много лет и успешно применялась в западноевропейских странах.

В Англии акциз с алкоголя был установлен еще в 1643 г. Расчет акциза производился по количеству действительно выкуренного вина. Производство подлежало строгому регламенту, в то время как питейная торговля была объявлена вольным промыслом. Владельцы винокурных заводов и питейных заведений выкупали патент, стоимость которого в первом случае зависела от размеров завода, во втором – от выгод местности, наемной платы за помещение, типа торговли и т. д. [3, ч. 3, с. 154–155] Английскую акцизную модель признавали чрезмерно жесткой. Злые языки утверждали, что подлинным хозяином винокурного завода в Англии являлся не винокур, а акцизная администрация. Это был первый минус английской системы, второй заключался в бесконечном увеличении винокурных норм, «убивавших» мелкое винокурение [4, с. 70–71].

Во Франции, по законам 17 марта 1852 г. и 14 июля 1855 г., алкоголь облагался 3-мя видами налога. В основу расчета акциза, именовавшегося здесь пошлиной с потребления (*droit de consommation*), был положен готовый к продаже продукт. Акцизную пошлину – первый налог – платили отпратители алкоголя. Строгий акцизный надзор за ними прекращался в момент уплаты акциза. Второй – «заставный сбор» (*droit d'entree*) – уплачивался при ввозе алкоголя в большие города и села. Третий – патентный сбор (*droit de licence*) – начислялся за право выделки и продажи крепких напитков [3, ч. 3, с. 158–159]. Французскую акцизную систему считали зарегулированной, при этом немалой части алкоголя удавалось уйти от обложения [5, с. 102].

Законом 8 сентября 1818 г. акцизная система была введена в Пруссии. Основанием для расчета налога здесь служила

«сила завода». Расчет производился по роду употребляемых на винокурение материалов и величине заторных чанов, в этой связи акциз в Пруссии называли налогом на сусло (*Maischsteuer*) [6]. Прусская акцизная модель с некоторыми отступлениями применялась в Австрии, Бельгии, Дании, Баварии, Саксонии и большей части других немецких государств.

В России мысль применить акцизную систему для организации питейного сбора была не новой. Впервые она прозвучала 13 февраля 1817 г. в представлении министра финансов Д. А. Гурьева Государственному Совету. Ярый приверженец фритредерства (англ. *free trade* – свободная торговля), он предлагал перейти от откупов к свободному обороту питей, следуя примеру западных государств, «славящихся благоустроенностью финансов» [7, с. 445–446].

Но использовать новую модель организации питейного сбора в отношении одного из крупнейших источников доходов казны без исследования всех ее сторон Государственный Совет счел рискованным. В качестве переходной к акцизу меры было решено употребить казенную продажу питей. Начало казенной винной операции в 1819 г. вселило надежду, что шаг на пути к учреждению акцизной системы в России сделан, и этот шаг успешный [3, ч. 1, с. 71, 76, 82].

Но скоро обнаружилась финансовая несостоятельность казенного порядка, случившаяся из-за злоупотреблений лиц, поставленных для его администрирования. Комитет финансов снова открыл дискуссию об «удобном» способе сбора с питей [8]. Тогда известный англоман и почитатель А. Смита, член Государственного Совета, президент Вольного экономического общества граф Н. С. Мордвинов выступил в поддержку акцизной системы. «Одни те подати есть хозяйственные и неразорительные для народа, которые уделаются от барыша», – считал он, предлагая отделять от прибыли в виде налога только такую часть, которая «не

отнимала бы поощрения к дальнейшему преуспеянию» [9]. «При акцизе, – писал он, – а) Казна получать будет свой чистый доход без всяких расходов и хлопот. б) Вся армия нынешних винных приставов упразднится и нравственность чиновников, служащих по винной части, не будет развращаться. Нужен будет только в каждой губернии чиновник, который описал бы винокурные заводы, вымерил кубы, на коих заводчик намерен производить гонку вина, а другие запечатал и имел за сими последними надзор». Когда оборот алкоголя сделается свободным, казна наполнится акцизным сбором, пьянство уменьшится из-за ограничения способов продажи вина (без распития, на вынос), злоупотребления, если они и будут, то «всегда тем меньше, чем проще дело» [10, с. 472]. Солидарное с Мордвиновым мнение имели граф П. Д. Киселев, принц П. Г. Ольденбургский, князь К. Ф. Друцкой-Любецкий и др.

Их главным оппонентом был Е. Ф. Канкрин. «На введение, вместо казенного управления, акциза нелегко решиться, – говорил министр финансов, – акцизы везде почитаются величайшим, но неизбежным злом, и, к сожалению, сказать финансы вообще и везде не малую часть основаны на таких доходах, которые в существе своем тягостны, неблагоприятны и сопряжены с неприятным фискальством». К тому же свободный оборот алкоголя, как неотъемлемая часть акцизной системы, с его точки зрения, стимулирует в народе пьянство, а для контроля над оборотом алкоголя понадобится организовать акцизный надзор с громадным штатом служащих, каждый из которых станет брать взятки. Потому «возможна такая система в Пруссии, Бельгии и других цивилизованных странах, что в них чиновники, кроме крайне редких исключений, не имеют обыкновения, не имеют возможности, строя клетку для казенного воробья, строить себе дом» [11, с. 554]. Большинство Комитета Министров согласилось с мнением министра финансов [3, ч. 1, с. 85].

К началу 1860-х гг. ряды сторонников акциза умножились. На волне интереса к акцизной системе новое прочтение получили труды первого поколения «почитателей» акциза, в первую очередь Н. С. Мордвинова [9]. Недостающие сведения об акцизе с питей предполагалось получить от командированных за рубеж чиновников: М. Х. Рейтерна, отправленного в Пруссию, Францию, Великобританию, Северо-Американские Соединенные Штаты, А. Де-Роберти – в Пруссию, Бельгию, Францию, барона А.Ф. Будберга и Н. А. Кокошкина – в Пруссию, П. П. Семенова – в Бельгию, Францию, Англию; информацию об акцизной системе просили собрать и проживавшего в Париже графа П. Д. Киселева [12, с. 219].

Неясные моменты, касающиеся оптимальной работы акцизного механизма, реформаторы предполагали получить и из опыта организации питейного сбора окраинных губерний России.

В 16 губерниях северо-западных, малороссийских и новороссийских, называвшихся привилегированными, производство и продажа питей являлись предметом вольного промысла. Питейный доход извлекался в городах и местечках сначала через устройство казенных питейных заведений, а затем путем отдачи питейной торговли на откуп, называемый *чарочным*. Потребление вина облагалось акцизным сбором, который взимался в размере 0,7–1 руб. с ведра вина в соответствии с числом жителей. В 1842 г. питейные заведения привилегированных губерний дополнительно были обложены особым сбором, который тоже именовался акцизом. Его платили держатели мест продажи питей, покупая годовые свидетельства. В 1851 г. взимаемый ранее в виде пошлины акциз стали собирать с алкоголя, идущего на местное потребление, в размере 1 руб. 20 коп. с ведра, а питейные заведения обложили патентным сбором. В губерниях Царства Польского основу питейного сбора составлял так называемый *консумционный* сбор с

напитков, потреблявшихся в городах. Города здесь были разделены по числу жителей на 5 разрядов, для каждого из которых устанавливалась своя величина налога с алкоголя. Где это было возможно, он отдавался на откуп с торгов, в сельской местности до 1844 г. вино налогами не облагалось. В этом же году был введен акциз с выкуренного вина. Кроме того, в губерниях Царства Польского, кроме консумпционного и акцизного, существовал еще *пропинационный* сбор за патенты, который уплачивался местной знатью за право свободного изготовления и продажи собственных спиртных напитков [3, ч. 3, с. 6-7, 10].

В прибалтийских губерниях питейные сборы долгое время существовали только в отдельных городах. С начала XIX в. жители прибалтийских губерний платили поведерный сбор с крепких напитков из расчета одно ведро на душу населения. В 1842 г. здесь был учрежден акциз с мест раздробительной продажи, который взимался в виде платы за выдаваемые на них ежегодные свидетельства. В других местностях России, а именно в Сибирских губерниях, на Северном Кавказе, в Закавказье, на землях Войска Донского и других казачьих войск, использовались способы извлечения дохода, схожие с действующей в великороссийских губерниях системой. Особого рассмотрения заслуживали порядки, существовавшие на землях Войска Донского. В 1859 г. заведение питейными сборами здесь было передано частным комиссионерам. Заготовкой вина ведало войсковое правление, оптовая торговля поручалась назначенному военным министром комиссионеру (за вознаграждение), а раздробительная объявлялась предметом вольного промысла [13, с. 12–16].

Рассмотренные питейные системы имели свои изъяны, потому могли быть приняты за образец только в частных моментах. Поиск оптимальной системы, которая обеспечила бы казне прибыль, но

не стимулировала пьянство, продолжался. Записки и мнения частных лиц с проектами «достойной России системы» бесперебойно поступали в Министерство финансов и другие правительственные учреждения. Ориентиром для поколения реформаторов конца 1850-х – начала 1860-х гг. были идеи французских социалистов (П.-Ж. Прудон, Ш. Фурье, Л. Блан), немецких мыслителей (Ф.-К. Савиньи, Б. Гильдебрандт), английских экономистов (А. Смит, Д. Риккардо, Ф. Кенэ) [14, с. 119–120].

Под их влиянием будущие творцы реформ смотрели на экономику как на «естественный порядок», способный организовать сам собой при отсутствии «внешнего» (государственного) вмешательства. «Фритредерство, – вспоминал К. А. Скальковский, – было в моде повсеместно» [15, с. 291].

Свою роль в выборе акцизной модели питейного сбора сыграло и то обстоятельство, что несколько ранее под руководством А. И. Бутовского был проведен через Государственный Совет новый устав сбора акциза с табака. Табачный акциз увеличил доход бюджета вдвое, что сделало акциз с питей еще более «соблазнительным» [16, с. 10].

Привлекательность акциза обуславливалась свободой, которую он представлял винокурению и виноторговле. Девизом новой системы стали: «невмешательство в развитие промышленности, злоупотребление поощрения искусственного <...> и устранение причин, тормозящих инициативу» [17].

Доводы в пользу акциза сводились к тому, что акциз уплачивали в соответствии с тем, что потребляли; приобретатель алкоголя платил акциз малыми, едва заметными ему самому, суммами; акциз располагал к бережливости; никто не платил акциз дважды за одну и ту же порцию, поскольку ничто не могло быть потреблено более одного раза; акциз позволял государству иметь полную инфор-

мацию о финансовом состоянии общества в любой временной отрезок. В сознании либеральной элиты зрело убеждение, что свободное винокурение и свободная виноторговля явятся благом для России, разрешат ее финансовые и социальные проблемы.

Список литературы

1. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 722. Оп. 1. Д. 464. Л. 313.
2. Кадер С. А. Винная регалия и монопольная система. Витебск: Губ. Типо-литография, 1897. 94 с.
3. Сведения о питейных сборах в России. СПб.: В Тип. II-го Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1860-1861. Ч. 1. 201 с.; Ч. 3. 351 с.
4. Гурьев А. Н. Прямые и косвенные налоги: *pro* и *contra*. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. 120 с.
5. Панкратьев Л. Винный акциз // Современник. 1859. № 5. С. 102.
6. ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 603. Л. 69 об.-70.
7. Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1891. 586 с.
8. ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 1-2.
9. ОР РНБ. Ф. 226 (К. К. Грот). Оп. 1. Ед. хр. 85. б/с (Записка Мордвинова).
10. Мордвинов Н. С. Граф: историческая монография, составленная по

печатным трудам и рукописным источникам В. С. Иконниковым, проф. Ун-та св. Владимира. СПб.: Изд-во Д. Кожанчиков, 1873. 618 с.

11. Шилль И. Н. По поводу уничтожения откупной системы и замены ее акцизной // Время. 1861. Т. 5. С. 545–558.
12. Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб.: Гос. канцелярия, 1910. 466 с.
13. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: Ист. очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1890. 252 с.
14. Христофоров И. А. «Либеральный патернализм»: крестьянский вопрос до и после 1861 г. в литературе и в действительности // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 115–130.
15. Скальковский К. А. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843–1869. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 410 с.
16. Сухонин П. П. Нечто о питейном деле. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 31 с.
17. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 574. Оп. 2. Д. 325. Л. 199.

Поступила в редакцию 28.09.18

UDC 94 (321)

N. Ye. Goryushkina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: gor046@yandex.ru)

EXCISE FORMATION OF THE RUSSIAN MODEL OF THE ORGANIZATION OF PUBLIC DUTY IN THE LATE 1850'S – EARLY 1860-IES

The idea to apply the excise tax in the organization of drinking collection in Russia was nurtured in government and public circles throughout the XIX century. In the late 1850s – early 1860s the excise system, which is based on the principle of free circulation of alcohol, became very popular. With the help of the excise system, it was planned to increase revenues from drinking, to evenly distribute the drinking fee between the territories, to ensure inexpensive administration of the tax, to exclude any possibility to avoid paying it, to develop a private initiative in the distillery and drinking trade, to improve people's morality. Private and government officials was provided to the Ministry of Finance are very different, sometimes exotic, options based on the drink excise tax systems, which, according to the authors,

could be a good alternative to wine farming. Examples of successful application of excise duty were demonstrated by advanced European countries and some Russian territories. The author focuses on the fact that excise systems differed radically in different countries. The English system was considered unprofitable for small distilleries, the French was overly regulated, the Prussian model of the organization of the collection of drinking looked the most preferable. The excise tax on different versions of the organization gathered on the territory of the Kingdom of Poland, the Baltic and the privileged provinces of the don Cossacks. The Ministry of Finance, analyzing the existing experience, sought to develop a special – Russian-model of the organization of the drinking collection, in which the payer of the tax will be a sober person, not a drunkard, the state will get the role of "night watchman" who, without interfering in the process, will monitor the order.

Key words: drinking water collection, distribution of alcohol, a lease system, free trade, the excise system.

For citation: Goryushkina N. Ye. Excise formation of the Russian model of the organization of public duty in the late 1850's – early 1860-ies. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 238–243 (in Russ.).

***

Reference

1. GARF (Gos. arh. Rossijskoj Federacii), f. 722, op. 1, d. 464, l. 313.
2. Kader S. A. Vinnaya regaliya i monopol'naya sistema. Vitebsk, Gub. Tipolitografiya, 1897. 94 p.
3. Svedeniya o pitejnyh sborah v Rossii. St. Petersburg, V Tip. II-go Otdeleniya sobstvennoj E.I.V. kancelyarii, 1860–1861. Pt. 1. 201 p.; Pt. 3. 351 p.
4. Gur'ev A. N. Pryamyje i kosvennyje nalogi: pro i contra. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1893. 120 p.
5. Pankrat'ev L. Vinnyj akciz. Sovremennik, 1859, no. 5, pp. 102.
6. GARF, f. 678, op. 1, d. 603, l. 69 ob.–70.
7. Skal'kovskij K. A. Nashi gosudarstvennyje i obshchestvennyje deyateli. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1891. 586 p.
8. GARF, f. 828, op. 1, d. 1346, l. 1-2.
9. OR RNB, f. 226 (K. K. Grot), op. 1. Ed. hr. 85. b/s (Zapiska Mordvinova).
10. Mordvinov N. S. Graf: istoricheskaja monografiya, sostavlennaja po pečatnym trudam i rukopisnym istočnikam V. S. Ikonnikovym, prof. Un-ta sv. Vladimira. St. Petersburg, D. Kozhanchikov Publ., 1873. 618 p.
11. Shill' I. N. Po povodu unichtozheniya otkupnoj sistemy i zameny eya akciznoj. Vremya, 1861, vol. 5, pp. 545–558.
12. Gosudarstvennaja kancelyariya. 1810–1910. St. Petersburg, Gos. Kancelyariya Publ., 1910. 466 p.
13. Terskij N. S. Pitejnye sbory i akciznaja sistema v Rossii: Ist. očerok i nastoyashčee položenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavnejših rezul'tatov akciznoj sistemy i ee znachenija dlya gosudarstva, kazny i naselenija. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1890. 252 p.
14. Hristoforov I. A. "Liberal'nyj paternalizm": krest'yanskij vopros do i posle 1861 g. v literature i v dejstvitel'nosti. Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN, 2012, no. 10, pp. 115–130.
15. Skal'kovskij K. A. Vospominaniya molodosti (po moryu zHITEjskomu). 1843–1869. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1906. 410 p.
16. Suhonin P. P. Nečto o pitejnom dele. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1881. 31 p.
17. RGIA (Ros. gos. ist. arh.), f. 574, op. 2, d. 325, l. 199.

УДК 94

С. Н. Емельянов, канд. ист. наук, доцент, ФБГОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова» (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: sergeje@mail.ru)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается эволюция правового статуса института военного духовенства в Русской императорской армии во второй половине XIX – начале XX веков. В 60-70-х годы XIX века в стране проводится масштабная реформа в военном ведомстве, вводится всеобщая воинская повинность. В ходе реформ Русская армия приобретает совершенно новый облик, начиная от принципов управления и комплектования, заканчивая основами боевой подготовки. В этой связи практически все институты военного ведомства подвергаются кардинальной перестройке.

Большинство полков Русской армии в своих штатах имели православных священников, находящихся в подчинении главного священника армии и флота (с 1890 г. протопресвитер армии и флота). В новых условиях потребовалось упорядочить правовое положение военного духовенства и определить полномочия руководящих органов военно-духовного ведомства. Упорядочивание правового статуса военных священников требовалось для укрепления морального статуса полковых священников, привлечения в военное ведомство духовных лиц с высоким статусом образования.

Во второй половине XIX – начале XX века постоянно совершенствуются положения, определяющие круг прав и обязанностей, как в мирное, так и в военное время.

Институт военного духовенства просуществовал до момента ликвидации Русской армии советской властью. Последние полки Русской армии были расформированы в марте 1918 г. Характерной чертой рассматриваемого периода было то, что порядок службы военного духовенства постоянно совершенствовался, укреплялась правовая база, определяющая круг обязанностей служителей военно-духовного ведомства.

В ходе исследования были проанализированы вопросы правового положения в вооруженных силах и системе государственных органов института военного духовенства и правовой статус рядового духовенства, проходящего службу в полках армии. Дается характеристика эффективности реформирования военно-духовного ведомства.

Ключевые слова: правовые основы, военное духовенство, юридический статус, институт военного духовенства, война, протопресвитер армии и флота.

Ссылка для цитирования: Емельянов С. Н. Правовые основы прохождения службы военного духовенства Русской армии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 244–251.

***

С момента создания в России регулярной армии в рамках военного ведомства стал формироваться и юридически оформляться институт военного духовенства. В отдельную структуру ведомство военного духовенства выделилось при императоре Павле I в 1800 г., когда полковые священники были выведены из прямого подчинения епархиальных архиереев. Во главе военного духовенства был поставлен обер-священник армии и флота.

К середине XIX в. в Русской армии сложилась ситуация, когда три духовных лица находились на должностях обер-священника. Своего отдельного руководителя имели гвардейские части, армия и войска, расположенные на Кавказе. Между тем в военной и военно-духовной среде стало расти осознание ненормальности разрозненности военно-духовного управления. Изменения стали происходить после смерти главного священника (так впоследствии стала именоваться долж-

ность обер-священника) армии и флота В. Б. Бажанова (ум. 31 июля 1883 г.).

По инициативе военных кругов и нового главного священника армии и флотов А. А. Желобовского начались работы по созданию единого ведомства военного духовенства. В то же время вопросы усовершенствования правового статуса военного духовенства стали активно обсуждаться в печати, в том числе в официальном органе военно-духовного ведомства «Вестнике военного духовенства», что также способствовало проведению реформ [2; 3; 4; 5; 6].

Прежде чем соединение полномочий главных священников нашло свое воплощение, этому предшествовала работа двух особых комиссий, созданных в феврале 1884 г. и в феврале 1890 г. В состав первой комиссии, кроме военных, входили видные представители военного духовенства. Итогом работы комиссий стало то, что 11 июля 1890 г. А. А. Желобовский, уже совмещавший в своих руках две должности – главного священника армии и флотов и главного священника гвардии и гренадер, получил сразу три высочайших указа из Святейшего Синода. Первым указом он был уведомлен о своем назначении на новую должность протопресвитера военного и морского духовенства [7, д. 246, л. 1]. Второй указ сообщал об упразднении с 12 июня того же года должности главного священника Кавказской армии [8, д. 80, л. 2]. Третий указ доводил до сведения протопресвитера военного и морского ведомства о переходе под его начало всех подвижных и неподвижных церквей, ранее состоявших в ведении главных священников гвардии и гренадер, армии и флота.

Всего в России было три священника, имеющих высшее духовное звание белого духовенства – протопресвитер. Это были: протопресвитер Большого придворного собора в Санкт-Петербурге,

который, заведя придворным духовенством, числился также протопресвитером московского Благовещенского собора; протопресвитер военного и морского духовенства и настоятели Успенского и Архангельского соборов в Москве. Теперь административное положение протопресвитера военного и морского духовенства приближало его по статусу к епархиальным архиереям.

Потребовался и особый порядок назначения протопресвитера военного ведомства. Согласно новому положению процедура назначения нового протопресвитера была почти аналогичной назначению епархиальных преосвященных и их викариев. По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире и генерал-лейтенанту в военном сословии, а также имел право на личные доклады императору.

Все военное духовенство оказалось в подчинении одного человека, включая гвардейских священников. Правда, стоит отметить, что формально военные священники должны были быть в параллельной зависимости от архиерея, на канонической территории которого они находились, реально подобная зависимость сводилась практически к нулю. Изменить что-либо законодательно в данном вопросе не было возможности. Две церковные епархии не могут располагаться на одной и той же канонической территории, однако, по сути, де-факто мы можем смело утверждать, что в Русской армии и флоте была создана отдельная церковная структура, с признаками, присущими отдельной церковной епархии. Довод о том, что, в отличие от традиционных епархий, военно-церковное ведомство находилось в параллельном подчинении высших военных чинов, обладая тем самым меньшими правами во внутренней жизни, будет не совсем уместным. В рассматриваемый нами исторический период Русская православ-

ная церковь в целом находилась под контролем светской власти и полностью от нее зависела.

При протопресвитере армии и флота для решения текущих дел было создано Духовное правление. В связи с постоянно возрастающим количеством дел в 1909 г. была введена новая должность помощника протопресвитера военного и морского духовенства [9, л.108]. В обязанности помощника входило исполнение обязанностей протопресвитера в случае болезни или отсутствия последнего [10, л. 52].

Следующую ступень в иерархии военного духовенства традиционно составляли дивизионные и гарнизонные (с 1913 г.) благочинные, т. е. священники, стоящие во главе духовенства дивизии. В армейских и гвардейских полках, а также на судах, уходящих в дальнее плавание, служили рядовые священники.

Количественно корпус военного духовенства, в силу объективных причин, постоянно увеличивался. Так, в 1869 г. военно-духовному ведомству были подчинены 24 военных собора, сотни церквей (437 полковых, 13 крепостных, 32 госпитальные, 17 тюремных, 33 судовые и т. д.), а также целый ряд лечебных, учебных и прочих богоугодных заведений [2, с. 200]. По состоянию на 1880 г. в ведении главного священника находилось 400 священно-церковнослужителей. В 1910 г. в военном ведомстве уже находилось 651 церковь и 975 чел. военного духовенства [11, с. 254].

В годы ведения крупномасштабных войн структура управления военным духовенством усложнялась. Создавались временные управленческие структуры военным духовенством, находящимся на театре военных действий. Вводились должности полевых главных священников действующих армий и полевые управления при них. В мирное время названные структуры расформировались

[12, л. 13]. Кроме прочего, на время Первой мировой войны была учреждена новая должность секретаря при протопресвитере военного и морского духовенства.

За время с последней четверти XIX в. в ведомстве военного духовенства была проделана огромная работа, конкретизирующая правовой статус военного священника в армии и флоте.

Образовательный, а нередко и моральный уровень армейских священнослужителей первой половины XIX в. часто оставлял желать лучшего. С одной стороны, это негативно сказывалось на авторитете духовенства, с другой – на выполнении задач религиозного служения в армии.

Важным шагом в этом направлении стало утверждение императором в 1890 г. нового положения об окладах и штатах военного духовенства, которое значительно повысило материальный и социальный статус священно- и церковнослужителей армии и флота [13]. Военное духовенство было уравнено по своему положению с офицерским корпусом. Дьяконские должности стали соответствовать обер-офицерским, священнические – штаб-офицерским чинам и должностям.

Были приняты и шаги к повышению образовательного уровня военного духовенства. В начале XX в. Св. Синод разрешил лицам духовного звания поступать в университеты, особенно одобрялось поступление вольнослушателями на медицинские факультеты, т. к. в боевых условиях священники обязаны были оказывать помощь медицинскому персоналу [14]. Популярны среди духовенства также были юридические и историко-филологические факультеты. Правда, период этот продлился недолго. В 1908 г. Св. Синод запретил поступление духовных лиц в светские учебные заведения

[15, л. 77]. Свою роль здесь сыграл страх распространения революционных идей.

Для стимулирования вступления в ряды военного духовенства наиболее достойных священников были введены нематериальные поощрения. Духовенство, получившее образование высокого статуса, получало определенные льготы: бесплатное лечение, билеты по льготным ценам в поездах и т.п.

С 1890 г. было запрещено принимать в ряды военных священников выходцев из духовенства, вытесняемых из епархий за нарушение церковной дисциплины [16, с. 205].

22 апреля 1911 г. последним протопресвитером Русской императорской армии стал выдающийся священник военного ведомства Г. И. Шавельский. Пользуясь высоким авторитетом, в годы Первой мировой войны, Г. И. Шавельский сумел значительно усилить роль своего ведомства в церковных и армейских структурах. Были расширены правовые возможности оказывать влияние на церковные дела и вопросы обороны страны.

С 1915 г. протопресвитер был введен в состав Св. Синода, членом которого он оставался вплоть до революционных событий февраля-марта 1917 г. Ежемесячно Г. И. Шавельский выезжал из Ставки в Петроград на заседания Св. Синода. Кроме того, пользуясь, как его предшественники, правом личного доклада у императора, Г. И. Шавельский добился права личного присутствия в Военном Совете, что позволяло ему координировать задачи своего ведомства напрямую с военным и морским министерствами.

Как видим, благодаря руководителям военно-духовного ведомства институт военного духовенства приобрел четкую и отлаженную юридически оформленную структуру, удачно совершенствующуюся и развивающуюся.

Немало времени во второй половине XIX – начале XX в. потребовалось для выработки новых положений о поведении военных священников, находящихся на театре военных действий. Развитие науки и техники оказали сильное влияние на принципы ведения войны. Требовалось пересматривать и роль полковых священников в действующей армии.

Самой значительной по своему масштабу и внешнеполитическим последствиям в начале рассматриваемого нами периода для империи стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Эта война стала проверкой как для Русской армии, только что перестроенной на новый принцип комплектования, так и для военного духовенства. Военно-духовное ведомство стало приобретать тот юридический статус, с которым оно встретит Русско-японскую, а затем и Первую мировую войны.

На театре военных действий военные священники оказались вместе со своими полками. С этого момента все тяготы военной службы в условиях боевой обстановки стали обыденностью и для представителей армейского и гвардейского духовенства. Место духовенству было отведено в обозе 2-го разряда. По уставу этот обоз должен был передвигаться на расстоянии 500 шагов от хвоста главных сил. В случае соприкосновения с неприятелем это расстояние могло увеличиваться до 8 верст.

В бою место нахождения полкового священника должно было быть на передовом перевязочном пункте, где скапливались раненые, нуждавшиеся в моральной поддержке и медицинской помощи, поэтому от священника требовалось, помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей, уметь выполнять обязанности медперсонала [16, с. 212].

В 1877–1878 гг. полевые госпитали в Болгарии были переполнены ранеными и

больными. Смертность была огромной, в первую очередь от дизентерии. Духовенство госпиталей было обязано исповедовать и причащать огромное количество умирающих, совершать погребения по христианскому обряду, вести исповедальные списки [17]. Кроме того, церковнослужители оказывали посильную помощь медицинскому персоналу.

Опыт Русско-турецкой войны пригодился в начале XX в. В преддверие Русско-японской войны были составлены подробные инструкции, регламентирующие деятельность военного духовенства в боевых условиях. Однако кроме плюсов, практика показала и массу недостатков, которые требовалось исправлять.

С изменением характера войн изменились и содержание работы священников. В ходе Русско-японской войны впервые стали даваться рекомендации полковым священникам с указанием его места в боевой обстановке. Так, полковым священникам было предписано, чтобы во время боя они находились не далее полковых перевязочных пунктов. Дивизионным же благочинным велено было принять все меры для того, чтобы дивизионные лазареты не оставались во время боевых действий без священников. Для этого рекомендовалось направлять в эти лазареты священников из резервных полков или неразвернутых госпиталей. Кроме того, благочинные соединений должны были принимать все необходимые меры к исполнению религиозных обрядов для чинов других частей (артиллерийских батарей, дивизионных обозов, войск пограничной стражи, казачьих полков, саперных, железнодорожных и понтонных батальонов, телеграфных рот, транспортов, сборных пунктов и пр.), которые не имели своих священников и находились в районах дислокации дивизий [18, л. 29–30].

Общая численность военного духовенства в Русско-японскую войну, по сравнению с предыдущими кампаниями, была довольно значительной. Например, в 1-й Маньчжурской армии, которая состояла из 6 пехотных корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й Сибирских и 1-го Армейского), находились: главный полевой священник армии и 95 военных пастырей, из них: 49 – полковых, 2 – пластунских батальонов, 1 – при отряде полковника Мадритова, 1 – при штабе Забайкальской казачьей дивизии, 1 состоял в распоряжении командующего 1-й армией генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина; при военных госпиталях, приданных дивизиям – 25 и при госпиталях, не приданных дивизиям – 11; священников, служащих при учреждениях Красного Креста – 4 [19, с. 107]. Всего же в трех армиях находилось около 300 священников военного времени [16, с. 229].

Особо стоит отметить, что после введения в империи всеобщей воинской повинности при составлении мобилизационных планов на случай войны в них стали включаться представители духовенства от епархий, в которых могли производить мобилизацию приходских священников. В списках определялось только количество священников, конкретных же лиц должно было назначать епархиальное начальство. В определенной степени часть приходского духовенства становилась де-факто военнообязанным. В первую очередь это касалось вдовых и бездетных священников. Первая мобилизация приходского духовенства была совершена в годы Русско-японской войны.

Опыт Русско-японской войны сыграл большую роль в совершенствовании правового статуса военных священников, находящихся на театре военных действий. Перед Первой мировой войной в ведомстве протопресвитера состояло 730

священников, вместе с диаконами, которые также входили в корпус военного духовенства – чуть менее 1000 чел.

На случай войны при развертывании новых полков и военно-медицинских учреждений в их штат включались священники из мобилизованного приходского духовенства. Последнее мобилизационное расписание перед 1-й Мировой войной было принято в 1910 г. [20, л. 9] и вступило в силу 1 мая 1912 г. По новому расписанию мобилизации в случае войны призыву в армию подлежали 152 епархиальных священника [21, лл. 29–33 об.], в военные госпитали – 434 [21, л. 22–27].

Однако реалии начавшейся войны перечеркнули все предполагаемые планы. Никто не предполагал, что под ружье придется поставить столь значительное количество людей. Для службы во вновь формируемые части и замещения убыли в первоочередных полках регулярно проводилась мобилизация приходских священников. За период 1914–1917 гг. через армейские ряды прошло свыше 5000 священников [19, с. 93]. Только на Западном фронте в ноябре 1915 г. «состояло всего священников – 665, из них: полковых – 263, лазаретных – 117, священников полевых подвижных госпиталей – 131, священников маршевых запасных батальонов и бригад государственного ополчения – 49, священников артиллерийских бригад – 6, священников при штабах армий – 6, священников при штабах дивизий – 4 и 1 священник при штабе главнокомандующего армиями Западного фронта» [18, л. 10]. При этом, учитывая все возрастающую численность армии, ведомство протопресвитера считало количество военного духовенства недостаточным.

В силу специфики боевых действий Первой мировой войны, ее позиционного характера большинство священников

находилось при госпиталях или на перевязочных пунктах. Многие представители военного духовенства неотлучно находились на передовой вместе со своими частями, участвовали в боевых действиях. Были даже попытки отправить русских священников в лагеря военнопленных в Германию и Австро-Венгрию. Однако немцы русских священников не пропустили на свою территорию, заявив, что обеспечивают религиозные нужды военнопленных за счет присылки православных священников из Австрии, Болгарии и завоеванных русских территорий [17, л. 22].

Как видим, правовой статус института военного духовенства в преддверии и в ходе Первой мировой войны достиг должного уровня. Военное духовенство заняло прочное место в структуре Русской армии и флота. Однако Октябрьский переворот большевиков и последовавшая за ним демобилизация Русской армии прекратили существование института военного духовенства.

В современной Российской армии не утихают споры о воссоздании должностей штатных военных священников. При этом военное духовенство реально уже существует во многих воинских частях благодаря договоренностям Министерства обороны и Русской православной церкви. В этой связи сегодня как никогда актуальным становится изучение юридического статуса военно-духовного ведомства Русской императорской армии.

Список литературы

1. Барсов Т. В. Об управлении русским военным духовенством. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1879. VI, 168 с.
2. Историческая записка об управлении Военным и Морским Духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.) / сост. свещ. Лейб-гвардии кон. полка Фе-

дор Ласкеев. СПб.: Т-во худож. печати, 1900. 151 с.

3. Николаев. Священник в офицерской среде // Вестник военного духовенства. 1892. № 4. С. 114–116.

4. Обозрение протопресвитером военного и морского духовенства А. А. Желобовским подведомых ему церквей в Финляндском, Виленском, Варшавском, Московском и Киевском военных округах в 1889–1890 гг. СПб.: Тип. «Арт. журн.», 1891. 80 с.

5. Филютинский Г., протоиерей. Братское собрание военного духовенства г. Санкт-Петербурга и его окрестностей // Вестник военного духовенства. 1892. № 12. С. 371.

6. О разделе доходов военных и морских церквей (записка) / сост. благочинный санкт-петербургских и новгородских церквей армейского ведомства А. Ставровский. СПб.: Тип. «Арт. журн.», 1893. 79 с.

7. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 806. Оп. 4. Д. 246.

8. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 80.

9. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 75.

10. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 76.

11. Богуславский И., протоиерей. К назначению помощника Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного духовенства. 1910. № 8. С. с. 253–257.

12. РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 755.

13. Ведомость окладам содержания военного духовенства // Вестник военного духовенства. 1890. № 1. С. 7.

14. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 6463.

15. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 79.

16. Котков В. М. Военное духовенство русской армии. Страницы истории: в 2-х т. СПб.: Нестор, 2003. Т. 1. 319 с.

17. РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 753.

18. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10581.

19. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. 2-е изд. М.: Крутицкое подворье, 1996. 412 с.

20. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 7118.

Поступила в редакцию 11.10.18

UDC 94

S. N. Emelyanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia) (e-mail: sergeje@mail.ru)

LEGAL GROUNDS OF THE RUSSIAN MILITARY CLERGY ARMY SERVICE IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY – BEGINNING OF XX CENTURY

The article is overlooking the evolution of the Russian Imperial army clergy military institution law status in the second half of XIX – beginning of XX centuries. A massive reform is being conducted in the military institution in the 60ties – 70 ties of XIX century; Common military conscription is being implemented. Russian army gains absolutely new image during the reform. Principles of management, equipment strategies as well as martial trainings are being changed. Due to the factors mentioned above nearly all military institutions have to perform complete reorganisation.

Most of the army regiments within Russian army had their own orthodox priests who were controlled by the main army and navy priest (since 1890 the main priest army and navy). Due to new conditions it was necessary to overlook and organise the legal status of the military clergy and assign the rights of the military clergy ruling members. Military priests legal status streamlining was required in order to strengthen the moral status of regiment priests and to attract spiritual personas with high educational degree to military institutions.

Peaceful time as well as war time tasks and rights of military priests are being modified by improving and changing various reforms during the period of the second half of XIX century to the beginning of XX century.

The institution of military clergy existed until the moment of elimination of the Russian army by the Soviet authority. The last regiment of the Russian army were eliminated in March 1918. The characteristic of the period under

consideration was the fact that the military clergy order was being constantly improved. The legal basis that underlined the rights and tasks of military priests was also being constantly strengthened.

Questions of the legal status within armed forces and governmental military clergy institution system as well as within the regiment clergy was analysed during the research. The characteristic of the military-clergy reforms effectiveness is being provided.

Key words: legal grounds, military clergy, legal status, institution of the military clergy, main priest army and navy.

For citation: Emelyanov S. N. Legal grounds of the Russian military clergy army service in the second half of XIX century – beginning of XX century. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 244–251 (in Russ.).

***

Reference

1. Barsov T. V. Ob upravlenii russkim voennym duhovenstvom. St. Petersburg, Tip. F. Eleonskogo i K^o, 1879. VI, 168 p.

2. Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Voennym i Morskim Duhovenstvom za minivshee stoletie (1800–1900 gg.); ed. by sveshch. Lejbgvardii kon. polka Fedor Laskeev. St. Petersburg, T-vo hudozh. Pechhati Publ., 1900. 151 p.

3. Nikolaev. Svyashchennik v oficer-skoj srede. Vestnik voennogo duhovenstva, 1892, no. 4, pp. 114–116.

4. Obozrenie protopresviterom voennogo i morskogo duhovenstva A. A. Zhebovskim podvedomyh emu cerkvej v Finlyandskom, Vilenskom, Varshavskom, Moskovskom i Kievskom voennyh okrugah v 1889–1890 gg. St. Petersburg, Tip. "Art. zhurn.", 1891. 80 p.

5. Filyutinskij G., protoierej. Bratskoe sobranie voennogo duhovenstva g. Sankt-Peterburga i ego okrestnostej. Vestnik voennogo duhovenstva, 1892, no. 12, pp. 371.

6. O razdele dohodov voennyh i morskikh cerkvej (zapiska); ed. by blagochinnyj sankt-peterburgskih i novgorodskih cerkvej

armejskogo vedomstva A. Stavrovskij. St. Petersburg, Tip. "Art. zhurn.", 1893. 79 p.

7. RGIA (Ros. gos. ist. arh.), f. 806, op 4, d. 246.

8. RGIA, f. 806, op. 19, d. 80.

9. RGIA, f. 806, op. 19, d. 75.

10. RGIA, f. 806, op. 19, d. 76.

11. Boguslavskij I., protoierej. K naznacheniyu pomoshchnika Protopresvitera voennogo i morskogo duhovenstva. Vestnik voennogo duhovenstva, 1910, no. 8, pp. 253–257.

12. RGIA, f. 806, op. 18, d. 755.

13. Vedomost' okladam sodержaniya voennogo duhovenstva. Vestnik voennogo duhovenstva, 1890, no. 1, pp. 7.

14. RGIA, f. 806, op. 5, d. 6463.

15. RGIA, f. 806, op. 19, d. 79.

16. Kotkov V. M. Voennoe duhovenstvo russkoj armii. Stranicy istorii. St. Petersburg, Nestor Publ., 2003, vol. 1. 319 p.

17. RGIA, f. 806, op. 18, d. 753.

18. RGIA, f. 806, op. 5, d. 10581.

19. Shavel'skij G. I. Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoj armii i flota. Vol. 2. 2th ed. Moscow, Krutickoe podvor'e Publ., 1996. 412 p.

20. RGIA, f. 806, op. 5, d. 7118.

УДК 94(470.323) «1989/2005»

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lelyc@mail.ru)

А. Н. Пенькова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: angelina-pahomova01@rambler.ru)

Т. Л. Кузнецова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kuznetsova_tl@mail.ru)

В. Ю. Байбаков, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: angelina-pahomova01@rambler.ru)

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА И ИХ ДОХОДЫ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

В работе собраны сведения об экономическом и социальном развитии Центрально-Черноземного региона и об изменении численности рабочих, служащих и колхозников, о соотношении женщин в производственных отраслях народного хозяйства в постперестроечный период, а также о том, как распределялось население РСФСР по отраслям народного хозяйства. На основе статистических данных сделан вывод, что наибольший процент работающих женщин был в таких сферах, как торговля и общественное питание, здравоохранение, народное образование и культура. А вот число женщин-колхозниц, как и мужчин-колхозников, постоянно сокращалось, что косвенно говорило о сокращении сельских жителей Центрально-Черноземного региона. Трансформацию сельского расселения можно рассматривать как процесс изменения характера функционирования сельских поселений, который начался еще в конце советского периода под влиянием преимущественно внешних по отношению к сельскому расселению факторов, в первую очередь в результате развития урбанизации. В постсоветский период все большее значение стали играть факторы, модифицирующие сельскую местность изнутри. В первую очередь это изменение экономической основы села, а вкупе с ним и функций многих сельских поселений, утративших поселкообразующую базу в виде подразделений коллективных сельхозпредприятий. В итоге в структуре занятости сельского населения совместно с личным подсобным хозяйством главную роль играет социальная сфера. Таким образом, значительная часть трудоспособного сельского населения включалась в трудовую миграцию, то есть искала источники существования за пределами места своего проживания. Представленные в статье данные характеризуют население, развитие отраслей народного хозяйства, проблемы социальной сферы Центрально-Черноземного региона.

Ключевые слова: социум, промышленность, народное хозяйство, сельское население, численность.

Ссылка для цитирования: Численность населения Центрально-Черноземного региона и их доходы в постперестроечный период / О. Г. Ларина, А. Н. Пенькова, Т. Л. Кузнецова, В. Ю. Байбаков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 252–258.

***

В конце 1990 г. население в СССР было 190 77 тыс. человек, из них городского – 191 696 тыс., сельского – 98 381 тыс. В России было 148 543 тыс., из них 109 799 тыс. городского и 38 744 тыс. – сельского [1]. Население Центрально-Черноземного региона (ЦЧР) представлено в таблице [1, с. 69–70].

Трудоспособного населения по возрастным категориям в СССР в 1990 г. проживало: в возрасте от 20 до 30 лет: мужчин – 22060, женщин – 21708; в воз-

расте от 30 до 40 лет – соответственно 22392 и 22624; в возрасте от 40 до 50 лет – 13897 и 14860; в возрасте от 50 до 60 лет – 15004 и 17706 [1].

Пенсионеров (всех категорий) на 1 января 1991 г. в СССР было 61 200 тыс. человек, из них по возрасту – 44,3 млн, по инвалидности – 6,5 млн и по утере кормильца – 5,8 млн человек [2].

В РСФСР пенсионеров было 33 813 тыс. человек, из них по возрасту – 25 659 тыс., по инвалидности – 3 514 тыс., по

случаю утери кормильца – 2 792 тыс. На 1000 человек населения в СССР приходилось 212 пенсионеров, а в РСФСР – 228 [1]. Это говорит о более быстром

«старении» населения в РСФСР, чем по Союзу.

Начнем с того, как распределялось население РСФСР по отраслям народного хозяйства. Воспользуемся таблицами 2 и 3.

Таблица 1

Население ЦЧР на 1 января 1991 г., тыс. человек [1, с. 69–70]

Население	Всего	Гор.	Сел.	% гор.	% сел.
ЦЧР	7761	4747	3014	61,1	38,9
Белгородская область	1 401	897	504	64,0	36,0
Воронежская область	2 475	1 523	952	61,6	38,4
Курская область	1 336	792	544	59,3	40,7
Липецкая область	1 234	784	450	63,5	36,5
Тамбовская область	1 315	751	564	57,1	42,9

Таблица 2

Распределение населения РСФСР, занятого в народном хозяйстве, по отраслям, % (без учащихся) [3]

Отрасли народного хозяйства	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Всего по народному хозяйству	100	100	100
В промышленности и строительстве	42	42	42
В сельском и лесном хозяйстве	15	14	14
На транспорте и в связи	10	10	9
В торговле, общепите, материально-техническом снабжении	8	8	8
В здравоохранении, физкультуре, в народном образовании, культуре	18	18	19
В аппарате органов управления, в кредитовании с госстрахованием	3	2	2
В ЖКХ и других отраслях народного хозяйства	5	6	6

Данные таблицы 2 показывают, что большая часть населения РСФСР занята в промышленности и строительстве. На втором месте – сфера здравоохранения, физкультуры, народного образования,

культуры. В аппарате органов управления востребованность самая малая, но это логично, т. к. в данной сфере занятости не может быть большой процент.

Таблица 3

Распределение населения РСФСР, занятого в народном хозяйстве, по отраслям материального производства, % (без учащихся) [3]

Отрасли материального производства	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Всего в отраслях материального производства	86	82	76	73	72	72
В том числе рабочих и служащих	37	55	64	66	65	65
Колхозников	44	22	10	6	6	6
Члены семей рабочих и служащих, занятых в подсобном хозяйстве	2	5	2	1	1	1
Прочее население	3	0	0	0	0	0,1

В таблице 3 отражена прогрессирующая последовательность занятости населения в качестве рабочих и служащих. Люди, связанные с сельским трудом – колхозники имеют тенденцию к сокращению (в 1940-е г. – 40 %, а в 1987 г. – 6%). Количество колхозников сокращалось в периоды от 1940-х до 1980-х гг., а коли-

чество рабочих и служащих увеличивалось, одна из причин – миграция людей из сел в города (табл. 4).

Изменение среднегодовой численности рабочих, служащих и колхозников, а также соотношение женщин в производственных отраслях народного хозяйства рассмотрим в таблице 5 [3].

Таблица 4

Распределение населения РСФСР, занятого в непроеизводственных отраслях народного хозяйства, % (без учащихся) ко всему населению, занятому в народном хозяйстве [3]

Отрасли народного хозяйства	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Всего в непроеизводственных отраслях	14	18	24	27	28	28
В здравоохранении, физической культуре и т. д.	7	12	16	18	18	18
В ЖКХ, транспорте, бытовом обслуживании и т. д.	7	6	8	9	10	10

Таблица 5

Среднегодовая численность рабочих, служащих, колхозников, млн человек [3]

Трудовые ресурсы	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Всего	39,1	48,7	60,7	70,4	72,1	72,1
Рабочие и служащие	22,2	39,5	51,4	65,6	67,6	67,8
Из них рабочие, обслужив. персонал, охрана	15,9	29,6	39,1	45,8	46,7	46,7
Женщины – рабочие и служащие	9,0	19,6	28,6	34,3	35,1	34,9
Процент женщин от всех рабочих и служащих	41	50	53	52	52	52
Колхозники, занятые в общ. хоз-ве колхозов	16,9	9,2	6,3	4,8	4,5	4,3
Численность женщин-колхозниц	-	-	3,1	2,1	1,8	1,6
Процент женщин-колхозниц от числа колхозников	-	-	49	44	41	39

Как видим, численность рабочих и служащих от десятилетия к десятилетию неуклонно росла, как росла и численность женщин, стабильно занимая в 1980-х гг. 52% от всего числа рабочих и служащих. И как показывает статистика, наибольший процент женщин был в торговле и общественном питании – 85%, в здравоохранении – 83%, в народном об-

разовании – 79%, в культуре – 76%. А вот число колхозников и женщин-колхозниц постоянно сокращалось, что косвенно говорит о сокращении сельских жителей. Кроме того, необходимо отметить, что на начало 1988 г. в кооперативах было занято 69,7 тыс. человек и 194,1 тыс. человек – в сфере индивидуальной трудовой деятельности – дань проводимым в стране

реформам. Небезынтересны и следующие данные: четвертая часть всех работающих – молодежь в возрасте до 30 лет, а 8% – это лица пенсионного возраста. Средний возраст рабочих и служащих составил 38 лет. В 1987 г. удельный вес хозрасчетных бригад в промышленности составил 1/3 общего числа бригад, а в строительстве – около 50% [3].

Агрономов, зоотехников и ветеринарных врачей с высшим образованием в 1987 г. было 3 957 тыс., со средним специальным – 509 тыс. человек; на предприятиях транспорта работало соответственно 244 тыс. и 631 тыс.; на предприятиях связи – 44 тыс. и 144 тыс.; в строительных организациях – 512 тыс. и 923 тыс. человек; в учреждениях здравоохранения, физкультуры, спорта, социального обеспечения – 637 тыс. и 1 532 тыс. человек; в учреждениях науки и научного обслуживания – 1 366 тыс. и 498 тыс. человек [4]; в учреждениях кредитования и государственного страхования – 47 тыс. и 156 тыс., в аппарате органов государственного и хозяйственного управления – 543 тыс. и 382 тыс. человек [3].

К этому стоит добавить, что среднедушевой совокупный доход у рабочих и служащих в месяц в 1987 г. составлял в среднем 143 рубля, а у рабочих промышленности – 166 рублей; а в 1990 г. он уже был соответственно 179 и 197 рублей; у колхозников – 115 и 147 рублей, а у пенсионеров из числа рабочих и служащих – 99 и 133 рубля [1].

Кроме того, нельзя забывать и о том, что из общественных фондов потребления населению обеспечивалось бесплатное образование и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии учащимся, оплата ежегодных отпусков, бесплатные и по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержание детей в дошкольных учреждениях и ряд других

выплат и льгот [5]. В 1987 г. из общей суммы выплат и льгот более 50% составили денежные выплаты.

В 1990 г. на выплаты и льготы государством из бюджета было выделено 210,4 млрд рублей, что на 10,2 млрд рублей больше, чем в 1989 г., а если применительно к 1987 г., то больше на целых 47,6 млрд рублей. Из всей суммы в 1990 г. на образование и просвещение для выплат из общественных фондов было выделено 49,4 млрд рублей [6], в том числе: на стипендии – 3 млрд, на здравоохранение и физическую культуру – 30 млрд, на социальное обеспечение и социальное страхование – 95 млрд рублей. Выплаты и льготы в расчете на душу населения составили 728 рублей и более 50% всей суммы выплат и льгот составили денежные выплаты [1].

Численность многодетных матерей, получивших пособие на детей, в 1987 г. в РСФСР составила 403 тыс. человек, из которых 4-х детей имели 236 тысяч, пять детей – 94 тысячи, шесть детей – 37 тысяч, семь и более детей – 36 тысяч матерей [7]. При этом матери, имеющие двух детей, при рождении третьего и каждого следующего ребенка, получали единовременное пособие, а матери, имеющие троих детей, при рождении четвертого и каждого следующего ребенка получали уже ежемесячное пособие. Единовременные пособия выплачивались в сумме 50 рублей – при рождении первого ребенка, 100 рублей – при рождении второго и последующих детей. Женщинам, родившим пять и более детей и воспитавшим их до восьмилетнего возраста, предоставлялись дополнительные льготы на получение пенсии по возрасту и стажу работы [3].

В 1987 г. общая численность лиц, находившихся в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в РСФСР со-

ставляла 252 тыс. человек, в том числе детей-инвалидов – 36 тысяч. И еще 22,6 тыс. человек были зарегистрированы как нуждающиеся в этой социальной услуге [3].

В 1987 г. в РСФСР числилось 32,2 млн человек, получавших пенсию от го-

сударства, а средний размер месячной пенсии составлял 82,5 рубля [8]. О том, как росло пенсионное обеспечение рабочих, служащих и колхозников, можно проследить по данным таблицы 6.

Таблица 6

Средний размер месячной пенсии пенсионеров, состоящих на учете в органах социального обеспечения в РСФСР на конец 1987 г., рублей [3]

Виды пенсионного законодательства	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Все пенсионеры	37,5	60,2	76,9	82,5
По Закону о государственных пенсиях	44,3	64,9	80,9	86,1
Из них по возрасту	53,6	72,0	88,8	93,6
По Закону о пенсиях и пособиях членов колхозов	14,1	34,8	47,5	54,3
Из них по возрасту	13,8	34,7	47,7	54,4

Несмотря на постоянный рост среднего пенсионного обеспечения в республике, на наш взгляд, оставались дискриминационные отношения между обеспечением пенсиями рабочих, служащих и пенсионеров-колхозников, пенсия которых всегда была значительно меньше [9]. И не является ли и это обстоятельство одной из причин того, что сельское население, особенно колхозное, всячески стремилось перебраться в город и стать иным социальным слоем общества? [10] Что же касается возраста, с которого граждане РСФСР могли идти на заслуженный пенсионный отдых, то для мужчин он был 60 лет, а для женщин – 55. Впрочем, имелись категории населения, которые, в силу специфических условий труда, уходили на пенсионное обеспечение и на 5–10 лет раньше [11].

В 1990 г. в СССР в учреждениях сберегательного банка (75 тыс. учреждений) числилось 220 млн вкладов граждан на общую сумму 381,4 млрд полновесных еще рублей, а в РСФСР в 42,6 тыс. учреждениях сбербанка значилось 124,9 млн вкладов на сумму 216,4 млрд рублей [1] Даже очень неплохой денежный запас,

если принять во внимание, что официальный курс рубля по отношению к доллару США был чуть ли не один к одному.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук: «Исключительные права в европейской и восточноазиатской правовой традиции в XVII–XIX вв.» (МД-4949.2018.6).

Список литературы

1. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
2. Народное хозяйство Курской области в 1991 году: стат. сб. Курск, 1992. 212 с.
3. Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1988. 590 с.
4. Пахомова А. Н., Шуракова В. П. Перестроечные процессы и их итоги в России // Личность, общество, государство: проблемы прошлого и настоящего: сб. науч. ст. по материалам Междунар.

науч.-практ. конф. Курск; Сумы, 2014. С. 141–155.

5. Пенькова А. Н., Анисимов А. А., Кузнецова Т. Л. Социально-правовые последствия распада СССР для сельского хозяйства российской провинции (на примере Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №4(25). С. 237–245.

6. Пахомова А. Н., Байбаков В. Ю. Коллективизация и сельское общество Центрально-Черноземного региона (на примере Курского края) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2, ч. 2. С. 167–173.

7. Пахомова А. Н., Сергеев П. В. Изменения в социальной структуре сельского социума 80–90-х гг. XX в. (на примере Центрально-Черноземного региона) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5 (44), ч. 1. С. 171–174.

8. Пахомова А. Н., Киреева А. И. Проблемы становления гражданского общества в России в 90-е гг. // Великие свершения или «лихие» 90-е XX в.: сб. науч. ст. Курск, 2011. С. 27–36.

9. Пахомова А. Н., Кузьмина В. М. Интеллигенция в социокультурном пространстве Центрального Черноземья в XX веке: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 210 с.

10. Пахомова А. Н., Кухарев Ю. С. Изменения социальной структуры сельского и рабочего постсоветского общества в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 1 (14). С. 116–124.

11. Эволюция права и правовых институтов в истории российской государственности: монография. М.: Проспект. 2012. 432 с.

Поступила в редакцию 20.10.18

UDC 94(470.323) «1989/2005»

O. G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lelyc@mail.ru)

A. N. Penkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: angelina-pahomova01@rambler.ru)

T. L. Kuznetsova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kuznetsova_tl@mail.ru)

V. Iu. Baybakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: angelina-pahomova01@rambler.ru)

THE POPULATION OF CENTRAL CHERNOZEM REGION AND THEIR INCOMES IN THE POST-PERESTROIKA PERIOD

The work contains information about the economic and social development of the Central black earth region and the change in the number of workers, employees and farmers, the ratio of women in the production sectors of the economy in the post-perestroika period, as well as how the population of the RSFSR was distributed by sectors of the economy. On the basis of statistical data, it is concluded that the highest percentage of working women was in such areas as trade and public catering, health, public education and culture. But the number of female collective farmers, as well as male collective farmers, constantly decreased, which indirectly indicated the reduction of rural residents of

the Central black earth region. The transformation of rural settlement can be seen as a process of changing the nature of the functioning of rural settlements, which began at the end of the Soviet period under the influence mainly external to rural settlement factors, primarily as a result of the development of urbanization. In the post-Soviet period, the factors modifying the countryside from the inside became increasingly important. First of all, it is a change in the economic basis of the village, and together with it the functions of many rural settlements that have lost the settlement - forming base in the form of units of collective agricultural enterprises. As a result, the social sphere plays the main role in the structure of employment of the rural population together with the personal subsidiary farm. Thus, a significant part of the able-bodied rural population was included in labour migration, i.e. it was looking for sources of livelihood outside its place of residence. The data presented in the article characterize the population, the development of sectors of the economy, the problems of the social sphere of the Central black earth region.

Key words: *society, industry, national economy, rural population, population.*

For citation: Larina O. G., Penkova A. N., Kuznetsova T. L., Baybakov V. Yu. The population of Central Chernozem region and their incomes in the post-perestroika period. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 252–258 (in Russ.).

***

Reference

1. Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1990 g.: stat. ezhegodnik. Goskomstat SSSR. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1991. 752 p.

2. Narodnoe hozyajstvo Kurskoj oblasti v 1991 godu: stat. sb. Kursk, 1992. 212 p.

3. Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1987 g.: stat. ezhegodnik. Goskomstat RSFSR. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1988. 590 p.

4. Pahomova A. N., Shurakova V. P. Perestroechnye processy i ih itogi v Rossii. Lichnost', obshchestvo, gosudarstvo: problemy proshlogo i nastoyashchego: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk; Sumy, 2014, pp. 141–155.

5. Pen'kova A. N., Anisimov A. A., Kuznecova T. L. Social'no-pravovye posledstviya raspada SSSR dlya sel'skogo hozyajstva rossijskoj provincii (na primere Kurskoj oblasti). Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2017, vol. 7, no. 4(25), pp. 237–245.

6. Pahomova A. N., Bajbakov V. Yu. Kollektivizaciya i sel'skoe obshchestvo Central'no-Chernozemnogo regiona (na primere Kurskogo kraja). Izvestija Jugo-Zapadnogo

gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2012, no. 2, pt. 2, pp. 167–173.

7. Pahomova A. N., Sergeev P. V. Izmeneniya v social'noj strukture sel'skogo sociuma 80–90-h gg. XX v. (na primere Central'no-Chernozemnogo regiona). Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, no. 5 (44), pt. 1, pp. 171–174.

8. Pahomova A. N., Kireeva A. I. Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii v 90-e gg. Velikie sversheniya ili «lihie» 90-e XX v.: sb. nauch. st. Kursk, 2011. pp. 27–36.

9. Pahomova A. N., Kuz'mina V. M. Intelligenciya v sociokul'turnom prostranstve Central'nogo Chernozem'ya v XX veke. Kursk, Jugo-Zap. gos. un-t Publ., 2013. 210 p.

10. Pahomova A. N., Kuharev Yu. S. Izmeneniya social'noj struktury sel'skogo i rabocheho postsovetskogo obshchestva v Kurskoj oblasti. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2015, no. 1 (14), pp. 116–124.

11. Ehvoljuciya prava i pravovyh institutov v istorii rossijskoj gosudarstvennosti. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 432 p.

УДК 94

С. Н. Емельянов, канд. ист. наук, доцент, ФБГОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова» (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: sergeje@mail.ru)

Е. Н. Шатанкова, канд. юрид. наук, доцент, ФБГОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия), (e-mail: shatankova.elena@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ БОЛЬШЕВИКОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В статье анализируются проблемы создания на местах, на уездном и губернском уровне органов, призванных заниматься отделением церкви от государства.

Пришедшие к власти большевики практически сразу стали проводить антирелигиозную политику. Основной удар был направлен против Русской православной церкви. Новые власти, вопреки задекларированным лозунгам об отделении церкви от государства, стали проводить политику, направленную на ликвидацию РПЦ.

Для проведения в жизнь Декрета от 22 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства» при Наркомате юстиции создается VIII отдел, по роду своей деятельности получивший название «Ликвидационный».

С весны 1918 г. при губернских и уездных отделах юстиции начинают создаваться местные «ликвидационные отделы». Однако, несмотря на директивы VIII отдела НКЮ, местные ликвидационные подотделы долгое время не могли наладить работу. Для проведения грамотной антирелигиозной политики требовались подготовленные кадры. На местах их просто практически не имелось.

Как следствие, до 1920 г., а в некоторых губерниях и до более позднего срока, практически все антирелигиозные действия проводились в виде хаотических действий, перефразируя высказывание главы Советского государства В. И. Ленина, «красноармейской атакой». Полностью удалось реализовать только несколько действий, таких как ликвидация икон во всех общественных местах, отмена преподавания Закона Божия в учебных заведениях, конфискация земельной собственности.

Более распространенными фактами, являющимися скорее разбоем и грабежом, со стороны красноармейцев, членов ЧК, представителей местных советских и партийных властей, стали нападения на духовенство и мирян, монастыри и храмы Русской православной церкви. В ходе таких действий, как правило, совершались откровенные грабежи, периодически сопровождающиеся убийствами, причем в СНК, НКЮ, руководстве РКП(б) такие действия не осуждались. Власти поддерживали их как проявление революционной инициативы.

Однако мечты об уничтожении РПЦ в скором времени оказались недостижимыми. На защиту церкви встали простые верующие. Борьба с РПЦ растянулась на долгие годы. Церковь в этой борьбе одержала верх.

Ключевые слова: Народный комиссариат юстиции, Русская православная церковь, Ликвидационный отдел НКЮ, губернские ликвидационные отделы, антирелигиозная политика.

Ссылка для цитирования: Емельянов С. Н., Шатанкова Е. Н. Особенности проведения антирелигиозных мероприятий большевиков в годы Гражданской войны в российской провинции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 259–266.

***

С установлением большевистской идеологии в России началась бескомпромиссная борьба со всеми другими проявлениями общественного сознания. Церковь рассматривалась советской властью в качестве серьезного препятствия на пути установления коммунистической монополии в стране. Позиция правящей партии по отношению к церкви была

определена В. И. Лениным однозначно: «Мы должны бороться с религией. Это – азбука всего материализма, и следовательно, марксизма» [1, с. 418].

Первые антицерковные действия советской власти на местах имели свои специфические особенности. Здесь не было, с одной стороны, достаточно подготовленных сил для ведения антирели-

гиозной деятельности, с другой – вера в легкую победу над церковью нередко переплеталась с опасением народного гнева, вызванного антирелигиозными действиями.

Даже проведение в жизнь декрета «О земле» велось непоследовательно. Так, весной 1918 г. на бывших церковных землях в Казацкой слободе Курского уезда уже трудились крестьяне, взяв ее в аренду в казацком Совдепе [2, д. 6, л. 70–70 об.], но в некоторых уездах местные власти еще длительное время не производили национализацию церковных земель. В Тамбовской губернии практически вся церковная земля была реквизирована крестьянами в явочном порядке. Проводили конфискацию церковных земель и советские организации. Однако губернские власти в 1918 г. не обладали всей информацией о земле, принадлежавшей церквам, и были вынуждены выяснять этот вопрос путем опроса настоятелей храмов [3, д. 36, л. 29].

Непосредственно действия по отделению церкви от государства начались с первой половины 1918 г., и шли они в виде «красноармейской атаки» на церковь. Например, в стенограммах заседаний некоторых губернских партийных конференций РКП(б) за 1918–1921 гг. нет сколько-нибудь серьезных упоминаний о политике по отношению к церкви [4, д. 360, л. 42; 5, д. 12, л. 5–8; 6, д. 6, л. 29; 7, д. 3, 19, 56, 57, 59, 146, 156]. Весь период Гражданской войны многие антирелигиозные действия совершались без четко выработанного плана.

Одной из первых мер по антирелигиозной борьбе стало учреждение при губернских отделах юстиции подотделов, ведавших антирелигиозными делами. Подобные подотделы учреждались и при уездных и волостных органах советской власти. Руководил работой юридических подотделов по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государ-

ства VIII «ликвидационный» отдел НКЮ. По названию последнего подразделения местных органов власти, занимавшиеся антирелигиозной работой, также стали именоваться «ликвидационными».

Реально ликвидационные отделы долгое время или почти бездействовали, или оказывались созданными больше на бумаге, причем образовались они в основном только в 1919 г., хотя первые распоряжения центральной власти об учреждении органов, ведающих ликвидационной работой по отношению к церкви, появились еще в первой половине 1918 г. Так, в Воронеже ликвидационный орган при Губисполкоме был создан в феврале 1919 г. [8, д. 699, л. 51–51 об.], примерно на таком же уровне находились дела в большинстве других губерний, хотя были и исключения. Например, в Тамбовской губернии местный ликвидационный отдел был образован после получения инструкции НКЮ от 24 августа 1918 г. [9, д. 52, л. 44]

На уровне уездов и городов подобные структуры при уездных и волостных исполкомах были созданы с еще большим опозданием. Так, до февраля 1919 г. на территории Воронежской губернии действий, связанных с проведением декрета по отделению церкви от государства, практически не проводилось [8, д. 699, л. 45]. Мало изменилась ситуация и в последующие месяцы; например, в г. Боброве вообще не существовало ликвидационного органа [Там же, л. 51]. Названные факты не отрицали и представители органов советской власти других губерний [8, д. 693, л. 159].

Характерны и показатели работы ликвидационных органов на местах. Например, в марте 1919 г. в Дрязгинском волостном совете Усманского уезда Воронежской губернии не знали даже того, какой орган ведет работу по отделению церкви от государства на уровне уезда [8, д. 703, л. 147]. Нередко в уездах за не-

имением опыта функции ликвидационных учреждений передавались уже существующим органам местной власти, которые не ставили перед собой цели ведение антирелигиозной борьбы, но могли ей заняться. В городе Тиме Курской губернии проведением в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства» первое время занимался совет местных судей [10, д. 170, л. 117], в Щигровском уезде – уездный отдел просвещения [Там же, л. 129], в Дмитриевском – отдел управления местного уисполкома [Там же, л. 152]. В итоге сложилась устойчивая тенденция, что, как отмечалось в отчете щигровского уисполкома, отделением церкви от государства занимаются «никто в сущности... или все» [Там же, л. 201].

Пожалуй, провести по всем подконтрольным большевикам губерниям более или менее последовательно, властям удалось лишь несколько мероприятий по отделению церкви от государства. Среди них были действия, связанные с декретом А. В. Луначарского от 1 марта 1918 г., в соответствии с которым упразднялись должности преподавателей Закона Божия [2, д. 6, л. 70–70 об.]. Однако на практике отменить преподавание Закона Божия в образовательных учреждениях удалось только к 1 сентября 1918 г., хотя и здесь нередко оказывалось, что данный предмет в школах и училищах продолжал преподаваться, перейдя в разряд факультатива. Затем, во второй половине 1918 г. из епархиального ведения на местах были изъяты все духовные школы и училища. Вместе с ними национализировались и библиотеки, были изъяты даже книги духовного содержания [6, д. 58, л. 2]. Также местным властям удалось полностью ликвидировать иконы и предметы религиозного культа в общественных местах [11, с. 61].

Работа же по изъятию кладбищ из ведения религиозных организаций, кон-

фискации церковных счетов в банках за редким исключением проводилась очень вяло, а иногда и вовсе не велась. Примерно также обстояло дело с регистрацией актов гражданского состояния, хотя работа в этом направлении должна была начаться с 1918 г. За названный год в городе Задонске Воронежской губернии было зарегистрировано незначительное число актов гражданского состояния, т. к. несмотря на декреты и распоряжения местного уисполкома в центральном собрании города не было произведено изъятие метрических книг и духовенство продолжало регистрировать браки, случаи рождения и смерти горожан [8, д. 699, л. 50]. В ведении церкви метрические книги и кладбища оставались и в городе Боброве Воронежской губернии и т. д. [8, д. 699, л. 50-51 об.; д. 751, л. 233–233 об.] В некоторых местностях Воронежской губернии отделы ЗАГС начали функционировать только в 1920 г., а акты гражданского состояния продолжали регистрировать священнослужители, занося их в метрические книги [12, д. 761, л. 126]. На том же уровне была ситуация в Тамбовской губернии [8, д. 751, л. 223–223 об.].

В Тамбове Губернский отдел ЗАГС был создан как подотдел при Нотариальном отделе Губотдела юстиции в 1918 г., но наладить свою работу в масштабах губернии он так и не смог. Работу отдела, способного начать регистрацию актов гражданского состояния в масштабах всей губернии, удалось организовать только в 1919 г. [9, д. 43, л. 481–481 об.] В Курске Окружной отдел ЗАГС удалось сформировать к 28 января 1919 г., и именно с этого времени подобные отделы начали функционировать по губернии [13, д. 140, л. 1].

Что касается исправной работы органов ЗАГС в 1918 г., то были и такие случаи, но они являлись редким исключением. Например, в Новооскольском уезде Курской губернии было зареги-

стрировано к сентябрю 1918 г. 439 браков, 679 рождений, 377 смертей [Там же, л. 120]. Не меньшим исключением была ситуация в Дмитриевском уезде, где к февралю 1919 г. были национализированы и переданы в ведение похоронного отдела все кладбища [Там же, л. 150].

Говоря об отделении церкви от государства, в марте 1919 г. власти Обоянского уезда Курской губернии констатировали, что декрет об отделении церкви от государства в жизнь не проводился [8, д. 751, л. 197]. Такая же ситуация была и в некоторых других уездах Курской губернии, где вообще отсутствовали статистические сведения о работе ликвидационных органов [8, д. 699, л. 196].

Почему так нерешительно на местах проводился декрет «Об отделении церкви от государства», видно из отчета Старооскольского уездного исполкома от 22 июля 1919 г. В отчете говорилось, что в связи с напряжением всех сил для фронта описи церковного имущества еще не составлены, за исключением города, но и там они еще в процессе заполнения. Представители уисполкома подчеркивали, что необходимо время, за которое народ должен отвыкнуть от вековых суеверий, а «до тех пор практические шаги в области осуществления провозглашенной свободы духа, чуждого всяким созданным эпохой предрассудков, невозможно и всякие горячие необдуманные попытки к этому или встретят сопротивление массы или изуродуют течение революции». Отмечалось также и отсутствие антирелигиозной агитации в уезде, т. к. все способные коммунисты занимались работой для нужд фронта [11, с. 61].

Для проведения антицерковной политики требовались подготовленные кадры, способные проводить в жизнь декрет «Об отделении церкви от государства». Ликвидация церковных счетов в банках и денежных средств храмов требовала кропотливой работы. На местах к столь серь-

езной работе не были готовы не только технически, но и психологически. Более простым оказался способ наложения контрибуций на церковные организации под страхом жестоких репрессий в случае их невыполнения или простого ограбления под видом обыска. Например, церковные капиталы к февралю 1919 г. полностью не были изъяты из ведения церкви в Курской [10, д. 170, л. 117] и Воронежской губерниях [8, д. 751, л. 50–51 об.].

Не стоит забывать, что в обществе были распространены преувеличенные слухи о церковных богатствах, которым были склонны верить люди, облеченные властью, поэтому постоянной стала практика наложения контрибуций на церковные организации.

В ноябре 1917 г. комендант города Белгорода Поздняков во время обыска в Белгородском мужском монастыре потребовал от настоятеля выплатить контрибуцию на сумму в 200 тыс. рублей. Однако таких денег у монастыря не было, тогда Поздняков забрал двух лошадей и 50 тыс. рублей [10, д. 168, л. 32]. В Белгородском женском монастыре большевики изъяли 151400 рублей, 5000 кубометров дубового бруса и вырубili 3 десятины строевого монастырского леса [Там же, л. 123 об.]. Названные монастыри в течение Гражданской войны еще не единожды подвергались открытым грабежам, проводимым под видом реквизиций. Так, во время очередной проверки мужского монастыря был убит иеромонах Серафим, тяжело ранен монах Гермоген [14, д. 518, л. 89 об.].

В течение 1918–1919 г. частым обыскам подвергался Знаменский монастырь в городе Курске. Так, 12 апреля при обыске обители у монахов забрали много личных вещей: обувь, мануфактуру и т. д. Подобные «обыски» проводились в монастыре и в июне–июле 1919 г. Дважды был обворован епископ Курский и Обоянский Феофан (Гаврилов). При

обыске 16 августа 1918 г. у него забрали белье, рясы, материю, предназначенную для подрясников. 12 декабря 1918 г. красноармейцы, проводя очередную проверку жилья епископа, испортили все вещи, которые могли. После всех издевательств Епископ Феофан был выселен из епархиального дома, реквизируемого городскими властями для своих нужд [10, д. 182, л. 29]. Все названные мероприятия со стороны представителей красноармейцев и представителей местных органов власти сопровождались грубостью и постоянными угрозами расстрела [10, д. 170, л. 14–14 об.].

В Курском женском монастыре до середины 1919 г. было проведено четыре обыска, причем один из них ночью. Искали оружие, золото, деньги. Однако довольствовались и меньшим. Так, во время обыска 31 августа 1918 г. в монастыре изъяли вино и свечи. Свечи затем вернули, а все вино оказалось выпитым людьми, производившими обыск.

Как проходили первые случаи «описей» церковного имущества, хорошо видно на примере Валуйского монастыря Воронежской епархии. В мае 1918 г. в обитель ворвалось человек 40 вооруженных людей, заявив, что они будут производить обыск. Первым делом грабители посетили покои игумена, от которого стали требовать деньги и драгоценности. Не найдя ничего в келии, вооруженная толпа вытащила престарелого настоятеля в храм, продолжая требовать, чтобы он указал, где хранятся ценности, периодически производя выстрелы над его головой. Но когда и после этих угроз от игумена ничего не удалось узнать, его вывели из храма, раздели и во дворе подвергли всевозможным издевательствам. Затем вооруженные люди произвели обыск в монастырской гостинице и келиях. Перепуганные монахи набрали немного денег из кружки для пожертвований и отдали их грабителям. Поздней ночью, обшарив

весь монастырь, банда, наконец, удалась [14, д. 519, л. 123 об.].

Как видим, наступление на религию шло в виде плохо скоординированной, не прекращающейся атаки, к уничтожению церкви в таком виде она привести не могла, но наносила ощутимый урон всей церковной жизни [15, с. 27].

Невозможно назвать четкой грани, когда действия советской и партийной властей стали более спланированными по отношению к Русской православной церкви. Принцип «красногвардейской атаки» на религию сохранялся весь период Гражданской войны, но с начала 1919 г. уже можно увидеть первые попытки централизации и регламентации антицерковных действий, еще более заметны они стали со второй половины 1919 г.

Определенную роль здесь сыграл 13 пункт программы РКП(б), принятой в марте 1919 г. на VIII съезде партии. В программе подчеркивалось, что «по отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви», должна быть планомерная работа, ведущая «к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды» [16, с. 83].

В 1919 г. начались целенаправленные акты по национализации или закрытию подчиненных церкви заводов, мастерских, благотворительных организаций [10, д. 168, л. 123 об.] и т. д. Особенно болезненными для церкви оказались действия властей по национализации свечных заводов, дававших более менее стабильные доходы, столь необходимые при отсутствии других источников финансирования. Этот факт отмечали и светские власти [17, с. 4].

Процесс национализации церковных вкладов и капиталов проходил уже спланированно и целенаправленно, но и здесь

не обошлось без штурмовщины, при которой было трудно координировать действия представителей советской власти. Последним обстоятельством нередко пользовались люди, облеченные властью, в своих личных целях. Например, в Тамбовской губернии много реквизиций происходило без документального освидетельствования, и поэтому часть церковных капиталов разошлась «неизвестно куда». Полностью расхищенным оказался конфискованный скот тамбовских монастырей [10, д. 168, л. 123 об.].

После конфискации церковных средств церкви были лишены возможности распоряжаться вновь собранными деньгами. Отныне прихожане не могли использовать по своему усмотрению даже средства, собранные на текущие нужды (например, на ремонт храмов) [8, д. 695, л. 92]. По инструкции VIII отдела НКЮ церковные капиталы могли храниться только на депозите государственного казначейства и выделяться местными советами верующим по мере надобности. Мэру же надобности определял сам совет.

Сохранялся произвол людей, наделенных властными полномочиями, и по отношению к монастырям, т. е. под видом обысков продолжались грабежи имущества православных обитателей и т. п. Так, особой строгостью отличались обыски Курского Знаменского монастыря, начавшиеся в ночь на 9 июня 1919 г. Их проводили представители Московского ЧК под руководством т. Медведева. Обыски монастыря начались после того, как москвичам стало известно, что в обители хранятся драгоценные вещи, собранные верующими города на новую ризу для Курской чудотворной иконы «Знамение» Божией Матери. Чекисты под угрозой расстрела заставили казначея монастыря выдать им пожертвованные на ризу драгоценности. Кроме того, обыскивались храмы, монастырские постройки.

Люди Медведева конфисковали часть церковного вина, которое тут же выпили, были забраны из ризницы бриллиантовый крест, ордена покойных архиереев и украшенная камнями митра бывшего Курского епископа Тихона (Василевского) [10, д. 185, л. 24–24 об.].

В 1919 г. советским и партийным работникам стало понятно, что, несмотря на лишение церкви всех прав, она умирать не собирается. Для ликвидации религиозных организаций требовались более последовательные меры, поэтому начинает вестись более жесткая политика по отношению к РПЦ. Последнее, в свою очередь, позволило наладить работу губернских «ликвидационных» органов, которые смогли наконец заняться работой и на уровне уездов.

О том, как на уровне уездов проводили в жизнь декрет от 20 января 1918 г., можно проследить на примере Курской губернии. Весной 1919 г. данные по отделению церкви от государства представили только 9 уездов из 15, но и в поданных сведениях нередко отсутствовала информация о ситуации в подведомственных им волостях [10, д. 170, л. 117]. Полное отделение церкви от государства в Курской губернии не было проведено вплоть до 1920 г., а в некоторых местах даже до 1921 г. К концу 1920 г. полного отделения церкви от государства не было проведено в Белгородском, Корочанском, Льговском, Новооскольском, Обоянском, Рыльском, Суджанском, Фатежском и Щигровском уездах губернии [18, д. 2, л. 19; 19, д. 3, л. 1; 20 д. 30, л. 9; 21, д. 81, л. 25 об.]. Такая же ситуация существовала и в южных уездах Воронежской губернии. Правда, этот район был близок к белогвардейской Донской области.

Более последовательные действия по отношению к церкви на уровне уездов начали проводиться только с 1920 г.

Несмотря на идеологическое наступление советской власти на РПЦ, пе-

реломить ситуацию в свою пользу в годы Гражданской войны так и не удалось. Многовековые духовные традиции русского народа нельзя было ликвидировать в течение короткого промежутка времени. Например, в 1921 г. праздник Пасхи совпал с советским праздником 1-го мая. И через 3 года гонений на церковь, по словам очевидца событий, академика Н. М. Дружинина, «христианская Пасха заставила поблекнуть призывы и лозунги коммунизма» [22, с. 125]. Вера в Бога в основной массе народа продолжала жить.

Как видим, для достижения цели ликвидации Православной церкви представители партии большевиков были готовы на использование любых доступных средств. Понятия права и законности в рамках данной политики играли незначительную роль. Можно констатировать, что местные власти действовали вне правового поля при проведении столь широкомасштабной акции.

Список литературы

1. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 415–426.
2. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). Ф. Р-496. Оп. 1.
3. ГАТО (Гос. арх. Тамб. обл.). Ф. Р-6. Оп. 1.

4. ГАКО. Ф. 323. Оп. 1,
5. ГАКО. Ф. Р-590. Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. 750. Оп. 1.
7. ГАОПИКО (Гос. арх. обществ.-полит. ист. Курск. обл.). Ф. 65, 1.
8. ГА РФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. А-353. Оп. 2.
9. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1.
10. ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2.
11. Хроника VIII отдела // Революция и церковь. 1919. № 3-5. С. 61.
12. ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3.
13. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11.
14. ГА РФ. Ф. Р-3431. Оп. 1.
15. Ликвидация черных гнезд // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 27.
16. Программа РКП(б) (VIII съезд) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 71–92.
17. Их страданиями очистится Русь. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1996. 260 с.
18. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1
19. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1.
20. ГАКО. Ф. Р-2504. Оп. 1.
21. ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 4.
22. Дружинин Н. М. Дневник // Вопросы истории. 1996. №3. С. 125.

Поступила в редакцию 03.10.18

UDC 94

S. N. Emelyanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia) (e-mail: sergeje@mail.ru)

E. N. Shatankova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (email: shatankova.elena@mail.ru)

LEGAL FEATURES OF CARRYING OUT ANTI-RELIGIOUS ACTIVITIES OF BOLSHEVIKS IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR IN THE RUSSIA PROVINCE

The article analyzes the problems of creation of local, County and provincial level bodies, designed to deal with the separation of Church and state.

The Bolsheviks who came to power almost immediately began to pursue an anti-religious policy. The main blow was directed against the Russian Orthodox Church. The new authorities, contrary to the declared slogans on the separation of Church and state, began to pursue a policy aimed at the elimination of the ROC.

For the implementation of the decree of January 22, 1918 "on the separation of Church and state" at the people's Commissariat of justice created VIII Department, by the nature of its activities called "Liquidation".

In the spring of 1918, at the provincial and district departments of justice to create a local "salvage departments". However, despite the directives VIII of the NCU division, the local liquidation sub-departments could not work for a long time. To conduct a competent anti-religious policy required trained personnel. They just almost not there.

As a result, until 1920, and in some provinces and later, almost all anti-religious actions were carried out in the form of chaotic actions, paraphrasing the statement of the head of the Soviet state V. I. Lenin, "the red army attack". Only a few actions were fully realized, such as the elimination of icons in all public places, the abolition of the teaching of the Law of God in educational institutions, the confiscation of land property.

Attacks on clergy and laity, monasteries and churches of the Russian Orthodox Church have become more common phenomena, which are rather robbery and robbery, on the part of the red army, members of the Cheka, representatives of local Soviet and party authorities. In the course of such actions, as a rule, outright robberies were committed, periodically accompanied by murders. And, in SNK, NKYU, the management of RCP (b) such actions were not condemned. The authorities supported them as a manifestation of revolutionary initiative.

However, dreams about the destruction of the Russian Orthodox Church soon was not achievable. In defense of the Church stood ordinary believers. The struggle with the ROC lasted for many years. The Church prevailed in this struggle.

Key words: people's Commissariat of Justice, Russian Orthodox Church, liquidation Department of the NCU, provincial liquidation departments, decree "on the separation of Church and state", anti-religious policy.

For citation: Emelyanov S. N., Shatankova E. N. Legal features of carrying out anti-religious activities of bolsheviks in the years of the Civil war in the russia province. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 259–266 (in Russ.).

***

Reference

1. Lenin V. I. Ob otnoshenii rabochej partii k religii. Poln. sobr. soch., vol. 17. Moscow, Politizdat Publ., 1968, pp. 415–426.
2. GAKO (Gos. arh. Kursk. obl.), f. R-496, op. 1.
3. GATO (Gos. arh. Tamb. obl.), f. R-6, op. 1.
4. GAKO, f. 323, op. 1,
5. GAKO, f. R-590, op. 1.
6. GAKO, f. 750, op. 1.
7. GAOPIKO (Gos. arh. obshchestv.-polit. ist. Kursk. obl.), f. 65, 1.
8. GA RF (Gos. arh. Ros. Federacii), f. A-353, op. 2.
9. GATO, f. R-1, op. 1.
10. GARF, f. R-470, op. 2.
11. Hronika VIII otdela. Revolyuciya i cerkov', 1919, no. 3-5, pp. 61.

12. GA RF, f. A-353, op. 3,
13. GA RF, f. R-393, op. 11.
14. GARF, f. R-3431, op. 1.
15. Likvidaciya chernyh gnezd. Revolyuciya i cerkov', 1919, no. 1, pp. 27.
16. Programma RKP(b) (VIII s"ezd). KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. Vol. 2. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 71–92.
17. Ih stradaniyami ochistitsya Rus'. Moscow, Izd-vo im. svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo, 1996. 260 p.
18. GAKO, f. R-325, op. 1
19. GAKO, f. R-545, op. 1.
20. GAKO, f. R-2504, op. 1.
21. GAKO, f. R-865, op. 4.
22. Druzhinin N. M. Dnevnik. Vo-prosy istorii, 1996, no. 3, pp. 125.

УДК 93/94 (35.087.431)

А. В. Кульчитцкий, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kulchitckij@mail.ru)

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗЕМСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В данной статье впервые освещается система пенсионного обеспечения земских учителей в период от второй половины XIX века до 1917 года, которую внедряли земские ведомства для своих сотрудников, кроме того, излагаются принципы назначения казенного пенсионера, дополняемого эмеритальными выплатами, имевшими накопительный характер. Ведется сопоставительный анализ историко-экономических данных о низких зарплатах учителей в Российской империи и деятельности эмеритальных касс. Материалом для сравнения послужили фактические примеры деятельности столичной кассы учителей С.-Петербургского уезда и типовой губернской кассы – Курской земской эмеритальной кассы.

Согласно статистическим данным XIX – начала XX века учителей в земских эмеритальных кассах было абсолютное большинство. Поскольку эмеритальные пенсии в определенной степени были продолжением жалования и в среднем составляли 70%, то, к сожалению, даже они не могли обеспечить достойный материальный уровень жизни представителей образования. Учителя, как и все остальные участники земских эмеритальных касс, получали обычные пенсии, вдовьи, сиротские и особые усиленные, за редким исключением пенсионные выплаты могли назначить родителям умершего эмерита. В Санкт-Петербургской земской эмеритальной кассе, в которой все ее участники делились на 3 разряда, учителя и учительский персонал относились к первому – с самым низким пенсионным обеспечением.

Земские эмеритальные кассы основывались на принципе зависимости размера пенсионных начислений от величины зарплаты и продолжительности лет службы. Если участник состоял в таковой минимум 15 лет, производил отчисления с жалования и премиальных 6% и 10% соответственно, то получал пенсию (за рядом исключений) размером 1/2 от зарплаты, если 20 лет – 2/3, если 25 лет – 3/4 своего содержания, если 30 лет – полный оклад. В основном земские учителя состояли в двух типах пенсионных касс: эмеритальных и страховых. В общем итоге созданная пенсионная система обеспечения земских учителей в частности и земских служащих в целом, имевшая накопительный характер, значительно улучшила социальное положение оставшихся участников земского ведомства.

Ключевые слова: пенсионное законодательство, эмеритальные кассы, учителя, земские служащие, пенсионные начисления.

Ссылка для цитирования: Кульчитцкий А. В. Пенсионное обеспечение земских учителей в Российской империи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 267–273.

***

В Российской империи значимость личности учителя и воспитателя, его добросовестного труда на всех ступенях образования всегда осознавалась как обществом, так и государством. Вместе с тем заработная плата и пенсионное обеспечение, особенно земских педагогических служащих, оставляли желать лучшего.

Материальное положение земских учителей было крайне тяжелым. Например, в газете «Народный учитель» отмечалось, что в докладе на II Всероссийском съезде учителей г. Смирнов с горечью констатировал: «живет буквально впроголодь, чуть не нищенствует».

По данным земской анкеты, 94% лиц учительского персонала получали не более 360 руб. в год, из них: 20% – от

240 до 360 руб.; 14% – от 144 руб. до 240 руб. [1, с. 2]

Жалование с прибавкой выплачивалось по пятилетиям следующим образом:

– 5 лет службы

$240 + 24 = 264$ руб.;

– 10 лет

$240 + 24 + 36 = 300$ руб.;

– 15 лет

$240 + 24 + 36 + 48 = 348$ руб.;

– 20 лет

$240 + 24 + 36 + 48 + 60 = 408$ руб.

Выше 408 руб. в год содержание не поднималось [2, с. 25–30].

Впрочем, оставался еще один путь «сведения концов с концами» – это сокращение потребностей. Как свидетельствует анкетирование среди учителей, им приходилось ограничивать себя буквально

но во всем. Недостаточно удовлетворяли свои потребности: в одежде и обуви – 24%; в питании – 21%; в лечении – 14%; в самообразовании – 41%. Для характеристики положения этой категории земских работников можно привести типичный ответ одной учительницы: «...к концу месяца еле свожу концы с концами, не могу ни сшить себе платья, ни купить обуви без помощи отца» [1, с. 2].

При таких доходах думать о сбережениях было невозможно; утрата трудоспособности для земского учителя представлялась большим жизненным бедствием.

Государственная власть, понимая все материальные трудности земских учителей, пыталась решить социальные проблемы. Одним из способов стало введение пенсионных касс. Так, Курское земство одной из главных своих задач ставило создание земской эмеритальной кассы. Ее главной целью являлось «обеспечение каждого участника на случай старости и болезни», а при его смерти финансовая поддержка его семьи – вдовы, малолетних детей, а иногда и престарелых родителей [3, с. 58]. При этом имелось в виду прежде всего пенсионное обеспечение земских учителей, для чего с 1875 г. началось образование пенсионного капитала посредством ежегодных отчислений из земских средств по 7250 руб., 2% вычетов из содержания учителей и 5% из получаемых ими наград. К моменту создания вычет с зарплаты сделали 6%, а денежных наград – 10% [4, с. 2].

Собственно существующая эмеритальная касса для земских служащих была открыта лишь в 1890 г. [5, с. 173–174], хотя уже с конца 1860-х – начала 1870-х гг. в ряде губерний Империи стали появляться земские пенсионные учреждения [6, с. 485]. К 1913 г. количество эмеритур достигло 30 в губернских земствах и до 18 на уровне уездов [7, с. 147].

Как известно, у земств существовало 2 типа пенсионных касс: эмеритальные (по Закону от 30 апреля 1885 г.) и страховые (по Закону 1900 г.). Расхождения

между данными типами социального обеспечения сводились к следующим чертам.

Во-первых, эмеритальные кассы строились по принципу зависимости величины пенсии от размера зарплаты и продолжительности рабочих лет. В этих условиях пенсии являлись формой к существованию лица, посвятившему свою жизнь данной профессии, своего рода неким продолжением зарплаты. У каждой земской кассы была своя совершенно особая процедура назначения пенсии, впрочем, разброс окладов в значительной мере определялся неоднородными условиями жизни в разных местностях Российской империи [1, с. 7–9]. Например, в Санкт-Петербургской земской эмеритальной кассе все участники делились на 3 разряда: к I разряду относились учительский и медицинский персоналы и все, получающие не свыше 420 руб. годового оклада; ко II – лица, зарабатывающие до 600 руб. и не входящие в первый разряд; к III – служащие с жалованием более 600 руб. в год.

Согласно внутренним правилам каждый год нахождения в данной пенсионной кассе приносил его участнику больший процент, чем предыдущий [8, с. 4–5].

Во-вторых, слабой стороной эмеритальных касс была их финансовая неустойчивость и экономическая несамостоятельность. Как показал опыт, взносов как самого земства, так и эмеритов было недостаточно, а потому основная доля выплат пенсионных средств осуществлялась за счет земских средств. При таком финансовом положении переход к другому виду пенсионных касс был неизбежным, а страховой тип земских касс являлся преобладающим.

Согласно Уставу 1900 г. пенсион мог выдаваться не менее чем за 10 лет работы. Уставы же земских касс зачастую удлинляли этот минимальный срок до 15. Отсюда «нормальная» пенсия выдавалась только в случае долгого срока службы, в большей степени недоступного для гро-

мадного большинства работников того времени. В результате пенсионные выплаты носили нищенский характер. По мнению специалистов, пенсии как источник финансового благополучия в старости не должны были существенно различаться от уровня получаемой зарплаты, и в среднем пенсион мог составлять 70% от жалования. К сожалению, в действительности пенсии земским работникам, учителям в частности, за редким исключением, превышали 34% от заработной платы, а иногда даже снижались и до 7% [1, с. 14].

Согласно статистическим данным конца XIX – начала XX в. можно сделать вывод, что учителей в пенсионных кассах было большинство. Например, в С.-Петербургской эмеритальной кассе к 1 января 1897 г. оставалось 140 человек, «из них: 12 уездных мировых судей, 48 медицинских работников, 58 учителей и учительниц» [9, с. 38–39].

Изначально эмеритальную кассу предлагали открыть только для учителей С.-Петербургского уезда, с этой идеей выступил на заседании земского собрания 16 октября 1872 г. гласный Ф. В. Овсянников и Е. А. Шакеев. Для этого была создана особая комиссия из управы, которая к 1873 г. пришла к заключению, что не одни только земские учителя заслуживают пенсионного обеспечения, а и все служащие земства. А если создавать только учительскую пенсионную кассу, то она будет финансово неустойчива [9, с. 3].

В Курской земской эмеритальной кассе:

- на 1 августа 1899 г. из 1454 членов кассы было 768 учителей, учительниц и их помощников [10, с. 202];
- 1900 г. из 1559 / 802 [11, с. 35];
- 1901 из 1689 / 853 [12, с. 37];
- 1902 из 1849 / 907 [12, с. 37].
- 1903 из 1999 / 993 [13, с. 46];
- 1904 из 2123 / 1043 [14, с. 44–45];
- 1905 из 2290 / 1143 [15, с. 44–45];
- 1907 г. из 2502 / 1302 [16, с. 52–53];
- 1908 г. 2592 / 1301 [17, с. 42–44];

- 1911 г. 2650 / 1125 [18, с. 52–53];
- 1912 г. 2659 / 994 [19, с. 54–55];
- 1913 г. 2851 / 994 [20, с. 48–50].

На основе приведенных данных легко увидеть воочию, что среди участников кассы большинство составляли учителя. Члены данной кассы получали ранее описанные виды пенсий.

В С.-Петербургском земстве с 1897 г. эмеритальные пенсии получали учителя: В. Е. Щеглов – 119 руб., П. Н. Зайцев – 141 руб. в год [9, с. 41].

В Курском земстве с 1905 г. эмеритальные пенсии получали следующие учителя:

- Ахтырская И. М. за 18 лет службы – 59 руб. 7 коп. в год;
- Каменев К. А. за 21 год службы – 133 руб. 33 коп. в год;
- Никольский А. И. за 30 лет стажа – 222 руб. 76 коп. в год [21, с. 54–55];
- Рябкова Е. А. за 15 лет службы – 41 руб. 71 коп. в год;
- Гудилин М. К. за 20 лет службы – 68 руб. 54 коп. в год;
- Яньшина Е. А. за 23 года службы – 105 руб. 21 коп. в год;
- Вахнив А. А. за 30 лет стажа – 316 руб. 88 коп. в год [16, с. 58–59].

Вдовьи пенсии выплачивали вдовам, мужа которых работали учителями и состояли в земской эмеритальной кассе:

- Постникова Е. И., супруг которой служил учителем 15 лет, – 45 руб. 45 коп. в год [21, с. 54–55];
- Плохих З. П., супруг которой имел стаж почти 28 лет, – 131 руб. 38 коп. в год;
- Сторожилова М. В., супруг которой имел стаж 31 год, – 115 руб. 27 коп. в год [16, с. 58–59].

Сиротские пенсионеры от эмеритуры получали:

- Постниковы Валентин, Валентина, Софья и Агафангель – 134 руб. в год на 4-х [21, с. 54–55];
- Плохих Павел и Николай, отец которых прослужил учителем 28 лет, – по 63 руб. 18 коп. в год;

– Сторожиловы Лидия и Агния, чей отец имел учительский стаж 31 год, – по 63 руб. 24 коп. [16, с. 58–59].

Назначались и особые пенсии, усиленные. Например, Елизавете Афанасьевне Головиной, служившей учительницей в Новооскольском земстве Курской губернии, выплачивали пенсион в размере 68 руб. 50 коп. в год, т. к. комиссия признала связь ее болезни с исполнением ею служебных обязанностей [22, с. 252].

Были и прецеденты, когда пенсию выдавали близкому родственнику ввиду тяжелой болезни пенсионера. Так, например, за больную учительницу Марию Мураховскую пенсион 100 руб. в год получала её мать – Надежда Мураховская, у которой, как удостоверяло полицейское управление, больная находилась на содержании и под присмотром. В данном случае губернская управа сочла более правильным выплачивать пенсионные суммы Н. Мураховской [3, с. 58].

В тесной связи с вопросом о составе участников находился и вопрос об участии в земских кассах учителей земских школ, содержание которых было основано на совместных средствах государства и земства. Данный вопрос в конце XX в. трактовался во всех земствах по-разному и вызвал ряд самых противоположных постановлений.

Учителя в последние годы составляли большинство земских служащих, и выход их из касс нарушал все расчеты, сделанные применительно к большому составу участников. Кроме того, большая часть учительского персонала являлись людьми одинокими (холостыми или незамужними), поэтому участие их в пенсионных кассах было крайне выгодно экономически, т. к. не было надобности образовывать резервы для их семейств. Это давало значительный плюс при составлении бюджета эмеритальных касс, по уставам которых взносы уходящим в отставку без выслуги прав на пенсию не возвращались. В пенсионных кассах, где собственные взносы хотя и возвращались, остальные суммы, стоящие на сче-

тах участников, либо вовсе не выдавались, либо выдавались в размере не свыше 90%. Таким образом, в кассе оставался значительный запас средств для обеспечения правильного ее функционирования.

Рассмотрение этого вопроса в земских собраниях привело к самым разнообразным решениям: одни уездные земства высказались за перевод учителей в министерскую кассу, т. к. при таком решении вопроса приплаты земств уменьшались на 6–8% окладов содержания перешедших учителей; другие, наоборот, признавали необходимым оставить учителей в земских кассах, считая, что последние обеспечивают служащих лучше, чем министерская. В министерской кассе:

- при выходе в отставку до 5 лет взносы не возвращались;

- за 5–10 лет взносы возвращались без процентов;

- за 10–15 лет возвращались только собственные взносы со сложными процентами по 4 на 100.

В то время как земские кассы возвращали:

- до 5 лет – собственные взносы без процентов;

- за 5–10 лет – те же взносы со сложными процентами по 4 на 100;

- за 10–15 лет – собственные взносы со сложными процентами с прибавлением от 25 до 85 и 90% остальных сумм, числящихся на счетах участников и их жен.

Точно так же различались и порядки назначения обыкновенных и усиленных пенсий, из министерской кассы за 15 лет и более выдавалась лишь пенсия, технически начисленная в порядке устава, а из земских касс допускалась выдача капитализованной пенсии, равной 95% прав участника и его жены. Оставляющие службу со стажем до 15 лет вследствие потери трудоспособности или упразднения должности из министерской кассы получали лишь свои взносы со сложными процентами, а из земских – либо пенсию,

либо все суммы, стоящие на их счетах и на счетах их жен.

Наконец, третьи земства предлагали некий компромисс решения, чтобы учителя участвовали в обеих кассах или же оставались в земских, а министерскую, со своей стороны, передавали в кассы те 6% оклада их содержания.

Окончательно, однако, вопрос не был решен ни в одной из губерний. В Смоленском собрании было решено, что в земских пенсионных кассах обязательно участие учителей, а потому руководство губернии со своей стороны выделяло совместные средства казны и земства. Губернские власти также обращались с просьбой в министерство о финансовой поддержке учителей в данных пенсионных кассах.

Тверское собрание постановило ходатайствовать о разрешении учителям участвовать в обеих кассах и в случае отрицательного решения обжаловать распоряжение министерства в Сенате.

Московское собрание разрешило старым учителям остаться в земской пенсионной кассе, а вновь поступающие на службу обязаны участвовать в министерской. На практике же этот контингент учителей участвовал в обеих кассах.

Рязанская губернская управа высказалась за оставление учителей в земской кассе, но собрание оставило вопрос открытым вследствие заявления гласного члена Государственной Думы – Леонова, что министерская касса лучше и что земство избавится таким образом от приплат за учителей.

Наконец, Харьковское земство этого вопроса разрешить и вовсе не смогло, губернское собрание высказалось за то, чтобы учителя, как в собственных интересах, так и в интересах пенсионной кассы, участвовали только в одной земской кассе, при условии взноса уездными земствами за них 6% с полного оклада их содержания.

Уездные же собрания не пришли к единодушному решению, а некоторые и совсем не рассматривали этого вопроса,

почему и не набралось требуемого законом большинства 2/3 уездных земств.

Таким образом, хотя этот вопрос и нельзя считать окончательно разрешенным, тем не менее нужно отметить общую тенденцию – попытку оставить учителей в земских пенсионных кассах.

Список литературы

1. Загряцков М. Д. Земская служба и социальное страхование. М.: Склад изд. магазин «Высшая школа», 1916. 34 с.

2. Текущая школьная статистика Курского губернского земства 1899/1900 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1900. 119 с.

3. Доклады Курской земской управы XXXVI очередному губернскому земскому собранию. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1900. 58 с.

4. Устав Курской земской эмеритальной кассы. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1896. 32 с.

5. Отчет по ревизии, произведенной в 1904 г. сенатором Н. А. Зиновьевым. Т. 1. СПб.: Тип. МВД, 1906. 504 с.

6. Веселовский Б. Б. История земства. Т. 3. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. 709 с.

7. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2: 1905–1918. М.: Наука, 2005. 384 с.

8. Устав пенсионной кассы служащих в земстве С.-Петербургской губернии. СПб.: Тип. Акционерного общества «Слово», 1877. 55 с.

9. Отчет С. Петербургской уездной земской управы по эмеритальной кассе за 20 лет: 1877–1897 гг. СПб.: Тип.-лит. И. А. Литвинова, 1897. 51 с.

10. Кульчитцкий А. В. История пенсионного обеспечения россиян: 1827–1917 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. № 35 (76), ч. 1: Общественные и гуманитарные науки. СПб.: Кн. дом, 2008. С. 199–204.

11. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за

1899/1900 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1900. 41 с.

12. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1901/1902 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1902. 44 с.

13. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1902/1903 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1903. 54 с.

14. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1903/1904 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1904. 54 с.

15. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1904/1905 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1906. 55 с.

16. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1906/1907 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1907. 62 с.

17. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за

1907/1908 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1908. 62 с.

18. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1910/1911 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1911. 63 с.

19. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1911/1912 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1912. 68 с.

20. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1912/1913 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1914. 67 с.

21. Отчет эмеритальной кассы служащих в земстве Курской губернии за 1905/1906 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1906. 57 с.

22. Журнал заседаний 49 очередного Курского губернского земского собрания декабря 1913 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1914. 1056 с.

Поступила в редакцию 11.10.18

UDC 93/94 (35.087.431)

A. V. Kulchitskiy, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kulchitckij@mail.ru)

PENSION ZEMSTVO TEACHERS IN RUSSIAN EMPIRE

This article for the first time covers the system of pension provision of Zemstvo teachers in the period from the second half of the XIX century to 1917, which was introduced by Zemstvo departments for their employees, in addition, sets out the principles of the appointment of the state pension, supplemented by emerital payments, which had a cumulative nature. Conducted comparative analysis of historical and economic data about low teacher salaries in the Russian Empire and the activities of aid funds for Emeritus professors Cass. Material for comparison was the actual examples of activities the capital Fund of the teachers of the St. Petersburg district and a model provincial offices Kursk Zemstvo aid funds for Emeritus professors offices.

According to the statistics of the XIX – beginning of XX centuries, teachers in rural aid funds for Emeritus professors offices was an absolute majority, As aid funds for Emeritus professors pensions to some extent was a continuation of salary and the average was 70%, then, unfortunately, even they could not provide a decent standard of life of the representatives of education. Teachers, like all other members of Zemstvo aid funds for Emeritus professors Cass, received a regular pension, widow's, orphan's and special reinforced, with rare exceptions, pension benefits could assign parents of the deceased emerita. In the St. Petersburg Zemstvo aid funds for Emeritus professors office where all the participants were divided into 3 categories, teachers and teaching staff refers to the first with the lowest pensions.

Zemstvo aid funds for Emeritus professors offices was based on the principle of the dependence of the size of pension accruals of the salary and length of years of service. If the participant was in such a minimum of 15 years, made deductions from the salary and bonus 6% and 10%, respectively, received a pension (with a number of exceptions) of 1/2 of the salary, if 20 years – 2/3, if 25 years – 3/4 of its content, if 30 years – full salary. Mostly provincial teachers consisted of two types of pension funds: aid funds for Emeritus professors and insurance. As a result, the created pension system of providing Zemstvo teachers, in particular, and Zemstvo employees in General, which had a cumulative character, significantly improved the social status of retired participants of Zemstvo Department.

Key words: *pension legislation, aid funds for Emeritus professors offices, teachers, Zemstvo employees, pension accruals.*

For citation: Kulchitskiy A. V. Pension zemstvo teachers in Russian empire. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 266–273 (in Russ.).

Reference

1. Zagryackov M. D. Zemskaya sluzhba i social'noe strahovanie. Moscow, Sklad izd. magazin "Vysshaya shkola", 1916. 34 p.
2. Tekushchaya shkol'naya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva 1899/1900 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1900. 119 p.
3. Doklady kurskoj zemskoj upravy XXXVI ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1900. 58 p.
4. Ustav Kurskoj zemskoj ehmerital'noj kassy. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1896. 32p.
5. Otchet po revizii, proizvedennoj v 1904 g. senatorom N. A. Zinov'evym, Vol. 1. St. Petersburg, Tip. MVD, 1906. 504 p.
6. Veselovskij B. B. Istoriya zemstva. Vol. 3. St. Petersburg, Izd-vo O. N. Popovoj, 1911. 709 p.
7. Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918. Vol. 2: 1905–1918. Moscow, Nauka Publ., 2005. 384 p.
8. Ustav pensionnoj kassy sluzhashchih v zemstve S.-Peterburgskoj gubernii. St. Petersburg, Tip. Akcionernogo obshchestva "Slovo", 1877. 55 p.
9. Otchet S. Peterburgskoj uezdnoj zemskoj upravy po ehmerital'noj kasse za 20 let: 1877–1897 gg. St. Petersburg, Tip-lit. I. A. Litvinova, 1897. 51 p.
10. Kul'chitskiy A. V. Istoriya pensionnogo obespecheniya rossiyan: 1827–1917 gg. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Aspirantskie tetradi, no. 35 (76), pt. 1: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. St. Petersburg, Kn dom, 2008. pp. 199–204.
11. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1899/1900 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1900. 41 p.
12. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1901/1902 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1902. 44 p.
13. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1902/1903 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1903. 54 p.
14. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1903/1904 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1904. 54 p.
15. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1904/1905 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1906. 55 p.
16. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1906/1907 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1907. 62 p.
17. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1907/1908 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1908. 62 p.
18. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1910/1911 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1911. 63 p.
19. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1911/1912 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1912. 68 p.
20. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1912/1913 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1914. 67 p.
21. Otchet ehmerital'noj kassy sluzhashchih v zemstve Kurskoj gubernii za 1905/1906 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1906. 57 p.
22. Zhurnal zasedanij 49 ocherednogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya dekabrya 1913 g. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1914. 1056 p.

Е. А. Масуфранова, кан. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: a25021985@yandex.ru)

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В данной статье автором рассматривается восстановительный процесс социально значимых объектов и образовательных учреждений железнодорожного транспорта, разрушенных в годы Великой Отечественной войны военными действиями и немецко-фашистской оккупацией как на территории Курской области, так в масштабах всего пространства СССР. Анализируются основные направления и особенности политики государственных органов (Совета Народных Комиссаров СССР и Главного управления учебных заведений Министерства путей сообщения СССР) в сфере образования и переподготовки высококвалифицированных специалистов для железнодорожного транспорта СССР, решающие кардинальные вопросы модернизации поэтапной системы подготовки кадров, способствующих обеспечению непрерывного процесса обучения и повышения квалификации работников. Также в работе затрагиваются основные положения важнейших документов Советского государства по исследуемой проблеме.

Кроме того, поднимается вопрос о проблемах подготовки специалистов высшей квалификации для железнодорожного транспорта с высшим и средним образованием, а также долгосрочная программа по развитию массовой подготовки квалифицированных кадров и производственно-техническому обучению рабочих и служащих для железных дорог Советского Союза, включавшая в себя несколько уровней: как получение высшего и среднего специального образования в учебных заведениях (в институтах, техникумах и училищах железнодорожного транспорта), так и в железнодорожных училищах Министерства трудовых резервов СССР. Также автором исследуется функционирование дорожных школ фабрично-заводского обучения и железнодорожных училищ, открывавшихся в системе Министерства трудовых резервов СССР, ведущих обучение специалистов и кадров массовых профессий. Автором в статье приводятся данные Российского государственного архива экономики за 1946–1950 годы по количеству подготовленных по стране специалистов массовых профессий для железнодорожного транспорта СССР, в том числе по профессиям, связанным с движением поездов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, подготовка специализированных кадров, повышение квалификации, школа фабрично-заводского обучения, железнодорожный техникум.

Ссылка для цитирования: Масуфранова Е. А. Специфика подготовки кадров для железнодорожного транспорта СССР в послевоенные годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 274–279.

***

В годы Великой Отечественной войны военные действия и немецко-фашистская оккупация на территории Курской области нанесли серьезные потери всей инфраструктуре города и области в целом. Заметные разрушения коснулись многих социально значимых объектов, которые не обошли стороной и образовательные учреждения транспорта города Курска. Бесчисленные кадровые потери, понесенные коллективами железных дорог Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, не могли не отразиться на составе рабочих и служащих железнодорожного транспорта.

Немецкие статистические данные свидетельствуют о том, что вплоть до середины 1943 г. оккупанты увеличивали

использование природных богатств и промышленного потенциала занятой территории. Общий ущерб от уничтожения и разграбления имущества по освобожденным районам Российской Федерации составил 255 млрд рублей [1, с. 1596].

В этот период весь железнодорожный транспорт функционировал как единый механизм, работающий на удовлетворение потребностей фронта в перевозках, связанных с мобилизацией и сосредоточением войск, с перестройкой на военный лад всего народного хозяйства.

Под постоянным огнем врага железнодорожные кадры перевозили войска, оружие, продовольствие к фронту, а в тыл – заводы, фабрики и мирное население. Большинство железнодорожных

кадров ушло на фронт, а среди них было много квалифицированных рабочих, в связи с чем остро встал вопрос подготовки новых кадров. Для решения этой проблемы увеличивалась сеть железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения, а также улучшалось индивидуальное обучение рабочих. Весьма широкое распространение получило обучение работников в курсовой сети и технических школах. Повышению квалификации способствовали организованные на многих железных дорогах школы производственного опыта, в связи с чем в послевоенные годы насущно стоял вопрос о повышении квалификации кадров. За годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) квалификацию повысили 3,5 млн человек, в том числе более 1 млн человек прошли подготовку через стахановские школы без отрыва от производства [2, с. 115].

Со временем по всей стране начался восстановительный процесс разрушенных городов и деревень, фабрик и заводов, а также учебных заведений. Уже в 1944 г. было восстановлено и оборудовано вновь 329 школ на 91840 мест и 126 детских учреждений на 8875 мест в 1945 г. В 1946 и 1947 гг. было восстановлено и вновь построено 190 школ на 41920 мест и 65 детских учреждений на 5520 мест в системе образования Министерства путей сообщения [3, с. 12].

Для повышения и улучшения технической грамотности новоиспеченных кадров в июне 1943 г. Советом Народных Комиссаров СССР было принято Постановление «Об обучении подростков, работающих на предприятиях», в котором устанавливалось, что с 1 октября 1943 г. в городах и селах создается сеть общеобразовательных школ для подростков и желающих без отрыва от производства получить образование. Обучение велось по программам 5–10 классов. В учебном году было 48 недель по 9 учебных часов в неделю или занимались 3 дня в неделю по 3 учебных часа. С октября 1943 г. начали свой первый учебный год семи-

летние и средние школы рабочей молодежи на железных дорогах [4, с. 14].

В связи с дефицитом специалистов ведущих профессий руководством государства разрешалось использование в сети железнодорожного транспорта труда подростков. Из школ ФЗО и железнодорожных училищ на должности, связанные с движением поездов, было принято 25905 человек (помощников паровозных машинистов – 9949, кочегаров – 3755, путейских обходчиков – 4754, стрелочников – 2130). Многим из них не было и 18 лет [5]. Можно отметить, что применение труда подростков, вызванное нехваткой специалистов на транспорте в послевоенные годы, было повсеместно и происходило и в других профессиях.

Однако стоит отметить, что в структуре Главного управления учебных заведений Министерства путей сообщения СССР и отделов школ соответствующих железных дорог в 1940–50-е гг. работали начальники, семилетние и средние общеобразовательные школы, которые пользовались финансовой составляющей отделений дорог, райпрофсоюзей и в указанный промежуток времени данные учебные заведения транспорта восстанавливались весьма успешней, чем городские или сельские школы Курской области [6].

Но несмотря на финансирование со стороны железной дороги, условия обучения в железнодорожных школах долго оставались неважными, на что влияла значительная загрузка учебных аудиторий, недостаточное количество помещений для реализации учебного процесса, слабая освещенность классных комнат, а также не соответствующая нормативам школьная гигиена, низкокалорийное питание и небрежное обслуживание учащихся в столовых.

Специалистов со средним образованием готовили техникумы, а с высшим – железнодорожные вузы. Нехватка кадров высшей категории предусматривала пересмотр учебных планов и программ в сторону сокращения сроков обучения.

Важное значение имело постановление ГКО о мероприятиях на 1943–1944 г. по укреплению вузов и техникумов железнодорожного транспорта, роль которых возросла в связи с необходимостью кадров для обеспечения действующих, восстанавливаемых и строящихся железных дорог. Огромная работа, проводимая НКПС по подготовке и повышению квалификации кадров, имела решающее значение для успешного выполнения сложных и ответственных задач, стоявших перед железнодорожным транспортом в годы войны.

В 1950-х гг. среди специалистов предприятий железнодорожного транспорта значительно возросло желание к получению десятилетнего образования. Процесс обучения в вечерних школах рабочей молодежи активизировался после принятия 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшим развитии системы народного образования» [7]. Полученное образование давало им возможность значительно совершенствовать профессиональные знания.

С середины 1945 г. правительством СССР совместно с руководством Наркомата (с 1946 г. – Министерства) путей сообщения была разработана долгосрочная программа по развитию массовой подготовки квалифицированных кадров и производственно-техническому обучению рабочих и служащих для железных дорог Советского Союза.

Данная программа включала в себя несколько уровней: как получение высшего и среднего специального образования в учебных заведениях (в институтах, техникумах и училищах железнодорожного транспорта), так и в железнодорожных училищах Министерства трудовых резервов СССР.

Примером могут служить данные о выпуске специалистов вузами Министерства путей сообщения за 1946–1950 гг.: на очном отделении в 1946 г. обучалось – 826 чел.; в 1947 г. – 1640 чел.; в 1948 г. – 3494 чел.; в 1949 г. – 3699 чел.; в 1950 г. –

3100 чел. [8, с. 42] С учетом указанных сведений можно наглядно проследить динамику роста обучающихся и получающих высшее образование в указанный временной промежуток.

В 1946 г. массовое распространение получило направление техников-практиков для двухлетнего (а с 1951 г. – трехлетнего) обучения как в высших учебных заведениях железнодорожного транспорта, так и формирование специализированных групп по подготовке инженеров из техников, имевших пятилетний практический опыт работы на производстве. Такие мероприятия способствовали увеличению количества кадров среднего и высшего звена железнодорожного транспорта, желавших повышать свою профессиональную квалификацию [9, с. 420].

В данный промежуток времени в техникумах велась весьма активная деятельность по подготовке квалифицированных специалистов со средним специальным образованием по различным специальностям, а именно: паровозное хозяйство, движение, связь и др. Так, в 1946 г. было выпущено 5327 специалистов; в 1947 г. – 8907 чел.; в 1948 г. – 9296 чел.; в 1949 г. – 7778 чел.; а в 1950 г. – 8558 человек [8, с. 43]. Исходя из этого следует, что выпуск кадров техникумами железнодорожного транспорта в промежуток 1946–1950 гг. был значительно увеличен, а также расширен перечень специальностей для подготовки высококвалифицированных специалистов.

Можно смело говорить о том, что в послевоенный период железнодорожный техникум пользовался весьма значительным авторитетом у выпускников железнодорожных и общеобразовательных школ города и относился к престижным средним специальным учебным заведениям области в целом.

В этот же период времени на железных дорогах страны действовали около двухсот дорожных технических школ, где проводилась подготовка специалистов из состава локомотивных бригад. Кадры других массовых профессий (ремонтни-

ков локомотивов, бригадиров пути, столбярков и др.) готовились в разнообразных школах – фабрично-заводского обучения (ФЗО) и в железнодорожных училищах, открывавшихся в системе Министерства трудовых резервов СССР. Эта работа активизировалась сразу же после принятия постановления Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» [10].

Согласно данным Российского государственного архива экономики, за 1946–1950 гг. в целом по стране было подготовлено 1 616 651 специалистов массовых профессий для железнодорожного транспорта СССР, в том числе по профессиям, связанным с движением поездов: 42958 – машинистов локомотивов; 81 629 – помощников машинистов; 95 846 – кочегаров; 32 847 – дежурных по станции; 2 986 – начальников станций; 5 067 – диспетчеров; 100 693 – кондукторов; 128 154 – стрелочников; 13 597 – сцепщиков; 81 603 – проводников; 26 987 – проездных вагонных мастеров; 39 585 – осмотрщиков вагонов; 8 620 – дорожных мастеров; 21 508 – бригадиров пути; 71 787 – путевых обходчиков; 10 441 – электромехаников. Кроме того, 3 495 882 человек повысили свой уровень знаний в рамках повышения квалификации [11].

В начале же 1950-х гг. во всех технических вузах вводилось обучение по трехгодичной программе для техников, имевших пятилетний стаж руководящей работы. Кроме того, большую популярность набирала заочная форма обучения, получаемая с конца 1950-х гг. во Всесоюзном заочном институте инженеров железнодорожного транспорта (ВЗИИТ) [11].

Численность специалистов с высшим образованием, работавших на железнодорожном транспорте за 1960 г., возросла на 4300 человек, а со среднетехническим – на 9600 чел. В послевоенный период на железнодорожном транспорте

работали 117 348 специалистов с высшим образованием (53541 инженеров, 22 509 врачей, 41 298 педагогов). Со средним образованием трудилось специалистов около 204 725 чел., в том числе техников – 113 600 чел., средних медработников – 60 289 чел., учителей – 30 836 чел. Около 60 тыс. железнодорожников благополучно совмещали работу с заочным обучением во втузах и техникумах и 19 тыс. человек обучались на вечерних отделениях этих же заведений. Данные меры помогали успешно решать проблемы увеличения технического персонала со средним специальным образованием, а также вопросы возможного назначения техников на рабочие должности. Уже в середине 1960-х гг. на железнодорожном транспорте явно обнаружились результаты научно-технической революции. К концу 1965 г. на железнодорожном транспорте работало порядка 60 тыс. инженеров и экономистов с высшим образованием.

Но процесс подготовки специалистов и технически грамотных кадров для железных дорог страны проходил гораздо медленнее, чем планировалось. За 1946–1950 гг. в системе Министерства путей сообщения было подготовлено всего лишь 4,6 млн рабочих, из них 43 тыс. машинистов паровозов. Подготовка машинистов в 1946–1950 гг. понизилась соответственно с 11 до 6,2 тыс. человек. Однако с 26 до 35 тыс. человек увеличилось число выпускников железнодорожных училищ и школ ФЗО, пришедших на работу на транспорт (помощники машинистов и слесари по ремонту подвижного состава).

За 1951–1955 гг. в дорожно-технических школах и на курсах Министерства путей сообщения было обучено 907 544 чел., из них с отрывом от производства 241 965 чел. и в учебных заведениях системы трудовых резервов (железнодорожные и технические училища и школы ФЗО) 170 610 человек [12].

В заключение можно отметить, что руководством Советского Союза в пер-

вые послевоенные годы поэтапно внедрялась государственная программа массовой подготовки квалифицированных специалистов инженерно-технического, средне-специального уровня, а также кадров массовых профессий. Их обучение велось в высших и средних учебных заведениях системы Министерства путей сообщения СССР, в дорожных технических школах и в железнодорожных училищах Министерства трудовых резервов СССР. Так, в указанных заведениях для подготовки специализированных кадров железнодорожного транспорта обучалось достаточное количество выпускников сельских школ, детей колхозников и воспитанников детских домов, где они получали профильное образование и овладевали определенными навыками рабочих специальностей, а последовательная и поэтапная деятельность по внедрению массовой подготовки высококвалифицированных специалистов и повышению квалификации работников железных дорог давала заметные результаты.

Список литературы

1. Македонская В. А., Дубинина С. А. Восстановление экономики в освобожденных районах Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1, ч. 1. С. 1596.
2. Масуфранова Е. А. Роль отраслевого соревнования в увеличении объемов перевозок и повышении производительности труда на Курском железнодорожном узле весной–летом 1945 г. // *Известия Юго-Западного государственного*

университета. Серия: История и право. 2015. № 4 (17). С. 114–121.

3. Смирнов В. И. История развития учебных заведений Министерства путей сообщения. Самара: Самара. пед. ун-т, 1996. 23 с.

4. Ульянова В. С. Подготовка кадров для железных дорог в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: МИИТ, 2000. 29 с.

5. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики). Ф. 1884. Оп. 31. Д. 3024. Л. 19.

6. Справочник партийного работника. Вып. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 839 с.

7. Масуфранова Е. А. Развитие социальной сферы отечественного железнодорожного транспорта в 1945–1965 гг. (по материалам Курской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2017. 310 с.

8. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 81. Л. 43-44; Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

9. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. / ред.: В. Д. Кузьмич, Б. А. Левин, Г. М. Фадеев. М.: Академкнига, 2004. 631 с.

10. Железнодорожный транспорт СССР 1946–1955 гг.: сб. док. М.: Транспорт, 1994. 432 с.

11. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 28. Д. 878. Л. 79–80.

12. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 14271. Л. 169–172.

13. Этапы большого пути. Кн. 4. Курск: Курскинформпечать, 1997. 239 с.

Поступила в редакцию 23.10.18

UDC 94

E. A. Masufranova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: a25021985@yandex.ru)

SPECIFICITY OF TRAINING FOR RAILWAY TRANSPORT OF THE USSR IN THE POSTWAR YEARS

In this article the author considers the restoration process of socially significant objects and educational institutions of railway transport destroyed during the great Patriotic war from 1941 to 1943, military operations and the Nazi

occupation both in the Kursk region and throughout the entire space of the USSR. The main directions and features of the policy of state bodies (the Council of People's Commissars of the USSR and the Main Department of educational institutions of the Ministry of Railways of the USSR) in the field of education and retraining of highly qualified specialists for the railway transport of the USSR, solving fundamental issues of modernization of a phased system of training, contributing to the continuous process of training and advanced training of workers are analyzed. In addition, the paper touches upon the main provisions of the most important documents of the Soviet state on the problem under study.

In addition, the issue of training of highly qualified specialists for railway transport with higher and secondary education, as well as a long-term program for the development of mass training of qualified personnel and industrial and technical training of workers and employees for the Railways of the Soviet Union, which included several levels of higher and secondary special education in educational institutions (in institutes, technical schools and schools of railway transport), and in railway schools of the Ministry of labor reserves of the USSR is raised. The author also studies the functioning of road schools of factory training and railway schools, which were opened in the system of the Ministry of labor reserves of the USSR, leading the training of specialists and personnel of mass professions. The author presents the data of the Russian state archive of Economics for 1946-1950 by the number of trained specialists of mass professions for railway transport of the USSR, including professions related to the movement of trains.

Key words: Great Patriotic war, railway transport, training of specialized personnel, advanced training, school of factory training, railway technical school.

For citation: Masufranova E. A. Specificity of training for railway transport of the USSR in the postwar years. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 274–279 (in Russ.).

***

Reference

1. Makedonskaya V. A., Dubinina S. A. Vosstanovlenie ekonomiki v osvobodzhennykh rajonakh Rossijskoj Federacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1, pt. 1, pp. 1596.
2. Masufranova E. A. Rol' otraslevogo sorevnovaniya v uvelichenii ob'emov perevozok i povyshenii proizvoditel'nosti truda na Kurskom zheleznodorozhnom uzle vesnoj – letom 1945 g. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2015, no. 4 (17), pp. 114–121.
3. Smirnov V. I. Istorija razvitiya uchebnykh zavedenij Ministerstva putej soobshcheniya. Samara, Samara. ped. un-t. Publ., 1996. 23 p.
4. Ul'yanova V. S. Podgotovka kadrov dlya zheleznyh dorog v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). Moscow, MIIT Publ., 2000. 29 p.
5. RGAEH (Ros. gos. arh. Ehkonomiki), f. 1884, op. 31, d. 3024, l. 19.
6. Spravochnik partijnogo rabotnika. Is. 2. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 839 p.
7. Masufranova E. A. Razvitie social'noj sfery otechestvennogo zheleznodorozhnogo transporta v 1945–1965 gg. (po materialam Kurskoj oblasti). Dis. kand. ist. nauk. Tambov, 2017. 310 p.
8. GAKO (Gos. arh. Kursk. obl.), f. R-3605, op. 1, d. 81, l. 43-44; f. R-4847, op. 1, d. 2, l. 15.
9. Istorija zheleznodorozhnogo transporta Sovetskogo Soyuza. Vol. 3: 1945–1991 gg.; ed. by V. D. Kuz'mich, B. A. Levin, G. M. Fadeev. Moscow, Akademkniga Publ., 2004. 631 p.
10. Zheleznodorozhnyj transport SSSR 1946–1955 gg.: sb. dok. Moscow, Transport Publ., 1994. 432 p.
11. RGAEH, f. 1884, op. 28, d. 878, l. 79–80.
12. RGAEH, f. 1884, op. 31, d. 14271, l. 169–172.
13. Ehtapy bol'shogo puti. Vol. 4. Kursk, Kurskinformpechat' Publ., 1997. 239 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

– электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MSWORD шрифтом «TimesNewRoman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полу жирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200–250 слов), отражающая содержание статьи.

Например:

УДК 004.9:519.8

А.Л. Иванов, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск)
(e-mail: ivanov@gmail.com)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

Ключевые слова: агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций ($\sin$, $\cos$, $\tg$ и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MSWord, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристайные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php>.